

В. Н. Виноградов

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
И
БАЛКАНЫ:

ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА
ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

В.Н. Виноградов

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
И
БАЛКАНЫ:

ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА
ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Ответственный редактор
И. С. ДОСТЯН

МОСКВА
«НАУКА» 1985

В работе впервые в советской историографии представлена британская политика на Балканах от Венского конгресса 1815 г. до Крымской войны 1853—1856 гг., показан ее экспансионистский, а не оборонительный от царизма характер, проанализированы русско-английские противоречия, обрисованы пагубные для народов Юго-Восточной Европы результаты политики статус-кво, означавшей попытку увековечить тяготевший над ними османский гнет.

Для историков, научных работников, а также широкого круга читателей.

Рецензенты:

И. В. КОЗЬМЕНКО, Ю. А. ПИСАРЕВ

В $\frac{0506000000-040}{042 (02)-85}$ 36-85-II

© Издательство «Наука», 1985

ВВЕДЕНИЕ

РОЖДЕНИЕ ДОКТРИНЫ СТАТУС-КВО В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В XIX век Балканы вступили в огне восстаний. Глубинные социальные, экономические, национально-образовательные и культурные процессы, вызревавшие до поры до времени подспудно в недрах европейских владений Османской империи, вырвались наружу. За первым сербским восстанием (1804—1813 гг.) последовало второе (1815 г.), затем вспыхнуло восстание в Валахии под руководством Тудора Владимиреску (1821 г.). Тогда же началась приведшая в движение всю Европу греческая национально-освободительная революция (1821—1829 гг.). При всей сложности, при всей неоднозначности и специфичности социальных и политических характеристик этих движений на первый план выступало объединявшее их стремление к освобождению от османского ига. Типологически они представляют единое явление. Кризис разных форм османской военно-феодальной системы, появление ростков капиталистических отношений, опережающее хозяйственное развитие Балкан по сравнению с этнически турецкими районами — все это составляло социально-экономическую основу балканского Возрождения. В культурном плане оно проявилось в подъеме национального самосознания, развитии образования и литературы на родном языке, становлении народного по своим корням искусства; в области политической — в стремлении воссоздать попрачную столетиями назад государственность (или — в Молдавии, Валахии и Черногории — укрепить ее). В высшей степени показательны, что понадобилось всего 17 лет (от начала первого сербского восстания до греческой революции), чтобы привести в состояние волнения весь регион.

Если тогда к открытому мятежу не примкнули болгарские земли, то вовсе не по причинам глубокого социально-экономического и политического свойства, не потому, что туркам удалось изыскать приемлемую для болгар систему управления. Напротив, ввиду расположения Болгарии в самом центре османских владений в Европе, можно сказать, у самого сердца империи, Стамбула, чужеродное господство

проявлялось здесь самым жестоким образом. Болгария поэтому являлась предметом особых карательных забот Блистательной Порты, как тогда именовалось в дипломатической переписке турецкое правительство, и это в колоссальной степени затрудняло организационную подготовку к открытому массовому выступлению. Но с точки зрения социальной зрелости его предпосылок и идеологической подготовленности Болгария находилась примерно на одном уровне со своими соседями, а в 40-е годы началась серия восстаний, достигших своей кульминации в великом апрельском взрыве 1876 г.

Вступление Балкан в этап открытого, массового, вооруженного освободительного движения кардинально изменило и в крайней степени осложнило картину международных отношений в регионе. Если раньше Юго-Восточная Европа являлась ареной столкновения великих держав — России, Австрии, Великобритании, Франции и Османской империи, то теперь каждая из них должна была считаться с новыми могущественными факторами. Балканские народы из объекта международных отношений превратились в их субъект. Русско-турецкая война 1806—1812 гг. разворачивалась еще в основном под старым знаменем противоречий между царизмом и султанской монархией, за спиной которой стояла наполеоновская Франция. Но на ее ход и исход уже оказывало влияние проходившее одновременно первое сербское восстание, имевшее общевосточное значение. А в 1821 г. Восточный кризис начался впервые не со столкновения держав-соперников, а с движения народов, бросивших вызов власти Порты, поставивших на повестку истории вопрос — быть или не быть Османской империи. Греческая революция 20-х годов приобрела поэтому значение общеевропейское.

Перед правительствами держав встала задача — определить свое отношение к перспективе развала султанских владений под действием центробежных сил. Содействовать ли этому процессу или, напротив, противодействовать ему. В открытой или скрытой форме этот вопрос не сходил с повестки дня европейской дипломатии. Первой определила свою позицию Россия. Дело шло о приспособлении к изменившейся обстановке старого, «екатерининского», курса и международно-правовом оформлении соединенных его результатов и освободительных движений.

Отечественная историография во всеоружии громадного багажа накопленного фактического материала подходит к проблеме Россия и Балканы с диалектических позиций. Разоблачая стремление царизма к политической, а време-

нами и территориальной экспансии, она показывает в то же время, что было бы глубочайшим искажением истины ставить знак равенства между своекорыстными замыслами царизма и объективными итогами политики России. «Советские историки... считают, что общенациональной задачей было обеспечение безопасности южных границ русского государства и свободного мореплавания в Черноморском бассейне»¹. Они подчеркивают, что в ситуации, длившейся не десяток-другой, а более ста лет — со второй половины XVIII до 70-х годов XIX в., — не было иной внешней силы, помимо России, которая и в ходе войн, и в итоге дипломатических акций расшатывала систему османского господства на Балканах и тем самым приближала день освобождения подвластного населения. И это, несмотря на непоследовательность, колебания и отступления от этого основного курса, о чем не раз будет сказано на страницах данной книги. Многие зарубежные исследователи-марксисты выражают подобную же точку зрения: независимо «от субъективных целей царской России, — пишет проф. В. Трайков, — войны, которые она вела, являются по своим объективным последствиям освободительными для балканских народов. Эта особенность решительно влияла на развитие балканской политической мысли и способствовала возникновению ряда идеологических течений, которые стремились достичь национальной свободы с помощью России»².

Иная позиция долговременного стратегического плана постепенно вырабатывалась британскими правящими кругами. На начало XIX в. приходится разработка основ, а на посленаполеоновскую эпоху — практическое утверждение устойчивого внешнеполитического курса на сохранение баланса сил в Юго-Восточной Европе, нареченного политикой статус-кво, т. е. сохранения неизменным существовавшего там положения.

Рост влияния России на Ближнем Востоке (именно здесь в первую очередь, а не на Балканах) возбуждал тревогу британского льва, считавшего Переднюю Азию чем-то вроде заповедного поля для своей колониальной охоты. Оберегание коммуникаций с Индией от посягательств, явных или только мнимых, стало предметом первейших забот Форин оффис. Помимо кружной дороги вокруг Африки, мимо мыса Доброй Надежды, длительной и дорогой, все остальные пути по морю и суше для Великобритании пролегли через турецкие владения. Троекратное появление русского флота в Средиземном море, которое считалось чем-то вроде гигантского британского озера (экспедиции А. Г. Орлова —

Г. А. Спиридова — 1769—1774 гг., Ф. Ф. Ушакова — 1798—1800 гг., Д. Н. Сенявина — 1805—1807 гг.), их победоносные военные операции против турок и французов были восприняты в Лондоне как тревожный сигнал. Султанский режим, слабевший на глазах нескольких поколений и явно бессильный посягнуть на владения британской короны и пути к ним, стал представляться как идеальный страж Черноморских проливов. Отсюда — вывод о необходимости продлить его существование и переход к его поддержке.

Идея эта вызревала постепенно. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. не сопровождалась осложнениями с Великобританией. Внимание и силы Сент-Джеймского кабинета поглощали мятежные северо-американские колонии. Россия традиционно была, в глазах английских политиков, бастионом на континенте против векового соперника, Франции. Заинтересованности в связях в Россией способствовали поставки оттуда леса, льна, пеньки, хлеба. Османская империя не служила предметом особых забот. Даже крупные британские историки описывают отношения своей страны с Турцией в несколько легкомысленных тонах. По словам Гарольда Темперлея, «...британский посол спал в своем дворце на берегу Босфора, Великий Турок * не снисходил до отправки представителя на берега Темзы. Англия в целом занимала позицию, благоприятную москвитянам за счет турок, ибо Россия поставляла лес, снабжала флот, являлась ценным дипломатическим союзником»³.

Но стоило России утвердиться на берегах Черного моря, как премьер-министр Вильям Питт-младший поднял тревогу. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. от царизма не только дезертировал союзник — Австрийская монархия, заключившая с Турцией сепаратный мир, но и усилиями Лондона в войну против России оказалась втянутой Швеция; британские политики подговаривали к тому же Берлин и Варшаву. «Расширение России и упадок Турции затрагивают как наши торговые, так и политические интересы», — заявил Питт в марте 1791 г., требуя, чтобы Петербург по мирному договору отказался от крепости Очаков. Он спешно стал снаряжать в поход мощную эскадру в тридцать шесть линейных судов. Нависла угроза войны с Россией, и это в условиях обостренных до крайности отношений с революционной Францией. В парламенте состоялись дебаты, в которых премьер-министр потерпел поражение. Рушить отноше-

---

* Так иногда именовали султана в Великобритании.

ния с Россией из-за Очакова, который редко на какой карте был обозначен и о существовании которого мало кто в Англии подозревал, парламентарии не соглашались. К крутому повороту в политике, предложенному Питтом, они не были готовы. Питт отступил, но не надолго. В 1799 г. он по договору с Османской империей гарантировал неприкосновенность ее владений на восемь лет. Шли сражения в союзе с Турцией против французского экспедиционного корпуса в Египте и Сирии, возглавляемого тогда еще республиканским генералом Наполеоном Бонапартом, и протестов в Лондоне не раздалось. Так на практике стала осуществляться политика статус-кво в отношении Османской империи. Она не была изложена в виде формальной доктрины, однако уже начала свою долгую жизнь.

Правда, зигзаги борьбы против Франции временами вынуждали Лондон прибегать к политической мимикрии относительно его планов в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Тот же В. Питт-младший был поставлен в крайне неловкое положение, когда в 1804 г. в английскую столицу прибыл участник Негласного комитета друзей царя Александра I Н. Н. Новосильцев с целью позондировать возможность будущего военного союза, в котором Лондон, по понятным причинам, был крайне заинтересован, ибо собирался русскими штыками сражаться с Наполеоном. В инструкции, составленной для Новосильцева в слегка либеральном духе Адамом Чарторыйским и подписанной царем, говорилось об установлении в Европе правления, основанного на «священных правах человека», проникнутых «духом мудрости и благожелательности». Император и его тогдашние любимцы не обошли вниманием Османскую империю. В инструкции говорилось об «анархическом характере ее строя и все увеличивающемся недовольстве ее христианских подданных». Осторожно и вполне умозрительно ставился вопрос, «каким образом устроить судьбу ее различных частей», если «существование Оттоманской империи в Европе станет невозможным»⁴.

Даже эти намеки встревожили и расстроили главу британского правительства, ибо он, по свидетельству Ч. Вебстера, «менее всего желал крестового похода, будь то во имя конституционных свобод либо республиканских вольностей», а хотел одолеть Наполеона силами России, Австрии и Пруссии, да притом так, чтобы две последние державы «были в такой же мере против России, как и против Франции, хотя эта цель, естественно, не могла быть раскрыта»⁵. Судьбы турецких владений в Европе Питт в своем ответе обошел совер-

шенно, ибо обсуждение «тернистого вопроса»⁶ неизбежно привело бы к расхождению во взглядах.

Новый русский демарш, более определенный, последовал в 1806 г. На этот раз речь шла о создании на Балканах двух государств, славянского и греческого⁷. Великая держава ставила вопрос о возрождении государственности балканских народов. Чтобы избежать прямолинейного отказа, тогдашний глава Форин оффис Ч. Фокс сослался на опасность захвата Францией Египта. Избежать такой угрозы, по его словам, можно было одним способом — выступив за целостность турецких владений. Тут же британский министр сделал важное разъяснение: если целостность эту обеспечить не удастся, Великобритания обеспечит свои интересы, захватив остров Крит и порт Александрию в Египте⁸. Итак, последовал новый отказ, а ведь Россия была тогда британским союзником и становым хребтом антинаполеоновской коалиции.

После поражения 1807 г. под Фридлиндом и выхода России из антифранцузского союза руки британской дипломатии в Юго-Восточной Европе были развязаны. Именно тогда Джордж Каннинг во время своего первого управления Форин оффисом (с 1807 года) в условиях войны между Великобританией и Турцией (!) сформулировал доктрину неприкосновенности Османской империи⁹. Гласно это не было выражено — нельзя же было объявлять неприятелю, что сохранение его существования является предметом британских забот! Да и сама неприкосновенность мыслилась тогда, как, впрочем, и в дальнейшем, однобоко: Турция должна была служить барьером против России, и поэтому от нее не должны были отслаиваться обращенные к последней державе владения. Но с других сторон Англия, по стратегическим или иным соображениям, могла отщипывать солидные куски (начиная с Ионических островов в 1815 г. и до острова Кипр в 1878 г.). Сам Каннинг предусматривал разные варианты: в его депешах говорилось то о «скалистых берегах Хиоса», то об острове Мелос или другом из Архипелага, то он отдавал предпочтение Криту, как наиболее удобной позиции для «отпора любой комбинации морских сил России либо Франции», направленной будь то против Константинополя, будь то против Египта.

По ходу военных действий британский флот, в дополнение к захваченной в 1800 г. Мальте, в 1807 г. приступил к завоеванию Ионических островов. Запад (скала Гибралтар), Центр и Восток Средиземноморья оказались на прочном английском замке. Затем была перекрыта возможность прохода русской

эскадры через Черноморские проливы. По мирному урегулированию с Портой, достигнутому в 1809 г., у последней удалось «исторгнуть» (выражение британского историка Дж. Клейтона)¹⁰ обязательство закрывать в мирное время Босфор и Дарданеллы для военных кораблей всех держав. Статья XI англо-турецкого договора о мире, торговле и секретном союзе ссылаясь при этом на «древний обычай Оттоманской империи»¹¹, известный, видимо, только Альбиону.

Кардинальной важности обстоятельства международного плана затащили расстановку сил на балканской арене. Наполеоновские войны привлекли внимание европейских политиков к Западной, Центральной, а потом Восточной Европе. Балканские проблемы стали восприниматься как подчиненные, периферийные. Взаимоотношения с Портой в Лондоне, Петербурге и Вене стали рассматриваться в зависимости от задач в борьбе с Францией на главном театре действий.

Осторожный Каннинг не дал гласного обязательства сохранить статус-кво османских владений — в тревожное время войны с Францией это значило взваливать на себя бремя трудно осуществимых обязательств по защите Порты. Этот искусный дипломат умел при нужде скрывать стратегические цели политики.

С 1807 г. Россия, после Тильзита — невольный союзник Бонапарта, и Великобритания официально находились в состоянии войны, но войны странной, без столкновений и единого выстрела. Ни та, ни другая сторона сражаться не желала. Бывший русский посол С. Р. Воронцов в качестве частного лица продолжал жить в Лондоне. Каннинг при всяком удобном случае выражал сожаление по поводу трагического и преходящего недоразумения в отношениях между двумя державами и уверенность, что их национальные интересы восторжествуют и вновь сплотят их в антинаполеоновском союзе. Моряки средиземноморской эскадры адм. Д. Н. Сенявина, запертой в устье р. Тахо (Португалия), были препровождены в Великобританию без тяжелой для них процедуры сдачи в плен. Думается, британский флагман действовал не по собственному наитию, а с ведома правительства, выражая желание произвести передачу русских судов так, «чтобы менее всего были задеты чувства в. пр-ва» (т. е. Сенявина)¹². После долгих проволочек моряки были переправлены на родину; после заключения мира в порты Балтики были возвращены и корабли; те из них, что пришли в негодность, были «приобретены» английским адмиралтейством по ценам новых. Разумеется, акад. Е. В. Тарле прав,

объясняя «внезапное и ненатуральное английское «великодушие» трезвыми и в конечном счете корыстными политическими соображениями»¹³.

Преемник Каннинга на посту министра иностранных дел Р. Каслри смог оценить предусмотрительность своего предшественника: был капун наполеоновского нашествия на Россию; каждый русский полк был нужен для схватки с «великой армией» — а сколько их было отвлечено на юг тянувшейся с 1806 г. войной России с Турцией! В этих условиях британская дипломатия, кровно заинтересованная в усилении отпора Наполеону, способствовала заключению Бухарестского мира 1812 г., по которому Бессарабия, в соответствии с неоднократно выраженным желанием ее населения, вошла в состав России, и, стало быть, статус-кво в Юго-Восточной Европе был нарушен.

Но кончилась эпопея войн с Наполеоном, и тот же Каслри бросил крылатую и циничную фразу: «Сколь бы варварской ни была Турция, она в системе Европы составляет необходимое зло»¹⁴.

В Петербурге отдавали себе отчет в подоплеке позиции Лондона: Англия «не может пренебрегать государством, которое держит в своих руках основные пункты коммуникаций между Европой и Азией»¹⁵, — говорилось в записке МИД, датированной 1815—1816 гг.

Распространено мнение, что Марс и Меркурий не ладят друг с другом. К Британии эпохи наполеоновских войн это не относится: мощная промышленность «мастерской мира» преодолела все трудности, связанные с военными операциями; британский экспорт в бассейн Средиземного моря только в 1805—1811 гг. вырос вчетверо¹⁶. А это имело немаловажное значение в обстановке, в которой очутился Лондон после окончания войны.

Торжество в связи с падением Наполеона продолжалось в Англии недолго. Осложнения и трудности подступали к британскому кабинету со всех сторон. Обнаружилось, что европейские государства не склонны менять наполеоновскую континентальную блокаду на иго торговой зависимости от Великобритании; они стали вводить таможенные тарифы для ограждения интересов молодой национальной буржуазии. Английский рабочий класс, задавленный нуждой и дороговизной, стоял на пороге чартистского движения.

Нам нет нужды приводить здесь многочисленные статистические выкладки. Ограничимся свидетельством историка Дж. Марриотта: «Дикая скачка цен угрожала разорением и промышленности, и сельскому хозяйству... Состоятельные

фермеры, не говоря уже об их батраках, превращались в пауперов на содержании приходов; кредит терпел крушение; банки повсеместно переживали тяжелые времена. Не лучше обстояли дела в промышленности. Экспорт падал; тысячи работников, особенно в угольной и металлургической отраслях, были вышвырнуты с производства. Нужда рождала беспорядки»¹⁷.

Разногласия царили и «наверху». Политическая система Великобритании была отмечена печатью глубокого своеобразия: первой промышленной державой тогдашнего мира управляли крупные землевладельцы-лэндлорды. До поры до времени банкиры Сити, лондонские и ливерпульские коммерсанты, владельцы металлургических и машиностроительных предприятий Мидлэнда, текстильные фабриканты Ланкашира, по горло занятые предпринимательской деятельностью, мирились с подобным положением. Но их терпение подходило к концу. Требование парламентской реформы (что означало переход власти непосредственно в руки крупного индустриального капитала) становилось все громче. Торийское правительство графа Ливерпуля, олицетворявшее политическое влияние лэндлордов и противившееся реформе, в порядке компенсации должно было в максимальной степени удовлетворять экономические интересы промышленников и предпринимало чрезвычайные усилия в поисках и освоении новых рынков. Замечание известного британского историка Ч. Вебстера: «Торговые классы добивались все большего прямого представительства в палате...; их интересы в вопросах колоний и судоходства намного перевешивали соображения европейской политики»¹⁸, — страдает известной одностороностью (ибо европейская политика была подчинена тем же интересам), но, безусловно, дает ключ к пониманию многих действий кабинета. Царский посол Х. А. Ливен отмечал в одном из своих донесений: «После заключения общего мира в Европе порядок вещей, созданный договорами в Вене и Париже, совершенно изменил направление британской коммерции. Торговцы этой нации, лишившись надежды восстановить свое прежнее преобладание на рынках континента, почувствовали необходимость обретения новых...»¹⁹.

Освободительная борьба латиноамериканских владений Испании и Португалии, появление там самостоятельных государств воспринимались влиятельными кругами на Британских островах прежде всего через призму торговых интересов²⁰. Заботами о торговом процветании были тогда проникнуты на островах все. Любопытный штрих: ведущая филэллинская организация, Греческий комитет, высказы-

ваясь в поддержку самостоятельного правительства в Море, писал: «Для Англии с торговой точки зрения, для мира в целом это будет благотельно»²¹. Под обращением значились подписи Дж. Г. Байрона, Д. Рикардо, И. Бентама, лиц мировой известности.

Встречая трудности на пути проникновения в Западную Европу, английские товары хлынули за океан, в Южную Америку, и через Средиземное море в турецкие владения. Рынок Османской империи превращался в один из важнейших. В то же время значение российского рынка отходило на второй план: «Коммерческие возможности, открывавшиеся для иностранцев во фритредовской, не способной к конкуренции Турции, контрастировали с высокими тарифами, препятствиями и торговой конкуренцией в России, и это являлось одной из главных причин, породивших британскую политику сохранения Османской империи», — замечает видный историк-экономист Вернон Шюриер²².

В Лондоне с глубоким удовлетворением взирали на итоги войны в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Но важно было закрепить и увековечить эти результаты. Поэтому проблемы Балкан и судьбы Османской империи всегда занимали важное место в общеевропейских планах и расчетах Сент-Джеймского кабинета, даже когда они открыто не фигурировали в повестке дня европейской дипломатии, как, например, на Венском конгрессе.

Если наполеоновская Франция была врагом № 1 в данный период, то в перспективе таковым должна была стать победоносная Россия, как наиболее могущественная держава континента. С XVI в. европейская политика Альбиона сводилась к поддержанию «баланса сил», иными словами, к натравливанию соперников на сильнейшее государство Европы. А теперь над континентом всходила российская звезда. «Хотя Британия три раза вступала в союз с Россией между 1792 и 1815 гг., возникли сомнения, была ли Россия менее опасна как господствующая на континенте держава»²³, — деликатно пишет Клейтон.

Британский министр именовал систему, когда континентальные державы сторожили друг друга, давая британской индустрии возможность затапливать мир своими товарами, а английскому флоту — рыскать по морям, добывая новые владения короне, «справедливым равновесием». А вот как характеризует видный британский историк Р. Ситон-Уотсон планы, которые вынашивал Каслри, покидая Лондон для ведения мирных переговоров: «...Его основная идея состояла в том, чтобы удерживать Россию как можно дальше от

Европы, воспрепятствовать ее связям с Францией и, в качестве перестраховки, усилить Центральную Европу и сохранить в неприкосновенности Турцию». Британской делегации было предписано во что бы то ни стало удержать завоеванные стратегические позиции по всему миру: о-в Мальту, Капскую колонию, о-ва Тобаго, Бурбон, Всех святых и Гваделупу²⁴.

А вот оценка «равновесия по-британски», данная российским статс-секретарем И. А. Каподистрией (1818 г.): Англия «претендует на абсолютное господство на море и в торговых сношениях обоих полушарий. Она не пренебрегает и европейским континентом. В Германии она действует через Ганновер * и использует свои тесные связи с Австрией и Пруссией; она владеет Португалией, оказывает давление на Францию, принижает Испанию, торгует с мятежниками **, занимает выжидательную позицию по отношению к Соединенным Штатам и дает коварные советы Турции и Персии... Нидерланды обречены на роль вечного британского часового у ворот Франции... Никогда еще ни одна держава не проявляла столь открыто столь далеко идущих честолюбивых устремлений»²⁵.

У британского кабинета был надежный союзник в балканских делах в лице Габсбургского двора. Метаморфоза австрийской политики произошла, можно сказать, синхронно с изменением политики британской. Столетиями шла борьба Габсбургов с Османами. Традиции Священной лиги и собственные захватнические планы побудили Вену принять участие в русско-турецкой войне, разразившейся в 1787 г. В 1790 г. она, отколовшись от союзника, пошла на заключение сепаратного мира с Турцией. Вряд ли это можно объяснить одними военными неудачами, хотя они и выглядели удручающе на фоне побед А. В. Суворова и П. А. Румянцева. Последние воспринимались в австрийской столице не как успех союзника, а как вызов соперника. Подобно лондонскому кабинету, венский стал смотреть на свои отношения с Турцией прежде всего сквозь призму своих отношений с Россией.

С 1792 г. Австрийская империя оказалась втянутой в серию длительных войн с Францией. Балканы отошли на второй план. Здесь же вспыхнуло широкое восстание сербского народа; и, хотя многочисленные соплеменники сер-

* Английские короли до 1837 г. являлись курфюрстами Ганноверскими.

** Т. е. восставшими против испанского ига народами Латинской Америки,

бов, жившие во владениях Габсбургов, пока сохраняли спокойствие, тревога за покорность «верноподданных» стала, наряду с опасениями успехов царизма, одним из факторов, определявших позицию венского двора на юго-востоке Европы. Сохранение здесь статус-кво представлялось наилучшей комбинацией. Отсюда — курс на поддержку османского владычества и противодействие освободительному движению, которого австрийский канцлер К. Меттерних, почти сорок лет (1809—1848 гг.) определявший и внутреннюю и внешнюю политику венского кабинета, придерживался с последовательностью реакционного маньяка. Помощник и верный последователь канцлера Ф. Гентц писал в начале 1814 г. господарю Валахии И. Карадже, явно для передачи в Константинополь: князь Меттерних «будет защищать интересы Порты как самые прямые, самые драгоценные интересы самой Австрии; он никогда не потерпит, чтобы Россия прикоснулась к ним, и как ни сильно его желание поддержать длительный мир в Европе, он не побоится борьбы с этой державой, если ей когда-либо будет злоумышленно внушен подобный замысел»²⁶. Хитрый австриец не случайно пользовался окольными способами информации: не так велики были возможности Габсбургской монархии противостоять России; лично Меттерних неоднократно шел и на сделку, и на компромисс. Но сам принцип неприкосновенности Османской империи, принятый Веной на вооружение, изложен здесь верно.

Антирусское происхождение доктрины статус-кво в Юго-Восточной Европе сомнений не вызывает. Исследователи самых разных направлений сходятся во мнении, что корни этой политики следует искать не в Стамбуле, а в Петербурге. «В первой трети девятнадцатого века постепенно, но неуклонно опасения и подозрения в связи с русскими амбициями охватывали правящую британскую элиту. Большинство политических лидеров, начинавших взирать на Россию с ненавистью и тревогой, не испытывали ничего, кроме подозрения и отвращения к оттоманскому правлению... Однако сохранение его владений считалось необходимым барьером против экспансии России», — пишет консервативно настроенный профессор Иллинойского университета Р. Миллмен²⁷. А исследователь-марксист из Болгарии М. Тодорова приходит к выводу, на наш взгляд справедливому, что «фактор России» стал решающим в определении политики Англии относительно султанской Турции, что она была прежде всего антирусской, а затем уже протурецкой²⁸. Англо-турецкие отношения находились в функциональной зависимости от

состояния англо-русских и русско-османских связей. «Британия стала протурецкой потому, что она была антирусской»²⁹, — формулирует свою точку зрения Дж. Клейтон. Подобная оценка, на наш взгляд, нуждается в одном уточнении: британская политика была не протурецкой, а проосманской, а это — разные, как мы попытаемся показать на страницах данной книги, понятия. Поощряя сохранение пережившей свой век султанской державы, поддерживая исторически бесперспективные великоосманские тенденции — на что уходили силы и средства собственно Турции, Лондон превращал ее в свою легкую добычу. Английская «дружба» воистину довела турок до сумы.

Рождение политики статус-кво совпало с Первым сербским восстанием: расцвет ее пришелся на время взлета освободительного движения на Балканах, когда оно проявлялось в форме открытой вооруженной борьбы, когда происходили восстание Тудора Владимиреску в Валахии (1821), греческая национально-освободительная революция (1821—1829 гг.), интенсивное вызревание предпосылок массового антиосманского движения в Болгарии. Она продолжала осуществляться вплоть до конца 70-х годов, в период, когда Балканы становятся ареной движения за объединение Дунайских княжеств и образование Румынии, укрепления Сербии и Черногории, а затем борьбы за международное признание независимости этих государств, могучих взрывов освободительного движения в Боснии, Герцеговине и Болгарии. И если антирусская направленность составляет альфу политики статус-кво, то антибалканская сущность, противодействие исторически назревшим буржуазно-национальным преобразованиям на полуострове является омегой этого курса. «В чем состоит status quo? Для христианских подданных Порты это означает просто увековечение их угнетения Турцией», — писал Ф. Энгельс³⁰. В другом месте он вместе с К. Марксом указывал: «...Мы должны согласиться с тем, что пребывание турок в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-иллирийский полуостров»³¹. Во имя имперских интересов Британии и сохранения от распада лоскутной Габсбургской державы балканские народы должны были владеть на своих плечах ярмо османского господства.

¹ Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. М., 1975, с. 12.

² Трайков В. Идеологически течения и програми в национално-освободителните движения на Балканите до 1878 година. София, 1978, с. 131.

- ³ *Temperley H.* England and the Near East. The Crimea. L.—N. Y.—Toronto, 1936, p. 43.
- ⁴ Внешняя политика России XIX — начала XX в. (далее ВПР). М., 1961, сер. 1, т. 2, с. 147, 149.
- ⁵ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1815. Britain and the Reconstruction of Europe. L., 1931, p. 53, 56.
- ⁶ *Ibid.*, p. 61.
- ⁷ *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976, с. 242; подробно проблема исследована в книге: *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1907). М., 1962.
- ⁸ *Temperley H.* England..., p. 45.
- ⁹ *Ibid.*, p. 47.
- ¹⁰ *Clayton G. D.* Britain and the Eastern Question. Missolonghi to Gallipoli. L., 1971, p. 34.
- ¹¹ The (Dardanelles) Treaty of Peace, Commerce and Secret Alliance.—*Hurewitz J. C.* Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. N. Y., 1971, v. I, p. 83.
- ¹² *Тарле Е. В.* Три экспедиции русского флота. М., 1956, с. 429.
- ¹³ Там же, с. 440. Е. В. Тарле пишет о злоключениях русских моряков в Англии, о нарушении заключенной Д. Н. Сенявиным с британским адмиралом конвенции. Все это справедливо; но все же факт особого отношения (хотя и объясняемого политическими обстоятельствами) к формальному противнику был налицо.
- ¹⁴ *Seton-Watson R. W.* Britain in Europe 1789—1914. Cambridge, 1937, p. 45.
- ¹⁵ Essai historique et politique sur les rapports entre la Porte Ottomane et les principaux puissances de l'Europe (redigé 1815—1816).—ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 82, л. 187.
- ¹⁶ *Clayton G. D.* Britain..., p. 35.
- ¹⁷ *Marriott J. A. R.* Castlereagh. L., 1936, p. 284.
- ¹⁸ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., L., 1925, p. 21. Вебстеру вторит Ф. Бейли: «Нужда в выходе для возросшей продукции заводов страны всегда была движущей силой политики Форин оффис».—*Bailey F. E.* British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge (USA), 1942, p. 62.
- ¹⁹ *Лусен Х. А.* — Нессельброде К. В. 26.IX (8.X) 1823. АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 6921, л. 99.
- ²⁰ The Speech of the Lords Commissioners to Both Houses of Parliament. L., 1824, p. 4; Communications with France and Spain Relating to the Spanish American Provinces. L., 1824, p. 1—10.
- ²¹ Address of the Greek Committee. Crown and Anchor Tavern. L., 1823, p. 2.
- ²² *Puryear V. J.* International Economics in the Near East. Stanford (USA), 1935, p. 1.
- ²³ *Clayton G. D.* Britain..., p. 33.
- ²⁴ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 195—196.
- ²⁵ Записка И. Каподистрии, 19(31).XI 1818.—ВПР. М., 1976, т. 10, с. 622—623.
- ²⁶ Международные отношения на Балканах 1815—1830. М., 1983, с. 48.
- ²⁷ *Millman R.* Britain and the Eastern Question 1875—1878. Oxford, 1979, p. 1.
- ²⁸ Quatrième Congrès International des Etudes du Sud-Est Européen. Ankara, 1979, p. 105.
- ²⁹ *Clayton G. D.* Britain..., p. 72.
- ³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 31.
- ³¹ Там же, с. 6.

Очерк первый

МАНЕВРЫ ЛОРДА КАСЛРИ НА БАЛКАНАХ

Осуществлять тройную задачу — усмирения Франции, сдерживания собственных союзников и обеспечения британской гегемонии в Европе — должен был лорд Роберт Каслри, которому еще в 1812 г., употребляя английское выражение, были вручены печати министерства иностранных дел.

Выходец из родовитой англо-ирландской семьи, он был типичным тори старой закалки, убежденным в том, что лишь знатность и наследственные земельные угодья открывают в конституционной Британии путь к власти. В историю Ирландии сей уроженец Дублина вошел наравне с Оливером Кромвелем, палачом Дрогеды и Уэйксфорда во время страшного подавления Ирландии в 1649—1650 гг., и Вильямом III Оранским, душителем восстания 1688—1691 гг. Каслри (в качестве статс-секретаря по делам Ирландии) участвовал в подавлении восстания 1798 г. и провел через парламент закон об унии, лишивший родной остров остатков самоуправления. В 1819 г. он уже как лидер палаты общин внес в нее «шесть актов для затыкания рта», ограничивших свободу слова, собраний, печати.

Байрон клеймил министра и в стихах и в прозе:

Он пустит пустословия заразу,
Наговорит вам с короба он три,
Хоть не попят, но слушаются сразу¹.

Не оставлял Байрон без внимания и ораторское косноязычие Каслри: «Впервые со времен норманнов Англия терпела обиды от министра, не умевшего даже говорить по-английски, и парламент подчинялся приказам, отданным на языке Шеридановской м-сс Малапроп»².

В британской историографии Каслри слывет самым европейским из министров его величества; он был чужд островной замкнутости и, что главное, духовно близок континентальным ретроградам.

У нас принято считать творцами посленаполеоновской Европы царя Александра I и австрийского канцлера К. Меттерниха. Английские историки не только добавляют к ним

виконта Роберта Каслри, но и отводят ему в указанной троице первое место. «Летом 1815 г. Британия и Каслри возглавили Европу и выработку условий европейского урегулирования, от которого зависел мир грядущих поколений», — утверждал сэр Уинстон Черчилль³. Каслри самым деятельным образом участвовал в перекройке карты, учиненной Венским конгрессом в 1814—1815 гг. Его подпись стоит под Шомонским трактатом (март 1814 г.), актами конгресса и договором от 20 ноября 1815 г., заложившими основы межгосударственных отношений на развалинах наполеоновской империи.

Великобританию, выражаясь современным языком, можно назвать членом-основателем реакционного союза монархов против народов. Ч. Вебстер не впадает в преувеличение, когда пишет: Англия «была главным фактором в формировании новой Европы»⁴. На смену наполеоновскому могуществу пришло равновесие сил, испокон веков являвшееся целью британской политики на континенте. На его основе должно было расцвести торговое и промышленное преобладание Великобритании, ее морская и колониальная мощь. Именно Каслри предложил в Вене и настоял на том, чтобы поставить достигнутый «порядок» под гарантию союзных держав. Статья VI их договора от 20 ноября 1815 г. гласила: «...Высокие договаривающиеся стороны условились возобновлять в определенные времена, будь то при непосредственном участии государей или чрез уполномоченных к тому министров, совещания для рассуждения о пользах общих и для рассмотрения мер, кои во время каждого из их собраний будут сочтены самыми полезными...»⁵.

Достигнутые в Вене результаты британская историография, хотя и не восхваляет, но и не осуждает. «Мирное урегулирование 1814—1815 гг., что бы ни говорили о его справедливости, установило вполне сносное равновесие сил»⁶, — пишут авторы «Кэмбриджской истории британской внешней политики». Усилия Каслри оцениваются высоко, причем подчеркивается его стремление воспрепятствовать возгоранию новой войны в Европе: его цель — «вернуть вселенной привычку к миру»⁷. Что при этом было вопиющим образом поправлено право народов на самоопределение и им на шею посадили тиранов-самодержцев разного калибра, скромно умалчивается, хотя британскому флоту пришлось установить блокаду норвежских берегов, чтобы сломить нежелание норвежцев войти в состав Шведского государства⁸.

Ч. Вебстер усматривает трудность задачи Каслри в том, что министр должен был «вести иностранную политику, кото-

рая была одновременно новой, запутанной и противоречащей предрассудкам соотечественников», ибо «с изжитием страха перед Францией парламент проявлял активное недовольство осложнениями на континенте; хотя многие его члены еще откликались на призыв к установлению равновесия сил, они ни в коей мере не склонны были брать на себя обязательства по его поддержанию, разве что британские интересы оказывались прямо и с полной очевидностью затронутыми»⁹⁻¹⁰.

На наш взгляд, Вебстер преувеличивал существовавшие расхождения. Парламент не перешел к изоляционизму и не проявлял равнодушия к тому, что творилось на континенте; однако многие его члены требовали от Форин оффис невозможного: Великобритания должна была доминировать в Европе с затратой минимума средств и сил, не отвлекая их от решения заморских дел. Многоопытный Каслри понимал, что это утопично. Его расхождения с близорукими соотечественниками касались не стратегии, а тактики внешней политики. Он сознавал, что достижение «скромной цели» — служить арбитром в Европе, не допуская чрезмерного, с британской точки зрения, возвышения ни одной из держав (подразумевалась прежде всего Россия), нельзя пускаться на самотек; что ради нее стоило активно участвовать в континентальной дипломатической игре, делая ставку на противоречия между недавними победителями Наполеона, и, в случае необходимости, не останавливаться перед применением силы. Сам Каслри в циркуляре британским послам от 1 января 1816 г. писал, что в случае неудачи попыток обеспечить мир дипломатическими средствами следует «объединить державы Европы против того государства, чья извращенная политика или преступные амбиции явятся угрозой спокойствию, в котором все заинтересованы»¹¹ (напомним, что все акции реакционного союза монархов объяснялись и оправдывались заботой о сохранении порядка и тишины в Европе).

В советской историографии сложившиеся после разгрома Наполеона отношения держав обычно именуют системой Священного союза. Строго говоря, это название, ярко и образно характеризующее политический и идеологический климат эпохи, не совсем точно с формальной точки зрения. И нам здесь, чтобы уяснить хитросплетения британской дипломатии, которая, участвуя в важнейших проявлениях политики реакционных монархов, в то же время отмежевывалась от Священного союза и осуждала его принципы, необходимо на этой неточности остановиться.

Отношения между державами-победительницами Наполеона — Россией, Англией, Австрией и Пруссией — строились на основе упомянутых нами договоров, а именно: Шомонского трактата 1814 г. и Союзного акта 1815 г. Великобритания вошла в этот союз и, по мнению ее министров, не было никакой нужды дублировать его религиозно-мистической декларацией, по букве и смыслу которой божественное провидение возлагало заботу о мировом порядке лично на европейских монархов. Это никак не вязалось с традиционной английской формулой «король в парламенте», означающей, что глава Великобритании никаких государственных функций без парламента не осуществляет.

Каслри встретил поэтому образование Священного союза, воздвигнутого стараниями Александра I, с недоумением и опаской. Британский министр считал его цели «похвальными и невинными»¹². Однако и ему и трезвой, рассудочной, насквозь рационалистической палате общин казалось нелепым основывать политику не на эгоистическом расчете, а действовать под сенью небес. По сведениям, полученным Каслри из разных столиц, там тоже были смущены. Даже австрийский император частным образом выражал тревогу — не сочтут ли его помешанным на религиозной почве, если он присоединится к сочиненной царем выспренной декларации. Тем не менее, и он и прусский король ее подписали. За ними потянулись и прочие монархи.

Каслри поджидали неприятности и дома. Принц-регент (король Георг III к тому времени совершенно лишился рассудка) рвался в Священный союз и был оскорблен тем обстоятельством, что собственные «советники» (ибо таково конституционное положение английских министров) его туда не пускали; со времен Якова I Стюарта британские монархи испытывали тоску по самодержавию. В конце концов регенту позволили излить свои чувства в частном письме к Александру I, в котором он полностью одобрил принципы Священного союза. Он сообщил, что, хотя британское государственное устройство не позволяет ему «формально приступить к сему трактату», душою он — вместе со всеми государями: «Я вполне разделяю установленные ими начала и сделанное ими объявление о руководствовании божественными заповедями христианской веры». Принц обещал: «Предметом моих самых ревностных усилий будет всегда соображать мое поведение... с этими священными правилами»¹³. Но официально Англия осталась вне его рамок.

Вскоре Каслри обнаружил, сколь значительные выгоды можно извлечь из создавшегося положения. Александр I,

сделав небеса гарантом статус-кво в Европе, связал себе руки на Балканах и должен был следовать за фактическим главой европейской реакции — австрийским канцлером князем Меттернихом. А Каслри в результате двойной дипломатической бухгалтерии расширил возможности внешнеполитического маневра и обрел свободу критики собственных союзников. Как участник подписанного в ноябре 1815 г. договора он мог присутствовать на конгрессах держав; однако как представитель страны, отмежевавшейся от Священного союза, он снимал с себя ответственность за его меры, возмущавшие прогрессивную общественность, и осуждал вмешательство во внутренние дела других государств, осуществлявшееся британскими союзниками. «Справедливое равновесие» в Европе (употребляя выражение Каслри) Австрия, Франция, Россия и Пруссия поддерживали с мечом в руке. Английские дипломаты не мешали этому, но стояли в стороне и заявляли о своей полной непричастности к акциям Священного союза, глубоко чуждого британским конституционным началам и традициям. Парламент был доволен. Его члены, «несмотря на ненависть к «якобинизму» и «революции», не питали любви к автократам»¹⁴. Ловкий же министр проводил такой курс, при котором ненавистная революция подавлялась руками нелюбимых самодержцев; Британия же, в полном соответствии со своими обычаями, разглагольствовала о священных принципах свободы, благах либерализма и отмежевывалась от континентальных реакционеров.

Однако надежды увековечить в Европе феодальный застой оказались несбыточными. 1820 год принес первую серьезную трещину в системе Священного союза — революцию в Испании, за которой последовали подобные же события в Неаполе и Пьемонте. «Кочующий деспот», по выражению Пушкина, царь Александр I, на целый год покинул пределы отечества, чтобы принять участие в конгрессах в Троппау (Опаве) и Лайбахе (Любляне). Монархи Австрии, Пруссии и России подписали заявление, обязуясь «не допускать перемен совершенных незаконным (т. е. революционным. — В. В.) путем», не останавливаясь перед «побудительными мерами», грозя, «если окажется необходимым, прибегнуть к вооруженной силе»¹⁵. Во исполнение этой жандармской декларации французские войска подавили движение в Испании, австрийские — в Пьемонте и Неаполе. Лишь в последнем случае удалось соблюсти хоть какую-то видимость легитимизма — короля Фердинанда Бурбонского «пригласили» в Лайбах, дабы «вернуть ему свободу действий» (которой его лишили собственные подданные!). «Освобожденный» тиран

немедленно пригласил иноземных карателей и в их обозе вернулся на прародительский трон.

Троппауский протокол лишь в более откровенной форме выражал мысли, которые Каслри высказал в своем циркуляре от 1 января 1816 г.: и тот и другой обосновывали «право» на вмешательство во внутренние дела государств. Однако различия в практическом подходе Лондона и континентальных столиц к подобным акциям были значительными. Британских лэндлордов и капиталистов пугали не буржуазные движения сами по себе, а их влияние на расстановку сил в Европе, угроза появления соперников на рынках, подрыва первенствующего положения английской индустрии. Они все не считали обязательным для себя удерживать силой штыков на престоле каждого ретрограда. Учитывали они и сочувствие, с которым встречались в стране вести об освободительной борьбе на континенте и за океаном. Пресса, особенно либеральная, не жалела выражений, обличая «тиранов Европы», стремившихся установить «всеобщий гражданский и военный деспотизм»¹⁶. Встать открыто на защиту самодержцев в парламенте не решался никто.

Надо было отмежеваться от Священного союза. 5 мая 1820 г. Каслри разослал послам доверительный циркуляр, который тем не менее получил в дипломатических кругах широкую известность. Этот документ считается одним из основополагающих в определении принципов британской внешней политики¹⁷. Преемник Каслри Дж. Каннинг говорил, что циркуляр «закладывает основы принципа невмешательства»; Г. Темперлей и Л. Пенсон в своей известной публикации именуют его «основой британской внешней политики»¹⁸. Циркуляр принадлежит к такого рода материалам, о сущности которых нельзя судить по отдельным вырванным из контекста цитатам и которые необходимо анализировать в совокупности высказанных в них положений.

Поводом, побудившим главу Форин оффис взяться за перо, послужила испанская революция 1820 г. и намерение союзных держав подавить ее, воспользовавшись услугами французской военщины. Дела на Пиренейском полуострове привлекали пристальное внимание Лондона; не для того войска под командованием герцога Веллингтона много лет сражались здесь с наполеоновскими маршалами, чтобы вновь пускать в Испанию французские войска, хотя бы и под знаменем с королевскими лилиями Бурбонов. Каслри в своем меморандуме пространно и аргументированно обосновал важнейший в международных отношениях принцип невмешательства во внутренние дела государств: «Нет сомнения в

том, что (в связи с событиями в Испании. — *В. В.*) возникает опасность, угрожающая в большей или меньшей степени стабильности всех существующих правительств, источником которой являются провозглашенные принципы и то обстоятельство, что многие страны Европы поглощены трудной задачей перестройки управления по конституционному признаку; однако саму идею пересмотра, ограничения или регулирования подобных экспериментов как путем подаваемых из-за рубежа советов, так и применения иностранных сил, не только трудно признать, но и невозможно осуществить»¹⁹.

Это — наиболее часто цитируемые строки послания Каслри. Характерно, что в подкрепление изложенному принципу невмешательства он ссылался не только на высокие понятия свободы, справедливости и права, но и на внутреннее положение Великобритании: в то время, «когда энергия государства должна быть направлена целиком на объединение здравомыслящих людей в защиту существующих институтов, на подавление предательских настроений и недовольства, со всей определенностью проявляющегося и распространяющегося в низших классах», общественность не должна быть ни отвлечена, ни расколота «ненужным вмешательством правительства в события за рубежом, которые оно не может совершенно или, в лучшем случае, лишь в очень слабой степени контролировать»²⁰.

Было бы праздным занятием задаваться вопросом — а не означал ли майский документ 1820 г. отказа от права на вмешательство, провозглашенного тем же Каслри в его гораздо менее известном циркуляре от 1 января 1816 г. Вслед за приведенной выше декларацией следовали широкие изъятия из принципа, в ней провозглашенного: «Нельзя отрицать возможности возникновения в ходе этих (конституционных. — *В. В.*) экспериментов в какой-либо стране прямой угрозы для других государств; и при наступлении подобной угрозы, определено установленной, союзники, действуя с необходимым благоразумием и справедливостью, должны стоять на защите своих интересов...»²¹. Министр счел нужным особо оговорить: «В случае нарушения территориального равновесия в Европе она (Великобритания. — *В. В.*) допускает эффективное вмешательство; но ее правительство — последнее, от которого можно ожидать, что оно свяжет себя обязательствами во имя каких бы то ни было абстрактных принципов»²².

Выходило, что Уайт-холл толковал принципы интервенционизма по потребности. В целом Великобритания всей своей мощью подпирала Венскую систему, лишавшую госу-

дарственности (или закрепившую это лишение) поляков, норвежцев, бельгийцев, значительную часть итальянцев. Ее правящие круги были кровно заинтересованы в сотрудничестве с крайними силами континентальной реакции. Однако расхождения в конкретных вопросах существовали; конституционная Великобритания не считала нужным обрушиваться с мечом на страны, население которых собиралось установить или расширить буржуазный правопорядок; и Каслри вызывал поэтому к европейским венецносцам — держаться «в рамках здравого смысла, и тогда правительства, представительные и чисто монархические, могут сотрудничать в общих интересах и сообща выполнять свои обязанности под сенью союза». Каждое из них, «сохраняя необходимую независимость действий, будет всегда сознавать, что у него есть прибежище в союзе и общий долг, осуществляемый... в случае реальной опасности»²³. Подобная интерпретация позволяла Каслри отмежеваться от действий своих коллег в нужных, с точки зрения Лондона, случаях и в то же время сохранить возможность сотрудничества с ними в дальнейшем.

В связи с событиями в Испании и Италии взгляды, изложенные в майском циркуляре 1820 г., были воплощены в жизнь. Британская дипломатия заняла особую позицию; она отказалась присоединиться к континентальным державам, но в то же время палец о палец не ударила, чтобы помочь поднявшимся на борьбу. Крушением испанской колониальной империи она воспользовалась для того, чтобы создать условия для торговой экспансии в Латинскую Америку. С трибуны палаты общин Каслри заявил: «Эта страна ни в коей мере не участвует в политике», проводимой европейскими монархами. Он осудил «принципы, изложенные ими в Троппау и Лайбахе»²⁴. Все это звучало бы и добродетельно и красиво, если бы не фон в виде пожаров на Апеннинах и Пиренеях и не протесты демократически настроенной части общественности в самой Великобритании, настаивавшей на выходе правительства из состояния пассивного созерцания.

Именно этого торийское руководство не желало. 20 марта 1821 г. с важной внешнеполитической речью выступил Дж. Каннинг. В то время он не входил в правительство; его прочили в вице-короли Индии, и он, за неимением ничего лучшего, был согласен принять этот пост. Не будучи связан официальным положением, Каннинг мог свободнее выражать свои взгляды: «Палате говорят, что наступил великий кризис — принципы монархии и демократии вступили в войну по всей Европе, и Англия следует решить, на чью сторону встать». «Ради прогресса свободы нам следовало бы провозгласить

наши союзы несуществующими и объявить войну державам, которых ныне считают угнетателями вселенной»²⁵.

Каннинг, однако, с этим не согласен. Он призывал «не поддаваться глупым романтическим настроениям, не думать, что мы одни можем возродить Европу». Он открыто шантажировал избирателя трудностями, с которыми связан вызов монархическим державам: «Скажем стране: хотя вы и переобременены сверх всякой меры, предстоят еще великие дела; вы должны готовиться к новым жертвам и новым усилиям. Правда, Англия спасена; но этого мало; надо спасать Европу, и притом за ваш счет»²⁶. Лично себя Каннинг объявлял «сторонником безусловного нейтралитета» в разыгравшихся революционных событиях. Британии, по его мнению, следовало осудить реакционеров и умыть руки. Заключил Каннинг свою речь фразой, ключевой для его мирозерцания: «У нас самих в конституции достаточно демократизма, чтобы смягчить суровость монархии, и достаточно монархизма, чтобы ограничить капризы демократии»²⁷.

Обрисованный Каннингом курс проводили его коллеги в кабинете. Правда, и тут наблюдалась определенная градация. Предложение Людовиком XVIII своих услуг в подавлении восстания Р. Риего в Испании британская дипломатия осудила безоговорочно — на Пиренейском полуострове англо-французские противоречия еще недавно разрешались в боях. Итальянские дела затрагивали Уайт-холл в меньшей степени; его представители ограничились поэтому моральным осуждением²⁸, не прибегая к формальным протестам. Что же касается третьего полуострова Южной Европы, Балканского, то Лондон, по букве и духу доктрины статус-кво, занял крайне охранительную позицию. В принципе программой максимум, с позиций Уайт-холла, явилось бы включение Османской империи в общеевропейскую гарантийную систему. По причинам, от него не зависившим, в Вене сделать этого не удалось: турецкая сторона заломила такую цену за свое вступление в «концерт», потребовав пересмотра условий мирного договора 1812 г. с Россией, передачи ей Сухум-Кале, Анаклии и Кемхала и, более того, значительной части Грузии, что поддерживать ее притязания перед победоносной Россией было не только невозможно, но и непристойно²⁹.

Когда же усилиями Александра I над союзом европейских монархов была воздвигнута христианско-религиозная надстройка, доступ в него для повелителя мусульман был закрыт наглухо.

Осложнений на Балканах в британской столице опасались больше, нежели в какой-либо другой части Европы. Глубо-

кая специфика обстановки здесь состояла в том, что политика России способствовала развитию национально-освободительного движения, которое выступало ее союзником в противоборстве с османской державой. Заинтересованность России в выходе к Черному морю, подрыве могущества Турции, стремление царизма усилить свое влияние в Юго-Восточной Европе приводили к тому, что и дипломатическим путем в мирные годы, и в ходе русско-турецких войн Россия упорно и в общем успешно добивалась расширения прав угнетенных южных славян, греков, молдаван и валахов. Кючук-кайнарджийский (1774), Ясский (1791), Бухарестский (1812) договоры принадлежат не только нашей отечественной истории; это — важные вехи в жизни Румынии, Югославии, Греции.

Сочувствие к движению славянских и неславянских народов Балкан охватило определенные слои населения России; не был чужд ему и «свет». Правда, вполне земные интересы российских помещиков и купцов воспринимались консервативными идеологами как извечная борьба православия и магометанства, которую царь должен был возглавить.

Западноевропейская модель, превосходно устраивавшая Лондон, когда один враг — царизм противоборствовал другому — освободительному движению, угрожавшему балансу сил на континенте, не имела на Балканах шансов на успех. Поэтому юго-восток Европы возбуждал в Форин оффис особые опасения. Премьер-министр граф Ливерпуль еще в молодости, будучи мистером Дженкинсоном, говорил, что если русские планы в отношении Турции осуществляются, «баланс сил в Европе рухнет полностью к явному ущербу всех государств в этой части света»³⁰. Стремление сохранить здесь статус-кво (иными словами — удержать Османскую империю от распада) порождало желание уменьшить русско-турецкие противоречия.

Каслри выступал поэтому в официальной роли миротворца, заинтересованного в полюбовном улаживании споров, настаивая в Стамбуле на уступках, елико возможно незначительных. Он втолковывал туркам: «Военная мощь России значительна...», Англия, Австрия, Франция «слишком истощены войной, чтобы в их намерения входило прийти на помощь». «При нынешнем положении в Европе ...учитывая относительную силу двух государств, сохранение мира для Порты неизмеримо важнее исхода любого или всех вместе пунктов разногласий с Россией»³¹. Он советовал, например, «смягчить дела в Сербии»³², зная, как внимательно и сочувственно следят в России за борьбой сербского народа.

На Западе сильно преувеличивали и воинственность царизма, и его возможности. В те годы «русский экспансионизм, — пишет И. С. Достян, — фактически не проявлялся в политике на Балканах»³³. На Даунингстрит не знали, конечно, обширных инструкций, которыми на Дворцовой набережной снабдили в том же 1816 г. назначенного послом в Стамбул барона Г. Строганова. А носили они крайне умеренный характер: «Россия так же, как и все европейские государства, нуждается в отдыхе»³⁴.

Трезвая оценка внутренних и внешних факторов вела не только к отказу от каких-либо планов территориальных захватов на Юго-Востоке Европы; не думала тогда официальная Россия и о поддержке освободительного движения балканских народов. Попытки греческого патриота И. Каподистрии, занимавшего пост российского статс-секретаря по иностранным делам, внушить царю мысль о несправедливости для населения Балкан и невыгодности для России Бухарестского мира (1812), «исторгнутого мусульманским упорством у нетерпеливых русских уполномоченных», его планы создания самостоятельных государств Молдавии, Валахии и Сербии, связанных с Турцией лишь обязательством поставлять ей продовольствие, были отвергнуты императором: «Все это очень хорошо обдуманно, но для того, чтобы исполнить это, надобно воевать, а этого я не хочу»³⁵.

Хотя из европейской системы пактов Турция была изъята³⁶, тень Священного союза падала на нее. Принципы легитимизма и консерватизма по аналогии распространялись на Нижний Дунай и области, за ним расположенные.

По всем этим причинам предложения Каподистрии были не только отвергнуты, но и сам он, по своему служебному положению, должен был заняться выработкой инструкций для Г. А. Строганова, противоречивших его взглядам. Перед русским дипломатом была поставлена скромная с виду задача — добиться осуществления Бухарестского договора во всех его пунктах: «Мои намерения в отношении Порты миролюбивы, — предписывалось ему от имени царя, — и они останутся таковыми, пока у нее будет желание или возможность по собственной воле поддерживать добрососедские и истинно дружеские отношения с Россией»³⁷.

Итак, правительства двух держав-антагонистов на Балканах, России и Англии, высказались в пользу умеренности не в публичной декларации, не за столом конференции, а в строго секретных предписаниях. Казалось, Порту ожидает много безоблачных лет...

Ничего подобного не случилось. На самом деле стороны

трактовали умеренность по-разному. Россия хотела, в рамках договора 1812 г., добиться максимально благоприятных условий для своей черноморской торговли и балканских народов. Царь выражал решимость «не отступать от совокупности постановлений Бухарестского договора...»³⁸. Британская дипломатия в идеале хотела бы оставить на юго-востоке Европы все по-старому; только под давлением обстоятельств она советовала туркам идти на минимальные уступки — лишь бы избежать военного столкновения с северным соседом. Турецкий диван, который с внешнеполитических счетов сбрасывать не следует, упрямылся, не внимал наставлениям из Лондона и в обмен на уступки в Юго-Восточной Европе требовал компенсаций в Закавказье³⁹.

Порта не подозревала тогда еще, что из субъекта международных отношений постепенно превратится в их объект, в предмет торга и сделок между великими державами. Специалисты отмечают как заблуждение легенду, появившуюся в первой половине XIX века и основанную на европоцентристском мировоззрении о якобы совершенно зависимом от той или иной европейской державы характере османской дипломатии^{39a}. Стремление сохранить свои владения, раскинувшиеся на трех континентах, лежало в основе внешнеполитического курса Стамбула, и рассчитывал он прежде всего на собственные силы. Конечно, панисламизм и пантюркизм как господствующая идеология постепенно подтачивались доходившими с Запада веяниями просветительства, с одной стороны, поражениями в войнах с Россией, с другой. Однако происходило это медленно. Султаны-реформаторы Селим III (1789—1807 гг.) и Махмуд II (1808—1839 гг.), вступившие на путь модернизации социального и государственного строя с ближайшей целью укрепить армию, действовали не только без опоры на сколько-нибудь прочную социальную базу, но и вынуждены были считаться с мусульманским духовенством, оплотом старого жизненного уклада, традиций и представлений, и находившимися под его влиянием социальными слоями. Правда, следовать во всем примеру предков и рассматривать европейский мир как «страну войны», с которым было унизительно вступать в политические, а тем более культурные сношения, было уже невозможно. Практические проблемы, прежде всего забота о вооруженной мощи, заставили воспринимать западную технику и европейское образование. Но глубоко укоренившееся недоверие к Австрии, Франции, Англии, к повадкам и двуличию «неверных» давало себя знать. Россия, несмотря на кратковременный союз (1799—1806 гг.) в период войн с Наполеоном, рассматривалась как

постоянная угроза целостности султанских владений в Европе и Азии. Не случайным было то, что связи Стамбула с внешним миром долгое время были односторонними: миссии держав уже давно обосновались на Босфоре, Порты же не торопилась обзаводиться собственными представительствами в европейских столицах — они появились лишь с 1834 г. Турецкую знать приходилось уговаривать взять на себя (ограниченное трехлетним сроком) бремя униженной жизни среди «неверных»; министерство иностранных дел в современном смысле слова возникло в те же годы (1836 г.), до той поры реис-эфенди ведал внешними делами «по совместительству». Одобренные султаном в 1826 г. принципы внешней политики Османской империи сводились к трем пунктам: «1) изолирование, 2) соблюдение трактатов и 3) категорический отказ всякой охоте чужих держав вмешиваться в ее внутренние дела»⁴⁰.

Без учета всех этих факторов, и прежде всего стремления Порты к самостоятельности и влияния великоосманских традиций и представлений, будут непонятны многие шаги турецкой дипломатии на протяжении исследуемых в этой книге лет, когда она не раз вырывалась из объятий своих западных «покровителей», повергая их в отчаяние кажущейся необдуманностью своих действий, отклоняя, например, настойчивые советы уладить разногласия с Россией мирным путем.

То обстоятельство, что курс на статус-кво в Юго-Восточной Европе, т. е. на сохранение здесь в неприкосновенности османского владычества, стал основой англо-австрийской политики, не сразу дошло до умов в Стамбуле. И поняло это прежде всего поколение, начавшее свою государственную деятельность в 30-е годы, придерживавшееся англо-фильской ориентации, наиболее видным представителем которого являлся Мустафа Решид-паша.

Пока же, на исходе второго десятилетия, советы умеренности, подаваемые из Лондона и Вены⁴¹, отвергались, и стрелка барометра в русско-османских отношениях от «переменно» постепенно склонялась к «буре». Стоит добавить к тому же, что Г. А. Строганов принадлежал к решительно настроенной части русской знати, считавшей войну с Турцией неизбежной, а британские послы в Стамбуле, как на подбор, представляли «яростно протурецкие» (по выражению Ч. Вебстера) круги.

По всем этим причинам десятилетие после Венского конгресса в русско-турецких отношениях, несмотря на явное стремление Петербурга разрешить конфликт полюбовно,

явилось временем балансирования на грани разрыва и войны. Миролюбивые заявления русской дипломатии сопровождались сетованиями на то, что события «не дают никакой обнадеживающей гарантии»⁴². Самое же главное заключалось в том, что Балканы стояли на пороге больших перемен. Два сербских восстания, а затем греческая революция показали, что переход Балкан к капитализму был немислим без свержения османского ига.

Строганов прибыл в Стамбул с целым ворохом инструкций, изложенных, помимо рескрипта, в трех памятных записках. В отношении сербов послу надлежало «добиться для этого народа всех возможных выгод». Далее следовал раздел о нарушении прав Дунайских княжеств, в котором говорилось о необходимости добиваться возвращения им 30 млн. пиастров, «изъятых вопреки договору» османскими властями в виде поборов, о подтверждении их автономных прав, о семилетнем сроке правления господарей, об установлении карантина по Дунаю. Особо рассматривался вопрос об обеспечении интересов русских торговцев в турецких владениях (в частности, о предотвращении нападений на их суда со стороны берберийских пиратов). Заключались инструкции скромно: «Прежние договоры весьма удовлетворительны во всех отношениях. Важно лишь найти способ обеспечить их выполнения»⁴³.

Но сделать это в условиях упорного сопротивления османского правительства и лицемерной позиции европейской дипломатии оказалось невозможным.

Г. А. Строганов считал своих британских коллег последователями Макиавелли в самом худшем варианте⁴⁴. Его мнение разделяли и другие царские дипломаты. «Союзная и дружественная Англия» в доверительной переписке именовалась «самым опасным врагом России»⁴⁵.

Раздражение Строганова можно понять — за пять лет переговоры с турками, за спиной которых стояли английские и австрийские дипломаты, не сдвинулись с места; разумеется, не сварливый прав царского уполномоченного, как склонны утверждать некоторые британские историки, был тому виной. Хотя Александр I еще в 1815 г., будучи в Париже, подчеркивал, что считает «делом чести» разумное сербско-османское урегулирование⁴⁶, все усилия добиться в благоприятном для сербов духе претворения в жизнь записанных в договоре 1812 г. положений об их внутреннем самоуправлении, законодательного оформления автономии терпели неудачу⁴⁷. Столь же бесплодными оказались хлопоты Строганова по улучшению положения Валахии и Молдавии, в

частности, по обузданию из ряда вон выходявшего лихоимства господарей⁴⁸. В конце 1819 г. царское правительство подводило невеселые итоги кунктаторских переговоров в Стамбуле: сдвига по сравнению с 1812—1813 гг. не было, только разве что Дунайские княжества «в какой-то степени пользуются своими привилегиями, а Сербия уже не является театром резни и опустошения».

В таком неутешительном состоянии русско-османских отношений Александра I застала весть о начале греческой революции. 19 марта 1821 г. в Лайбах, где заседал конгресс Священного союза, поступили сведения о вторжении греческой дружины во главе с Александром Ипсиланти в Дунайские княжества; через месяц стало известно о восстании в Морее. К двум очагам «карбонаризма», Испании и Италии, прибавился третий, Греция.

Вести об этом событии Александр I воспринял крайне болезненно: в то время, как он помогал тушить пожар на Пиренеях и Апеннинах, генерал русской службы А. Ипсиланти поднял греков на «мятеж» по соседству с «собственными» владениями! Царь поспешил осудить выступление, «так как было бы недостойно его подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества»⁴⁹. Собранный в Лайбахе цвет европейской реакции рукоплескал самодержцу, отступившему от традиционной русской политики на Балканах. Меттерних торжествовал: «Мы ведем за собой императора Александра...»⁵⁰. Представителя Великобритании в Лайбахе не было. Однако на берегах Темзы испытывали не меньшую тревогу, нежели на Дунае и Неве. Именно греческие дела заставили Сент-Джеймский кабинет, как именовалось тогда английское правительство, отставить в сторону свои расхождения с континентальными монархиями. Британские представители, в течение двух лет игнорировавшие собрания Священного союза, вновь появились на них. Самая развитая промышленная и морская держава бросила свой немалый авторитет на защиту владений самого отсталого государства, Османской империи, в Юго-Восточной Европе.

В Лондоне не обольщались надеждой на то, что царское негодование перевесит традиции и соображения реальной политики, и Россия останется в позиции пассивного созерцателя. Джозеф Планта, постоянный заместитель министра иностранных дел (т. е. глава всего аппарата Форин оффис), писал 8 августа 1821 г.: «За рубежом у нас нет иных интересов, помимо греков, турок и русских и русско-турецкой войны, которой все опасаются»⁵¹.

Опытные британские политики не ошиблись.

Новости с Балкан приходили трагические. Порта зверски подавляла непокорных. Глава Министерства иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде писал о «непрекращающейся страшной резне и о мерах, являющихся посягательством на христианскую религию и на существование греческой нации», о «мученической гибели главных епископов»; «сам символ веры был втоптан в грязь, большая часть церквей разрушена, а тем временем хатти-шерифы султана возвещают о религиозной войне»⁵². Волна сочувствия грекам охватила Россию. За оказание им военной помощи выступали будущие декабристы, нарождавшаяся разночинная интеллигенция, многие литераторы во главе с властителем дум поколения, юным Пушкиным, и даже некоторые сановники из императорского окружения. Последние, исходя из собственных интересов, считали необходимым продолжать политику «покровительства» христианским народам Балкан.

Вернувшись в Россию, царь попал совсем в иной психологический климат. Да и решение старых споров с Турцией не продвигалось ни на шаг, а ввод ее войск в Дунайские княжества, где они расправились с частями Ипсиланти и валашскими повстанцами под водительством Тудора Владимиреску, вызывал в Петербурге глубокую тревогу. Позицию царя в Стамбуле не оценили. Смирение Зимнего дворца Порта истолковала по-своему: «Невинного не отличают от виновного, проскрипционные списки растут, а тем временем реис-эфенди требует от российского посланника в добавление к моральной поддержке выдать беженцев и разоружить жителей княжеств», — докладывал Строганов. Он высказывал опасение, что эдак дело дойдет до полной дискредитации России. Цель обращения к нему османских министров он усматривал в стремлении «убедиться в безучастности России, а затем, используя ее имя, удержать в повиновении отдаленные провинции и не допустить там восстания»⁵³. Его протесты против расправ над греками не производили ни малейшего впечатления.

В середине июня терпение Петербурга лопнуло. Строганову было послано указание в ультимативной форме потребовать вывода османской армии из Молдавии и Валахии, восстановления свободы судоходства через проливы, прекращения преследования православного населения, непричастного к восстанию. Российский МИД льстил себя надеждой, что действует от имени Европы: «дело, отстаиваемое Россией, есть дело общеевропейское»; «Европе не приходилось доньше так скорбеть, видя, как все духовные и светские предводители

христианского народа гибнут от руки палача». Заканчивалась нота грозно: отказ Порты поставит ее «в открыто враждебные отношения ко всему христианскому миру», «узаконит защиту греков, и Россия окажет им покровительство»⁵⁴. Так греческая нить вплеталась в узел балканских и общеевропейских противоречий. Строганов уполномочивался (в случае необходимости) покинуть Стамбул вместе со всем составом миссии. 15(27) июля он объявил о разрыве отношений⁵⁵. Летом в здании главного штаба, что напротив Зимнего дворца, царило оживление — составлялся план кампании против Турции. В воздухе запахло порохом.

Активное, а тем более военное вмешательство Петербурга в греческие дела грозило нарушить зыбкий баланс европейского равновесия; события должны были разыграться в непосредственной близости от важнейших имперских путей в Средиземном море. Греки «бунтовали» в опасном соседстве с занятыми Великобританией Ионическими островами, а русский статс-секретарь, уроженец этих островов, И. Каподистрия и до того времени возмущался британской системой управления, «которая попирает все права и губит зачатки процветания»⁵⁶, и выступал нежелательным ходатаем по делам своих соотечественников, притесняемых лордом-комиссаром сэром Томасом Мэйтлэндом⁵⁷.

Причин для тревоги было более чем достаточно, и в Лондоне не обольщались легким успехом, достигнутым в Лайбахе даже без его участия. Постоянный заместитель министра иностранных дел Дж. Планта писал в августе 1821 г.: «Император твердо обещает мир; но создается впечатление, что он поддерживает Строганова, который столь необуздан, что может вовлечь своего повелителя в войну в любой момент; при всем известном настроении одного из министров (т. е. Каподистрии.— В. В.) и всего народа я с трудом представляю, как в конечном счете император избегнет войны»⁵⁸. Уайт-холл выступил на сцену⁵⁹. Каслри, забыв о своей оппозиции континентальной реакции, стал укреплять контакт с ее бесспорным главой князем Меттернихом.

Британскому послу в Стамбуле лорду П. К. Стрэнгфорду было предписано «побуждать правительство Порты к необходимости укреплять свое влияние над пришедшим в ярость народом»⁶⁰. Стрэнгфорд в поощрении не нуждался. По словам С. П. Соловьева, он «с островитянской бесцеремонностью выражал свое сочувствие к Турции и несочувствие к России»⁶¹. Дипломат этот занял позицию, которую лучше, нежели сэр Ч. Вебстер, не оценишь: это была «почти страстная защита султана». «Греческие подданные Порты, — писал

Стрэнгфорд в Лондон 23 июля 1821 г., — повсеместно поднял восстание против своего суверена. Повстанцы — христиане; но наказанию они подвергаются в первом, а не во втором своем качестве»⁶². Подход к событиям как к мятежу против легитимного монарха соответствовал настроениям в Форин оффис. 17 июля Каслри направил в Петербург депешу, предназначенную для изложения царю: греческое восстание, подобно западноевропейским, «составляет разновидность того . . . мятежа, который систематически проявляет себя по всей Европе и приводит к взрыву там, где по какой-либо причине рука правительства ослабела. Его симптомы наиболее разрушительны в Турции, ибо в этой несчастной стране налицо все те страсти и предрассудки, и в первую очередь религиозная вражда, которые придают общественным потрясениям гнусный и огорчительный оттенок»⁶³. Далее выражалась надежда, «что каждое государство, открыто и перед лицом всего мира провозгласившее свои принципы, сохранит неизменную верность основным обязательствам союза, и нынешняя европейская система, поддерживаемая с терпением и благоразумием, будет еще долго существовать на благо безопасности и спокойствия в Европе»⁶⁴.

Ч. Вебстер именуется обращение Каслри к принципам союза, недавно осуждаемым им с трибуны парламента и в переписке, — дерзким. Мы бы назвали его нахальным. Выборочное использование идей «по потребности» проявилось здесь в полной мере: если Англия заинтересована в сохранении статус-кво в Турции, то на сцену вытаскивались недавно отвергнутые охранительные устои. Царю, воображавшему, что он накинул на континент сети легитимизма, предлагалось опутать ими самого себя.

В Лондоне и английском посольстве в Петербурге превосходно знали, что царя надо отвратить от той части знати, которая была сторонницей активной и действенной политики на Балканах. Каслри принадлежит высказывание, показывающее, что он хорошо представлял себе, как нелегко навязать русским сановникам отказ от традиционного курса на поддержку южных славян и греков. Об этом свидетельствуют строки из его записки Ливену: «Хотя привязанность императора к своим союзникам хорошо известна и нескрываемое желание его величества сохранить мир внушает доверие . . . в России существует могущественная партия, придерживающаяся иной точки зрения, и она пользуется большим весом в государственном совете, широко распространена в церкви и армии»⁶⁵.

Британский министр стремился оказать влияние на царя

не только лично, но и через Меттерниха и, разумеется, встретил у последнего самый благожелательный отклик. Потоки крови на Балканах австрийского канцлера не смущали: «...Там, по ту сторону наших восточных границ, триста или четыреста тысяч человек, повешанных, зарезанных, посаженных на кол, не считаются ни во что»⁶⁶. Два государственных деятеля вступили в оживленную переписку по поводу того, как лучше воздействовать на Петербург. Шли поиски «новой точки опоры»⁶⁷. Оба кабинета, «будучи объединены по существу одной целью», решили в интересах ее достижения прибегнуть к «различным средствам и формам»⁶⁸ давления на царя и его окружение. Суть договоренности Меттерних излагал следующим образом: «Каждая из ведущих держав в столь большой степени политически заинтересована в судьбе Оттоманской империи, которая поставлена под удар нынешними осложнениями, что и наше и ваше правительства не должны смущаться предрассудками, могущими парализовать политические акции Великобритании, или подвергать принципы союза опасности урона, трудно восполнимого и противоречащего общим интересам Европы»⁶⁹. К «предрассудкам» австрийский канцлер оптом относил любые проявления свободомыслия, демократизма, либерализма, все то, что, по раздававшимся в Вестминстере заверениям, отличало «представительную систему» (и чем гордился британец) от деспотизма абсолютных монархов. Каслри внимал, не возражая, и даже поддакивая своему корреспонденту. Так на фоне пожаров в Греции происходило сближение Великобритании и Австрии, восстанавливался союз Лондона и континентальной реакции.

В октябре 1821 г. король Георг IV отправился в Ганновер, свое немецкое владение. Сопровождать его вызвался Каслри. Там же оказался Меттерних. Состоялись беседы, результатами которых оба остались в высокой степени довольны⁷⁰ — средства давления на Петербург были всесторонне рассмотрены. Решено было не возбуждать подозрительности Александра I совершенным единообразием действий, чтобы у него не возникла мысль о сговоре. Надлежало создать у самодержца впечатление, что угроза революции столь велика, а доводы в пользу мира так бесспорны, что два умудренных жизнью государственных мужа пришли к одному выводу. Приверженность британского кабинета миру следовало подчеркнуть отказом Каслри даже от обсуждения возможности русско-турецкой войны (и тем самым держать царя в полном опасностей неведении относительно эвентуальной позиции Великобритании). Русский посол в

Лондоне Х. А. Ливен отмечал «очевидное нежелание британского правительства допустить предположение о возможности возникновения войны и его отказ вступать в предварительные объяснения по этому вопросу...»^{70а}. Австрийцы, напротив, могли вступать в переговоры, обставляя их всевозможными препонами. Зная, что голыми угрозами от Александра уступок не добьешься, Меттерних собирался воздействовать на психику царя: «Император Александр ни за что не согласится выглядеть побежденным», свои действия он должен «представить как жертву . . . во имя интересов Европы»⁷¹.

В новом послании царю и депеше послу Беджготу Каслри заверял самодержца, что в Ганновере его и Меттерниха осеял «подлинный благородный дух союза». Из депеши явствовало, что и царь должен был проникнуться таковой же преданностью и лояльностью и с их помощью преодолеть страсти и предрассудки в России (так Каслри именовал настроения в пользу греческого движения, «родившегося... в системе мятежей, осужденных императором»). Глава Форин оффис клялся, что никакие соображения человеколюбия не отвратят его от принятого курса: «...Я даже не хочу обращать внимания на моральный долг, связанный с туманными идеями гуманизма... и забыть ради этого обязательства по существующим договорам, подвергать опасности основы сложившихся отношений и помогать прогрессирующим в Греции повстанческим действиям, которые, при случае, могут привести к созданию какого-либо правления, но которые наверняка откроют перед любым авантюристом и политическим фанатиком в Европе возможность поставить на карту не только свою судьбу, но и . . . судьбу той системы, ради сохранения которой мы недавно связали себя торжественными обязательствами»⁷². И вывод: греки должны терпеть, «полагаться на время и руку провидения», но не на самую сильную и развитую державу тогдашнего мира — Великобританию. В разговоре с Ливеном глава Форин оффис заметил, что 3 млн. мусульман в Европе «менее опасны для спокойствия Европы, нежели 4 млн. людей, которые, сбросив с себя внезапно иго рабства, расчистят тем самым путь для революционеров всех стран и для торжества дела восстания»⁷³. С подобными же внушениями Каслри обращался и к менее официальным лицам. Российский дипломат Г. О. Штакельберг так передавал свои впечатления от беседы с лордом: «...Мы должны приносить всяческие жертвы и пользоваться на Фазисе и Босфоре лишь болеутоляющими порошками, в то время как господа англичане на Инде всюю орудуют скальпелем»⁷⁴.

Каслри знал, как болезненно будут восприняты в Петербурге его советы. Он твердил поэтому о жертвах, которые Англия возлагает на алтарь союза, говорил, что турецкое правительство, мешая русской торговле, лишает британских коммерсантов выгодного контрагента. Не упускал он возможности воздействовать на монархические чувства царя. 14 декабря 1821 г. он направил Беджготу (для передачи Александру) описание несчастий, обрушившихся на мир: Южная Америка, Испания, Португалия — в вихре революций; Франция балансирует между одинаково опасными политическими фракциями; в Италии только оккупация спасла положение. Каслри внушал самодержцу: «...Император должен видеть, что истоки этой революционной струи находятся в Греции, а течение захлестывает его собственные южные провинции...»⁷⁵. Посол счел демарш своего министра откровенной и не слишком тонкой попыткой оказать давление на царя, которая могла произвести впечатление, противоположное желаемому. Он не повез депешу Каслри в Царское Село.

Суть дела от того, что данный документ не был положен на императорский письменный стол, не менялась. Александр I — реакционер по взглядам, мистик по настроениям, лицемер и актер; союзники, несомненно, учитывали «многогранность» его натуры в своей сложной дипломатической игре и стремились навязать свои мысли в наиболее приемлемой для русского монарха форме.

Без учета разных факторов необъяснимым останется крутой поворот Александра I летом 1821 г. В середине июня (н. ст.) царь санкционирует ультиматум Порте, затем идет на разрыв с нею отношений. Казалось, «линия Каподистрии» на поддержку греческих повстанцев торжествует: «Сегодняшняя почта не оставляет Вам желать лучшего», — пишет он Г. А. Строганову⁷⁶. 9(21) августа Каподистрия подает императору подробную записку с планом единоличных действий⁷⁷. Но к тому времени настроения царя (а вместе с ними и политический курс) уже начинают меняться.

Советские исследователи (А. В. Фадеев, И. С. Достян, Г. Л. Арш) указывали на борьбу мнений в правящих кругах России как на одну из причин колебаний Александра. Писали они и о внешних обстоятельствах, влиявших на царя. Послав Строганову решительно составленные инструкции, император немедленно обратился к союзникам за содействием. 22 июня (4 июля) были направлены депешы в Лондон, Вену, Берлин и Париж с просьбой поддержать в Стамбуле русские требования. В случае же провала переговоров Петер-

бург испрашивал «у Европы» мандат на войну с Портой ради осуществления плана, заранее с нею согласованного ⁷⁸.

Во всех столицах царя ожидал холодный, а в Лондоне даже ледяной душ. Посланник в Вене Ю. А. Головкин выражал (в октябре) свое мнение: «...Несмотря на все объяснения, переговоры и переписку, мы больше не продвинулись после мая ни на шаг и вполне вероятно, не добьемся прогресса и к маю будущего года» ⁷⁹. Еще более безнадежная информация поступала из Англии: Каслри дал «понять, что британский кабинет хотел бы видеть Оттоманскую Порту одержавшей верх», и таким «простейшим способом устранить осложнения, возникшие на Востоке» ⁸⁰. Вместо предъявления султану требований посланники Англии, Австрии, Франции и Пруссии в Стамбуле направили в сентябре грекам послание, поучая их: «Всякое восстание против законного монарха равно порицается как высокой моралью святого евангелия, так и принципами чистой политики» ⁸¹. Натолкнувшись на такой отпор, Александр отступил. Крупнейший знаток дипломатии Каслри Ч. Вебстер пишет и, как нам представляется, не без оснований: царь совершил поворот не под влиянием идеализма, «он не имел союзников; Англия и Австрия сплотились против него» ⁸². Им удалось повести за собой Париж и Берлин.

Почти открытая угроза противодействия держав, трудное финансовое положение России, неготовность армии к новой тяжелой кампании, не зажившие еще после Отечественной войны раны, расхождения во мнениях в правящих кругах — все эти реальные факторы воздействовали на царя. В ином плане, но оказывали на него влияние доносившиеся из Лондона и Вены призывы не рупить плотину монархической солидарности. Состояние дел в Европе навевало Александру черные мысли; везде поднимала голову революция, и плели интриги ненавистные «либералисты». «Крамола» проникла в Россию. В 1820 г. в Петербурге восстал Семеновский полк, что в крайней степени испугало и встревожило самодержца. Множились крестьянские выступления. «И в России под государственное здание подведена пороховая мина карбонизма», — писал Александр Аракчееву ⁸³. Он же объяснял знаменитому поэту Шатобриану: «Ничто так не отвечало интересам моим, моих народов, общественному мнению, как война во имя веры против Турции; но я усмотрел в беспорядках в Пелопоннесе знамение революции» ⁸⁴. Удаляться в балканский угол, в то время как силы порядка нуждались в его охранительной длани, казалось неразумным. Расчеты Меттерниха подтвердились.

Легитимными началами мотивировал Александр перемену своих взглядов в августовской (1821) беседе с Каподистрией, означавшей крушение надежд последнего: «Если мы ответим туркам войной, парижский главный комитет восторжествует⁸⁵, и ни одно правительство не останется на ногах, — сказал тогда император. — Я не намерен давать простор врагам порядка. Во что бы то ни стало надо найти средства устранить войну с Турцией»⁸⁶. Каподистрия в ответ попытался представить свои взгляды в благоприятном для царя свете: «...Если предать восточных христиан на жертву истребительному исступлению мусульман, не будет ли это скорее содействием, чем препятствием преступным замыслам сподручников революции?... Не иначе как силой оружия можно, пока еще есть время, успокоить Восток без нарушения общего союза»⁸⁷. Царь не поддался на софизмы министра. Очередная записка Каподистрии осталась в черновике; вручать ее царю не имело смысла⁸⁸. Политические планы его рухнули.

Встает вопрос об отношении британской общественности к греческому восстанию и к позиции, занятой правительством.

Джордж Байрон был самым знаменитым, но не единственным сыном Альбиона, отдавшим жизнь за свободу далекой балканской страны⁸⁹. Лебединой песней Перси Биши Шелли явилась драма «Эллада». Сочувствие на Британских островах борющейся Греции проявлялось вполне отчетливо и затронуло парламент. В апреле 1822 г. под сводами Вестминстера прозвучали голоса, осуждавшие поддержку английскими властями турецкого правительства⁹⁰. 15 июля Дж. Макинтош обратил внимание членов палаты общин на петицию из Лиса (приход Эштон под Лайном) о страданиях греческих христиан. «Чувства, выраженные в петиции, разделяют все обитатели Великобритании», — подчеркнул он, выразив мнение, что «лишь одновременное и немедленное усилие со стороны всех держав Европы может действительно помочь этим несчастным...». Надо обеспечить грекам «территориальную безопасность; когда имеешь дело с разъяренным и варварским правительством, действующим с мечом в руке, напрасно надеяться на манускрипты, слова и обещания»⁹¹.

Хатчинсон резче и прямее осудил попустительство британского правительства. Он поддержал усилия министров «предотвратить войну между Россией и Турцией»; однако, «если эти усилия имеют целью позволить туркам творить опустошения, на которые их толкает дикая свирепость», то поведение кабинета является «низким, унижительным и бесчеловечным». «Все, что он предпринимал, делалось исклю-

чительно во имя того, чтобы создать для Турции лучшие условия истребления ее греческих подданных; линия поведения правительства навлечет на него презрение и проклятие потомков»⁹². А. Гамильтон оценил позицию правительства как пристрастную и способствующую угнетению. Уилборс самым нелестным образом отозвался о позиции других государств: «Позор всем державам Европы за то, что они в течение длительного времени не предпринимают никаких шагов для того, чтобы изгнать в Азию нацию варваров, старых и убежденных врагов христианства и свободы»⁹³.

В палате лордов с критикой выступил граф Гровенор. Он сказал, что не намерен вдаваться в причины греческого конфликта — возник ли он самопроизвольно, либо в результате «интриг и вероломства России». Однако резня на острове Хиос была учинена после того, как выяснилось, что Россия не вступает в войну. Министры его величества, вопреки их заявлениям, покровительствуют османской державе; доказательство тому — турецкий фрегат, который на глазах у всех вооружают на Темзе. Говорят, что все это делается из страха перед русским колоссом. Однако, «если все нации объединят усилия для создания независимой Греции, она превратится в барьер, о который разобьется гигантская сила России»⁹⁴.

Таковы немногочисленные голоса в поддержку греков, прозвучавшие в парламенте в 1822 г. Правительство легко парировало их. Каслри выразил надежду, что «ни власти, ни страна не будут настолько безумными, чтобы взяться за оружие ради установления более эффективного и беспристрастного отправления правосудия в турецких владениях»⁹⁵. Он заверил, однако, палату общин, что «будут приложены все усилия, чтобы предотвратить, либо, по крайней мере, смягчить ужасы войны».

Премьер-министр граф Ливерпуль, выступая перед лордами, использовал другой, и очень действенный в глазах палаты аргумент: да, речь идет о жестокости Порты, но ведь проявляется она по отношению к своим жителям. «Какое право имеет наша страна вмешиваться в обращение другого правительства с собственными гражданами? Что сказали бы ваши милости, если бы французский или испанский послы вмешались в отношения британского правительства и подданных?» Как раз в это время «их милости» обсуждали свирепые меры для подавления освободительного движения в Ирландии и, следовательно, были крайне заинтересованы в неукоснительном соблюдении принципа невмешательства во внутрисударственные дела.

Постепенно формировалась и внепарламентская оппозиция. Возникали филэллинские общества ⁹⁶, но не сразу, и не в очень большом числе. Лишь в начале 1823 г. в Великобританию прибыл неофициальный посланец греческого правительства Луриотис. В марте на собрании в лондонской таверне «Корона и якорь» конституировался «Греческий комитет», в который вошли представители либеральной знати (видные сторонники правительства филэллинское движение игнорировали) герцоги Глостер, Бедфорд, лорды Дж. Рассел, Фитцвильям, Гамильтон и некоторые из самых прославленных британцев — Джордж Гордон Байрон ⁹⁷, Дэвид Рикардо, Иеремия Бентам. Преувеличивать его влияние не стоит. Вот что говорилось в адресе комитета (май 1823 г.): «В Англии величественное зрелище нации, пробуждающейся к свету и свободе, может встречать лишь симпатию и восхищение; тысячи доказательств свидетельствуют о наличии этих чувств; вызывает, однако, и удивление и сожаление то обстоятельство, что до сих пор они принесли столь мало активных и благодетельных результатов» ⁹⁸.

Правительство играло на обострении англо-русских отношений и крайне преувеличенных в Англии представлений насчет экспансионистского потенциала царизма. Австрийский посол в Лондоне Эстерхази писал о греческой проблеме: «Публика здесь, конечно, рассматривает ее в плане либерализма, но не желает, чтобы свобода Греции была достигнута за счет русского преобладания в Средиземном море» ⁹⁹.

Существовало и другое мнение. Лорды Эрскин (виг) и Абердин (тори) адресовали кабинету записки, в которых советовали поддержать Грецию, укрепить там британские позиции и превратить ее в оплот против русского влияния ¹⁰⁰ (т. е. пускали в ход те же аргументы, что и граф Гровенор).

Широкого отклика подобные взгляды в то время не получали. Самая авторитетная из тогдашних газет, «Таймс», утверждала: «Ни одно правительство Европы, кроме русского, не заинтересовано в поднятии движения среди народов Оттоманской империи» ¹⁰¹. Активность филэллинов не доставляла Каслри много хлопот, и он мог продолжать свои маневры.

Колебания и непоследовательность царского правительства подорвали его собственные позиции на Балканах и ограничили возможности маневра. Стамбульский фланг русской дипломатии, после отъезда Строганова, оказался оголенным. Царизм очутился в созданной им же крайне неудобной ситуации: «ни мира, ни войны». В Греции кровь лилась рекой. Османские войска не уходили из Дунайских княжеств,

куда вступили для подавления отрядов Ипсиланти и валахских повстанцев Тудора Владимиреску. Суда под русским флагом задерживались турецкими властями, интересы черноморской торговли жестоко страдали ¹⁰².

Главенствующее положение в дипломатическом мире Константинополя без сопротивления и соперничества занял лорд П. К. Стрэнгфорд. Более того, этот представитель страны, именовавшейся в русской дипломатической переписке «самым опасным врагом России», и «протурок» по личным настроениям, оказался по иронии судьбы в роли сперва фактического ходатая по русским делам, а затем, после Веронского конгресса (октябрь 1822 г.), был уполномочен Александром I на ведение переговоров с диваном.

Каподистрия в своих все более редких беседах с царем доказывал бесперспективность пассивной позиции: «Отлагая действия, мы окончательно разоряли и уничтожали княжества»; «скоро греки будут поставлены вне сферы русского влияния», которое будет заменено воздействием других держав; «великие интересы России на Востоке подвергнутся явной опасности»; «придется ограждать себя не только от невежества и слепой грубости турков, но и от торгового себялюбия Англии, от беспокойной подозрительности Австрии» ¹⁰³⁻¹⁰⁴. Только оружие России может в настоящий момент вернуть турок к политике соблюдения договоров» ¹⁰⁵. С горечью писал патриотически настроенный грек Х. А. Ливену: «...Ясно, что все то, что мы говорили на протяжении года относительно важных интересов на Востоке, рассматривается ныне императорским министерством как утратившее силу и что новая эра начинается под знаком новой политики. Я не могу быть причастным ни к той, ни к другой; император с этим согласен» ¹⁰⁶.

Избавиться от ставшего в тягость министра Александру было гораздо легче, нежели заставить союзников считаться с пожеланиями российских правящих кругов. Каподистрия был отставлен от греческих дел, в мае 1822 г. получил бессрочный отпуск и позднее отправился в Швейцарию. Сочиненная им нота Меттерниху с резким осуждением позиции Австрии завершила «обмен любезностями» между двумя старыми оппонентами.

Австрийскому канцлеру пришлось иметь дело с гораздо более покладистым Д. П. Татищевым ¹⁰⁷, отправленным в Вену для улаживания разногласий по греческому вопросу. И в австрийской столице и в Лондоне понимали, что для предотвращения нежелательного русско-турецкого столкновения необходим минимум уступок со стороны Порты. Наста-

ивая на возобновлении отношений между двумя странами, Меттерних и его британские коллеги ставили это в зависимость от вывода турецких войск из Дунайских княжеств и восстановления свободы навигации в Проливах¹⁰⁸. Греческий вопрос австрийский канцлер «мастерски свел» (по словам Ч. Вебстера)¹⁰⁹ к пунктам, не затрагивавшим владетельные права султана и не мешавшим ему подавлять восстание (восстановление разрушенных церквей, проведение различия между «невиновными и виноватыми греками», покровительство православной религии со стороны царя). Союзники вроде бы шли навстречу царскому правительству, но с одной существенной оговоркой: Петербург рассматривал все это как прелиминарии к русско-турецким переговорам, в ходе которых должны были быть решены греческие и сербские дела; Вена и Лондон полагали, что все, лежащее «за пределами» пунктов, может быть темой дружеских бесед, но отнюдь не предпосылкой восстановления русско-турецких отношений. Российский посол приглашался в Стамбул даже не на условиях статус-кво до разрыва, а значительно худших. Всего этого Татищев не разглядел, уверяя, будто Венский кабинет «действует ныне в духе справедливости», «ни в чем не ущемляя особых интересов России»¹¹⁰.

В октябре 1822 г. европейская реакция съехалась на свой шабаш в Верону. Конгресс уполномочил Францию на интервенцию против испанской революции, продлил австрийскую оккупацию Неаполя и Пьемонта, осудил греческих революционеров. По ходу дела царь согласился на более чем скромные «прелиминарии» для восстановления отношений с Портой («умиротворение» в Греции при участии и под гарантией пяти держав, немедленное и полное очищение Дунайских княжеств от турецких войск, восстановление их автономии и свободы прохода торговых судов через проливы)¹¹¹.

К вящему удовлетворению Меттерниха царь обменялся с ним клятвами верности принципам Священного союза. Вполне верноподданный историк Н. К. Шильдер оценивал итоги Вероны так: «Россия отшатнулась от греческого дела. Англия не замедлила воспользоваться этим и поспешила занять ее место»¹¹².

Каслри уже не было в живых. А 29 июля он сообщал Меттерниху, что, если не случится ничего непредвиденного, он в середине августа прибудет в Вену. Непредвиденное случилось. Британский министр страдал серьезным психическим расстройством: его мучили приступы мании преследования. Опасаясь самоубийства, домашние отобрали у него пистолеты и бритвы. 12 августа 1822 г., оставшись без присмотра в

своем загородном доме, Каслри зарезался перочинным ножом. Его последним дипломатическим документом была инструкция на Веронский конгресс, куда он собирался прибыть; стало быть, инструкция была составлена Каслри для самого себя.

В первые сорок лет после смерти Каслри его деятельности была посвящена одна статья. Позднее против «несправедливого забвения» восстал Ч. К. Вебстер: «Достижения Каслри ... не были поняты из-за партийных предрассудков и отсутствия научных изысканий»¹¹³. Ныне о Каслри пишут много и охотно и в Великобритании и в США. И это понятно. Накопленный десятилетиями материал показал, что этот соратник континентальной реакции неплохо балансировал в неустойчивой европейской обстановке, обеспечивая условия для завоевания рынков и исполняя тем самым самые насущные потребности индустриальной и торговой буржуазии. Когда публицистическая накипь в виде осуждения европейских тиранов-монархов и восхваления либеральных принципов (все то, что Каннинг именовал данью романтическим настроениям) была счищена с речей и писаний парламентских и внепарламентских краснобаев, обнаружилось, что Каслри вполне исправно служил капиталу. Его игра в «равновесие сил в Европе», маневры с принципом «вмешательство — невмешательство» создали достаточный простор для завоевания заморских рынков и колониальной экспансии. Он проложил тот курс на сохранение статус-кво на Балканах, который в течение более полувека являлся основой британской политики в этом регионе, независимо от того, находились ли у власти тори или виги. Составленная Каслри для самого себя инструкция на Веронский конгресс, ставшая его политическим завещанием, свидетельствует об известной гибкости и в балканских проблемах. Она заключала следующий абзац: «Прогресс греков в направлении создания правительства может заставить нас — если действительно будет учреждено правительство де-факто в Морее и западных провинциях Турции — признать греков воюющей стороной; это надо осуществить осторожно, без афиширования, что сделало бы турок полностью недоступными для наших увещаний»¹¹⁴.

В широкой исторической литературе, в том числе советской, всю заслугу признания греков приписывают обычно Дж. Каннингу, вновь занявшему пост министра иностранных дел. Оказывается, соавтором этой политики выступал его предшественник — недаром Каннинг подписал сочиненные им инструкции, не вычеркнув и не вставив ни слова (хотя лично министры находились в неприязненных отношениях,

а в молодости даже сразились на дуэли). Каслри проложил мостик к той политике на Балканах, которую можно именовать гибким статус-кво с возможными, под давлением обстоятельств, отступлениями, которая связывается с именем Дж. Каннинга.

- ¹ Байрон Дж. Избр. произ. («Дон Жуан», песнь IX, XLIX). М., 1935.
- ² Там же, предисловие к песням VI, VII и VIII, с. 305.
- ³ Churchill W. S. A History of English Speaking Peoples. The Great Democracies. L., 1958, v. 4, p. 5.
- ⁴ Webster Ch. K. The Foreign Policy of Castlereagh. L., 1925, p. 50.
- ⁵ Внешняя политика России XIX — начала XX в. (далее ВПР). М., 1972, сер. 1, т. 8, № 273, с. 614. Русский проект не содержал столь определенного указания о рассмотрении мер (см. там же, с. 694, примеч. 271). Английский контрпроект см. там же, с. 700, примеч. 292.
- ⁶ The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923, v. 2, p. 1.
- ⁷ Ibid., p. 7.
- ⁸ Webster Ch. K. The Congress of Vienna. L., 1920, p. 51.
- ⁹⁻¹⁰ Webster Ch. K. The Foreign Policy..., p. 32, 21.
- ¹¹ The Cambridge History..., v. 2, p. 8.
- ¹² Ibid., p. 10.
- ¹³ Письмо принца-регента Георга к Александру I от 6.X1815. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Мартенс (далее: СТР). СПб., 1895, т. XI, № 425, с. 249.
- ¹⁴ Webster Ch. K. The Foreign Policy..., p. 21.
- ¹⁵ Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1898, т. 4, с. 189—190.
- ¹⁶ The Courier, 20.I 1823.
- ¹⁷ Впервые циркуляр был полностью опубликован: Lord Castlereagh's Confidential State Paper of May 5 1820.— The Cambridge History of British Foreign Policy. Appendix A., v. 2, p. 622—632.
- ¹⁸ Temperley H., Penson L. Foundations of British Foreign Policy. Cambridge, 1938, d. 6, p. 48.
- ¹⁹ The Cambridge History..., v. 2, p. 626.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Ibid., p. 628—629.
- ²² Ibid., p. 626, 631.
- ²³ Ibid., p. 629.
- ²⁴ Parliamentary Debates (далее — PD), 2 Series, v. 4, p. 1360. House of Commons (далее HC), 20.III 1821.
- ²⁵ Ibid., v. 9, p. 1372, 1369.
- ²⁶ Ibid., p. 1369.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ Дж. Марриотт именуется сделанные по сему поводу декларации Каслри утешением для либералов.— Marriott J. A. R. The Eastern Question. Oxford, 1940, p. 195.
- ²⁹ Международные отношения на Балканах 1815—1830 гг. М., 1983, с. 58. Webster Ch. K. The Vienna Congress. L., 1920, p. 84.
- ³⁰ Seton-Watson R. W. Britain in Europe. Cambridge, 1937, p. 29.
- ³¹ Webster Ch. K. The Foreign Policy..., p. 350.

- ³² Р. Каслри — Бартоло Фреру 29.I 1816. — *The Cambridge History...*, v. 2, p. 11.
- ³³ *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972.
- ³⁴ Там же, с. 142.
- ³⁵ Записка гр. Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности. — Сб. Рус. ист. об-ва (далее — РИО). СПб., 1868, т. 3, с. 172, 210, 212.
- ³⁶ Советские исследователи, например И. С. Достян, Н. С. Киняпина, обращают внимание на то, что одной из целей создания Священного союза была международная изоляция Турции. В плане внешнеполитической стратегии царизма это, несомненно, так. Однако конкретно никаких замыслов немедленной активизации политики в отношении Османской империи не вынашивалось.
- ³⁷ Рескрипт Александра I Г. А. Строганову 30.VI (12.VII) 1816. ВПР. М., 1976, сер. 2, т. I (9), с. 211.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Детальный и компетентный анализ русско-турецких переговоров см.: *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Документальный материал — в 9—12 томах издания: ВПР. М., 1976, 1979, 1980.
- ^{39a} *Дулина Н. А.* Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980, с. 4.
- ⁴⁰ Там же, с. 51.
- ⁴¹ Хорошо осведомленный публицист, доверенное лицо канцлера Меттерниха Ф. Генц писал в 1816 г.: «Турецкая империя... готовит себе гибель неизбежную, не спеша окончанием своих споров с Россиею». — *Соловьев С. (М.)*. Император Александр I. Политика — дипломатия. Спб., 1877, с. 489.
- ⁴² ВПР, сер. 2, т. I(9), с. 211.
- ⁴³ Там же, с. 700—701.
- ⁴⁴ ЦГАДА, ф. 15, д. 326, ч. 1, л. 16. Г. А. Строганов — И. А. Каподистрии 4(16). VIII 1820.
- ⁴⁵ СТК... СПб., 1885, т. VII, с. 411. (Из письма посланника в Берлине Алопеуса от 4(16). X 1821.)
- ⁴⁶ *The Cambridge History...*, v. 2, p. 11.
- ⁴⁷ Большой материал, связанный с упорным стремлением российской дипломатии добиться для Сербии автономии, содержится в 10—12 томах документального издания «Внешняя политика России XIX — начала XX в.» (М., 1976, 1979, 1980). Резюме этих переговоров содержится в записках (ВПР, т. 11, с. 211—213, 285—289). Мешало достижению успеха и тщеславие сербского вождя Милоша Обреновича. Строганов писал ему: «Порта видит сильное желание Ваше получить наследственный сан княжеский; она решилась воспользоваться сим благоприятным для нее обстоятельством, дабы, лаская видам Вашим, посредством Вас совершенно поработить Сербию и лишить всех способов к улучшению жребия угнетенных» (ВПР, т. II, с. 192).
- ⁴⁸ По подсчетам русского консульства в Бухаресте, валахский господарь И. Караджа собрал за шесть лет (1812—1818) 34 млн. пиастров незаконных поборов. *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос, с. 153.
- ⁴⁹ Так говорилось в письме, которое Каподистрия в качестве статс-секретаря по иностранным делам отправил Ипсиланти 14(26) марта. — *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970, с. 309.
- ⁵⁰ *Арш Г. Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822. М., 1976, с. 221.
- ⁵¹ *Webster Ch. K.* *The Foreign Policy...*, p. 583.
- ⁵² ВПР. М., 1980, т. 12, с. 189—190.

- ⁴³ ВПР, т. 12, с. 117. Г. А. Строганов — И. А. Каподистрии, 10(22). IV 1822.
- ⁵⁴ ВПР, т. 12, с. 208, 210. Нота Г. А. Строганова 6(18). VII 1821.
- ⁵⁵ Там же, с. 224—227.
- ⁵⁶ ВПР. М., 1979, т. II, с. 144—145.
- ⁵⁷ См. переписку Каподистрии по поводу положения его родины, Ионических островов. ЦГАДА, ф. 15, д. 336, 337. Все его усилия не увенчались успехом. Британские министры объяснили свой отказ прислушаться к его просьбам тем, что любая мера в этом направлении была бы приписана иностранному влиянию! ЦГАДА, ф. 15, д. 326, ч. 2, л. 324—325.
- ⁵⁸ *Webster Ch. K. The Foreign Policy...*, p. 583; Дж. Панта.— Ч. Стрэффорд-Каннингу 8.VIII 1821.
- ⁵⁹ В данной работе автор не задавался целью детально рассматривать акции британской дипломатии на всех этапах греческого кризиса; это с высокой степенью компетентности сделали его предшественники: *Гуткина И. Г.* Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821—1822 гг.— Учен. зап. ЛГУ, сер. ист., вып. 18, т. 130. Л., 1951; *Она же.* Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за независимость.— Учен. зап. Леп. пед. ин-та им А. И. Герцена, т. 288. Л., 1966; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос; *Арш Г. Л. И.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М., 1976; *Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958 и др. Автор стремился показать место Балкан в системе не только британской внешней, но и имперской политики и проследить развитие того курса на сохранение статус-кво в Юго-Восточной Европе (иными словами — удержания ее в составе Османской империи), который в течение полувека определял британскую позицию в этом регионе.
- ⁶⁰ *Гуткина И. Г.* Греческий вопрос..., с. 125.
- ⁶¹ *Соловьев С. (М).* Император Александр I, с. 498.
- ⁶² *Webster Ch. K. The Foreign Policy...*, p. 356.
- ⁶³ *Ibid.*, p. 359.
- ⁶⁴ *Ibid.*, p. 359—361. Царские сановники зывали к союзникам о поддержке, истолковывая те же охранительные устои в ином духе. Нессельроде писал Ливену 9(21). II 1822 г.: «Если нам, возможно, придется, наконец, прибегнуть к мерам принуждения — не останемся ли мы в изоляции, которую не преминут воспользоваться все подстрекатели беспорядков в Европе, или мы можем надеяться, что союзные державы окажут нам содействие?»
- ⁶⁵ *Webster Ch. K. The Foreign Policy...*, p. 393.
- ⁶⁶ *Шильдер Н. К.* Император Александр I..., с. 200.
- ⁶⁷ *Webster Ch. K. The Foreign Policy...*, p. 538. Р. Каслри — К. Меттерниху 30.IV 1822.
- ⁶⁸ *Ibid.*, p. 539. К. Меттерних — Р. Каслри 16.V 1822.
- ⁶⁹ *Ibid.*
- ⁷⁰ *Ibid.*, p. 537—543. Р. Каслри — К. Меттерниху 30.IV 1822, К. Меттерних — Р. Каслри 16.V 1822.
- ^{70a} ВПР. М., 1980, т. 12, с. 337. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 26.X (2.XI) 1821.
- ⁷¹ *Webster Ch. K. The Foreign Policy...*, p. 542.
- ⁷² Послание Р. Каслри Александру I и депеша Беджготу от 28.X 1821.
- ⁷³ ВПР. М., 1980, т. 12, с. 339.
- ⁷⁴ Там же, с. 233.
- ⁷⁵ *Webster Ch. K. The Foreign Policy...*, p. 386.
- ⁷⁶ *Арш Г. Л. И.* Каподистрия..., с. 228.
- ⁷⁷ ВПР, т. 12, с. 256—265.

- 78 Там же, с. 229; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос, с. 204—205; ВПР, т. 12, с. 279.
- 79 ВПР, т. 12, с. 313.
- 80 Там же, с. 386. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 27.XI (9.XII) 1821.
- 81 *Гуткина И. Г.* Греческий вопрос..., с. 143.
- 82 *Webster Ch. K.* Ibid., p. 389.
- 83 *Гуткина И. Г.* Греческий вопрос..., с. 123.
- 84 *Шильдер Н. К.* Император Александр I, т. 4, с. 475—476.
- 85 Александр I верил, что руководство революционным движением в международном масштабе осуществляется из Парижа.
- 86 Записка гр. И. Каподистрия о его служебной деятельности. Сб. РИО, СПб., 1968, т. 3, с. 269.
- 87 Там же, с. 270—271.
- 88 Записка от 11(23).X 1821. — ВПР, т. 12, с. 327—330.
- 89 Всего в Греции за восемь лет (1821—1829) революции побывал 81 волонтер с Британских островов. *Dakin D.* British and American Philhellenes during the War of Greek Independence. Thessaloniki, 1955, p. 1.
- 90 PD, 1822, 2 Ser., v. 7, p. 562.
- 91 Ibid., p. 1649—1650 (НС, 15.VII 1822).
- 92 Ibid., p. 1650—1651.
- 93 Ibid., p. 1651.
- 94 Ibid., p. 1665—1666 (НС, 17.VII 1822).
- 95 Ibid., p. 1652.
- 96 *Blaquire E.* Report on the Present State of the Greek Confederation. London, 1823, p. 3.
- 97 И. Г. Гуткина, ссылаясь на статью В. Пенна (*Slavonic Review*, 1930, v. XIV, N 41—42), пишет: «В стране не сообщали об избрании Байрона в комитет, дабы не отпугнуть буржуазно-аристократическую Англию» (Учен. зап. Лен. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 288, с. 186). С этим утверждением согласиться нельзя, ибо имя Байрона упоминается среди прочих членов комитета в адресе последнего (Address of the Greek Committee ..., 3.V 1823, p. 3).
- 98 Ibid., p. 1.
- 99 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 362.
- 100 *Гуткина И. Г.* Греческий вопрос..., с. 131.
- 101 *Гуткина И. Г.* Противоречия..., с. 182—183.
- 102 Изданный в 1822 г. султанский фирман «наносит смертельный удар черноморской торговле» (К. В. Нессельроде — П. Странгфорду, 7.V 1822. АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 1922, л. 126).
- 103—104 Сб. РИО, вып. 3, с. 275.
- 105 ВПР, т. 12, с. 504. Доклад Александру I 1(13).V 1822.
- 106 ВПР, т. 12, с. 516. И. А. Каподистрия — Х. А. Ливену 17(29).V 1822.
- 107 Историк С. С. Татищев именовал его даже «покорным слугой Меттерниха». — Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1897, с. 141; Рескрипт Александра I — Д. П. Татищеву 5(17). II 1822 — ВПР, т. 12, с. 426—430.
- 108 *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос, с. 212.
- 109 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 379.
- 110 ВПР, т. 12, с. 470.
- 111 *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос, с. 211.
- 112 *Шильдер Н. К.* Император Александр I..., с. 258, 260.
- 113 *Webs r Ch. K.* The Congress of Vienna, p. 11.
- 114 *Marriott J. A. R.* Castlereagh. The Political Life of Robert, Secon Marquess of Londonderry. L., 1936.

Очерк второй

ДЖОРДЖ КАННИНГ, РОССИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРЕЦИИ

Джордж Каннинг не был баловнем судьбы. Он не принадлежал к родовитой знати, у отпрысков которой рядом с колыбелью стояло министерское кресло. Каннинги некогда занимались торговлей шерстью. Король Яков I в начале XVII в. пожаловал одному из предков небольшое поместье в Ирландии. Ко времени появления на свет Джорджа семья порвала связи с Изумрудным островом и разорилась. Мать будущего британского премьера, рано овдовев, поступила на сцену и жила в свободном союзе с артистом. Джордж, воспитывавшийся в семье дяди (отца известного дипломата Ч. Стрэтфорда-Каннинга, который много раз появится на страницах нашей книги), от своей родительницы не отрекся.

По окончании университета Каннинг погрузился в политическую жизнь. Блестящий дар оратора, острое перо публициста, аналитический ум, железная воля и организаторские способности проложили ему путь в правительство: в трудное время войн с революционной, а позднее наполеоновской Францией при подборе министров и их заместителей приходилось считаться с личными способностями. Он прошел школу дипломатии Вильяма Питта, будучи его помощником в Форин оффис в 1796—1799 гг., а в 1807 г. возглавил это учреждение. О выработке им тогда доктрины статус-кво на Балканах мы упоминали. Карьера его оборвалась неожиданно: он жестоко критиковал своего коллегу, тогдашнего военного министра Роберта Каслри, за неудачную организацию боевых операций. Их ссора завершилась дуэлью, после которой Каннингу пришлось уйти из кабинета. Выдвинуться на первые роли ему удалось только после смерти своего соперника, заняв его место у руля британской внешней политики.

Политическая деятельность Каннинга в английской историографии оценивается на редкость единодушно. Диапазон эпитетов, применяемых к нему, крайне узок — от великого до величайшего. Его последователями считали себя такие разные деятели, как консерватор Б. Дизраэли, либералы Дж. Пальмерстон и В. Гладстон. Каннинг стал глашатаем

британских имперских интересов (он именовал их национальными). Он впервые вывел английскую дипломатию из министерских кабинетов и светских салонов на более широкую аудиторию. Основные принципы своей политики (или, скажем скромнее, ее гласную, наиболее выгодную в глазах общественности часть) он излагал не только в парламентских выступлениях, но и в речах перед избирателями. Каннинг же ввел в практику обычай публикации тщательно отобранных документов и налажил связи с газетами, используя их для поддержания правительственного курса.

Английская историография иногда пишет о «загадке Каннинга» — либерала во внешней политике и консерватора во внутренней¹. Его имя связано с признанием независимости латиноамериканских государств. Усилиями Каннинга в немалой степени была похоронена система «Священного союза». Наконец, он признал в 1823 г. восставших против османского ига греков воюющей стороной, а в дальнейшем оказал им некоторое содействие.

В историю внутренней жизни Англии Каннинг вошел как человек правых взглядов, сторонник вопиюще несправедливой избирательной системы «гнилых местечек», при которой первым промышленным государством того времени управляли крупные землевладельцы-лэндлорды. Будучи одним из ведущих министров кабинета графа Ливерпуля, Каннинг активно противился избирательной реформе.

Однако именно стремление отстоять позиции лэндлордов перед натиском промышленной буржуазии определяло активизацию торийской внешней политики: завоевание или открытие новых рынков должно было смягчить недовольство капиталистов и ослабить движение за парламентскую реформу. В советской историографии на это важное обстоятельство обратил внимание акад. Е. В. Тарле², чьи многосторонние научные исследования охватывали и область англо-русских отношений. Загадки здесь не существует: Каннинг был самым талантливым и искусным проводником этого курса. В 20-е годы выявилось с полной очевидностью, что ослабленная революцией испанская монархия не могла уже держать в подчинении свои заокеанские владения. Колоссальная испано-американская империя разлезлась по кускам. И тут обнаружилось британское «присутствие» на далеком континенте. Каннинг, не обращая внимания на протесты реакционных континентальных монархий и отменяя их предложения о конгрессе по поводу судеб Латинской Америки, повел дело к признанию государственной независимости бывших испанских владений.

Деятельность Каннинга выглядела впечатляюще уже в глазах современников. Политические враги во главе с австрийским канцлером Меттернихом склонны были приписать британскому министру решающую роль в естественном процессе распада «Священного союза», к чему Каннинг, несомненно, приложил руку. Недруги в самой Англии — а их было множество, включая короля Георга IV, придворно-дипломатическую клику, герцога Веллингтона и тори старого закала, считавших смертным грехом всякое отступление от союза монархов, — его недолюбливали. С другой стороны, успехи Каннинга во внешних делах были столь весомы, а поддержка, которой он пользовался в парламенте и вне его стен, столь значительна, что Георг IV вынужден был поручить ему в апреле 1827 г. формирование кабинета. Доротея (Дарья) Христофоровна Ливен, супруга российского посла в Лондоне, дама хорошо осведомленная и влиятельная в дипломатических кругах британской столицы, приводит в своей переписке следующее высказывание монарха о своем министре: «Это мерзавец, которого я ненавижу все больше с каждым днем». А через год король заметил: «Мистер Каннинг будет управлять Англией так долго, как ему заблагорассудится»³.

В русской дореволюционной историографии характеристику Каннинга дал в 1902 г. Е. В. Тарле. Его тогдашние оценки не лишены издержек: Каннинг употреблял «свою власть и силу не на пользу угнетателей, а на пользу угнетенных», «пушечные жерла первого в мире флота... готовы были заговорить в унисон с прятавшимися и гонимыми на континенте «преступными фантазерами»⁴. Некоторая доля преувеличения в анализе балканской политики Каннинга сохранилась и в более поздних трудах Е. В. Тарле. Каннинг не так уже «круто» повернул руль британской политики в греческом вопросе⁵, как это представлялось известному историку. Еще его предшественник Каслри, которого молодой Тарле именвал «бездарным педантом», учитывал необходимость, под давлением обстоятельств, признать греков воюющей стороной. В этом смысле Каслри, если и не прокладывал новых путей, то все же предвидел, что дело идет к созданию греческого государства.

Спорным представляется нам подведение под одну скобку британской политики в Южной Америке и на Балканах: Каннингу «для его экономических и политических целей... нужна свободная от турок Греция, как нужны свободные от испанцев южноамериканские колонии»⁶.

В этом высказывании не вполне учитывается различие в позиции Великобритании относительно Латинской Америки и

Балкан. При определении курса Великобритании в Юго-Восточной Европе решающее значение, как мы писали, имел внебалканский фактор, а именно — соображения соперничества с Россией. Ч. Вебстер излагал их так: «Турки господствовали над территорией, которая, если бы ее проглотил один из великих соседей, ниспровергла бы весь баланс сил в Европе. Уникальная стратегическая позиция Константинополя открыла бы России ворота в Средиземное море и таким образом превратила бы ее в господствующую в восточных водах державу»⁷. Для подрыва российского влияния на Балканах никакое новое государственное образование, на первых порах небольшое и слабое, не могло бы заменить Османскую империю в качестве антирусского буфера. Турция служила старым клиентом Британской империи и удобным стражем Черноморских проливов. С точки зрения торговой, возможности османских владений как рынка товаров из Альбиона далеко не были исчерпаны. Именно на вторую половину 20-х годов приходится начало быстрого увеличения английского экспорта в этот регион: в 1826—1852 гг. он вырос в восемь раз (импорт — всего в два), активный торговый баланс достиг 6,2 млн. ф. ст.⁸ Обширный османский рынок с его низкими таможенными пошлинами не шел ни в какое сравнение с небольшим греческим⁹. В морском извозе греков владычица морей не нуждалась. Поэтому не только в политическом, но и в коммерческом плане Великобритания была заинтересована в сохранении османских владений в целостности и сохранности.

Правда, иногда исследователи задают себе вопрос: а не сказывались ли личные настроения министра на его политике? Каннинг, случалось, занимался стихотворством. Утверждать, что он взобрался на вершину британского Парнаса, никак нельзя, но он с удовольствием бродил у его подножья. В литературном наследии Каннинга сохранилась поэма, в которой он оплакивал страдания эллинов. Однако в министерскую пору он никогда не допускал вторжения сантимента в область политики. Каннинг не скрывал даже перед представителями греческих повстанцев, что они — лишь мелкая карта в его крупной игре: их «сангвинистически настроенные и исполненные энтузиазма друзья» (т. е. филэллины), внушающие мысль о «мнимой легкости», с которой Англия своим вмешательством может прекратить конфликт на Балканах, заблуждаются. «Они забывают, — заявлял министр, — что между Англией и Турцией издавна существуют договоры, обеспечивающие защиту далеко идущих британских интересов в турецких владениях; турки лояльно их соблюдали; эти

интересы будут сразу же поставлены под угрозу, а обязательства по договорам, их гарантирующим, сознательно нарушены первым же выстрелом, который Великобритания произведет как союзник Греции во враждебных действиях против Турции»¹⁰.

В 1947 г. в «Вопросах истории» была опубликована статья О. Б. Шпаро, основанная в значительной степени на архивных материалах, в которой она выдвинула и обосновала утверждения: история с образованием Греции «самым решительным образом опрокидывает миф о Каннинге как о «покровителе» и «освободителе» угнетенных народов; его руководящая идея — «стремление предотвратить рост русского могущества». О. Б. Шпаро писала об «искусной дипломатической игре», затеянной главой Форин оффис для предотвращения русско-турецкой войны¹¹.

Эта точка зрения развивается и в монографиях А. В. Фадеева, Н. С. Киняпиной, в коллективном труде «Восточный вопрос во внешней политике России»¹². «Каннинг действительно шел к России, но протягивал к ней руку лишь затем, чтобы повести ее за собой»¹³, — эти слова А. В. Фадеева заключали вывод, к которому ученые пришли на основании кропотливого изучения источников.

И все же исследование дипломатической предыстории войны 1828—1829 гг. в ее главном, англо-русском, звене не завершено. С нашей точки зрения, Турции как фактору международной политики уделялось недостаточно внимания. Между тем Порта была старым и верным союзником Уайтхолла на Ближнем Востоке, хранителем ключей от проливов; Каннинг решительно не желал с нею ссориться, да и как ни сильны были его позиции в кабинете, пойти на разрыв с Портой ему бы не позволили. Перед британским министром стояла сложная задача: не допустить русско-турецкой войны, найдя тот минимум уступок, который успокоил бы Петербург; способствовать для этого освобождению Греции; обеспечить в возрожденном государстве преобладающее влияние Великобритании; сохранить дружеские отношения с Османской империей.

Советские исследователи оставляли в тени переговоры Чарльза Стрэтфорда, британского посланника в Стамбуле и двоюродного брата Каннинга, с восставшими греками, сообщившими ему свои условия примирения. Между тем от них тянется прямая нить к Петербургскому протоколу 23 марта (4 апреля) 1826 г. — основному документу, предопределившему расстановку международных сил во время русско-турецкой войны. Нельзя согласиться с утверждением

О. Б. Шпаро, что протокол по содержанию «мало отличается от «мемуара» Александра I от 9.I 1824 г.»¹⁴. Последний предусматривал раздробление Греции на три княжества и был отвергнут не только Портой, но и восставшими эллинами. Сила и жизненность достигнутой в Петербурге договоренности заключалась именно в том, что она опиралась на программу требований, выработанную, по крайней мере, частью греческих руководителей. Это явствует из писем и меморандумов, которыми обменивались руководство российского министерства иностранных дел и герцог Веллингтон весной 1826 г., частично нами опубликованных¹⁵.

На Даунинг-стрит не существовало никаких побудительных причин, чтобы желать перемен в Юго-Восточной Европе; этим тезисом следует руководствоваться, приступая к анализу балканской политики Каннинга. Его предшественнику, лорду Каслри, с помощью австрийского канцлера К. Меттерниха удалось опутать русскую политику на Балканах принципами «Священного союза»¹⁶; к великому удовлетворению Лондона и Вены Александр I объявил восставших греков бунтовщиками; вместо действительной помощи им русская дипломатия принялась изыскивать внешнеполитическую комбинацию для прекращения кровопролития. Предпринятый ею разрыв отношений с Портой не вызывал в Стамбуле никаких эмоций.

Однако ни Каслри, ни Каннинг не были властны над тремя факторами: решимостью греков добиться независимости; сочувствием общественности России, воздействовавшей на правящие круги, стремившиеся укрепить свои позиции на Балканах; филэллинским движением в Европе, включая Великобританию.

Каннинг не предпринимал попыток найти новые пути решения греческого вопроса. Но чувство реального подсказывало ему, что нельзя цепляться за отжившее и сопротивляться слишком упорно новому и крепнущему. К тому же, в отличие от своего предшественника, он не считал греческих повстанцев балканской разновидностью карбонариев и полагал, что с их руководителями прекрасно можно поладить. Поэтому он стремился приспособить свою политику к новым явлениям и поставить их на пользу Великобритании. Зародыши этого курса просматриваются уже в действиях Каслри.

В материалах своего предшественника Каннинг нашел инструкции, сочиненные Каслри для британского делегата на Веронский конгресс держав (октябрь — декабрь 1822 г.), с осторожной, но тем не менее вполне определенной констатацией необходимости учета свершившихся на Балканском

полуострове перемен и, возможно, признания греков воюющей стороной. Каннинг подписал инструкции, не изменив и не добавив ни слова, не переставив ни единой запятой.

В Верону отправился герцог Веллингтон — победитель Наполеона под Ватерлоо, самая престижная политическая фигура Великобритании того времени. Здесь, в Италии, были согласованы условия восстановления русско-турецких отношений и принят вполне умозрительный план «умиротворения» Греции, не опиравшийся ни на реальную силу, ни на совместные действия держав. Характерно, что Веллингтон, составив для британского посланника в Стамбуле лорда Перси Стрэнгфорда меморандум об итогах переговоров, упомянул в нем две задачи (полный вывод турецких войск из Дунайских княжеств и прекращение дискриминации русской торговли) в качестве условия возобновления дипломатических отношений между Россией и Османской империей. Греческий вопрос в этом документе не затрагивался¹⁷.

По сути дела, предпринималась попытка отстранить Россию от греческих дел. Что касается Сент-Джеймского кабинета, то он сталкивался с ними повседневно. Военные действия распространились на Восточное Средиземноморье. Греки, обладавшие значительным флотом, объявили блокаду берегов Балканского полуострова. Корабли всех государств осматривались на предмет военной контрабанды; суда захватывались, их грузы конфисковывались. Британская торговля страдала.

25 марта 1823 г. Каннинг поразил европейские дворы, объявив о признании греков воюющей стороной. Сам он расценивал свои действия как прагматический акт во имя коммерции: «Турки не способны обеспечить безопасность британской торговли: следовательно, мы должны были рассматривать греков либо как пиратов, либо как воюющую сторону». Относиться к борцам за свободу как к морским разбойникам, вступать с ними в бой и вешать по стародавнему обычаю пленных на реях не годилось. Каннинг писал, что, поскольку «греки добились определенной силы и стабильности»¹⁸, курс на признание их воюющей стороной был предпочтительней. Отнюдь не склонные умалять заслуги британского министра, авторы «Кэмбриджской истории британской внешней политики» оценивают этот его шаг как «меру для защиты коммерции»¹⁹.

Объективно это был тяжелый удар по принципам «Священного союза». «Мы слышем ныне за якобинский клуб в Европе», — с горечью заметил герцог Веллингтон. Каннинга подобные обвинения не смущали. Британская дипломатия

склонялась перед неизбежным и даже извлекала из этого немалые выгоды. Каннинг, политик более крупного масштаба, нежели Каслри, и не связанный традицией «дипломатии конгрессов», действовал решительно, а в случае необходимости и круче. В дипломатическом мире «метаморфоза... позиции Сент-Джеймского кабинета» произвела большое впечатление²⁰. Однако качественной пропасти между акциями Каслри и его преемника в греческом вопросе мы не усматриваем. «Не было такой противоположности между политикой Каслри и политикой Каннинга, как это иногда представляют... Разница заключалась скорее в темпе, нежели в направлении»²¹, — это высказывание Чарльза Петри нам кажется не лишённым основания.

А пока что Каннинг пожинал плоды пассивности царской дипломатии. Покинутые Петербургом греки обратили свои взоры к Великобритании. В Лондон прибыли делегаты временного греческого правительства И. Орландос и А. Луриотис с целью заключения займа на сумму 800 тыс. ф. ст. Несмотря на небольшую уверенность в обеспечении, банкирский дом Лонгэм, О'Брайен и К^о взялся за его размещение. Каннинг, не желая компрометировать себя в глазах османских властей, отказался встретиться с делегатами, однако запросил информацию о положении в Греции²². Разумеется, предоставление займа было воспринято в Греции положительно. Британские акции на Балканах поднимались.

Нельзя при этом не обратить внимания на одну особенность этого процесса: английское влияние росло, паразитируя на ошибках царской политики, а не на основе позитивной программы поддержки греческой революции. Возникла редкая в дипломатической практике ситуация. Прямые контакты с турецким диваном у Петербурга после разрыва дипломатических отношений отсутствовали. И ходатаем по русским делам в Стамбуле сперва фактически, а после Вероны и формально, по поручению Александра I, оказался антирусски и протурецки настроенный британский посланник лорд Перси Стрэнгфорд. По его собственным словам, ему были доверены «сокровенные и возвышенные мысли»²³ императора, касающиеся урегулирования конфликта между двумя державами. Интерпретировал он эти мысли, разумеется, в соответствии с английской политической выкройкой. Лондон крайне опасался тогда русско-турецкой войны, точнее — роста влияния царизма на Балканах в ее итоге. Ради смягчения обстановки и восстановления отношений между двумя странами Стрэнгфорд (без особого успеха) хлопотал о выводе турецких полков из Валахии и Молдавского княжества²⁴

и устранении барьеров на пути черноморской торговли. При этом он считал русские требования «малообоснованными», о чем сообщал Каннинг²⁵. Тем не менее, в Петербурге откликнулись даже на видимость прогресса. Хлопоты Стрэнгфорда, сообщал Нессельроде Х. А. Ливену 13(25) марта 1823 г., «увенчались уже счастливым успехом»²⁶. На поверку оказалось, что великий визирь, хоть и обещал вывести из Молдавии и Валахии турецкие войска²⁷, но не торопился делать это. Убытки от препятствий, чинимых русской торговле через проливы, с 1821 г. достигли 2 млн. руб.²⁸. Дешпу, отправленную Нессельроде из Черновиц через Львов в начале октября с подробным перечислением претензий России и в отношении прав княжеств и по торговым делам²⁹, английский посол вообще не стал доводить до сведения Порты, сообщив в Лондон, что истощил все средства воздействия на турок³⁰.

Что касается волновавшего русскую общественность греческого вопроса, то он не поднимался во время стамбульских переговоров Стрэнгфорда. Британский дипломат объяснял своим петербургским корреспондентам: данные ему инструкции никаких предложений о Греции не содержат; сам он считает греков участниками «всеобщего переворота, против которых моральные силы великого европейского союза ныне используют все средства защиты». Турецкое правление лорд считал заслуживающим всяческих похвал: «Повсюду, где восстание не распространило свои опустошения (!), церковь пользуется уважением и покровительством, проводится различие между невинными и виновными, спокойствие приходит на смену беспорядкам и доверие возрождается вместе с безопасностью». Выходило, что греки сами были виноваты в своих бедствиях! Сквозь призму проосманских настроений дипломата русские требования выглядели как «домогательства», и Стрэнгфорд сообщал в Петербург: «Я избегаю ответственности представлять немедленное умиротворение Греции как условие *sine qua non* восстановления дипломатических отношений между Россией и Портой»³¹.

Все это писалось на второй год после прихода Джорджа Каннинга к управлению британскими внешними делами. Переговоры Стрэнгфорда продолжали буксовать... На помощь грекам министр явно не торопился. И в то же время отказ Петербурга от энергичных и единоличных действий создавал условия для утверждения британского влияния на земле Эллады. «Англия решила, — предупреждал Д. П. Татищев, — что ей не следует упускать столь удобный момент, с

тем чтобы заставить восставших принять ее покровительство»³² взамен российского.

В поисках выхода из тупика Александр I и К. В. Нессельроде сочинили в январе 1824 г. «Записку об умиротворении Греции», предложив образовать на ее территории три автономных вассальных княжества³³, и попытались еще раз вдохнуть жизнь в «дипломатию конгрессов», созвав в июне конференцию послов в Петербурге. В исторической перспективе нельзя не отметить положительных сторон «Записки»: впервые великая держава предлагала не туманное «умиротворение», а воссоздание греческой государственности³⁴ на значительной территории (включая Морею, остров Крит, Эпир, Акарнанию, бывшее Венецианское побережье Ионического моря, Беотию, Фессалию и Аттику), хотя и в раздробленном виде и в форме автономии. Но ведь греки провозгласили своей целью независимость и три года сражались за нее; их негативное отношение к меморандуму было predetermined.

Иначе реагировала Великобритания. Каннинг одобрил умеренный дух творения Нессельроде, усмотрев в нем черты реализма³⁵. Однако это не означало, что государственный секретарь был готов приступить к переговорам и способствовать воплощению в жизнь замыслов русского министра. Он погрузился в изучение, что, естественно, породило у него многочисленные сомнения. Полное восстановление русско-турецких отношений как предварительное условие присутствия (Каннинг избегал слова «участие») своего посла на конференции и принятия ее решений к сведению (*ad referendum*) он считал неперемennым. Ее задачу он усматривал в «восстановлении мира и спокойствия в Порте»³⁶. Сама эта формула свидетельствовала, что в ту пору Каннинг помышлял об очень ограниченной автономии Греции.

Подумав еще два с половиной месяца, он сообщил, что Великобритания не согласится не только на участие в военных действиях ради «умиротворения» Греции, но даже не пойдет на принудительные по отношению к Порте меры³⁷. Суть своей тактики Каннинг изложил в письме лорду Гренвиллю от 15 ноября 1824 г.: выиграть время, делая вид, будто Великобритания что-то предпринимает в том же направлении, что и Россия³⁸.

Тут как нельзя более своевременно для Лондона произошла «утечка» информации. Французские и британские газеты acquaintали общественность с содержанием январской (1824 г.) записки русского министра иностранных дел, предусматривавшей разделение греческих земель. Греки были недовольны и выступили в Лондоне с протестом, турки взбе-

пены. Не помогло и назначение А. И. Рибоьера посланником России в турецкую столицу. Реис-эфенди выразил Стрэнгфорду надежду, что царский дипломат не явится в Стамбул с новыми претензиями; Россия-де под видом соблюдения договоров и так вмешивается во внутренние дела Порты. Предложенный в начале августа 1824 г. Петербургом коллективный демарш держав с целью добиться прекращения кровопролития в Греции реис-эфенди расценил как вторжение в отношения между сувереном и его взбунтовавшимися подданными. Он заявил, что все турки — от повелителя до последнего из правоверных — скорее умрут, чем пойдут на подобное унижение ³⁹.

Греки тоже отвергли меморандум. «Ноту с севера» они расценили как «несправедливую и жестокую» ⁴⁰. Нарисовав яркую картину борьбы, греческое правительство заканчивало свой протест, направленный на имя Каннинга, знаменательными словами: «Разве можно сегодня сомневаться, что греки достойны независимости?» ⁴¹

Отрицательная реакция обеих участвовавших в конфликте сторон помогла Каннингу отказаться и от участия в петербургской конференции, и от предложенного (в августе 1824 г.) коллективного демарша, хотя Нессельроде заверял, что речь идет о приемлемом для «европейского концерта» решении: «Если бы наша политика определялась особыми интересами, мы никогда не стали бы выдвигать идею коллективного вмешательства. Если бы император пожелал усилить свое влияние, то он уже в 1821 г. ввел бы свои войска в княжества» ⁴². Каннинг объявил вмешательство в конфликт несвоевременным и бессмысленным ⁴³. Русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену оставалось лишь сетовать на беспримерное коварство главы Форин оффис.

Чтобы как-то спасти лицо, Нессельроде предложил перенести совещание из Петербурга в Константинополь, пытаясь избежать публичного признания в провале. В дипломатической форме это выглядело так: император «пришел к выводу, что вследствие ограниченности полномочий, предоставленных послу Англии, детали нашего плана умиротворения было бы полезно рассмотреть в Константинополе...» ⁴⁴ Каннинг ответил инструкциями британскому представителю в Турции, не допуская никаких кривотолков. По словам последнего, «ему категорически запрещено участвовать в переговорах, на которых обсуждались бы греческие дела; что, если сверх всяких ожиданий, он уже принял участие в таковых, ему надлежит немедленно покинуть совещание; если же после такого демарша другие уполномоченные продол-

жат обсуждать данный вопрос, он должен официально уведомить Порту, что Англия никоим образом не будет участвовать в таких совещаниях и останется к ним непричастной»⁴⁵. В досаде Нессельроде сочинил нечто вроде обвинительного акта, перечислив в нем все случаи «отступничества» Каннинга: в январе он с похвалой отозвался о записке российского МИД, сочтя ее «достаточным основанием для важной и полезной дружеской дискуссии»; в мае обещал участие своего посла в Петербургской конференции; в июле сообщил об отправлении в русскую столицу своего двоюродного брата Чарльза Стрэтфорда для определения «основ окончательного умиротворения»⁴⁶; в октябре повторил свои заверения, а затем забил отбой.

Чарльза Стрэтфорда снаряжали в Петербург целых полгода. Когда же он собрался в путь, то оказалось, что избрана кружная дорога, через Вену. В Петербурге не скрывали недоверия, испытываемого «к сепаратным переговорам, вновь начинающимся между Австрией и Англией по вопросу о Греции». Меттерниху было заявлено, что именно его поведение «облегчило отступничество, которое замышлялось главой лондонского кабинета»⁴⁷. Послу Д. П. Татищеву было предписано высказать свое «личное предположение», что Россия может и сама завершить дело, в котором не пожелали сотрудничать союзники⁴⁸. Это был первый признак того, что терпение российских сановников истощилось.

Раздражение в связи с двухлетним топтанием на месте в переговорах с Англией выразилось в том, что Ливену предложили прекратить всякие сношения с Каннингом на греческие темы⁴⁹; девять месяцев длился этот запрет.

Такова канва событий, связанных с проблемой Англия — Россия — Греция с августа 1822 до конца 1824 г. Нам представляется, что они не дают оснований для вывода о том, что Каннинг немедленно после своего прихода в Форин оффис круто повернул руль британской политики в греческом вопросе. Признание греков воюющей стороной в ту пору явилось шагом прагматическим. Больше никаких инициатив Каннинг не проявлял, а напротив, стремился сохранить добрые отношения с Портой; затягивание переговоров играло последней на руку, предоставляя беспрепятственную возможность подавления восстания.

Маневры Лондона происходили на фоне непрерывно ухудшавшегося положения свобододобивой Греции. Ее многочисленным друзьям казалось, что дело греков дышит на ладан. Султан Махмуд II призвал на помощь самого могущественного своего вассала, владыку Египта Мехмеда-Али.

В феврале 1825 г. две хорошо вооруженные и обученные по-европейски дивизии (с французскими инструкторами) высадились под Медоном. Греческие отряды сразу же стали терпеть поражение. Опытный полководец, сын Мехмеда-Али, Ибрагим, занял остров Сфакторию, захватил крепость и порт Наварин, Триполицу и двинулся к временной греческой столице Навплии. Здесь, однако, египетский военачальник потерпел неудачу и отступил к Патрам, опустошая Морею, «превращая в пепел» деревни и города, лежавшие по пути, «вырезая обитателей, обращая в рабство женщин и детей»⁵⁰. Турецкий командующий Решид-паша Кутахья осадил Миссолонги.

В Греции, истощенной пятилетней войной, возникла идея обращения к одной из иностранных держав за покровительством. В июле 1825 г. собрание в Мегаре высказалось за приглашение на престол страны французского герцога Немурского⁵¹. В условиях пассивности политики Александра I, однако, наибольшие шансы имела Великобритания. Осенью 1825 г. в Лондон через верховного комиссара Ионических островов прибыло обращение греческого правительства об установлении над страной британского протектората («Акт подчинения»).

Но предложение греков в данном виде никак не устраивало Уайт-холл⁵². Политические наблюдатели передавали из Стамбула, что члены дивана были возмущены, узнав про демарш «бунтовщиков». Лишиться итогов вековой деятельности по укреплению своего влияния в Османской империи Фортин оффис не собирался, вступать в конфликт считал ненужным и опасным и обеспечивать собственными усилиями новый статус Греции не желал. 29 сентября у Каннинга состоялась беседа с греческими уполномоченными Луриотисом и Орландосом (которые, кстати, об обращении узнали из уст английского министра)⁵³. Велась она в тоне поучения умудренного опытом государственного деятеля наивных собеседников. Министр развеял необоснованные надежды греков на то, что Англия прекратит в их пользу конфликт на Балканском полуострове. На самом деле британское вмешательство привело бы лишь к его расширению, заявил Каннинг⁵⁴.

Чтобы смягчить недовольство Порты и сохранить старого клиента и выгоднейшего торгового партнера, поспешно была издана королевская прокламация о нейтралитете в конфликте на Балканах, в которой о демарше греков вообще не упоминалось⁵⁵. Кабинет, однако, был озабочен реакцией на греческий демарш не только в Стамбуле, но и в других столицах. Правительство, говорил Каннинг Ливену, опасается,

как бы его ответ грекам не толкнул их к другой державе. Луриотис и Орландос в ходе беседы осторожно осведомились, какова будет позиция Англии, если обращение о протекторате будет адресовано Франции. Ответ не допускал кривотолков: тогда произойдет общее осложнение обстановки в Европе, и дело греков будет проиграно. В том же духе Каннинг реагировал на попытку своих собеседников выяснить, что случится, если их родина обратится к «третьей стране» (очевидно, России, больше обращаться было не к кому) ⁵⁶. Каннинг посоветовал повстанцам найти пути примирения с Портой. Луриотис и Орландос ответили, что это невозможно. Греция решила стать независимой или погибнуть. В таком случае грекам надо рассчитывать только на себя — так закончил беседу британский министр.

Но Каннинг не был бы самим собой, если бы отрезал пути к договоренности с греками. Он, несомненно, делал выводы из их отчаянной решимости завоевать свободу. «Беспредметно полагать, что Грецию можно вернуть к прежним отношениям с Портой», — инструктировал он немного позже своего двоюродного брата Чарльза Стрэтфорд-Каннинга, назначенного посланником в Стамбул ⁵⁷. Грекам предоставили второй заем — на этот раз на 2 млн. ф. ст. Их толкали в одном направлении — поиска компромисса с Турцией при единоличном посредничестве Великобритании, мыслимого лишь при отказе от требования независимости. Каннинг одно время поверил, что удастся отстранить Россию от решения балканских дел. Лорд П. Стрэнгфорд, переведенный в Петербург и вздумавший было вступить здесь в переговоры, получил от своего шефа суровый выговор: «Инструкции, которые я имею передать вашему превосходительству, можно изложить в двух словах: сидите смиренно!» ⁵⁸.

Особые надежды английский министр возлагал на миссию Чарльза Стрэтфорд-Каннинга. По пути к новой своей резиденции Стрэтфорд навестил в Женеве оказавшегося не у дел русского статс-секретаря Иоанна Каподистрию, проживавшего в Швейцарии в качестве частного лица. Британский дипломат «с болью» высказал ему мнение, что «Греция еще не доросла до того, чтобы существовать как свободный и независимый народ, лишь хорошее воспитание может возвысить ее до подобного состояния». Соответствующую школу она должна была пройти, по мнению Стрэтфорда, «поставив себя, подобно Ионическим островам, под исключительный протекторат Великобритании» ⁵⁹. Уроженец этого архипелага и старый противник британского господства там ⁶⁰, И. Каподистрия заявил в ответ: «Греция вправе ожидать большей

и лучшей судьбы, нежели колониальное существование, на которое обречены Ионические острова»⁶¹. Что касается британской политики, то, по словам Каподистрии, 25 лет наблюдений убедили его в том, что она руководствуется страхом перед Россией и стремлением установить господство Англии в Леванте. Разговора не получилось...

Путешествовал Стрэтфорд не торопясь. У берегов острова Идры на борту корабля он встретился с Маврокордатосом, Трикуписом и еще одним представителем греческого правительства. Греки упомянули о независимости как условии примирения. Стрэтфорд прервал их, заметив, что с таким предложением он к Порте обратиться не может⁶². Реакция собеседников на это недвусмысленное заявление означала многое: отрицательный ответ положил бы конец всем усилиям британской дипломатии. Однако этого не произошло. Стрэтфорд счел их ответ обнадеживающим. Он вынес мнение, что продолжающаяся борьба и истощение сделали греков более покладистыми и расположенными к переговорам⁶³.

Для бесед в турецкой столице Стрэтфорд был снабжен инструкцией, являвшейся одним из шедевров дипломатического искусства Каннинга. Посланник должен был напомнить Порте, какие трудности Лондону пришлось преодолеть, «какие усилия и граничащую с принуждением настойчивость употребить», чтобы «удержать русское правительство и народ... в покое и предотвратить объявление войны... в защиту нации, исповедующей одну с ними религию»⁶⁴. Ни одна страна в Европе, с какими бы опасениями она ни относилась к планам Петербурга, не встанет в этой войне на сторону Порты. Великобритания и впредь будет прилагать максимум стараний, поощряя долготерпение русского двора и порицая «воинственные наклонности» общественности. Однако каждая турецкая победа будет способствовать росту симпатий Европы к грекам; неудачи же Османской империи, если такие произойдут, породят соблазн рассматривать ее как легкую добычу.

Такие соображения посланник должен был изложить дивану, особо подчеркнув, что Великобритания никому не навязывает своих услуг. Однако она свободна от каких-либо обязательств в греко-турецких делах, и если стороны предложат британскому кабинету выступить с посредничеством, он не откажется. Реис-эфенди может открыться Стрэтфорду без утайки и без опасения, что содержание беседы станет известно за стенами Форин оффис.

Но тут коса нашла на камень. Турецкие сановники действительно «открылись» английскому дипломату. Опьянен-

ные победами, они осыпали его упреками, обвиняя в стремлении встать между бунтовщиками и их законным монархом. Успешная осада Миссолонги, вера в то, что Россия «ввиду серьезных внутренних неурядиц» не пойдет на обострение, укрепляли турок в их упорстве. Рейс-эфенди отверг всякое вмешательство во внутренние дела империи, «коя, волею всевышнего, является свободной и независимой»⁶⁵. Развевалась иллюзия, что вопрос можно решить в кругу трех — Англии, Турции, Греции, что удастся обойти Россию при урегулировании греческих дел. Пока Ибрагим-паша огнем и ятаганом опустошал Грецию, возмущение охватывало все более широкие массы европейской общественности. Сидеть дальше сложа руки становилось невозможно.

Обострилась «реальная опасность»⁶⁶ британским планам со стороны России. Каннинг пришел к выводу, что последняя не остановится перед вооруженным конфликтом. Надо было восстанавливать контакты с Россией, чтобы не упустить время, и в ходе «дружеского» диалога попытаться связать ее действия. Каннинг зачастил в салон жены русского посла графини Д. Х. Ливен...

Предчувствия и опыт не обманывали британского министра. Терпение царя истощилось. Перед своей последней в жизни поездкой в Таганрог Александр запросил мнение ведущих дипломатов о путях решения Восточного вопроса.

Ответы пришли уже после смерти Александра и легли на письменный стол Николая I. Выводы Х. А. Ливена гласили: «После четырех лет трудных переговоров с самым бессильным из правительств четыре вмешавшиеся державы не достигли ничего». Россия «в качестве платы за свое более чем великодушное поведение покинута всеми». Войну с Турцией, которая, чтобы заставить Европу врасплох, должна быть быстрой и решительной, Ливен считал неизбежной. Учитывая противоречия держав, согласованного противодействия опасаться нечего. «Англия уже ищет нас», — заключал посол⁶⁷.

В том же духе давал советы К. О. Поццо ди Борго из Парижа. На Балканах каждый преследует свои интересы. «У одной России нет ни роли, ни места. Ни Европа, ни турки, ни греки не обращают на нас ни малейшего внимания». Высказываясь в пользу войны, посол полагал, что даже Меттерних ограничит свои действия «изворотливостью, интригами и так называемой нравственной поддержкой или тайной помощью Турции»⁶⁸.

Это была правильная и реалистическая оценка обстановки. Стремление Каннинга связать оборвавшуюся нить пере-

говоров с Петербургом свидетельствовало, что самый пронизательный из британских политиков осознал, что прежними средствами оттягивать выступление России не удастся; надо было менять тактику, а именно — лишить это выступление одностороннего характера. Замышляемое сотрудничество должно было не двинуть дело вперед, а связать партнера, взять под свой контроль процессы на Балканах, а объективно — замедлить их ход, найдя приемлемую для османских правящих кругов формулу договоренности.

Британский министр излагал свои мысли так. Необходимо предотвратить русско-турецкую войну, чреватую разгромом Порты. Бессмысленно делать это, прибегая «к общим призывам поддерживать мир и спокойствие». Надо посеять у русских надежду на достижение цели без испытаний, связанных с вооруженным конфликтом. Турки знают, что «терпение императора России в конце концов истощилось и что начало войны было предотвращено» смертью Александра I. Можно поэтому рассчитывать на уступчивость с их стороны в урегулировании споров с Россией. Попытки удерживать последнюю от вмешательства в греческие дела не имеют шансов на успех; петербургские сановники с некоторых пор ртзываются «с горечью и презрением о политике Австрии как исполненной обмана и изжившей себя». На данном этапе поэтому надо избегать «бесплодных и запутывающих» дело конференций⁶⁹. Следует отбросить требование Британии о полном восстановлении русско-турецких отношений, которое долго и успешно использовалось для оттяжки решения вопросов.

Беседы Каннинга и Ливена завязались в глубокой тайне во время междуцарствия, о котором русский посол еще не знал, ибо не ведал о смерти Александра в Таганроге, когда сочинял 4(16) декабря 1825 г. свое письмо Нессельроде⁷⁰. Каннинг прибыл на отдых в Сифорд. Чета Ливенов поселилась по соседству, в курортном городке Брайтоне. В этих местах и происходили строго секретные переговоры дипломатов. Министр предложил не сообщать о них ничего представителям других держав. Пруссия, по его словам, не пользовалась влиянием на Востоке; Австрия заняла решительно враждебную позицию по отношению к грекам, она погубит все планы; французский кабинет он охарактеризовал не только как изменчивый, но и «вообще низкий и злокозненный». Столь негативная оценка объяснялась, очевидно, тем, что Тюильери изыскивал пути укрепления собственного влияния в Греции, в том числе и с помощью французских филэллинов. До главы Форин оффис дошли сведе-

ния, что французы метят герцога Немурского на греческий престол.

Инициатива Каннинга была сразу же подхвачена. «Англия идет к нам», — писал Ливен. Сближение с этой могущественной державой выводило Россию из состояния внешнеполитической изоляции и ставило в это неприятное положение Австрию, поскольку последняя не могла в одиночку оказать поддержку военными средствами Османской империи; бессилие становилось ее уделом. Возможности маневра на мировой арене для Петербурга расширялись. Если в Лондоне стремились ограничить масштаб и цели возможного вмешательства России в балканские дела, то в северной столице, напротив, рассчитывали увлечь новоявленного союзника как можно дальше по пути подрыва османского могущества.

Смена обитателя Зимнего дворца только усилила эту тенденцию, несмотря на тревожное положение внутри страны. Николай I должен был на деле показать, что он способен отстаивать интересы помещиков и купцов. Его личный авторитет в правящих кругах пока что равнялся нулю. Все предстояло завоевать. Восстание декабристов показало распространение революционных настроений в офицерских кругах. Армию следовало занять победоносной войной.

Стремление сблизиться с Великобританией выявилось с полной очевидностью во время визита герцога Веллингтона в Петербург с официальной целью — поздравить Николая I с восшествием на престол. Редко когда случалось, чтобы политическое шило так откровенно выглядывало из протокольного мешка; всем было ясно, что формальное поручение лишь слегка прикрывало подлинный смысл визита — попытаться распутать весь клубок англо-русских противоречий на Балканском полуострове и Ближнем Востоке. Вряд ли можно было найти более подходящую фигуру, чтобы сделать приятное молодому царю. Победитель при Ватерлоо имел чин русского фельдмаршала. Николай относился с глубоким уважением к его военным заслугам. Тщеславию Веллингтона льстил исключительный по вниманию и пышности прием, оказанный ему в Петербурге. Симпатии его к молодому императору возросли, когда тот заявил, что, «пока Оттоманская империя существует», он будет рассматривать греков «как взбунтовавшихся подданных»⁷¹.

В первой же беседе с царем фельдмаршал предложил британское посредничество в урегулировании русско-турецких дел по всему кругу вопросов. Ведь разногласия между двумя странами не замыкались на Греции; оставалась нерешенной серия проблем, связанных с положением Дунай-

ских княжеств и Сербии, с торговлей через проливы, с пограничной линией в Закавказье. Оно было тут же вежливо, но твердо отклонено ⁷² — действовал принцип: «не допускать постороннего вмешательства в ее (России.— В. В.) распри с Оттоманскою Портою» ⁷³; еще был свеж в памяти опыт Стрэнгфорда, топтавшегося на месте в течение нескольких лет. Послам держав в Петербурге было сказано, что переговоры с Турцией — «чисто русское дело» ⁷⁴.

Иначе был встречен поднятый Веллингтоном вопрос о том, чтобы усилиями двух стран решить греческую проблему, хотя поначалу Николай и прикинулся изумленным ⁷⁵. На самом деле к приезду гостя из Лондона в Петербурге тщательно готовились не только в протокольном плане. Стремлением британского кабинета достичь договоренности насчет Греции здесь собирались воспользоваться для того, чтобы обеспечить его поддержку в конфликте с Турцией и по другим вопросам, не предоставляя прав и возможностей, связанных с официальным посредничеством. По словам Нессельроде, был уже снаряжен курьер с ультиматумом Порте, содержащим требование открыть переговоры по широкому кругу вопросов русско-турецких отношений и положения балканских народов (за исключением греков).

Фразу эту следует понимать фигурально, ибо Веллингтон внимательнейшим образом ознакомился с проектом депеши. Об этом свидетельствует его переписка с Нессельроде. «Я с особым вниманием изучил ноту, которую намерены вручить Порте через господина Минчаки», — писал Веллингтон 27 февраля (11 марта) 1826 г. О тщательности, с которой «железный герцог» изучал документ, свидетельствуют несколько его записок и меморандумов, направленных Нессельроде ⁷⁶. Позже последний вспоминал о «деятельном и просвещенном участии в обсуждении этого демарша» британского фельдмаршала, чьи «замечания были приняты почти целиком» ⁷⁷. Веллингтон признал справедливость выдвинутых Россией требований, хотя и пытался под предлогом консультаций с Лондоном отсрочить отправку депеши. Потерпев в этом неудачу, чрезвычайный английский посол не считал возможным прерывать или откладывать возложенную на него миссию, опасаясь, как бы в противном случае не началась война, и, «хотя Россия хранила молчание по вопросу об умиротворении Греции, она легко найдет возможности и средства установить мир исключительно по своей воле и в соответствии со своими видами» ⁷⁸. В этих словах Нессельроде — ключ к пониманию позиции британского посланца. Герцог обещал поддержку английской миссии в Стамбуле в

достижении целей русского ультиматума⁷⁹. Он направил письмо Стрэтфорду, содержащее следующий абзац: «Война с Россией в настоящий момент, бесспорно, поощрит греков и толкнет на восстание почти поголовно всех европейских подданных Порты»; удовлетворение же «справедливых требований России» улучшит отношения между двумя странами⁸⁰.

Итак, решение оказать России поддержку объяснялось желанием притупить острие русской политики, замедлить ее вмешательство в греко-турецкий конфликт и предотвратить ее сепаратные действия. Плоды сближения с Англией Петербург начал пожинать почти немедленно. Руководствуясь теми же мотивами, что и Веллингтон во время своей миссии — как бы Россия не решилась на немедленный военный конфликт с Портой, — правительства Англии, Австрии и Франции «дружно» произвели нажим на султана, побуждая его принять русские требования⁸¹. Особенно старался Меттерних, поверивший, что уступками можно будет откупиться от «вторжения» России в греческий вопрос.

12 марта реис-эфенди сообщил о принятии условий ультиматума, султан обещал послать уполномоченных на границу с Россией для выработки договора.

Обстановка в самой империи побуждала Порту к уступкам. Прогрессирующий социально-экономический упадок толкал здесь к преобразованиям даже носителей верховной власти. Однако султаны-реформаторы Селим III и Махмуд II боролись со средневековым средневековыми же методами. Летом 1826 г. разразился давно назревавший конфликт Махмуда с янычарским корпусом, превратившимся в разложившуюся банду торгашей, грабителей и насильников. Его военная неэффективность в полной мере проявилась в боях с греческими повстанцами; попытка же Махмуда сформировать в столице новые регулярные части натолкнулась на сопротивление янычарской массы. 15 июня 1826 г. в ортах (отрядах) янычар были перевернуты суповые котлы, что означало сигнал к открытому бунту.

Махмуд расправился с этой вольницей истинно янычарским способом. Оказавшийся в Стамбуле русский очевидец писал через неделю: «По сей день еще ловят янычар, даже и тех, которые 20 лет тому назад бунтовали. Чиновникам рубят головы, а прочих дают и бросают в море. Еще неизвестно число убитых, сторелых и удавленных, но без ошибки полагать можно до 20 тыс. и более». Через две недели тот же свидетель сообщал: «Казни все еще продолжаются, рубят головы и дают ежедневно»⁸². Янычарское войско было истреблено. Нового ему на замену не создано. Военный потенциал импе-

рии был подорван. Сил для сопротивления русским требованиям не было.

13 июля в Бессарабии открылись русско-турецкие переговоры. 7 октября была подписана Аккерманская конвенция, воплотившая фактически все сформулированные русскими уполномоченными пункты. За Россией закреплялись города Анаклия, Сухум и Редут-кале, чего турецкая сторона до сих пор не признавала. Была уточнена пограничная черта по Дунаю. Российские купцы получили право беспрепятственной торговли по всей Османской империи, а торговый флот — возможность свободного плавания «во всех без исключения морях и иных водах, принадлежащих Оттоманской империи». Специальный пункт говорил об устранении всяких помех, чинимых России и дружественным ей державам в использовании проливов в торговых целях. Особым актом турецкая сторона обязывалась выполнить все постановления Бухарестского трактата относительно Сербии, конкретизировать условия внутреннего самоуправления княжества и обещала подтвердить это султанским указом. Другим актом были подтверждены и расширены права и привилегии Дунайских княжеств по договору 1812 г.⁸³

Но урегулирование споров с Портой без Греции не могло удовлетворить Россию, и в Лондоне не питали иллюзий насчет этого. Руководствуясь опасениями, о которых столь недвусмысленно писал Нессельроде, Веллингтон должен был «продвигать» в Петербурге и греческий вопрос. На первый взгляд казалось, что он «навязал» Николаю переговоры о Греции. Такую трактовку давали даже видные историки, например А. Дебидур: «Не рискуя восстановить против себя Англию, Николай должен был согласиться на протокол от 4 апреля» (1826 г.), и авторы «Кэмбриджской истории внешней политики Великобритании»: «Веллингтон держался твердо и добился подписания протокола»⁸⁴.

Герцог прибыл в Петербург, снабженный детальной инструкцией Каннинга, у которой был один, но существенный недостаток — ее было трудно выполнить. Веллингтон должен был предложить своим русским собеседникам согласиться на британское посредничество в урегулировании греко-турецкого конфликта; если эти услуги будут отвергнуты одной из сторон, предусматривалось вмешательство двух держав. Какими средствами и до каких пределов — Каннинг не определял. Зато он настойчиво и вполне конкретно отрицал право России объявить войну даже в случае неблагоприятного исхода переговоров. Отказ Порты принять посредничество ни в коем случае не дает «России права на войну про-

тив Турции». Удержать Петербург от решительных акций предполагалось с помощью комбинации с Францией и Австрией, выступавших против раздела османских владений, или предупреждения, что Англия «не потерпит уничтожения Турецкой державы»⁸⁵.

Во исполнение данных ему указаний Веллингтон подчеркивал в меморандуме от 7 марта (н. ст.): совместные действия двух государств предлагаются «при условии, что используемые средства ограничатся представлениями», отказ Порты от осуществления рекомендаций не мог служить оправданием войны с нею⁸⁶.

Нечего и говорить, что в Петербурге вынашивали совсем иные планы. Пятилетний уже и вполне плачевный опыт совместных демаршей и конференций побуждал добиваться согласия, хотя бы молчаливого, на единоличные действия России. Это было достигнуто 23 марта (4 апреля). Веллингтон, Нессельроде и Ливен подписали протокол, которому суждено было сыграть определяющую роль в расстановке сил на Балканах и Ближнем Востоке на ближайшие критические годы.

По редко встречающемуся стечению обстоятельств меньше всего споров шло вокруг коренных вопросов устройства Греции. Канва для определения условий государственного существования греков была подготовлена самим ходом событий. Тяжелые военные неудачи побудили их руководителей отказаться от прежнего требования полной независимости. В важном собственноручном письме от 1(13) марта Веллингтон информировал своих контрагентов об итогах беседы Стрэтфорда с несколькими влиятельными греками на корабле у берегов острова Идры. Последние сообщили о желательности получения Грецией условий наподобие тех, которыми некогда пользовалась республика Рагуза (Дубровник). Стрэтфорд вынес впечатление, что греки согласятся платить ежегодную дань султану, возместить мусульманам, при условии их выезда, ущерб за потерянные земельные и прочие владения; что границы следовало определить в зависимости от хода военных действий. Собеседники британского дипломата «не отвергали совершенно» предоставления Порте «известной доли участия в установлении основных властей» Греции⁸⁷.

При всей компромиссности этих предложений они создавали реальную основу для восстановления греческой государственности. Они шли в том же русле, что и прежние проекты русской дипломатии. Но принятие их не грозило афронтом с греческой стороны подобно тому, как это приключилось с сочиненной в январе 1824 г. запиской.

Поэтому министерство иностранных дел сразу же подхватило греческий план. В суммарных пунктах возможного урегулирования ⁸⁸ предлагалось «взять за основу предложения, сделанные г-ну Стрэтфорд-Каннингу греческими вождями», и попытаться добиться для Греции статута, которым некогда пользовалась Рагузинская (Дубровницкая) республика ⁸⁹. Веллингтон ответил согласием, еще раз повторив, что две державы будут руководствоваться «предложением, переданным мистеру Стрэтфорд-Каннингу на о-ве Идра» ⁹⁰.

Суть достигнутой 23 марта (4 апреля) англо-русской договоренности заключалась в следующем. Россия употребит все усилия для успеха британского посредничества с целью умиротворения Греции. В дальнейшем надлежало определить формы ее участия в связанных с этим переговорах. Были очерчены условия урегулирования: греки «будут управляться властями, ими самими избранными и назначенными, но в назначении которых Порты будет иметь известное участие»; «они будут пользоваться полной свободой совести и сношений и будут исключительно сами заведовать внутренним своим управлением». Турецкая собственность на освобожденной территории подлежала выкупу.

Поскольку судьбы восстания висели на волоске, эти условия для греков были благоприятны. Их зависимость сводилась почти исключительно к зафиксированной дани. Представляется исключительно важным, что пункты о государственном устройстве Греции, ее отношениях с Портой не были навязаны извне, а почти совпадали с пожеланиями повстанцев, выраженными с учетом реальной ситуации.

Ключевым параграфом протокола был третий, предусматривавший, что в случае неудачи посредничества стороны будут считать перечисленные выше условия основой примирения, «имеющего совершиться при их участии, общем или единоличном, между Портою и греками» ⁹¹. Вырванное у Великобритании согласие на единоличное вмешательство и было, с точки зрения Петербурга, самым ценным результатом переговоров ⁹². Завершался документ заверением сторон в своем полном бескорыстии: они не будут добиваться для себя никаких территориальных приращений, никакого исключительного влияния и торговых выгод для своих подданных.

Некоторые британские авторы, даже такие крупные, как Темперлей, пытаются объяснить уступку своей дипломатии, толкуют, будто Веллингтон «был полностью введен в заблуждение» в русской столице; царь сделал вид, что не занят греческими делами; затем «различными путями герцога побуди-

ли подписать протокол, в подлинном значении которого он не разобрался»⁹³.

Что полководец не давал отчета в возможных далеко идущих последствиях скрепленной его подписью бумаги, вполне вероятно. Но объяснять серьезнейшую политическую акцию тем, что герцога якобы обвели вокруг пальца, по меньшей мере наивно. В Петербурге не скрывали, что не остановятся перед войной во имя освобождения Греции. В упомянутых нами пунктах урегулирования указывалось, что Россия будет добиваться их осуществления путем «военных операций в случае разрыва и, используя свое влияние, в случае примирения с Портой»⁹⁴.

Сама британская инициатива была вызвана ясным сознанием того, что русская дипломатия сбросила с себя оковы «европейского концерта». Надежд на то, что удастся добиться договоренности, не уступив ни в чем, и царизм предоставит действовать одной Великобритании, не существовало никаких. «Меттерних потерпел поражение, пытаясь сдержать Россию, не предпринимая ничего, — пишет тот же Темперлей. — Для Англии было лучше действовать с ней, нежели остаться изолированной и бессильной». «Каннинг поэтому мог удержать ее в границах, предпринимая что-то»⁹⁵. Речь могла идти только о масштабах вмешательства России в греко-турецкий конфликт; мера допускаемого здесь в какой-то степени зависела от искусства британского уполномоченного. В этом смысле протокол, под которым подписался Веллингтон, позволял очень широкое толкование — вплоть до военных действий, что и вызвало недовольство в Лондоне.

У Каннинга хватило благоразумия не бросать упреков коллеге⁹⁶. Официально он выразил свое удовлетворение: ближайшие цели британской дипломатии были достигнуты; русско-турецкий конфликт, если не предотвращен, то по крайней мере отсрочен, правда, тяжелой, с точки зрения британских политических традиций, ценой.

Между тем ситуация в Греции становилась трагической. В апреле 1826 г. гарнизон Миссолонги после длительной осады предпринял попытку прорыва, но из-за предательства осаждавшие узнали о нем заранее. Менее чем 2 тыс. греческим бойцам удалось прорваться из окружения. Остальные пали на поле боя или вынуждены были повернуть к разрушенной крепости, куда у них на плечах ворвались турки и египтяне. С отчаянной решимостью часть гарнизона взорвала два пороховых склада и мельницу, превращенную в арсенал, погибнув под их развалинами. Уцелевших постигла страшная участь. Мужчины и даже мальчики старше 12 лет были по-

головно вырезаны; женщины и дети вывезены в Египет и проданы в рабство. Европа содрогнулась, усмотрев в расправе подтверждение слухов о намерении Ибрагима-паши истребить в Морее греков и заселить область выходцами из Азии. Как и предвидел Каннинг, турецкая победа привела к росту филэллинских настроений. Британская дипломатия сочла нужным вмешаться. К египетскому генералу явился английский офицер и заявил, что его страна не потерпит создания на Балканах варварского пиратского государства. Ибрагим сослался на то, что он — всего лишь слуга Порты, к которой и надлежит обратиться. В Стамбуле отказались дать официальный ответ, но частным путем сообщили, что плана поголовного истребления греков не существует⁹⁷.

Обо всех этих шагах было сообщено в Петербург⁹⁸. Резкой реакции России на расправы египетских войск Лондон опасался больше всего и афишированием своих протестов стремился смягчить обстановку.

29 апреля, через неделю после падения Миссолонги, греки обратились к британскому правительству с просьбой выступить в качестве посредника⁹⁹. Их бедствия продолжались. В июле Решид-паша Кутахья взял Афины. Полторы тысячи защитников укрылись в Акрополе. Понадобился почти год, чтобы захватить эту расположенную на горе твердыню. Разоренная и разграбленная страна не могла содержать вооруженные силы; многие солдаты и офицеры получали жалованье из средств, собранных филэллинскими комитетами во Франции, Англии, Швейцарии, США (всего было прислано около 70 тыс. ф. ст.). Представители этих комитетов на полуострове, особенно английские, активно действовали в пользу своих правительств. Блэкайр и Джордж Ли настаивали, чтобы вслед за лордом Кохрейном, приглашенным в Грецию в качестве главного адмирала¹⁰⁰, такое же обращение было послано генералу Чёрчу. Во время наполеоновских войн Чёрч командовал на вербованными из греков полками на Ионических островах. Настояния английских эмиссаров попали на благоприятную почву. Видный полководец Т. Колокотронис написал генералу письмо, в котором в проникновенных выражениях просил его приехать туда, где льется кровь за свободу. Приезд Чёрча, правда, сильно затянулся — он прибыл в Грецию лишь в марте 1827 г. и был назначен генералиссимусом; вслед за ним к берегам полуострова приплыл и лорд Кохрейн¹⁰¹. Руководство военными операциями на суше и море оказалось в руках англичан. Французский полковник Фавье, командовавший отрядом регуляр-

ных греческих войск, был оттеснен на третьи роли; соответственно спизилось и французское влияние.

В то же время крепили позиции так называемой русской партии в стране. Начала приносить плоды активизация политики России. В Греции подняли голову сторонники Иоанна Каподистрии. Патриотизм этого деятеля, его международный авторитет, его близость к высшим петербургским сферам — все это позволяло надеяться, что он сослужит большую службу освобождению родины¹⁰². Каподистрия был убежденным сторонником ориентации греков на Россию: «Вековой опыт, традиции, передаваемые из года в год, от поколения к поколению, научили их... что после господства бога лишь Россия обеспечивала их национальное существование»¹⁰³. К Великобритании Каподистрия относился с недоверием, обвиняя ее в стремлении «выиграть время, помешать или, во всяком случае, замедлить и нейтрализовать активное сотрудничество с Россией в определении будущего этой страны»¹⁰⁴.

Каподистрия стоял в стороне от междоусобиц и интриг, раздиравших лагерь повстанцев. На него все больше смотрели как на человека, способного примирить враждующие группировки (хотя он сам подчеркивал свое желание удалиться «под скромную кровлю отцов»)¹⁰⁵. Голоса в пользу его избрания президентом Греции становились все громче и настойчивее. 2(14) апреля 1827 г. этот акт совершился, собрание избрало его главой государства на семь лет.

Официальный документ об избрании был вручен Каподистрии в июне в Петербурге, куда он прибыл для переговоров с Николаем I. Здесь, наконец, он получил отставку с русской государственной службы. Состоялось пять его бесед с царем, и достигнутая договоренность была закреплена в кабинетном письме на имя греческого президента и в его ответе. В письмах были изложены основы внутреннего устройства Греции, повторявшие соответствующие разделы протокола от 23 марта (4 апреля) 1826 г. Каподистрия намекнул при этом, что отказ Порты от перемирия даст Греции право на полную самостоятельность. Царское правительство обещало предоставить ему денежную субсидию¹⁰⁶.

Визиты Каподистрии в Лондон и Париж не принесли ничего утешительного; его встретили вежливо, но прохладно и поддержки не обещали.

Подписание англо-русского протокола от 23 марта (4 апреля) 1826 г. вовсе не означало, что стороны двинулись дальше в добром согласии. Партнеры действовали в разных направлениях. Русская дипломатия толкала своих коллег вперед; те же стремились затормозить события. Каннинг,

готовивший протокол в глубокой тайне от послов Австрии и Франции, превратился в сторонника коллективных действий. Такая смена тактики была предусмотрена заранее и отвечала создавшейся обстановке: Россия дала согласие на британское посредничество в греко-турецком конфликте. Теперь надлежало склонить к тому же участников «европейского концерта» и одновременно свернуть русскую дипломатию с пути прямых переговоров с Грецией и Турцией (что предусматривалось протоколом) в лабиринт бесконечных дискуссий, укрепляя тем временем собственное влияние в Греции. Еще в феврале 1826 г., ставя свою подпись под инструкциями Веллингтону, дальновидный дипломат предвидел такое развитие событий. Что делать, если Турция отвергнет посредничество, как удержать Россию от войны? В таком случае надо изыскивать комбинацию с Австрией и Францией; первая боится подобной войны; вторая высказывается против раздела Османских владений¹⁰⁷. Каннинг явно стремился разыграть вариации в духе знаменитой крыловской басни о лебеде, раке и щуке.

В июне 1826 г. русское министерство сделало первое представление в Лондоне относительно воплощения в жизнь протокола, не очень, правда, настойчиво¹⁰⁸. Петербург хотел завершить переговоры в Аккермане; пугать Стамбул перспективой скорого отпадения Греции не входило в его расчеты. Положение в стране было слишком напряженным, чтобы, не завершив расправы с декабристами, вступать в крупный, и, возможно, вооруженный конфликт. К. В. Нессельроде писал о необходимости «сохранить внешний мир по меньшей мере в первый год» нового царствования¹⁰⁹.

Реакция Каннинга оставляла желать лучшего: он рассыпался в заверениях о готовности сотрудничать и претворять в жизнь петербургский протокол, но проявлял крайнюю «сдержанность» в отношении вооруженного столкновения с Турцией, старым союзником Великобритании, к которому его коллеги по кабинету относились благосклонно¹¹⁰. «Британское правительство, — писал Каннинг, — не считает отказ Порты выслушать предложения по урегулированию с Грецией справедливым основанием для войны» со стороны посредничающей державы. «Излишне разъяснять, сколь искренно и обеспокоенно британское правительство продолжает следить за опасностью возникновения войны... которая может повести к осложнениям, фатальным для общего спокойствия Европы»¹¹¹. В этом случае глава Форин оффис заранее отказывал России в поддержке, но требовал от последней соблюдения § 5 Петербургского протокола (содержавшего отказ сторон

от всяких экспансионистских замыслов на Балканах). Будучи реалистом и понимая, что «заморозить» греческий вопрос не удастся, Каннинг соглашался пригрозить Порте отзывом из Стамбула союзных посланников и сближением с Грецией, что должно было выразиться в посылке туда консульских агентов, признании ее правительства, а в будущем — независимости Мореи и островов ¹¹². Но все это — в ходе длительной процедуры и с привлечением Франции, Австрии и Пруссии ¹¹³.

Петербург подтвердил согласие на программу позитивных действий и давления на Порту ¹¹⁴. Однако медлительная фабианская тактика, взятая на вооружение Каннингом, вызвала в русской столице тревогу и раздражение. В депеше от 17 сентября Ливену предписывалось сказать Каннингу, что Россия «приступила к греческому вопросу... с твердым намерением решить его». Целесообразно поэтому не только послать в Элладу консулов; задача держав — «помочь образованию правительства, обладающего подлинной властью»; с другой стороны, надо «парализовать результаты помощи, которую паша Египта оказывает Порте и которая изменила лицо войны». Это может быть достигнуто посылкой союзных флотов. Нельзя равнодушно смотреть на помощь Франции египетским карателям людьми, судами и военным снаряжением ¹¹⁵. Тем же 17 сентября помечена и другая нота, и это свидетельствует о росте напора с русской стороны. Если русско-турецкие переговоры зайдут в тупик и Россия будет вынуждена «поддержать свои права оружием», она «не будет выдвигать новых требований, относящихся к Греции, но исходит из предпосылки, что эти условия сохраняют всю свою силу для Англии». В депеше говорилось о «возможности признания независимости Мореи и островов Архипелага». Идея эта пробивала себе дорогу. Ничего не может быть пагубнее для двух первых держав христианского мира, «ничто не представит их политику в более ложном свете», утверждалось далее в ноте, нежели сперва «громогласно заявить, что они добьются умиротворения в Леванте, а затем оказаться не в силах или не осмелиться осуществить свою волю» ¹¹⁶.

В январе 1827 г. Петербург пришел к выводу, что «исключительно желанием Англии остановить одностороннее вмешательство России в пользу греков можно себе объяснить подписание герцогом Веллингтоном мартовского протокола» ¹¹⁷; та же причина превратила Каннинга в поборника коллективных действий держав.

Меттерних, узнав об англо-русском протоколе, воскликнул: «Какая глупость!». И. А. Каподистрия суммировал

взгляды австрийского канцлера просто: «Умиротворение Греции путем истребления греков»¹¹⁸. Сложные маневры сотрудничества и соперничества держав вокруг греческого вопроса не имели ничего общего с принципами Священного союза, могильщиком которого Меттерних считал Каннинга, именуя его «зловредным метеором». Британский министр платил австрийцу той же монетой, отзываясь о канцлере как о «самом большом мошеннике и отъявленном лгуне не только на континенте, но, пожалуй, и во всем цивилизованном мире»¹¹⁹. Отказавшись от участия в переговорах, увлекши на тот же путь Пруссию, Меттерних очутился в положении глубокой изоляции. «Австрийский министр совершенно утратил способность контролировать ход международных отношений в Европе. Австрия оказалась в стороне от основных направлений дипломатической деятельности», — писала американская исследовательница Барбара Елавич. Через год Меттерних жаловался: «Сейчас я ни на что не гожусь... Я трачу жизнь, подпирая разваливающееся здание»¹²⁰.

Франция избрала другой путь. Ультрароялистский кабинет Ж. Б. Виллеля доживал последние месяцы. Оппозиция крепла; основные круги буржуазии поддерживали ее¹²¹, требуя активизации внешней политики и обеспечения рынков. Начавшийся в 1826 г. промышленный кризис усилил ее недовольство. Кабинет был вынужден с этим считаться. В то же время сил и возможностей для установления единоличного влияния в Греции в противоборстве с Великобританией не хватало. Каннинг без всяких околичностей дал понять, что французского преобладания там не потерпит. Оказываемая правительством египетскому владыке помощь вызывала возмущение общественности Франции, глубоко опечаленной падением греческой твердыни Миссолонги и возмущенной учиненными после ее взятия зверствами. Газета «Курьер франсэ» негодовала: «Весь мир знает, что перебежчики, подвигающиеся в рядах палачей греков, находятся там с согласия министерства, и им обещано сохранение званий и старшинства во французской армии»¹²².

Противостоять блоку двух держав по греческому вопросу Париж не мог; оставалось присоединиться к России и Великобритании и попытаться достичь своих целей в составе трио. Да и Каннинг, одержав верх над французами в Греции, сменил гнев на милость. В августе 1826 г. он самолично пожаловал в Париж, побуждая Виллеля сесть за стол переговоров. В ноябре здесь открылись совещания послов России и Англии с министрами короля Луи Филиппа. Французы внесли предложение гарантировать неприкосновенность Османской

империи на всем ее протяжении. Из Петербурга немедленно пришел формальный отказ «продвигать» дело греков таким образом ¹²³. Многотрудные переговоры были перенесены в Лондон. Х. А. Ливену было предписано «в крайнем случае» сослаться на параграф третий апрельской англо-русской конвенции, предусматривавшей возможность односторонних действий ¹²⁴, для оказания давления на неподатливых партнеров.

Весной 1827 г. премьер-министра графа Ливершуля разбил паралич. Завязалась борьба за власть, победителем из которой, опираясь на большой авторитет в парламенте и стране, вышел Джордж Каннинг. Король Георг IV вынужден был назначить своего личного врага главой правительства. Разобиженный «железный герцог» отказался участвовать в кабинете и дал волю своим протурецким настроениям. Все это затянуло и без того сложные англо-русско-французские переговоры. К. В. Нессельроде явно не по своей инициативе грозил самостоятельными действиями России в случае их срыва, на что петербургский протокол давал ей право ¹²⁵. Лишь 6 июля 1827 г. н. ст. стороны подписали соглашение. Шесть его гласных статей повторяли, с некоторыми редакционными изменениями, апрельский документ предыдущего года. Главной являлась дополнительная секретная статья, вокруг которой и велись споры, ибо она предусматривала меры для претворения договоренности в жизнь ¹²⁶. Она гласила: при отказе Порты от посредничества три державы примут меры для сближения с греками (установление с ними коммерческих отношений, посылка консульских агентов). В случае отказа одной из воюющих сторон от установления перемирия три государства предпримут меры для его достижения, не втягиваясь в военные действия ¹²⁷. С этой целью правительства отправят инструкции адмиралам, командующим эскадрами в Средиземном море.

Соглашение явилось плодом борьбы и компромисса. Отсюда — нечеткость положений его секретной статьи, включенной в документ по настоянию русской стороны, но не отразившей все ее пожелания ¹²⁸. Так, заявление о неучастии в военных действиях было плодом творчества нового главы Форин оффис лорда Дадли и французского посла князя Полиньяка. Они же отказались включить пункт о запрещении военной контрабанды. Тогда Ливен добился, чтобы в инструкции адмиралам было предписано в случае отказа турецкой стороны от перемирия пресекать силой доставку из Турции и Египта оружия и боеприпасов.

Через неделю после подписания соглашения его текст,

включая секретную статью, появился в газете «Таймс». Тайное стало явным. Каннинг и Полиньяк не удержались от перепалки, обвинив друг друга в неумении держать секреты. Играть дальше в прятки и оттягивать действия не было никакой возможности. В разгар этих событий Каннинг скончался (8 августа 1827 г.). Британская внешняя политика лишилась твердой руки. Новый премьер, лорд Годерич, слыл полнейшей посредственностью и являлся лишь переходной фигурой; лорд Дадли, возглавлявший Форин оффис, «робок сверх всякой меры»; лишившись указаний Каннинга, он старался избегать всякой инициативы. Командующего британской эскадрой в Средиземном море вице-адмирала Эдварда Кодрингтона, старого моряка, плававшего еще с Нельсоном, полученная от правительства инструкции повергла в недоумение: ни он, ни французский контр-адмирал де Риньи, писал Э. Кодрингтон в Стамбул Стрэтфорду, не понимают, как они могут помешать туркам снабжать войска в Греции, применяя силу, но не прибегая к военным действиям ¹²⁹.

Дальнейшее известно — адмиралы истолковали инструкцию по-боевому: 8(20) октября 1827 г. союзная англо-русско-французская эскадра под командованием Кодрингтона, Гейдена и де Риньи уничтожила превосходивший ее по числу судов и артиллерийских орудий турецко-египетский флот в Наваринской бухте, спутав все карты британской дипломатии.

В Лондоне не скрывали своей озабоченности итогами славного сражения и нежелания ссориться с Портой. Каннинг умер, но и в его планы не входило развязывать военные действия. Его преемники, не отличавшиеся дальновидностью, свернули на старую дорогу безоговорочного сохранения Османской империи. Лорд Дадли пригласил к себе Ливена и в присутствии французского посла Полиньяка от имени кабинетов Лондона и Парижа выразил надежду, что «неожиданный инцидент» (как он назвал крупнейшее в истории морское сражение) не повлияет на отношения держав с Портой и что они ни в коем случае не могут считать, что находятся в состоянии войны с Османской империей ¹³⁰.

Поскольку британский флот со времени Трафальгарской битвы 1805 г. не сражался с такой славой, как под Наварином, обойти Кодрингтона наградой Георг IV не мог. Адмирал получил высокий орден Бани. Подписывая указ, король не удержался от того, чтобы не излить свои чувства. На полях он написал: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревку» ¹³¹. В тронной речи знаменитый бой был назван «неудачным происшествием».

Между тем поведение султанского правительства становилось вызывающим. Наваринский разгром не только не подтолкнул его к примирению с греками, но заставил закоснеть в своем упорстве. Самое большое, на что шел диван, — это (при условии изъявления повстанцами покорности) простить им прошлое и объявить амнистию. Трем дворам было предъявлено требование возместить причиненный турецко-египетскому флоту ущерб и принести извинения султану¹³². 8 дек., исчерпав меры убеждения, послы Рибоьер, Стратфорд и Гильомино затребовали свои паспорта. Двое последних перед отъездом, во время прощального визита в министерстве иностранных дел, рассыпались в заверениях в дружеских чувствах к Порте. Опасения турецких сановников, что придется воевать с коалицией, были рассеяны. После Наварина она фактически распалась как орудие давления на султана; теперь англо-французские связи с рамках соглашения от 7 июля 1827 г. существовали для того, чтобы затормозить и ограничить действия России.

У России оставалось одно средство добиться осуществления записанных в Петербургском протоколе положений — воспользоваться пунктом о возможности единоличного вмешательства. Новая русско-турецкая война становилась реальностью.

С точки зрения внешнеполитической она была хорошо подготовлена. Исключительно удачными маневрами русская дипломатия отняла у партнеров и соперников все козыри для крупной контригры. Николай I, по словам Веллингтона, в доверительных беседах с ним «не раз выражал великодушную решимость не прибавлять ни одной деревни к своим владениям и не предпринимать каких-либо политических акций для увеличения своего влияния»¹³³. Герцог выразил пожелание, чтобы намерения монарха — дабы развеять подозрения и пресечь кривотолки — были изложены на бумаге с соответствующими подписями и сургучной печатью. Это было сделано в § 5 Петербургского протокола, повторено в 5-й статье Лондонской конвенции 24 июня (6 июля) 1827 г., подтверждено так называемым протоколом о бескорыстии 30 ноября (12 декабря) 1827 г.¹³⁴ Российская дипломатия, ссылаясь на то, что собственные требования полностью удовлетворены Аккерманской конвенцией, объясняла свои дальнейшие действия исключительно бескорыстным стремлением освободить греческий народ: она готова перечеркнуть только что достигнутое, вступая в трудный конфликт, грозящий вылиться в войну, «она жертвует собственными интересами ради общих, она доказывает, что ее политика в отношении

Греции исключает ныне всякие подозрения»¹³⁵. Конечно, при этом она забыла упомянуть о стремлении увеличить влияние царизма на Балканах.

С другой стороны, в попытках смягчить русско-турецкий конфликт британское правительство зашло слишком далеко по пути сотрудничества с Россией, чтобы поворачивать фронт своей дипломатии на 180 градусов. После двух протоколов, одного соглашения, Паваринского боя она не могла открыто выступить в защиту Турции. Препятствием этому служил и широкий размах филэллинских настроений в самой Великобритании. Сент-Джеймский кабинет утратил инициативу, потерял свободу маневра; самое большее, на что он мог решиться, — это покинуть русского союзника на пороге войны; так и было сделано.

Из всех великих держав, как отмечает британский историк М. С. Андерсон, лишь у России были «подлинные причины для недовольства Портой, по-настоящему глубокие духовные связи с греками и возможность угрожать сердцу Османской империи военными действиями»¹³⁶. Чтобы их осуществить, понадобился не год и не два дипломатической подготовки. Основная ее веха — подписанный весной 1826 г. в Петербурге документ. Несмотря на его скромную форму («всего лишь» протокол, «только» два участника), он сыграл определяющую роль в расстановке международных сил на весь решающий период Восточного кризиса 20-х годов XIX в.

¹ *Petrie Ch. George Canning. L., 1946, p. 227.*

² История дипломатии. М., 1959, изд. 2-е, т. I, с. 534.

³ *The Private Letters of Princess Lieven to Prince Metternich 1820—1826. L., 1948, p. 269, 299.*

⁴ *Тарле Е. В. Соч. М., 1959, т. I, с. 270.*

⁵ История дипломатии, изд. 2-е, т. I, с. 535.

⁶ История дипломатии. М., 1941, изд. 1-е, т. I, с. 398.

⁷ *Webster Ch. K. The Foreign Policy of Palmerston. 1830—1841. L., 1969, v. I, p. 84.*

⁸ *Bailey F. E. British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge (USA), 1942, p. 74.*

⁹ Переоценка значения экономических факторов в формировании взглядов Каннинга на греческий вопрос встречается, на наш взгляд, и в книге: *Фадеев А. В. Россия и Восточный вопрос 20-х годов XIX в. М., 1958, с. 87.* Подробнее о значении коммерции в британской политике в Восточном вопросе сказано в очерке «Дела торговые».

¹⁰ Заявление Каннинга греческой делегации (сентябрь 1825 г.). — *Parliamentary Debates* (далее: PD), 3-d ser., v. 234, p. 747.

¹¹ *Шпаро О. Б. Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос. — Вопр. истории, 1947, № 12, с. 44.*

¹² *Фадеев А. В. Россия и Восточный вопрос...; Княгина Н. С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. М., 1963; Восточ-*

- ный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978.
- ¹³ *Фадеев А. В.* Россия и Восточный вопрос..., с. 137.
  - ¹⁴ *Шпаро О. Б.* Внешняя политика..., с. 55.
  - ¹⁵ *Виноградов В. Н.* Герцог Веллингтон в Петербурге.— Балканские исследования. М., 1982, вып. 8.
  - ¹⁶ См. очерк первый.
  - ¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4455, л. 88; Memorandum for Lord Strangford. Verona, 1822 (копия).
  - ¹⁸ *Temperley H.* The Foreign Policy of Canning. L., 1925, p. 326.
  - ¹⁹ The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923, v. 2, p. 87.
  - ²⁰ ВПР. М., 1982, сер. 2, т. 5(13), с. 93.
  - ²¹ *Petrie Ch.* George Canning, p. 168.
  - ²² АВПР, ф. Канцелярия, 1824, д. 6931, л. 241; д. 6932, л. 57. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 29.I (10.II) 1824; 11(23), IV 1824. Сведения о займе см.: *Шпаро О. Б.* Внешняя политика..., с. 49—50.
  - ²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 6922, л. 117. Копия депеши П. Стрэнгфорда — К. В. Нессельроде от 28 февраля 1823 г.
  - ²⁴ В 1821 г. турецкие войска подавили восстание в Валахии и заняли Дунайские княжества.
  - ²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 6921, л. 635—637. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 18(30).XI 1823.
  - ²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 6922, л. 51.
  - ²⁷ Там же, л. 114—115; ВПР, т. 13, с. 155—161, 161—165.
  - ²⁸ ВПР, т. 13, с. 122. Записка градоначальника Одессы А. Д. Гурьева 22.V (3.VI) 1823.
  - ²⁹ ВПР, т. 13, с. 221—231.
  - ³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1824, д. 6931, л. 1. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 14(26). XII 1823.
  - ³¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д. 6922, л. 252—255.
  - ³² ВПР, т. 13, с. 93. Д. П. Татищев — К. В. Нессельроде. 28.IV(11.V) 1824.
  - ³³ Memoire sur la pacification de la Grèce.— ВПР, т. 13, с. 308—319.
  - ³⁴ См. статью акад. Нарочницкого А. Л. в советско-греческом сборнике «Les relations greco-russes pendant la domination turque et la guerre d'indépendance grecque. Thessaloniki, 1983.
  - ³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1824, д. 6931, л. 331.
  - ³⁶ Там же, л. 334—338. Дж. Каннинг — X. А. Ливену. 15.III 1824.
  - ³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1824, д. 6932, л. 103. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 21.IV (3.V) 1824.
  - ³⁸ *Шпаро О. Б.* Внешняя политика, с. 47.
  - ³⁹ *Temperley H.* The Foreign Policy..., p. 332.
  - ⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1824, д. 6933, л. 321—326. Из депеши П. Стрэнгфорда Дж. Каннингу от 15 сентября 1824 г.
  - ⁴¹ Там же, л. 319—320. Письмо генерального секретаря временного греческого правительства Дж. Каннингу от 12 августа 1824 г.
  - ⁴² ВПР, т. 13, с. 322. К. В. Нессельроде — X. А. Ливену 9(21). I 1824.
  - ⁴³ АВПР, ф. Канцелярия, 1824, д. 6933, л. 307—308.
  - ⁴⁴ ВПР, т. 13, с. 565. Депеша К. В. Нессельроде представителям России в Вене, Париже, Лондоне и Берлине 26.VII (7.VIII) 1824.
  - ⁴⁵ ВПР, т. 13, с. 581—582. М. Я. Минцки — К. В. Нессельроде 11(23). VIII 1824.
  - ⁴⁶ ВПР, т. 13, с. 655. К. В. Нессельроде — X. А. Ливену 18(30).XII 1824.

- 47 ВПР, т. 13, с. 639. К. В. Нессельроде — Д. П. Татищеву 21.XI (3 XII) 1824.
- 48 ВПР, т. 13, с. 653. К. В. Нессельроде — Д. П. Татищеву 14(26).XII. 1824.
- 49 ВПР, т. 13, с. 657. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену 18(30). XII 1824.
- 50 АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6959, л. 37—38.
- 51 *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. М., 1947, т. I, с. 248.
- 52 АВПР, ф. Канцелярия, 1825, д. 6941, л. 31—36. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 20.IX (2.X) 1825.
- 53 Беседа происходила до прибытия в Лондон официального греческого уполномоченного Д. Миаулиса с «Актом подчинения». Англичане получили сведения об акте от верховного комиссара Ионических островов.
- 54 PD, 1877, 3-rd ser., v. 234, p. 747—748.
- 55 АВПР, ф. Канцелярия, 1825, д. 6941, л. 35, 36; *The London Gazette*, 4.X 1825.
- 56 АВПР, ф. Канцелярия, 1825, д. 6941, л. 82—86, Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 18(30).X 1825. Зачитывая послу протокол своей беседы с греческими делегатами, Каннинг, дойдя до места, касавшегося России, ограничился пересказом.
- 57 Инструкция от 12.X 1825.
- 58 *The Cambridge History...*, v. 2, p. 89.
- 59 *Crawley C. W. John Capodistria's Unpublished Letters. Thessaloniki*, 1970, p. 72.
- 60 ЦГАДА, ф. 15, л. 336, 337. Переписка И. Каподистрии по поводу положения Ионических островов.
- 61 *Crawley C. W. John Capodistria's...*, p. 72, 73.
- 62 О встрече у о-ва Идры см.: *Crawley C. W. John Capodistria's...*, p. 95.
- 63 *Stapleton A. G. The Political Life of George Canning. L.*, 1831, v. 2, p. 459.
- 64 *Ibid.*, p. 457—458.
- 65 АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 387—389. Из депеши Ч. Стратфорда от 19 апреля 1826 г.
- 66 *The Cambridge History...*, v. 2, p. 87.
- 67 АВПР, ф. Канцелярия, 1825, д. 6841, л. 115—117. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 18(30). X 1825.
- 68 *Шильдер Н. К.* Император Николай I. СПб., 1903, т. I, с. 411; *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1897, с. 141—142; *Ковалевский Е.* Восточные дела в двадцатых годах. — *Вестн. Европы*, 1868, № 3—4, с. 143—144.
- 69 Указанные положения взяты из инструкции Каннинга герцогу Веллингтону, подписанной 10 февраля 1826 г. — *Stapleton A. G. The Political...*, p. 465—476.
- 70 АВПР, ф. Канцелярия, 1825, д. 6941, л. 244—253. Письмо Х. А. Ливена от 4(16) декабря 1825 г.
- 71 *Шильдер Н. К.* Император Николай I, т. I, с. 413.
- 72 *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1898, т. 4, с. 229.
- 73 *Татищев С. С.* Внешняя политика..., с. 155.
- 74 Там же, с. 150.
- 75 *Шильдер Н. К.* Император Николай I, т. I, с. 413.
- 76 АВПР, ф. Канцелярия, д. 4455, л. 169—172, 162—165; 158, 161. Нельзя поэтому согласиться с утверждениями Е. В. Тарле: «Не говоря ни слова Веллингтону и обдумав беседу с ним, царь

- внезапно послал Турции нечто очень похожее на ультиматум» (История дипломатии, изд. 2-е, т. I, с. 539) и А. В. Фадеева: «Любезно беседуя с Веллингтоном, Николай I без его ведома заготовил пространную ноту» (Фадеев А. В. Россия и Восточный вопрос..., с. 149). Правда, Веллингтон сетовал на то, что проект ноты с ним обсуждали, а окончательного текста ему не показали, и написал что-то вроде протеста, впрочем, в форме частного письма, не очень решительного по тону.— АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4455, л. 48—49. А. Веллингтон — К. В. Нессельроде 9(21) марта 1826 г.
- ⁷⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4456, л. 14. Частное письмо К. В. Нессельроде — А. Веллингтону, 27.V (8.VI) 1826.
- ⁷⁸ Отчет К. В. Нессельроде о переговорах см.: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (далее: СТК). СПб., 1895, т. XI, с. 340.
- ⁷⁹ *Stapleton A. G. The Political...*, p. 486.
- ⁸⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4455, д. 216—217. А. Веллингтон — Ч. Стрэтфорду, 1(13). III 1826 г. (французский перевод).
- ⁸¹ Стрэтфорд «энергично настаивал перед Портой — уступить требованиям России. Его советы были... горячо поддержаны представителями Франции и Австрии». — *Stapleton A. G. The Political...*, p. 494.
- ⁸² ЦГАДА, ф. 1278, д. 82, л. 26, 27.
- ⁸³ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869.
- ⁸⁴ История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938, т. 3, с. 194: *The Cambridge History...*, v. 2, p. 93. Царь «под давлением» согласился обсуждать греческий вопрос, писал Степлтон. — *Stapleton A. G. The Political...*, p. 485.
- ⁸⁵ *Stapleton A. G. The Political...*, p. 469—474.
- ⁸⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4455, л. 83.
- ⁸⁷ Английский оригинал и французский перевод письма см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4455, л. 219—222. (Опубликовано: *Виноградов В. Н.* Герцог Веллингтон в Петербурге.— Балканские исследования. М., 1982, вып. 8). Записка свидетельствует, что с греческой стороны были даны гораздо более определенные заявления, нежели это представлялось в литературе.— *Crawley C. W. John Capodistria's...*, p. 95.
- ⁸⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4456, л. 2—5.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же, д. 4455, л. 22—26. Меморандум А. Веллингтона от 14 (26). III 1826.
- ⁹¹ Протокол от 23 марта (4 апреля) 1826 г.— СТК, т. XI, № 432, с. 341—343. Небезынтересно провести текстологическое сопоставление нескольких отличных друг от друга вариантов § 3 в проектах протокола. Первоначальный английский текст говорил о примирении между греками и Турцией при посредничестве (*mediation*) одной или обеих держав; в первоначальном французском варианте наряду с «*mediation*» появилось допускающее более широкое толкование слово «*entremise*». В окончательном французском тексте осталось только одно это слово; в русском тексте оно было переведено как участие (см. АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4455, л. 263—265, 256—266). Эти нюансы в переводе не дают оснований брать под сомнение бесспорный факт: Великобритания не оговорила, что протокол перестает действовать в случае русско-турецкой войны.
- ⁹² И. А. Каподистрия писал: «Протокол останется мертвой буквой»

- без условия, которого герцог Веллингтон не понял и которое давало России право осуществлять его сепаратно». — *Crawley C. W. John Capodistria's...*, p. 98.
- ⁹³ *Temperley H. The Foreign policy...*, p. 354.
- ⁹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4456, л. 2—5.
- ⁹⁵ *Temperley H. The Foreign Policy...*, p. 392.
- ⁹⁶ Сходное мнение с Г. Темперлеем высказывает современный британский историк Г. Д. Клейтон: «Потенциально опасным аспектом протокола, как немедленно осознал Каннинг, было сохранение за Россией права действовать сепаратно против Турции». — *Clayton G. D. Britain and the Eastern Question. London, 1971, p. 50—51.*
- ⁹⁷ *Stapleton A. G. The Political...*, p. 487—491, 495—496.
- ⁹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 389, 391, 393, 395—398.
- ⁹⁹ Там же, л. 399—404. Copie d'un lettre de la Comission permanente de l'Assemblée nationale de la Grèce à l'ambassadeur de S. M. Britannique près de la Porte. Avril 1826. В отличие от Петербургского протокола, оставлявшего определение территории Греции на будущее, греки выдвигали трудно исполнимое требование о гарантии одинаковых прав всем частям Греции, независимо от их успеха в вооруженной борьбе.
- ¹⁰⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1825, д. 6941, л. 9; *Гуткина И. Г. Английская общественность и национально-освободительное движение в Греции в 20-х годах XIX в.— Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1968, т. 288, с. 191—192.*
- ¹⁰¹ *Dakin D. The Greek Struggle for Independence 1821—1833. Berkeley—Los Angeles, 1973.*
- ¹⁰² *Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия и греческая национально-освободительная революция 1821 г.— Новая и новейшая история, 1976, № 3.*
- ¹⁰³ *Crawley G. W. John Capodistria's...*, p. 91.
- ¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 99.
- ¹⁰⁵ Британская дипломатия начала проявлять повышенный интерес к личности Каподистрии. С ним встречались посол в Париже лорд Грэнвилл и комиссар на Ионических островах генерал Ф. Адам. — *Crawley G. W. John Capodistria's...*, p. 68—70, 81—82.
- ¹⁰⁶ *Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 253.*
- ¹⁰⁷ *Stapleton A. G. The Political...*, p. 477.
- ¹⁰⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6959, л. 52—55.
- ¹⁰⁹ К. В. Нессельроде — И. А. Каподистрии, 16(28).VI 1826 — *Crawley C. W. John Capodistria's...*, p. 84.
- ¹¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 464. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде, 24.VIII (5.IX) 1826.
- ¹¹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6958, л. 429, 427—428. Д. Каннинг — X. А. Ливену 4.IX 1826.
- ¹¹² Там же, л. 431, 434—435.
- ¹¹³ Там же, л. 155—156. Из инструкции Д. Каннинга Ч. Стрэтфорду 20.XI 1826.
- ¹¹⁴ Там же, л. 223—224.
- ¹¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6959, л. 196—197, 199—200.
- ¹¹⁶ Там же, л. 219—220, 223—224.
- ¹¹⁷ СТК..., т. XI, с. 395.
- ¹¹⁸ *Crawley C. W. John Capodistria's...*, p. 99.
- ¹¹⁹ *Дебидур А. Дипломатическая история...*, т. I, с. 245.
- ¹²⁰ *Jelavich B. The Habsburg Empire in European Affairs 1814—1918. Chicago, 1969, p. 36, 25.*
- ¹²¹ Характерно для соотношения сил, что в 1824 г. правительствен-

- ные газеты имели в Париже 1 тыс. подписчиков, а оппозиционные — 41 тыс.— История Франции. М., 1973, т. 2, с. 204.
- ¹²² *Dimakis J.* La presse française face à la chute de Missolonghi et à la bataille navale de Navarin. Thessaloniki, 1976, p. 61, 63—64.
- ¹²³ *Temperley H.* The Foreign Policy..., p. 395—396.
- ¹²⁴ СТК..., т. XI, с. 350.
- ¹²⁵ Там же, с. 355.
- ¹²⁶ «Было совершенно ясно,— писал Г. Темперлей,— что если он (Каннинг.— В. В.) не согласится на применение силы, Россия пойдет вперед одна».— *Temperley H.* The Foreign Policy..., p. 398.
- ¹²⁷ Текст соглашения от 6 июля 1827 г. см.: СТК..., т. XI, с. 356—361.
- ¹²⁸ *Temperley H.* The Foreign..., p. 399, 398.
- ¹²⁹ *Ibid.*, p. 404.
- ¹³⁰ СТК, т. XI, с. 368.
- ¹³¹ *Шпаро О. Б.* Внешняя политика..., с. 60.
- ¹³² *Новичев А. Д.* История Турции. Л., 1968, т. II, ч. 1, с. 157.
- ¹³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 4455, л. 162. А. Веллингтон — К. В. Нессельроде, 1(13), III 1826.
- ¹³⁴ СТК, т. XI, с. 343, 359, 382.
- ¹³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1826, д. 6959, л. 225.
- ¹³⁶ *Anderson M. S.* The Eastern Question 1774—1923. London, 1966, p. 59.

Очерк третий

ЭТОТ СТРАННЫЙ АНГЛО-РУССКИЙ СОЮЗ

Во время войны 1828—1829 гг., помимо двух фронтов боевых действий, Балканского и Кавказского, существовал и третий, дипломатический. Все это время в Лондоне не прекращались совещания послов, российских и французских, с британскими министрами. Тонкий покров союза прикрывал недоверие и соперничество держав. Дипломатическая история их борьбы хорошо известна¹, протоколы лондонских конференций предавались гласности немедленно.

В настоящем очерке мы не ставили себе задачей суммировать, а тем более повторять уже знакомое и представлять общий ход переговоров. Мы обращали внимание на другое. Ведь в решениях конференций фиксировался определенный модус, достигнутый представителями России, Великобритании и Франции в результате сложных маневров и компромиссов. Противоречия и планы держав выступают в протоколах и даже в неопубликованной переписке между правительствами достаточно фрагментарно, не в большей степени, нежели айсберг выступает на поверхность океана. Гораздо более полно и выпукло причины русско-британских столкновений, мотивы компромиссов проявляются во внутриведомственной переписке, в обмене мнениями между посольством в Лондоне и руководством Министерства иностранных дел². Мы попытаемся взглянуть на действия русской дипломатии как бы изнутри, давая им критический анализ. Поэтому данный очерк построен почти исключительно на неопубликованных материалах Архива внешней политики России.

18 декабря 1827 г. созванные со всех концов обширных султанских владений айаны (начальники округов) выслушали указ повелителя. Владыка мусульман, говорилось в нем, «только с целью выиграть время поступал доселе дружелюбно с неверными». Россия объявлялась исконным врагом Османской империи, который-де подстрекнул греков к восстанию против кроткого турецкого правления и вовлек Англию и Францию в союз. Султан призывал подданных отвергнуть «нелепые требования трех держав», «восстать пого-

ловно за веру и империю свою», вспомнить славу предков и затмить ее собственною³.

Сбывалось предвидение Петербурга, пришедшего еще в 1825 г. к выводу, что мирными средствами греко-турецкий узел не распутаешь. Начавшаяся подготовка к очередной войне с Турцией велась отнюдь не только в военно-экономическом плане. В северной столице знали, с какой нервозностью в Лондоне и Вене отнесется к любому нарушению принципа статус-кво европейских владений Турции. Позиция «Европы с Англией во главе» в предстоявшем конфликте (а именно такова была имевшая хождение в русской дипломатической переписке формулировка) глубоко тревожила двор. Одним из свидетельств этого явилась отправка в Лондон на помощь достаточно опытному дипломату Х. А. Ливену А. А. Матушевича в качестве посланника.

Они — без успеха — попытались втянуть Великобританию глубже в конфликт с Портой, используя вызывающий тон и оскорбительное для иностранцев содержание султанского обращения к айанам. В британской столице заявили, что это-де внутренний документ, не представленный дипломатическому корпусу, а потому его можно игнорировать. В ответ на русский демарш по поводу указа лорд Дадли, глава Форин оффис, заявил, что Англия «считает своим долгом и видит свой интерес в содействии спокойствию Европы»⁴. Заручиться мандатом «Европы» на войну с Турцией Петербургу не удалось. В ноте графа Дадли от 25 марта 1827 г. предстоящая война квалифицировалась как «нашествие» на Турцию. В ней подчеркивалось, что Россия будет вести ее «на собственных основаниях». Британское правительство отказывалось рассматривать войну «лишь с пристрастной и несовершенной точки зрения возможного ее влияния на положение Греции», забывая об угрозе спокойствию Европы, чем чреват конфликт. «Было бы и неполитично, и несправедливо, — рассуждал Дадли, — идти на риск развала империи (Османской. — В. В.) ради того, чтобы получить шанс на улучшение участи части ее подданных». «Это благо будет более чем перевешено опасностью, которая нависнет над спокойствием Европы»⁵. Герцог Веллингтон, ставший премьер-министром, с трибуны парламента именовал Порту старым союзником британской короны. В тронной речи короля Георга IV говорилось: «Его императорское величество (Николай I. — В. В.) счел себя вынужденным объявить Оттоманской империи войну по причинам, касающимся исключительно интересов его собственных владений и не связанным с положениями договора от 6 июля 1827 года.

Его величество (Георг IV. — В. В.) выражает глубокое сожаление в связи с началом военных действий и не упустит случая для дружественного вмешательства с целью восстановления мира»⁶.

С точки зрения Петербурга, британская реакция на русско-турецкую войну, начавшуюся 12(24) апреля 1828 г., не только угрожала России международной изоляцией, но и могла погубить дело греков, ибо в возможность уступки со стороны Порты, в признание ею нового государства без сильного военного давления, не как вырванную в итоге военного разгрома необходимость, в российских политических кругах решительно не верили.

В упомянутой ноте Дадли от 25 марта 1828 г. приводились пространные выдержки из депеш Нессельроде от 6 января и 26 февраля того же года, в которых российский министр в самых торжественных выражениях свидетельствовал бескорыстие царизма и обращался ко всем державам с призывом последовать этому благодетельному примеру. Дадли предупреждал, что в отношении Греции Россия связана Лондонским соглашением — «цель должна остаться прежней», — и Англия не потерпит выхода за рамки достигнутой договоренности⁷. Еще более многозначительным был пассаж британской ноты, в котором говорилось о праве остальной Европы «наблюдать за ходом и проанализировать результаты» войны: Лондон оставлял за собой возможность вмешательства на любой ее стадии. Наконец, вырисовывалась перспектива полного разрыва сотрудничества с Великобританией по греческой проблеме: «Вопрос о совместных операциях не может быть более предметом обсуждения трех держав, — писал Дадли, — Франция и Англия должны либо следовать линии; начертанной для них Россией, либо не сотрудничать с ней совершенно»⁸. Что касается Великобритании, она не выйдет в греческом вопросе за рамки «мирных средств»⁹.

Было очевидно, что Великобритания предпримет все усилия для того, чтобы решение его было осуществлено наименее болезненно для Турции, а, следовательно, наиболее ущербно для дела Эллады. Доказательства не замедлили появиться: французский посол в Лондоне Ж. Полиньяк информировал своего российского коллегу, что 5 апреля 1828 г. британское правительство (в обход Петербурга) обратилось в Париж с предложением уточнить Лондонский договор 1827 г. Речь шла прежде всего о крайнем урезании греческой территории. Ее пределы предлагалось ограничить Мореями и прилегающими островами. Англичане ссылались на то, что Порту легче побудить признать «малую Грецию»; что созда-

ние такого урезанного государства соответствовало средствам, применяемым союзниками (подразумевался отказ от военных действий); что грекам будет легче защищать границу, пролегающую по Коринфскому перешейку¹⁰. Контрпредложение французов — обсудить британский план втроем, с участием России, в Лондоне отвергли под тем предлогом, что последняя, решившись на войну с Портой, будто бы отошла от союза¹¹.

Уже эти первые шаги подтвердили питаемые в Петербурге опасения, что Великобритания стремится сбросить оковы договора 1827 г. и обрести свободу действий, практически в защиту Османской империи. Что эта свобода будет использована не только в антирусском, но и в антигреческом направлении, в северной столице не сомневались.

Чтобы не разрушить зыбкое согласие по греческому вопросу, царь отказался от прав воюющей стороны в Средиземном море.

Таким путем удалось предотвратить распад тройственного союза России, Англии и Франции. Российские корабли под командованием контр-адмирала П. Рикорда маневрировали вместе с британским и французским флотом у греческих берегов, мешая снабжению египетской армии Ибрагима-паши. По соглашению трех государств, французский экспедиционный корпус генерала Мезона высадился в Морею¹². Ибрагим отступил без сопротивления. Позднее его полки были вывезены на родину на судах под английским и французским флагами. Все это были выгоды, даваемые союзом, но выгоды, с греческой точки зрения, ограниченные, ибо за пределы Мореи французы не вышли, ссылаясь на нерешенность территориального вопроса.

Итак, позиция русской стороны сводилась к следующему: освобождение Греции реально мыслимо лишь на поле боя. Но, чтобы обеспечить беспрепятственное развитие русско-турецкой военной кампании, необходимо сохранять союзные по форме связи с Лондоном и Парижем. Эта нелегкая миссия возлагалась на посольство в британской столице. В течение всей войны в его адрес шли указания, которые, с разными вариациями, сводились к необходимости поддерживать «отношения доброй гармонии, которые нам важно сохранять в нынешнем виде по крайней мере на протяжении нынешней кампании»¹³. Посольство в Лондоне давало реалистическую оценку ставшей перед ними задачи: «Убеждены, что в настоящий момент наш главный интерес состоит в сохранении возможно дольше остатков союза, установленного договором 6 июля (1827 г. — В. В.); надобно выиграть время и обеспечить

безопасность, необходимую для проведения военных операций»¹⁴.

Неожиданно упорное сопротивление турок на фронте, слабые результаты военных действий в 1828 г. поставили в затруднительное положение российские не только военные, но и дипломатические круги. Дрогнуло «французское звено» тройственного союза. Ливен объяснял это тем, что Париж питал преувеличенное представление о будущих боевых успехах русской армии¹⁵. 12(24) ноября 1828 г. он писал о своей «тягостной обязанности» сообщить неприятные новости. Российского посла посетил его французский коллега и сообщил о полученных из Парижа инструкциях, касавшихся Греции. Экспедиция в Морею, по словам Ж. Полиньяка, уже обошлась казне в 50 млн. франков; велики потери от болезней; отряд Мезона нуждается в солидном пополнении — 6 тыс. человек, и все предприятие стало в тягость бурбонскому правительству.

Ливен обнаружил, что его обошли: Полиньяк уже договорился о новом раунде конференции послов с англичанами; заседание было назначено на следующий же день.

В указанный час послы собрались в здании Форин оффис. Туда же явился герцог Веллингтон, хоть он официально и не числился британским представителем. Цель лондонского соглашения — умиротворение Греции, а не определение ее границ, заявил премьер-министр. Он категорически высказался против распространения операций генерала Мезона на Аттику и остров Эвбею, с чем Полиньяк согласился столь поспешно, что Ливен вынес убеждение в предварительной англо-французской договоренности по этому вопросу. Греческое правительство, сказал Веллингтон, само не способно ни завоевать, ни удержать эти области; нельзя вторгаться туда, где уже нет или вообще не было восстания.

В сложившейся обстановке Ливен не считал возможным выступить против столь несвоевременной французской инициативы. Он подписал протокол ноябрьского заседания, который ровным счетом ни на шаг не продвинул и не приблизил решение греческого вопроса, оговорив лишь, что касавшаяся Мореи и прибрежных островов гарантия держав «никоим образом не означает окончательного определения Греции»¹⁶.

Военные соображения настойчиво требовали установления блокады Дарданелл, и в августе 1828 г. морское командование получило соответствующее распоряжение. Между союзниками появилась новая трещина, в которую можно было вбивать клин разногласий. С большим трудом, заверяя, что

речь не идет об активных операциях русского флота, а об акции, подобной англо-франко-русской блокаде берегов Мореи, Ливену удалось избежать формального протеста с британской стороны¹⁷. Но адмиралы Путни Малькольм и де Риньи получили распоряжение — вести свои операции отдельно от русского флота и прекратить блокаду острова Кандии (Крита). Последнее отражало стремление не включать остров в состав нового Греческого государства. И по политическим, и по стратегическим соображениям царизм не хотел отказываться от охраны этого важнейшего острова, тем более, что греческий президент И. Каподистрия просил державы не покидать критян, которым угрожала резня со стороны османских войск¹⁸.

Весной 1829 г., при подготовке новой кампании, командование расширило сферу блокады вокруг проливов. Реакция в Лондоне была исключительно резкой. Блокада затрагивала интересы британских экспортеров и, что немаловажно, широко распространенное убеждение, что Британия правит морями и никто не смеет мешать ее сине-красному флагу плыть куда угодно. Высказывания в прессе, писал Х. А. Ливен, выявили «доходящее до страсти чувство, охватывающее английскую нацию, когда речь идет о море и о торговле»¹⁹. Британское правительство использовало эти настроения для укрепления своей антирусской позиции. В мае 1829 г. оно направило в Петербург меморандум, в котором, между прочим, говорилось: «Любое распространение военных операций русской эскадры в Средиземном море с необходимостью приведет к пересмотру позиций каждой из договорившихся сторон в отношении договора» (от 6 июля 1827 г.)²⁰. А. Веллингтон и новый министр иностранных дел граф Дж. Абердин заговорили о необходимости подписания протокола, «который освободил бы британское правительство от затруднений, причиняемых ему блокадой румелийских берегов»²¹. Кабинет явно стремился ослабить ставшие для него обременительными пути соглашений с Россией. Веллингтон заявил послу: «...Блокада несомненно направлена против Адрианополя; она связана с операциями русской армии, направленными против этого города и чреватые падением Османской империи... Наше положение в связи с этим становится затруднительным и представляется в ином свете. Мы будем вынуждены рассмотреть вопрос, где мы с вами и где о турками, куда нас приведет осуществление Лондонского договора и куда нас могут завести обстоятельства». Жалоба герцога на то, что его держат в «потемках» относительно «средств завершения войны», выдавала его желание вмешать-

ся в процесс мирного урегулирования и повлиять на его условия.

Российские дипломаты напомнили премьер-министру неоднократные декларации своего правительства, «уступки, которые были сделаны даже самым беспочвенным опасениям» союзников. Ответ прозвучал для них неутешительно: «В стране, подобной Англии, где... каждый считает себя знатоком внешней политики и судит о ней, государственный муж не может полагаться на одни слова, ему следует обдумать и предвидеть события». Закончил Веллингтон свои речи миролюбиво: он убежден, что «тесная дружба между Англией и Россией крайне желательна», но у его собеседников остался горький осадок, что за дружбу у них требуют большие дивиденды ²².

Тогда же произошла «не менее примечательная беседа» Ливена и Матушевича с лордом Абердином. Тот посетовал на деликатность своего положения: «общественное мнение готово взорваться»; нельзя раздражать его по вопросам, затрагивающим «национальные предрассудки»; в унисон со своим шефом он выражал опасение, что события могут увлечь Петербург за пределы очерченных им целей войны, «что повлечет за собой потрясение в Европе». Ливен клялся в ответ, что разрушение Османской империи не входило в планы царизма. Однако существуют проблемы, без решения которых не обойтись. Намекая на помехи, чинившиеся турецкими властями перевозке русских товаров через проливы, он говорил: «Мы не можем допустить, чтобы по капризу какого-либо визиря, фаворита и даже султана произвольно останавливалось движение торговли, прогресс общественной и частной индустрии нескольких наших провинций. Мы не можем предоставить подобные интересы на произвол варварского правительства» ²³. Заботы России совпадают здесь с общеевропейскими. Абердин согласился с этим доводом. Но тревога не оставляла российских представителей. Они советовали не обострять положение и избегать всякого повода для вмешательства со стороны Великобритании и, в частности, рекомендовали смягчить блокаду. Из Петербурга в ответ передавали: после снятия союзниками блокады острова Крит положение там обострилось; фактическое перемирие было нарушено турецко-египетской стороной. Поступили сведения о готовящейся переброске на остров подкреплений. Каподистрия обратился к русскому правительству с просьбой не отводить из прибрежных вод своих судов и не оставлять критян в их несчастьях ²⁴. Крейсирование этих кораблей, писал К. В. Нессельроде, «избавляет Англию от

позора видеть, как в присутствии ее флота подвергается уничтожению народ, которому она то покровительствует, то покидает его»²⁵. Русский двор заверял в то же время, что ограничит действия своей эскадры насущной необходимостью и постарается причинить как можно меньше ущерба мирной торговле.

Очень тревожила российскую дипломатию перспектива восстановления дипломатических отношений Англии и Франции с Портой. Еще 6 июля 1828 г. реис-эфенди направил Веллингтону письмо с подобным предложением²⁶. 25 декабря 1828 г. (6 января 1829) Ливен сообщал в Петербург. «Кабинеты Англии и Франции пришли к согласию восстановить свои отношения с Портой, каков бы ни был ответ нашего двора на представления, адресованные ему по этому сюжету»²⁷. Абердин заявил ему: «Уже давно два двора осознали, что совершили большую ошибку, отозвав своих послов из Константинополя, и чувствуют себя обязанными загладить ее как можно скорее»²⁸. Единственное условие возвращения миссии — обещание турецких властей не возобновлять военных действий против греков.

Нечего и говорить, насколько эта акция не улыбалась Петербургу, — трудно было более явственно продемонстрировать трещину в отношениях между союзниками и вселить в турок надежду на то, что их удастся расколоть и договориться с более сговорчивыми (т. е. с Великобританией и Францией). Министерство иностранных дел, правда, уповало на то, что Порта, ободренная этим шагом, не проявит должной гибкости и своим упрямством закроет путь к соглашению по варианту западных держав: «...Даже когда послы Англии и Франции вернутся в Константинополь, решение греческих проблем будет зависеть, в конечном счете, от успеха наших армий в Турции, ибо дворы Лондона и Парижа... с возвратом послов утрачивают последнее средство давления на Порту, которым они располагают»²⁹. И это донесение пронизывал тот же лейтмотив — переговоры о Греции в Стамбуле предстоят длинные, трудные и (как втайне надеялись в Российском МИДе) бесплодные, пока же задача представителей в Лондоне — выиграть время и способствовать тем самым победе в войне, с которой вместе придет и решение греческого вопроса.

Чтобы связать союзников более определенными обязательствами, русская сторона настояла на новой конференции послов (хотя Веллингтон полагал, что позиция Порты сама по себе оправдывает восстановление с ней дипломатических отношений). Многого заботило в преддверии совещания:

Веллингтон не скрывал своего недовольства тем, что три посла — Рибоьер, Стрэтфорд и Гильомино, покинувшие Константинополь³⁰ и остановившиеся на острове Порос, в ходе обсуждения греческих дел пришли к выводу о желательности установления границы Греции по линии Волос — Арта. «Железный герцог» предлагал ограничить Элладу Морею и Кикладскими островами³¹.

Русские дипломаты уповали на то, что французское правительство не станет возражать против рекомендации трех послов, и тогда, двумя голосами против одного, удастся сломить сопротивление англичан. Осуществить это удалось не сразу. «Три состоявшихся заседания, — передавал Ливен 3(15) марта 1829 г., — были весьма бурными, мы натолкнулись на самую упорную оппозицию британского кабинета любому проекту, имевшему целью раздвинуть пределы Греции за Морею и Киклады и обеспечить ее независимость»³².

И все же в Петербурге придерживались оптимистической позиции: французский посол в России герцог Мортемар доверительно ознакомил Нессельроде с инструкциями, которыми был снабжен его лондонский коллега Полиньяк. Они были расценены русской стороной как превосходные. И, главное, вся работа конференции и ее итоги рассматривались как тактический ход: «Вопрос о будущем Греции откладывается до столь близкого уже времени новой кампании», — писал Нессельроде посольству в Лондоне 23 марта 1829 г. (ст. ст.)³³. С российской точки зрения, важно было обеспечить «основу действий» и «полную безопасность для операций в будущей кампании»³⁴.

Мартовский протокол устанавливал, что послы Англии и Франции будут вести в Стамбуле переговоры от имени трех держав, представители которых в дальнейшем совместно обсудят ответ Порты; греческую границу — при содействии французов — было предложено установить по линии Волос — Арта, острова Киклады и Эвбея включались в пределы нового государства; оговаривались сюзеренные права султана, весьма ограниченные и сводившиеся к получению дани и участию в выборе главы государства; выражалось пожелание установить в Элладе наследственную монархию³⁵.

Известны два документа, содержащих оценку Петербургом мартовского 1829 г. документа. Первый — циркулярное письмо МИД от 18 апреля (ст. ст.) — составлен по горячим следам и выражает мнение министерства без детального анализа. В письме с удовлетворением отмечается, что Лондонская конференция согласилась с мнением послов трех держав в Турции и зафиксировала границу по линии Волос — Арта.

Переговоры в Константинополе, после возвращения туда британского и французского представителей, будут вестись и от имени России; было «указано, что без формальной санкции России две державы не примут никакого изменения, никакого контрпредложения». Главный же результат подписания протокола — это то, что «наша вторая кампания открывается под знаком полной безопасности и с твердой надеждой, что отважным императорским армиям не придется преодолевать иных препятствий, опасаться иных помех, помимо тех, что возникают из-за слепого упрямства Порты»³⁶. На следующий же день, 19 апреля, Нессельроде отправил Ливену депешу, содержащую детальный критический анализ и самого мартовского протокола, и его возможного влияния на ход событий. Ахиллесова пята этого документа — полное отсутствие указания на средства, с помощью которых державы собираются побудить Порту принять его: протокол «не включает в себе плана осуществления, достойного трех государств, покровительство которых торжественно приняли греки». Это — «план переговоров, лишенный силы и достоинства; его провал почти предопределен»³⁷. Протокол подписан от имени России лишь потому, что иного выхода нет. В депеше выражалось сожаление, что обращение к Порте не носит характера ультиматума; что послы Англии и Франции возвращаются в турецкую столицу без всяких гарантий принятия нужных решений; что нет упоминания о мерах, которые будут приняты в случае отклонения протокола Портой.

Более положительно оценивалось содержание самого документа. Выражалось, однако, сожаление, что остров Крит в Элладу не вошел. Но успехи греков не таковы, чтобы на этом настаивать, полагал Нессельроде. Он самым положительным образом воспринял пункт о желательности установления в новом государстве наследственной монархии. Далее в депеше выражалось сожаление, что в акт было включено «предложение грекам эвакуировать территорию, которую они занимают за Коринфским полуостровом»³⁸. Российский МИД пытался нащупать средний путь: поставить, например, покинутые греками территории под гарантию держав, «если Порта, закоснев в своем слепом упрямстве, отвергнет все наши предложения». Но, подчеркивалось в депеше от 19 апреля, главная цель, преследуемая русской дипломатией, достигнута: протокол «обеспечивает полную безопасность наших операций в начинающейся кампании; он парализует зловерные намерения держав, которые хотели бы воспрепятствовать нам и остановить наш прогресс; он сохраняет

между тремя дворами видимость союза, оказывающего столь оздоравливающий моральный эффект на общее спокойствие в Европе; наконец, он предоставляет в руки России решение греческого вопроса. Сравнивая... это положение вещей с тем раздражением против нас, которое в конце прошлого года повсеместно царило, бесконечными опасностями в связи с вероломными инсинуациями Австрии и резкими и высокомерными заявлениями Англии, должно признать, что наше политическое положение чувствительно улучшилось»³⁹. Успех в военных действиях поможет достижению договоренности между греками и турками. Единственное обязательство России — не добиваться большего, чем зафиксировано в протоколе. Нельзя предоставлять решение «греческих дел стерильным переговорам в Константинополе». Россия не сложит оружия, пока они не будут решены.

В депеше от 19 апреля (ст. ст.) в сжатом виде высказаны и принципы и мотивы, которыми руководствовались российские политические круги: полное неверие в возможность воздействовать на Порту путем переговоров, не подкрепленных ничем, кроме ограниченных мер принуждения, вроде перерыва морских сообщений; необходимость сохранять с Парижем и Лондоном союзные по форме отношения в греческом вопросе; стремление выиграть время и вместе с ним войну и тем самым создать реальные условия для возрождения Греческого государства; сыграть в этом процессе ведущую роль. С удовлетворением отмечалось упрочение международных позиций России, чему способствовали достаточно искусные, на наш взгляд, маневры дипломатии, хотя в основе этого процесса лежали внутривнутриполитические факторы в Англии и Франции. Непрестававшиеся волнения в Ирландии и агитация в пользу реформы избирательного права в самой Великобритании причиняли кабинету Веллингтона много хлопот. Чтобы ослабить напряженность в стране, премьер-министр решил выступить с биллем о предоставлении католикам (т. е. ирландцам в первую очередь) избирательных прав. Он столкнулся с сильным сопротивлением в рядах собственной торийской партии. Король отказался одобрить законопроект. 22 февраля (7 марта) 1829 г. Ливен сообщал в Петербург, будто администрация фактически перестала существовать⁴⁰. Он впадал в преувеличение: Георг IV не решился дать «железному герцогу» отставку и в последний момент снял свой запрет. Но в печати продолжались оскорбительные выпады по адресу правительства. В первый и единственный раз британский премьер-министр защищал свою политику с пистолетом в руках: утром 21 марта Веллингтон стрелялся с лордом

Винчелси. Он промахнулся; Винчелси выстрелил в воздух, а затем принес требуемые извинения⁴¹. В конце концов закон об эмансипации католиков был проведен в жизнь. Но правительство потеряло большинство в Палате общин и стало зависеть от поддержки вигов.

Приходилось учитывать экономические факторы — продолжавшийся промышленный кризис и то обстоятельство, что британский экспорт в Россию тогда еще втрое превышал вывоз товаров в Турцию и Грецию. В декабре 1828 г. и январе следующего Х. А. Ливен без всякого запроса со своей стороны получил письма от главы могущественного банка Натаниеля Ротшильда, в которых последний сообщал, что с ведома и при участии своего брата Жака, руководителя Парижского дома фирмы, он готов предоставить России заем в 1 млн. ф. ст.⁴² Это предложение показывало, что влиятельные финансовые круги не склонны были одобрять внешнеполитические заскоки с привкусом авантюры. Пускаться в этих условиях в далеко идущую ссору с Россией со стороны британского кабинета было по крайней мере непредусмотрительно. Российский посол во Франции К. О. Поццо ди Борго сообщал из Парижа, что Бурбоны не желают безоговорочно следовать антирусской политике Англии и Австрии, ставя себя в унижительную зависимость от двух дворов, и не считают, что их интересы где-либо кардинально расходятся с царской политикой⁴³. Дышавшая на ладан реставрация во Франции явно не желала ссориться с таким столпом европейской реакции, как царь Николай I. Австрийский канцлер К. Меттерних не жалел усилий для того, чтобы сколотить антирусскую коалицию, но не встретил поддержки во Франции и Пруссии. Выступать против России вне союза с Великобританией, имея против себя соседей на севере и западе, габсбургская монархия, разумеется, не могла. Меттерних принес повинную, заявив российскому послу в Вене Д. П. Татищеву, что война между Габсбургами и Романовыми немислима.

По всем этим причинам посольство в Лондоне в начале 1829 г. смотрело на развитие международной обстановки оптимистически и полагало, что руки у британского кабинета связаны. 17(29) мая Х. А. Ливен писал: «...Не думаю, чтобы Сент-Джеймский кабинет занял позицию, способную помешать как проведению в обстановке полной безопасности, так и главное — завершению новой кампании в Турции»⁴⁴. Ободрил дипломатов ход прений в парламенте в июне 1829 г., т. е. в то время, когда на полях и в горах Болгарии решались судьбы войны: «...Все говорит, что более чем когда-либо об-

щее спокойствие будет сохранено, несмотря на ошибки и страсти герцога Веллингтона. Призыв к миру раздался в нижней палате, единодушно подхваченный тори и вигами... Министерство не осмелилось ответить ни на замечания сэра Джеймса Макдональда, ни на речь лорда Пальмерстона, одного из первых ораторов английского парламента, в которой он настаивал на сохранении общего мира и доказывал, что проавстрийская и протурецкая политика может лишь нарушить его, ни взять на себя гарантию в пользу Оттоманской территории»⁴⁵. Ливен и Матушевич выражали надежду, что «подкрепляемые нашей умеренностью эти настроения с каждым днем будут вербовать новых сторонников». Заканчивалась депеша от 1(13) июня 1829 г. бодро и в то же время в высшей степени показательно в смысле оценки отношений с формальными союзниками: «Английское министерство не сможет ничего предпринять, если только мы не дадим ему предлога в виде тревожащих его операций в Средиземноморье. Наша безопасность обеспечена». На поле боя — «вот где мы победим всех наших врагов, известных и скрытых»⁴⁶.

А тут приспели долгожданные победы: 30 мая (11 июня) новый командующий балканским фронтом И. Дибич разбил при Кулевче превосходящие турецкие силы Решида-паши. В конце месяца пала крепость Силистрия. На Кавказе корпус И. Ф. Паскевича овладел Эрзерумом. Действуя решительно, Дибич перешел Балканы и двинулся на Адрианополь, который капитулировал 8(20) августа без сопротивления.

На этом фоне развертывались беседы прибывших в турецкую столицу посланников Англии и Франции. Отправив своего брата Роберта Гордона в Константинополь в качестве нового британского представителя *, лорд Абердин начал тревожиться — а не подстегнет ли столь явный примирительный ход упрямство турок? Он выражал «большие опасения насчет судеб Оттоманской империи», — передавал Х. А. Ливен из Лондона. Сохранить султанские владения еще можно, но вот восстановить ее по кускам — ни за что, рассуждал министр⁴⁷.

Его опасения подтвердились. 24 июня французский посол Гильомино и Гордон обратились к Порте с нотой, в которой выражалась просьба открыть переговоры и надежда на то, что они не будут бесплодными. Формулировки ноты сами по себе содержали намек на готовность двух держав к от-

* Ч. Стрэтфорд-Каннинг, представлявший Великобританию на переговорах на острове Порос, в Стамбул не вернулся. Поддержка им границы по линии Арта — Волос пришла не по душе Веллингтону.

ступлению и уступкам⁴⁸. Ответ турецкой стороны превзошел наихудшие ожидания. Реис-эфенди заявил послам: «Позволить части подданных Высокой Порты выйти из зависимого состояния реайатов, оставить им мусульманские земли и наследие падишаха — крепости означало бы признать существование отдельного управления и дать свое согласие на освобождение греческой реайи». В качестве максимальной уступки Порта шла на амнистию повстанцам, соглашалась на возврат имущества прежним владельцам, подтверждала уважение православной религии, но требовала возврата всех занятых греками крепостей⁴⁹.

Р. Гордон и А. Ш. Гильомино были шокированы; вместо ожидаемых тонких переговоров они натолкнулись на грубый и прямолинейный отказ. Турецкое правительство, писал Ливен после получения этой вестн, «готово договориться по вопросу об умиротворении Греции, но на условиях подчинения греков»⁵⁰. Разобиженные Р. Гордон и его французский коллега, не видя возможности добиться у Порты уступок, предлагали по договоренности трех держав установить границы Греции «и довести это решение в виде декларации до сведения Порты как меру, не подлежащую пересмотру и гарантированную тремя государствами»⁵¹. Из Парижа пришла вестн, что там ответ реис-эфенди сочли оскорбительным, склонны принять совет послов и «зафиксировать окончательно и безапелляционно судьбы Греции»⁵².

Лорд Абердин, судя по русским донесениям из Лондона, пребывал в состоянии глубокой растерянности: русские наступали; турки упорствовали; возникла «угроза» решения греческого вопроса без британского участия: «Кабинеты (Лондона и Вены. — В. В.), которые дерзнули предсказывать наш крах и наш позор единственно потому, что они того желали», теперь гадают, что же произойдет. Веллингтон упрямо верил в русский провал. «Наши успехи застали его врасплох. Не осуществлено никакой комбинации против России, ни политической, ни военной, ни внутренней, ни внешней». Вена может предложить лишь интриги, «не имея ни смелости, ни возможности предпринять что-либо серьезное». Свои скорбные думы лорд Абердин изливал в долгих разговорах: «...Если бы генерал Дибич взял Константинополь и Оттоманская империя пала, это событие явилось бы итогом упрямства (Порты. — В. В.), за которое ни одна держава не может нести ответственности». Ливен и Матушевич не отказали себе в удовольствии заметить в ответ: «Лишь русские штыки позволили достичь умиротворения Греции и осуществить Лондонский договор». Наконец, «среди своих страхов и глу-

боких сожалений главный государственный секретарь без всяких обиняков признал, что зло непоправимо, что после договора от 6 июля, переговоров, за его заключением следовавших, и сделанных нами последней зимой уступок, Англии суждено остаться в созерцательном положении, и что она ни в коем случае не может изменить курс событий и может рассчитывать лишь на великодушие императора. Чем более решительными становятся наши успехи, тем более мягким, примирительным и дружественным делается язык лорда Абердина»⁵³.

Опасаясь, что вообще не потребуются участия Великобритании в урегулировании греческого вопроса и что на правительство обрушатся обвинения в инертности и пассивности, министр заторопился. С несвойственной ему поспешностью он сочинил проект нового протокола. Суть его состояла в следующем: констатируя неблагоприятное отношение Порты к мартовскому 1829 г. протоколу и стремясь быстрее покончить войну в Греции, представители трех держав считают желательным принять окончательное решение о ее границах, создать государство и «признать его полную независимость». Бесплезно испрашивать на это санкцию Порты, «достаточно будет официально известить ее о решении, принятом союзниками». В проекте говорилось, что британский уполномоченный предлагает обратиться к грекам с призывом вывести свои войска из пределов Мореи⁵⁴.

В подготовленном Абердином тексте присутствовали два новых положения. Вместо автономии в нем фиксировалась независимость нового государства — Лондон явно стремился предотвратить распространение на Грецию принципа покровительства со стороны России, которым пользовались автономные христианские образования в составе Османской империи. Возражения со стороны Петербурга это предложение не вызывало: в русских дипломатических документах давно (еще в 1826 г.) говорилось о развитии Греции к независимости⁵⁵. Ливен и Матушевич полагали: «вне всякого сомнения, абсолютная независимость Греции дает большие преимущества»⁵⁶. Но предложенное территориальное урегулирование никак не устраивало русские политические круги: отвод греческих частей в пределы Мореи в значительной степени предопределял установление границы в нарушение согласованной в марте линии Волос — Арта.

В ответ Абердин заявил, что «честь Великобритании трудно совместить сразу с двумя отступлениями от Лондонского протокола» (1827 г.)⁵⁷. В уме министра иностранных дел эта «честь» неизменно ассоциировалась с ущемлением

интересов Греции. Положение осложнялось тем, что князь Полиньяк не настаивал на границе Волос — Арта, и привычная французская поддержка у русской стороны отсутствовала⁵⁸. Абердин предлагал провести греческую границу к северу от залива Лепанто, предоставив Элладе Аттику и остров Самос и оставив туркам остров Эвбею. «Лорд Абердин, — передавали Ливен и Матушевич, — все пустил в ход, чтобы побудить нас спешно согласиться на среднюю линию, но мы остались непреклонны»⁵⁹. Оба они говорили о необходимости создать независимую Грецию на прочных основаниях.

Тем не менее, по причинам, уже изложенным выше, Ливен и Матушевич приступили к переговорам: они имели в виду «первостепенный интерес» своего правительства «в поддержании добрых отношений с Англией, опасности, которой подвергнутся греки, если они столкнутся с открытой враждебностью этой державы». Учитывали они и «трудность решения без нее и против нее» греческого вопроса, наконец, «серьезный характер разногласий, которые подобное положение вещей породит, и его неизбежное влияние на сохранение мира в Европе, наши отношения с Турцией и, наконец, помехи, которые будут поставлены самой Греции»⁶⁰.

Несвойственная Абердину лихорадочная активность продолжалась всего несколько дней: из Стамбула от Гордона прибыла депеша от 7 августа с важными новостями. Турецкие сановники осознали, что, отвергая решения держав, они лишают себя возможности игры на противоречиях между ними и единственного шанса улучшить положение Порты на предстоявших мирных переговорах в условиях, когда судьбы войны были решены. Гордон передавал, что на двух встречах, 3 и 5 августа, его и Гильомино с реис-эфенди последний устно выразил согласие на принятие основ Лондонского договора 1827 г. и мартовского протокола 1829 г. Тут же перечислялся ряд ограничений, включая отказ от признания границы по линии Волос — Арта; Порта ограничивала автономную Грецию Мореей и Кикладскими островами. Гордон признавал, что «миролюбивые наклонности Порты объяснялись действиями графа Дибича и невозможностью для турецкого правительства оказать ему малейшее сопротивление»⁶¹.

Абердин призвал к себе Ливена, Матушевича и французского поверенного в делах Рота. Министр счел устные заверения турецкой стороны достаточной основой для соглашения и настаивал на немедленном демарше перед греками о прекращении ими военных действий. Русские уполномоченные и, к их счастью, француз придерживались иной точки зрения:

«Выйдя из кабинета лорда Абердина, поверенный в делах Франции справедливо заметил, что целью лорда Абердина является вовлечь нас в решение, направленное против греков», — писал Ливен ⁶². Сам он полагал, что никаких демаршей в Навплии не следует предпринимать, не убедившись предварительно «в полном, неограниченном и безусловном» принятии Портой лондонских решений (в русском, т. е. максимальном их толковании). У посла состоялось трудное объяснение с главой Форин оффис: «Я толковал ему, что опыт наших сношений с турками не позволяет нам действовать иначе; что лишь сила заставила их подчиниться; и более чем вероятно, что высказываемое ими расположение к договоренности является маневром с целью остановить продвижение наших войск» ⁶³.

Абердин продолжал настаивать на «малогреческом» варианте. Он «с горечью» сетовал на наличие «раздражения и недоверия» между Англией и Россией и «с большой живостью утверждал», что покроет позором британское министерство, если согласится на навязывание Порте протокола от 22 марта 1829 г. «в лагере генерала Дибича без всяких изменений». Великобритания никогда не рассматривала его как ультиматум; это — предмет переговоров между державами, в ходе которых отнюдь не исключены уступки ⁶⁴. Попытки Ливена и Матушевича привести Абердина к «более здравым идеям» успехом не увенчались.

Тяжелые переговоры в конце августа — начале сентября в Лондоне, которые трудно назвать межсоюзническими (недаром Ливен и Матушевич писали о «врагах скрытых и явных»), показали, что даже компромиссное лондонское решение можно было навязать Порте только на поле боя. Иного пути достижения результата не существовало в условиях, когда лорд Абердин, можно сказать, жаждал вступить на наклонную плоскость уступок. Вывод российских дипломатов гласил: «...Если мы заставим Порту принять протокол от 22 марта, герцог Веллингтон заранее отмежуетя от этого результата; но, хоть Лондон и направит нам по этому поводу неприятные, а может быть, и резкие представления, они не будут иметь последствий» ⁶⁵. В соответствии с этим взглядом российские представители и стали действовать, стремясь помешать британскому вмешательству и дальнейшему ущемлению прав греков. Ответ Порты Гордону и Гильомино они разобрали по косточкам, доказывая лорду Абердину «его абсолютную неприемлемость». Многочисленные условия и оговорки, которые сводили на нет турецкое согласие, оправдывали подобное суждение (территория Греции ограничивалась

Морей и Кикладами; дань нового государства в стамбульскую казну должна была равняться прежним доходам Порты от Греции; артиллерия и боевые припасы греческих крепостей передавались Турции; Греции запрещалось иметь военный флот, численность ее армии ограничивалась потребностями поддержания внутреннего порядка).

31 августа (12 сентября) состоялась очередная встреча дипломатов, протекавшая довольно бурно. Российские представители, к которым присоединился француз, доказывали, что принятие турками Лондонского протокола не является безусловным. Веллингтон и Абердин оспаривали это утверждение. Последний жаловался на упрямство и неуступчивость русской стороны. «Объяснения между двумя кабинетами стали весьма оживленными и оставили горький осадок»⁶⁶. В глубине души Ливен и Матушевич сознавали (и в служебной переписке признавали), что протокол от 22 марта вовсе не носил императивного характера. Но, пользуясь поддержкой французского правительства и изоляцией, в которой очутился Абердин, писали Ливен и Матушевич, «мы превратили в ультиматум то, что являлось простым предложением, объединили вопросы, которые Англия хотела отделить совершенно и в итоге поставили британское правительство перед унижительной альтернативой»⁶⁷. Позиция французского правительства мешала англичанам превратить свои протесты в угрозы. Последней Ливен не мог нахвалиться: «До сего времени князь Полиньяк * в своих инструкциях г-ну Роту скрупулезно соблюдал данные Вам обещания, — писал он Нессельроде, — его политика столь же благоприятна нам, сколь мало она соответствует ожиданиям герцога Веллингтона». Совсем иначе оценивались маневры Гордона и Гильомино в Константинополе: «Несвоевременное и полное недоразумений вмешательство послов Англии и Франции в наш конфликт с Портой приблизило катастрофу (Турции. — В. В.) вместо того, чтобы ее отсрочить»⁶⁸.

Итогом формально бесплодных встреч в Лондоне для русской дипломатии был выигрыш бесценного времени. Свою депешу от 13 сентября (п. ст.) Ливен заканчивал словами: следующая беседа назначена на 19 сентября; «итак, мы выиграли еще неделю в то время, когда каждый день и почти каждый час приносят нам новый успех, придают нам новые силы». «Возможно, в момент, когда я пишу эти строки, (победы) нашего оружия сделали ненужными и запоздалыми мои размышления»⁶⁹.

* В августе 1828 г. Ж. Полиньяк возглавил французское правительство.

Догадка посла подтвердилась: 2(14) сентября был подписан мир в Адрианополе, по 10-й статье которого Порты обязалась признать мартовский 1829 г. протокол от первой до последней строчки. То, что Уайт-холл считал лишь базой переговоров, предметом уступок и торга, воплотилось в жизнь.

В августе и сентябре центр дипломатической активности по Восточному вопросу из Лондона переместился в этот небольшой тогда балканский город. И хотя мирные переговоры вели здесь воюющие стороны, посланники Англии и Франции не только внимательно следили за ними, но и не раз пытались достаточно бестактно вмешаться и повлиять на их ход.

- ¹ Укажем советские работы: *Арш Г. Л.* Греческая революция 1821—1829 гг.— Новая и новейшая история, 1971, № 3; *Он же.* Иоанн Каподистрия и греческое национальное освободительное движение. М., 1976; *Он же.* Этеристское движение в России. М., 1970; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978; *Гуткина И. Г.* Греческий вопрос на заключительном этапе восточного кризиса 20-х годов XIX в.— В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972; *Иовва И. Ф.* Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963; История дипломатии. М., 1959, т. I; Международные отношения на Балканах 1815—1830. М., 1983; *Нарочницкий А. Л.* Греческое национально-освободительное движение и Россия.— *Вопр. истории* (далее: ВИ), 1980, № 12; О помощи России и создании независимого Греческого государства.— Новая и новейшая история (далее: ННИ), 1959, № 3; *Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958; *Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975; *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. М., 1965; из обширной зарубежной литературы помимо известных работ— *Driault E., l'Heritier M.* Histoire diplomatique de la Grèce. Paris, v. I, p. 1925; *Crawley C. W.* The Question of Greek Independence, 1830 — особого внимания заслуживает книга: *Fleming D. C.* John Capodistrias and the Conference of London, Thessaloniki, 1970.
- ² Частично указанные документы приведены в известной публикации Ф. Ф. Мартенса. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (СТК). СПб., 1895, т. XI.
- ³ *Фадеев А. В.* Россия и восточный вопрос..., с. 176.
- ⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 6975, л. 292. Нота лорда Дадли от 7.III 1828.
- ⁵ Там же, л. 236—237.
- ⁶ The Speech of Lords Commissioners to Both Houses of Parliament 28 July 1828, L. (1828), p. 3.
- ⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1828, д. 6975, л. 240.
- ⁸ Там же, л. 235—236.
- ⁹ Там же, л. 238.
- ¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1828, д. 6975, л. 389.
- ¹¹ Там же, л. 465.
- ¹² См.: Протокол лондонской конференции от 19 июля 1828 г.— СТК, т. XI, с. 383—387.

- 13 АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7001, л. 226. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену 19.IV (1.V) 1829.
- 14 Там же, д. 6998, л. 234. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде.
- 15 Там же, 1828, д. 6976, л. 64. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 16(28).XI 1828.
- 16 Там же, л. 42—50. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 12(24).X 1828.
- 17 Там же, д. 6978, л. 82—96. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 20.IX(2.X) 1828.
- 18 АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7001, л. 259.
- 19 АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 6998, л. 227. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 1(13).VI 1829.
- 20 АВПР, ф. Канцелярия, д. 6998, л. 49. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 2(14).V 1829.
- 21 Там же, л. 226. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 1(13). VI 1829.
- 22 Там же, л. 230—232.
- 23 Там же, л. 234.
- 24 АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7001, л. 150. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену. 8(20).IV 1829.
- 25 Там же, л. 231. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену. 19. IV (1.V) 1829.
- 26 Там же, 1828, д. 6978, л. 3. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 14(26).VIII 1828.
- 27 Там же, 1829, д. 7000, л. 18. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 25.XII 1828 (6.I 1829).
- 28 Там же, л. 128. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 9(21)I. 1829.
- 29 Там же, л. 161. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 18(30).I 1829.
- 30 См. с. 80.
- 31 Там же, л. 225, 332. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 1(13)III. 1829.
- 32 Там же, л. 332.
- 33 Там же, л. 91, 127—128.
- 34 Там же, д. 7003, л. 215. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 13(25).X 1829.
- 35 СТК, т. XI, с. 401—409.
- 36 АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7001, л. 174—177.
- 37 Там же, л. 199.
- 38 Там же, л. 204.
- 39 Там же, л. 207—208.
- 40 Там же, д. 7000, л. 287. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 22.II (6.III). 1829.— *The Courier*, 21.III 1829.
- 41 Там же, л. 356. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 12(24).III 1829.
- 42 АВПР, ф. Канцелярия, д. 7000, л. 120, 67. Письма Н. Ротшильда Х. А. Ливену от 28.XII 1828 и 7.I.1829.
- 43 *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб. 1887, с. 189.
- 44 АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 6998, л. 183. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 17(29).V 1829.
- 45 Там же, л. 236. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 1(13).VI 1829.
- 46 Там же, л. 237.

- ⁴⁷ Там же, д. 7003, л. 20. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 19(31). VII 1829.
- ⁴⁸ Там же, л. 33. Копия британской и французской нот.
- ⁴⁹ *Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г., с. 84—85.
- ⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 18. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 19(31). VII 1829.
- ⁵¹ Там же, л. 46. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 9(21). VIII 1829.
- ⁵² Там же, л. 39. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 2(14). VIII 1829.
- ⁵³ Там же, л. 61—71. X. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 16(28). VIII 1829.
- ⁵⁴ Там же, л. 72. Британский проект протокола.
- ⁵⁵ Уже осенью 1826 г. в одной из депеш МИД говорилось, что признание независимости Греции может произойти «возможно, скоро». — АВПР, ф. Канцелярия, д. 6958, л. 223—224.
- ⁵⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 68.
- ⁵⁷ Там же, л. 69.
- ⁵⁸ Там же, л. 70—71.
- ⁵⁹ Там же, л. 70.
- ⁶⁰ Там же, л. 211, 215. X. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 13(25). X 1829.
- ⁶¹ Там же, л. 75—76. X. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 17(29). VIII 1829.
- ⁶² Там же, л. 76.
- ⁶³ Там же, л. 94. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 23. VIII (4. IX). 1829.
- ⁶⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 109—114. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 30. VIII (11. IX) 1829.
- ⁶⁵ Там же, л. 115.
- ⁶⁶ Там же, л. 138. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 6(18). IX 1829.
- ⁶⁷ Там же, л. 158. X. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде. 13(25). IX 1829.
- ⁶⁸ Там же, л. 141. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде. 6(18). IX 1829.
- ⁶⁹ Там же, л. 139.

Очерк четвертый

АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИР 1829 Г.: РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ И СУД ИСТОРИИ

Судьба Османской империи висела на волоске. Армия была разгромлена. В Константинополе царил паника. Англичанин А. Слейд, вздумавший в это беспокойное время путешествовать (не без разведывательных целей) по Турции, свидетельствовал: «Всяк норовил удрать подальше от широких равнин Адрианополя», и возглас «спасайся, кто может!»¹ больше всего подходил к создавшейся обстановке». Реис-эфенди Пертев-паша забыл про свои недавние высокопарные речи, посланники Британии и Франции превратились в его неофициальных, но влиятельных советников. Данное в намеренно неопределенной форме согласие Порты с решениями Лондонских конференций предоставило им желательный предлог для вмешательства в начавшиеся русско-турецкие переговоры.

В письме от 17 августа дипломаты сообщали Дибичу, что Порта готова признать решения держав, и выразили надежду на то, что «великодушные императора» и усилия уполномоченных в переговорах «помогут преодолеть все затруднения». Их письмо было передано Дибичу, когда он 8(20) августа собирался на церемонию вручения ему ключей от сдавшегося Адрианополя. Надежды турецкой стороны и ее англо-французских консультантов нетрудно было разгадать: сепаратно, вне русско-турецких переговоров, добиться решения греческого вопроса (в инструкции султанским уполномоченным предлагалось добиться его изъятия из договора) в предвидении, что тогда дипломатия, по крайней мере двух держав — Англии и Австрии, открыто окажется на стороне Османской империи; настоять на заключении перемирия с тем, чтобы подтянуть к фронту еще имевшиеся резервы, и, опираясь на них, или затянуть войну, или добиться более благоприятных условий мира. Понятно, что русское командование — и по инструкции из Петербурга, и по военным соображениям, чтобы не связывать себе рук, — предложение о перемирии отвергло. Еще раньше, понимая, что под какими бы благовидными предложениями «союзники» ни пытались вклиниться

в контакты с Портой, они станут действовать на стороне последней, Дибич писал: «Переговоры после решительной победы над турками поставили бы Россию в прямые сношения с турками по делам мира без какой-либо иностранной интервенции и создали бы основу для будущего соглашения»². Настояния дипломатов натолкнулись на вежливый отказ. «...Придерживаясь смысла данных мне инструкций, буду, насколько возможно, самым вежливым образом избегать всякого постороннего вмешательства»³, — сообщал командующий в Петербург. Но нажим продолжался, и в дни переговоров в Адрианополе англо-французские настояния превратились в подлинное домогательство. Дипломаты метили в самое уязвимое место российской реакции, пугая ее неисчислимыми и непредсказуемыми последствиями, которые повлекло бы за собой падение Османской державы. Особенно показательно последнее письмо Р. Гордона и Гильомино от 28 августа (9 сентября). «От имени всей Европы» они просили Дибича принять во внимание следующее: «Блистательная Порта формально заявила нам — и мы без колебаний подтверждаем справедливость ее декларации, что в этом случае она перестанет существовать и ужасающая анархия, вслед за прекращением ее власти, распространится беспрепятственно и с самыми пагубными последствиями для существования как христианского, так и мусульманского населения»⁴. «Анархию» посланники старательно связывали с нарушением «баланса сил» в Европе. Такая двуединая формула должна была воздействовать на самодержца. Ему напоминали, что Венский конгресс установил «равновесие» на основе консервативных принципов и, посягнув на них, он открывал дорогу революции.

На этот раз намеренно сгущенное описание бедствий, связанных с посягательством на Османскую империю, на обитателя Зимнего дворца не подействовало. Условия мира были продиктованы в лагере Дибича.

Утром 2(14) сентября русские и турецкие уполномоченные собрались на торжественное подписание акта. Оба текста — французский и турецкий, исполненный арабской вязью золотом на огромном свитке, были скреплены их подписями. Мир стал явью, хотя военные действия в Анатолии продолжались еще около месяца.

Текст Адрианопольского договора начинался традиционно с провозглашения «навек мира, дружбы и доброго согласия» между Николаем I, Махмудом II, их преемниками, а также и между их империями⁵. Затем шло перечисление городов и земель, занятых в ходе боев русскими войсками и

возвращаемых султану. В Европе пограничной линией определялась «по-прежнему река Прут». Тем самым торжественные заверения в отказе от каких-либо территориальных «приращений» на Балканах подтверждались. Следовавшее затем уточнение границы по Дунаю, предусматривавшее переход к России расположенных в протоках устья реки островов, с точки зрения территориальной было ничтожным, но его стратегическое и политическое значение было велико, ибо острова контролировали выходы из реки; в сфере экономики произведенное уточнение открывало перед российским купечеством благоприятные перспективы торговли по Дунаю, свобода плавания по которому и под русским, и под турецким флагом оговаривалась в Трактате. Тщательно сформулированная 7-я статья обязывала Порту обеспечить полную свободу судоходства в Черном море и Проливах для кораблей российских и «всех держав, состоящих в дружбе с Высокою Портою». Это было важное постановление, способствовавшее развитию черноморской торговли и широкого прибрежного региона. Значение его выступало особенно рельефно на фоне чинимых в двадцатые годы османскими властями препятствий для развития коммерции через Проливы. О проходе через Босфор и Дарданеллы военных кораблей Адрианопольский трактат, в отличие от русско-турецких договоров 1798 и 1805 гг., не упоминал. И в этом видна осторожность Петербурга, молчаливо считавшегося с тем, что в 1809 г. по миру с Великобританией * султан вдруг — в противоречии с только что упомянутыми ранее заключенными актами — вспомнил о «древнем обычае» своей империи — держать проход из Черного моря в Средиземное закрытым для иностранных военно-морских сил. Та же чрезвычайно объемная по содержанию седьмая статья трактата 1829 г. устанавливала, что «российские подданные будут пользоваться во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, полною и совершенною свободою торговли...». Весь комплекс экономических условий трактата способствовал развитию торговли и подъему сельскохозяйственного производства во всем Причерноморье⁶, причем не только в российских пределах.

Статья четвертая урегулировала территориальные проблемы в Закавказье: к России отходили Ахалцих, Ахалкалаки, «равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая включительно...». Анапа и Поти перешли к России. Занятые русскими войсками Карс, Баязет и Эрзерум возвращались Турции.

* См. с. 9.

Статья пятая Адрианопольского договора восстанавливала и расширяла автономные права Дунайских княжеств, погрязшие при подавлении восстания Тудора Владимиреску и продолжавшейся до 1826 г. турецкой оккупации Молдавии и Валахии. Им предоставлялась «свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли» с окружающим миром. В развитие этих положений к основному тексту договора прилагался особый акт «об утверждении преимуществ для княжеств Молдавии и Валахии». Автономные права двух этих придунайских государств были не только детально изложены, но и стали объектом международного права и получили гарантию в акте большого значения и ответственности. В нем оговаривалось освобождение жителей от обременительных поставок сырья и продовольствия для Константинополя по произвольно назначавшимся и значительно заниженным турецкими властями ценам; вместо этого они вносили в казну раз навсегда зафиксированную дань; Порта запрещала пашам окружающих княжества вилайетов под каким угодно предлогом вмешиваться в их внутренние дела. «Для вящего обеспечения неприкосновенности земель молдавских и валахских» Порта обязалась «не оставлять за собою на левом берегу Дуная никакого укрепленного места и не позволять мусульманским своим подданным иметь какие-либо на оном заведения». Крепости Брэила, Джурджу и Турну, контролировавшие путь по Дунаю и обеспечивавшие «покорность» валахов и молдаван, подлежали срытию; турецкое население левобережья должно было покинуть местожительство и выехать на правый берег в течение восемнадцати месяцев, продав свое недвижимое имущество местным уроженцам. В целом к Молдавии и Валахии отходил немалый кусок земли — почти 230 тыс. гектаров, и они получали две лучшие гавани на Дунае. Порта заранее обязывалась признать проводимые в княжествах реформы или, как гласила буква отдельного акта, «утвердить учреждения, касающиеся до управления княжеств и начертанные, согласно с желанием, изъявленным собраниями почтеннейших обитателей края». В Молдавии и Валахии после более чем столетнего перерыва возрождались национальные вооруженные силы под именем «Земского войска».

Адрианопольский договор вкупе с серией мероприятий, проведенных в Дунайских княжествах во время пребывания там русских войск (до 1834 г.), составил эпоху в их истории. Он знаменовал начало быстрого роста их экономики, хотя и на несколько видоизмененной феодальной основе; расшире-

ние и упрочение автономии способствовало развитию идеи объединения двух княжеств в единое государство, Румынию, и их культурному подъему⁷.

Статья шестая Адрианопольского трактата повторяла и подтверждала положения Аккерманской конвенции 1826 г. относительно автономии Сербии и вменяла султану в обязанность издать особый фирман по этому поводу. Так закончился тянувшийся с 1812 г. конфликт; понадобилась новая русско-турецкая война, чтобы возрождение Сербского государства стало свершившимся фактом.

Многострадальной греческой проблеме была посвящена десятая статья заключенного в Адрианополе договора. Турция обязалась принять положения Лондонской конвенции от 6 июля 1827 г. и протокола от 22 марта 1829 г. Лишь победа России в войне сломала упорство Порты. Отвечая на вопрос: «Кто решил исход борьбы во время греческого восстания?» Ф. Энгельс писал: «Не янинский папа Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы»⁸. Современный греческий историк А. Вакалопулос со своей стороны подчеркивает, что успехи России в войне и статья десятая заключенного в Адрианополе трактата заставили Порту согласиться с решениями держав о Греции и ее границах⁹.

В Петербурге торжествовали: «прекрасным миром Адрианопольским»¹⁰ называл царь заключенный договор; в Лондоне негодовали; и столь противоположные чувства вызывались одной причиной: и здесь, и там мир расценивали лишь с точки зрения немедленного выигрыша или проигрыша — как удар по британским позициям на Востоке и взлет российского влияния. В обеих столицах оказались неспособны взглянуть на мир в его длительной исторической перспективе.

При медлительности тогдашних средств сообщения Лондон несколько недель продолжал пребывать в неизвестности. Газеты склонны были преувеличивать степень потрясения, которое ожидало Османскую империю, которой-де будет предоставлена лишь видимость существования. И доля вины за это приписывалась «пассивной и почти поощрительной» в отношении России политике, которой будто бы придерживался кабинет¹¹. Веллингтон и Абердин нервничали. Когда в английской столице стали известны условия мира, предъявленные туркам, их реакция из «оживленной» (употребляя терминологию тогдашней переписки) превратилась в угро-

жающую. Уайт-холл вообразил, что Николай I становится некоронованным властителем султанских владений. 17(29) сентября Ливен сообщал: Абердин «утверждает, что этот способ решения вопроса оскорбителен для британского правительства». «Разговор с министром принимал все более серьезный оборот. Лорд Абердин, который, по всей видимости, выражал также мысли и намерения герцога Веллингтона, упорно заявлял, что пожар и взятие Константинополя поставили бы английское правительство в тысячу раз менее затруднительное положение, чем подобный результат; что, если все это произойдет, Англия не будет считать себя связанной своими обязательствами и будет поступать в Греции так, как считает нужным; и если в настоящий момент она об этом нам не заявляет, то лишь в ожидании благоприятной okazji, которой не замедлит воспользоваться, ибо мы не ставим ни во что ни ее честь, ни ее желания, ни нашу договоренность с ней»¹².

Разгоряченные русские дипломаты ответили резко: здесь, по их мнению, «ищут лишь предлога для войны», упрекая Россию в том, что она «добилась, следуя общим желаниям, осуществления плана, согласованного со своими союзниками». В таком случае и Россия будет считать себя свободной от принятых обязательств. Россия заявила, что она не сложит оружия, не добившись решения греческого вопроса, и она этого добилась.

Мало-помалу собеседники успокоились «...и сколь бурным было начало нашего разговора с главным государственным секретарем, столь дружественным стало расставание». Чтобы, как писали Ливен и Матушевич, «смягчить ненависть Великобритании против Греции» и «предотвратить наступление кризиса (в отношениях) между императорским и лондонским кабинетами, кризиса, который может и не перерасти в войну, но омрачит на долгие годы их отношения по всему кругу вопросов»¹³, они проявили уступчивость (не имея на то санкции Петербурга). Троица принялась обсуждать следующий план: предъявить до заключения мира (весть о подписании которого еще не достигла Лондона) ультиматум Порте, поставив ее перед выбором — признать или автономную Грецию в более обширных пределах или независимую в более ограниченных. Ливен и Матушевич оправдывались следующими соображениями: Порта в данное время слишком слаба, чтобы предпринять что-либо даже против урезанной Греции; и, «если Греция сама поступится полнотой своей свободы, она сохранит пределы, необходимые для создания внушающего уважения государства с развитой торговлей,

способного благоприятствовать развитию всех своих ресурсов»¹⁴.

Последствий эта беседа не имела и не могла иметь — мир был заключен. Британский кабинет дважды совещался, обсуждая его условия. Затем Абердин принял русского посла и заявил «спокойно, без гнева»: будь он, Абердин, врагом России, он скорее примирился бы со взятием Стамбула, нежели с Адрианопольским миром. У посла создалось впечатление, что Великобритания не признает статьи десятой Трактата, отказывается в содействии мерам, необходимым для претворения в жизнь протокола от 22 марта 1829 г., и ожидает благоприятного случая для отмщения. Его объяснения с Абердином становились «со дня на день все более оживленными». 1(13) октября Ливен признавал в своей депеше, что ранее недооценивал степень «раздражения» британского кабинета: Абердин «не останавливается ни перед глупостью, ни перед актом злой воли; герцог Веллингтон, поддерживаемый значительным большинством своих коллег, решил, что первые проявления его мести падут на греков. Это приведет к столкновению с Россией. Без того, чтобы вызвать немедленно войну, их отношения будут серьезно скомпрометированы»¹⁵. «Немедленного объявления войны опасаться нечего. Все говорит против этого: ситуация в самой Англии, интересы ее торговли, все еще неустойчивое положение в Ирландии, позиция Франции, трудность вовлечь ее в направленную против нас комбинацию, ничтожество Австрии, наши связи с Пруссией, наконец, позднее уже время года»¹⁶. Абердин заявил Ливену: «Пока что Англия, протестуя против статьи десятой Адрианопольского трактата, считая ее оскорбительной, не объявит нам войны»¹⁷. Но министр констатировал наличие «зерен войны». Ливен высказывал следующие соображения: «Представляется обоснованным, что, если лондонский двор и не выступит против нас, он осуществит в возможно большей степени свои угрозы против Греции, займет открыто враждебную позицию по отношению к эллинскому правительству. Он посеет там беды и разногласия, он будет подрывать авторитет графа Каподистрии, стремиться уничтожить флот греков и ставить рогатки их торговле. Несчастливая страна станет жертвой его мести до того, как мы сможем это предотвратить и отвратить».¹⁸ Посол тревожился: «семена войны множатся»; нет уверенности в твердости поддержки Франции; позиция Англии толкает Турцию на сопротивление.

Выход Ливен видел в создании независимой Греции в урезанных по сравнению с очерченными в мартовских 1829 г.

решениях держав границах. Он полагал, что на линию от Зейтуна до устья реки Аспропотамос со включением острова Эвбеи Веллингтон бы согласился¹⁹. Дипломат сознавал, что интересам Греции наносится ущерб, но считал это неизбежным: «Правда, что мы произвольно навязываем условия Греции, но мы спасаем ее от слепой и враждебной ненависти английского министерства, но мы утверждаем мир в Европе». И в соответствии с высказанным соображением выражал надежду на то, что эллины поймут эти соображения²⁰. От этих размышлений тянется прямая нить к решениям Лондонской конференции от 22.I(3.II) 1830 г.

18(30) октября Ливен снарядил в Петербург специального курьера, столь важную, срочную и неприятную новость он узнал. Абердин доверительно ознакомил его с нотой Порты от 13(25) сентября (т. е. составленной после подписания Адрианопольского мира, но до его ратификации). Военные действия в Малой Азии еще продолжались. Ливен расценивал ее «не более и не менее как формальный протест против статьи десятой Адрианопольского мира. В этом документе что ни утверждение, почти что каждая строчка являются нарушением этой статьи, либо оскорблением России»²¹.

Содержание ноты сводилось к следующему: Порта разъясняла Гордону и Гильомино, что, согласившись принять основы мартовского 1829 г. протокола, она оставила за собой право вернуться к вопросу о границе в Море — «она никогда не считала, что его решение должно базироваться на условиях, первоначально изложенных в протоколе». Порта вопрошала: почему державы, определив границы Греции в протоколе от 16 ноября 1828 г., сами пересмотрели свое решение? Не потому ли, что «несколько разбойничьих шаек, нарушавших добрый порядок в Море, были оттуда изгнаны и напали на соседние области», население которых «состоит из подлинной райи Блистательной Порты». Если Турция потеряет территории за пределами Мореи, она не сможет обороняться от внешних врагов, «она окажется неспособна поддерживать во всей их силе законы своей империи, ее спокойствие и безопасность». В ноте выражалось опасение, что Греция явится очагом военной угрозы: «Безопасность и спокойствие жителей Мореи в будущем и ее владений не зависит ни от размеров ее территории, ни от распространения ее границ, ни от укреплений. Ее судьба и осуществление положений, к ней относящихся, должны быть гарантированы исключительно двумя державами и уважением к договорам»²².

Гильомино и Гордон, получив турецкую ноту, в своих сопроводительных письмах в Париж и Лондон интерпретировали ее как обращение к трем державам²³. Здесь они грешили против истины: Порта в своей ноте передавала «решение вопроса столь высокого интереса французскому и английскому правительствам», «известным своими мудрыми и справедливыми принципами»²⁴.

Ливен расценил ноту очень резко: Порта требует ограничить территорию Эллады Мореей и Кикладами, лишить ее возможности обороны, пытается исключить Россию из числа гарантов нового государства: «...Этот документ — прямое обращение Порты к Англии и Франции против нас». Русские дипломаты заявили Абердину, что, если нота будет представлена конференции в качестве официального документа, они расценят это как оскорбление, нанесенное России, нарушение Турцией Адрианопольского договора, заявят о законности возобновления военных действий и, наконец, покинут конференцию. Был снаряжен курьер из Лондона в лагерь генерала Дибича с информацией о закулисной деятельности османской дипломатии и советом не спешить с отводом русских войск²⁵.

Перед лицом столь решительного протеста Абердин не рискнул воспользоваться турецким демаршем.

Голова Николая I кружилась от успеха; присущая ему самонадеянность и самоуверенность расцвели пышным цветом и сквозили чуть ли не в каждой строчке его писем к И. И. Дибичу: «Мои новости, полученные утром с курьером из Лондона, — сообщал царь 1(13) сентября, — определенно свидетельствуют о том, что английское министерство сражено успехами нашего оружия в такой степени, что Абердин сказал нашим: «Во имя господина, не обращайтесь с нами поддибичевски и пощадите нашу честь»²⁶. Очевидно, не без влияния информации Ливена и Матушевича, которые уверяли: «никакая реальная опасность нам не угрожает, и наш августейший повелитель в состоянии повелевать Европой и будущим», царь пришел даже к выводу, что может безнаказанно утвердиться в Стамбуле: «Они видят и не опасаются более нашего владычества в Константинополе» (слово «владычество» во французском оригинале подчеркнуто пять раз)²⁷. Раздававшиеся со всех сторон чуть ли не погребальные песнопения по Османской империи оказывали воздействие на Николая I и его окружение. Меттерних, не посмеавший протестовать против Адрианопольского договора, называл мир «несчастьем» и писал о прекращении «независимого существования» Турции. Военный министр Австрии Радецкий считал,

что Габсбургская монархия низведена Адрианопольским миром на положение «государства второго разряда»²⁸.

Льстецы от российской дипломатии курили царю фимиам: «Европа с Англией во главе склонится пред решениями, которые соблаговолит принять император»²⁹.

Кабы знали, кабы ведали на Даунинг-стрит, как далеки были царские сановники тогда от мысли сокрушить Османскую империю, вероятно, они не били бы в колокола тревоги. В дни самых резких объяснений Ливена с Абердином Николаем I созвал секретное совещание 5—6(17—18) сентября, т. е. когда мир уже был подписан, но весть о нем еще не достигла Петербурга. На заседание было приглашено несколько сановников, пользовавшихся особым доверием царя — граф В. П. Кочубей, председатель Комитета министров и Государственного совета; военный министр граф А. Н. Чернышев, князь А. Н. Голицын, граф П. А. Толстой, статс-секретарь граф Д. В. Дашков. Административный аппарат, офицерский корпус, дипломатическая служба кишели тогда прибалтийскими баронами. Однако на совет были позваны (кроме Нессельроде, присутствовавшего по должности) сплошь представители родовитой поместной русской знати. Николай Павлович слишком хорошо помнил трагическую судьбу деда и отца, вышедших в какой-то степени из-под воли дворянства (и, между прочим, в вопросах внешней политики), чтобы в решительный момент обойтись без его совета. Можно полагать, что он не просто хотел разделить ответственность за принятые решения с виднейшими сановниками империи, но и в известной мере переложить ее на знать.

Секретный комитет рассмотрел Меморандум, зачитанный Нессельроде и выразивший точку зрения царя (иного мнения вице-канцлер не имел), и обсудил «плоды размышлений некоторых лиц, осведомленных в Восточном вопросе, которые высказали свое мнение относительно проблемы, столь трудной для размышления»³⁰.

«Мы всегда придерживались того мнения, — говорилось в записке Нессельроде, — что сохранение Турции более полезно, чем вредно действительным интересам России; что никакой другой порядок вещей, который займет ее место, не возместит нам выгоды иметь соседом государство слабое, постоянно угрожаемое революционными стремлениями своих вассалов и вынуждаемое успешной войной подчиниться воле победителя»³¹. Цели и направление царской политики в Восточном вопросе здесь обрисованы хотя и тезисно, но точно.

Нессельроде рассматривал и другой, своего рода запасной

вариант; ведь цели политики — одно дело, а ее возможные последствия — совсем иное. Вице-канцлер задавал вопрос: если Османская империя в результате поражений и под влиянием центробежных сил распадется, что делать тогда? Он вполне определенно высказывался насчет невозможности склеить распавшиеся куски. Предлагалось, действуя энергично, занять стратегические позиции в проливах, чтобы в случае чего встретить незваных гостей, а затем созвать в Петербурге конференцию держав для определения путей развития бывших османских владений: «...Разрешить вопрос без их участия тогда как он затрагивает существеннейшие их интересы, значило бы посягнуть самым чувствительным образом на их честь и принять на себя слишком большую ответственность»³².

Ничего нового Нессельроде не предлагал: его «Записка» суммировала рассыпанные в царской и дипломатической переписке соображения о предпочтительности сохранения слабой, раздираемой противоречиями Турции. Царь хотел заручиться формальным согласием виднейших представителей знати на этот курс.

«Записка» видного юриста Д. В. Дашкова развивала, но более развернуто и аргументированно, ту же точку зрения. Автор полагал, что исчезновение Османской империи чревато европейской войной: «Напрасно возразили бы нам исчислением тех выгод и приобретений, кои достались бы тогда на часть России; ей нужны не новые приобретения, не распространение пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседственными народами, а сего она удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях»³³.

В исторической литературе, с легкой руки известного русского исследователя международных отношений проф. Ф. Ф. Мартенса, Дашков (не вполне заслуженно) был наречен отцом нового внешнеполитического курса. На самом деле автором № 1 был сам Николай I, а ее оформителем и декоратором (в дипломатическом смысле) — Нессельроде. В качестве соавтора выступал и Д. В. Дашков, который сформулировал ее постулаты в наиболее законченном и отточенном виде.

Секретный комитет единогласно решил: «Что выгоды от сохранения Оттоманской империи в Европе превышают ее невыгоды; что вследствие сего благоразумие требует предупредить ее падение...»³⁴. Политический курс на ближайшие годы в Восточном вопросе был предопределен. Такое единомыслие должно было иметь глубокие корни.

Вопреки расточавшимся в доверительной переписке заверениям, что никто не дерзнет бросить вызов победителю, российские верхи сознавали: еще один шаг вперед — и наступит международная изоляция, или, еще хуже — конфликт. Недаром К. В. Нессельроде писал своему бывшему коллеге по управлению министерством иностранных дел, ставшему президентом Греции, Иоанну Каподистрии, что в сношениях с иностранными державами Россия не может переступать определенные рамки и рисковать всеобщей войной³⁵.

Имелась налицо сумма долговременных обстоятельств, своего рода констант европейской общественной и политической жизни, которая побуждала царизм перейти к новому курсу в Восточном вопросе. Вычленять из нее какие-либо отдельные причины и выстраивать их по ранжиру было бы затруднительно.

Существовала старая, «венская» Европа; клокотавшее в ней недовольство на западе (революции в Испании и Италии, движение за парламентскую реформу в Великобритании, непрекращавшиеся волнения в Ирландии, кризис режима реставрации во Франции), в центре (движение за объединение Германии, венгерская оппозиция), на востоке и юго-востоке (восстания декабристов в России, Тудора Владимиреску в Валахии, греческая революция, напряженное положение в Польше) сплачивало охранительные силы. Обострять в этих условиях конфликт между ними, рисковать внешнеполитической изоляцией, способствовать освободительному движению, подсаживать на политическую авансцену балканскую буржуазию, а всем этим грозило продолжение войны, российская реакция не хотела. Она предпочла политику частных возможностей в рамках существовавшего европейского баланса сил. Затем, как спасительный выход, появилась надежда на то, что султанская держава развалится под грузом центробежных сил без какого-либо вмешательства извне. И тогда можно будет, не опасаясь упреков, призвать Европу к «заполнению вакуума». Так родилась и окрепла мысль о возможности подчинить ослабленное государство османов своему влиянию. При этом упустили из виду кардинальной важности обстоятельство, что придется иметь дело не столько с вельможами Порты, сколько с сильными и располагавшими большим арсеналом воздействия соперниками. Решения секретного комитета означали попытку распространить на Юго-Восточную Европу и Ближний Восток «венские» принципы легализма, трещавшие по всем швам на западе. Обратной стороной этих решений являлся отказ

от поддержки освободительного движения. Поднимавшаяся на Балканах национальная буржуазия была связана экономически, политически, идеологически с капиталистическим Западом и становилась проводником его влияния. Всего этого в Петербурге не поняли.

Испытания успехом Николай I не выдержал. Присущие его натуре самонадеянность и высокомерие, не сдерживаемые более барьером осторожности, во внешнеполитической области проявились в потере ориентации, умения взвешивать силы свои и противников. Он вообразил себя владыкой полумира; в крайней степени преувеличивал степень развала Османской империи; в такой же мере недооценивал ее способность противостоять центробежным тенденциям; придворные льстецы этому способствовали. Тот же Ливен писал: «Если Османскую империю и сохранить, мы без опасения можем навязать ей все условия, которых требуют наши интересы, наша честь, наша торговля и абсолютная необходимость утвердить навсегда наше преобладание в Леванте»³⁶. Политика стала базироваться не на реалиях, а на фикциях. Царь исподволь взял на себя заботу о наследстве «больного человека», попытавшись привлечь к своим проектам державы, которые смерти этого «человека» не желали. Никто не верил в искренность царских клятв, что он не подтолкнет империю османов к гибели. Битыми оказались расчеты на прочное и долговременное влияние царизма на Балканах. Немедленно после войны наблюдался его взлет. Но затем начало проявляться действие исторически объективных и непреодолимых факторов, бороться с которыми Романовы были бессильны. «Известно, — писал Ф. Энгельс, — что в каждом государстве, которое возникало на турецкой территории и достигало полной или частичной независимости, образовывалась сильная антирусская партия. И если это имело место тогда, когда русская помощь была единственным прибежищем от турецкого гнета, чего же мы можем ожидать, когда страх перед этим гнетом исчезнет?»³⁷. Отказом от прежде проводившейся политики содействия — путем подрыва господства Османской державы — освободительному движению на Балканах царизм добровольно сдал последнюю свою выигрышную позицию в этом регионе. У соперников оказались на руках все козыри: экономическое преобладание, широкий выбор промышленных товаров, свободные капиталы, идеологический багаж в разнообразном ассортименте для вооружения развивающейся балканской буржуазии, возможность заигрывания с турецким реформаторским движением.

Международная обстановка виделась Петербургу в розовой дымке побед, что проявилось в фанфарном тоне писем Николая I Дибичу. Триумф России не мог не породить у соперников мысли о реванше. Правда, открыто протестовал против условий трактата лишь Лондон. В Вене он был воспринят кисло, но выражать недовольство Меттерних не осмелился и прислал положенные поздравления. В Австрии утешали себя поговоркой: могло быть и хуже (для Габсбургов)³⁸. Французский министр — президент Полиньяк расценил условия мира как «снисходительные»³⁹. Николай I первым направил королю Карлу X письмо, с благодарностью за «честное и лояльное содействие» в прекращении войны и достижения мира.

Резко и раздраженно встретил заключение мирного договора Лондон. «...Газеты всех направлений, в особенности те, что слынут правительственными, готовят публику к тому, что Россия в полной мере воспользуется плодами своих побед», — сообщало посольство. Смысл их высказываний сводился к тому, что султану будет оставлена видимость самостоятельного существования⁴⁰. Однако и в британской столице чувство реализма возобладало. Здесь сознавали свое бессилие, отсутствие союзников и наличие лишь дипломатических средств давления. «Британия, — по словам Р. В. Ситон-Уотсона, — потеряла контроль над событиями, поскольку не могла перетянуть Францию от России и идти на перспективу единоличной войны с Россией и греками»⁴¹. В Петербурге, в свою очередь, не хотели вступать в прямой конфликт. В Адрианополе, писал Нессельроде, «самолюбию британского правительства уже нанесен чувствительный удар» (добавим в скобках, что слово «самолюбие» по сути дела следовало бы заменить на «влияние», ибо царизм по его условиям получал на Балканах большие преимущества). Кроме явно притянутого греческого предлога, придаться по каким-либо формальным обстоятельствам было не к чему. Российская сторона проявляла полную готовность в ходе переговоров уточнить статус Греции и тем самым уврачевать раны, нанесенные британскому самолюбию. Запальчивые объяснения были преданы поэтому забвению. Абердин сообщил, что «на первое время» ограничится протестом⁴².

Его преемник на посту министра иностранных дел в вигском кабинете, пришедшем к власти, виконт Дж. Пальмерстон говорил в палате общин 7 августа 1832 г.: «...В турецкой войне Россия не была агрессором; трудно предположить, что тогдашнее британское правительство герцога Веллингтона, которое вполне определено было другом Турции, оставило

бы последнюю без помощи, будь она несправедливо атакована. Было бы утомительно перечислять палате все провокации, которым подвергалась Россия со стороны Турции; полагаю, что в их число бесспорно можно включить высылку русских подданных с ее территории, задержку русских судов и нарушение всех положений Аккерманского договора; отказ от удовлетворения полученных жалоб; так что, если когда-либо существовали справедливые основания для войны, то они были у России для войны с Турцией. Она не воспользовалась, однако, этим для приобретения территории, по крайней мере в Европе»⁴³. Пальмерстон считал необходимым напомнить парламентариям, что русское правительство заранее обещало воздержаться от приращений в Европе.

Все эти признания ни в какой степени не означают, что гордая владычица морей смирилась и безропотно проглотила преподнесенную ей в Адрианополе пилюлю. 1829 год явился отправной точкой нового этапа англо-русского соперничества на Ближнем Востоке и на Балканах, тянувшегося до Крымской войны, в ходе которого Великобритания опиралась на свою индустриальную мощь, безбрежные тогда финансовые ресурсы, первый в мире флот, политическое и идеологическое влияние.

И Петербург, и Лондон, и Вена рассматривали трактат с точки зрения своих непосредственных политических выгод и неудач. Оценки момента, однако, далеко не всегда подтверждаются историей.

Истинное значение и историческая масштабность Адрианопольского мира лежало не в сфере эгоистических интересов, планов и замыслов будь то царизма, либо Лондонского кабинета или венского двора.

Адрианопольский мир явился важнейшей вехой социального и политического развития балканских народов, этапом в восстановлении государственности Греции, Сербии и Дунайских княжеств⁴⁴. Русские победы в 1828—1829 гг. помогли обеспечить, пусть в неполной и незавершенной форме, достижения национального и освободительного движения, а трактат закрепил их в международно-правовом плане. В этом его величие и слава для Балкан.

В Дунайских княжествах, получивших широкую внутреннюю автономию, началась эпоха реформ⁴⁵: были выработаны Органические регламенты — конституционные акты, ограничившие произвол господарей, учреждены министерства, создана система судебных трибуналов (включая коммерческие, защищавшие интересы торговли), прокуратура и адвокатура, провозглашен характерный для буржуазного

правопорядка принцип разделения властей, организованы национальные вооруженные силы. Реформы выработывались составленными из крупных землевладельцев комиссиями и русской администрацией во главе с ген. П. Д. Киселевым; отпечаток боярского происхождения проявился в регламентах вполне отчетливо, и прежде всего в аграрном законодательстве. Феодальная система землевладения была лишь видоизменена, что побудило К. Маркса охарактеризовать эти документы как «кодекс барщинных работ»⁴⁶. Но и в этих условиях начался быстрый подъем сельского хозяйства, его рост ширирь. Культурная жизнь в Валахии и Молдавском княжестве забила ключом, хотя, конечно, в узкой среде нарождавшейся интеллигенции; уделом крестьянской массы продолжали оставаться труд и нужда.

Адрианополюский мир как бы подвел черту под четвертью веками бурной истории сербского народа — двух восстаний, Бухарестского мира и последующих десятилетних усилий русской дипломатии оказалось недостаточно для утверждения автономии Сербского княжества. Лишь после войны 1828—1829 гг. Порта сдала свои позиции. Серия султанских хатти-шерифов признала право княжества на самостоятельное внутреннее управление; потребовалось еще четыре года усилий со стороны белградского правительства, поддерживаемых русской дипломатией, чтобы в состав страны вошли отторгнутые от ее земель шесть округов. Был сделан важный шаг на пути создания сербского буржуазного государства.

Победа в войне 1828—1829 гг. позволила добиться международного признания самостоятельности и независимости Греции; междоусобицы в самой стране, трудные переговоры держав в Лондоне затянули оформление этого акта; но решающий этап был пройден.

¹ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978, с. 91.

² *Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975, с. 94.

³ Там же, с. 106—107.

⁴ *Шильдер Н. К.* Император Николай I. СПб., 1903, т. 2. Примечания и приложения, ст. 459.

⁵ Адрианопольский договор. См.: *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869, с. 71—82.

⁶ Подробные данные об этом содержит монография А. В. Фадеева.

⁷ Подробно см.: *Гросу В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 32.

⁹ *Vacalopoulos A.* Histoire de Grèce moderne. Paris, 1975, p. 122.

¹⁰ Адрианопольский мир 1829 г. Из переписки графа Дибича.— «Древняя и новая Россия», октябрь 1879, с. 552.

¹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 149. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 6(18).IX 1829.

- ¹² Там же, л. 191.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, л. 203. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 1(13).X1829.
- ¹⁶ Там же, л. 214—215.
- ¹⁷ Там же, л. 215.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, л. 204.
- ²⁰ Там же, л. 219.
- ²¹ Там же, л. 274.
- ²² Копия ноты Порты кабинетам Англии и Франции от 25 сентября 1828.— Там же, л. 281—287.
- ²³ Там же, л. 288.
- ²⁴ Там же, л. 287.
- ²⁵ Там же, л. 274—276.
- ²⁶ *Шильдер Н. К.* Император Николай I, т. 2, с. 460.
- ²⁷ Древняя и новая Россия, октябрь 1879, с. 554.
- ²⁸ *Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, с. 359.
- ²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 98.
- ³⁰ *Достял И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 319.
- ³¹ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 202.
- ³² Там же.
- ³³ Там же, с. 203.
- ³⁴ Там же, с. 205.
- ³⁵ *Лулес Д.* Образование Греческого государства и Россия.— Сов. славяноведение, 1980, № 3, с. 49.
- ³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 71. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде 18(28).VIII 1829.
- ³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 32.
- ³⁸ Русский вестник, август 1889, с. 22.
- ³⁹ *Дамянов С.* Франската политика на Балканите 1829—1953. София, 1977, с. 29.
- ⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 149. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 6(18).IX 1829.
- ⁴¹ *Seton-Watson R. W.* Britain in Europe. Cambridge, 1937, p. 128.
- ⁴² СТК, т. XI, с. 420.
- ⁴³ Opinions and Policy of the Rt. Hon. Viscount H. J. Palmerston as Minister, Diplomatist and Statesman. L., 1852, p. 216.
- ⁴⁴ О международном значении Адрианопольского договора см.: История дипломатии. М., 1959, изд. 2, т. I; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978; Международные отношения на Балканах 1815—1830. М., 1983.
- ⁴⁵ См.: *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966; История Румынии 1848—1917. М., 1971.
- ⁴⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 249.

Очерк пятый

ДЖОН ПАЛЬМЕРСТОН
ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

По насыщенности событиями и драматизму Восточный вопрос в 30-е годы XIX в. мало уступает кризисам 20-х, 50-х и 70-х годов — достаточно вспомнить две турецко-египетские войны, поставившие на ноги всю европейскую дипломатию. После Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., ознаменовавшего высшую точку российского влияния в Константинополе, англо-русская борьба вокруг Балкан и Ближнего Востока ожесточилась. Царизм, взявший курс на прямое политическое преобладание, закрепленное в договорах с Османской империей, не выдержал напора британской дипломатии, опиравшейся на безбрежные тогда экономические и финансовые ресурсы, морскую мощь, идеологический потенциал, под воздействием которого находилось турецкое реформационное движение. В 30-е же годы британское правительство предприняло первые попытки, еще плохо подготовленные и окончившиеся неудачей, проникнуть на балканскую периферию османского государства — в Сербию. Но в целом в ходе длившейся десятилетиями англо-русской дуэли за преобладание в Юго-Восточной Европе и в Турции Великобритания именно в это время стала теснить противника; именно тогда произошел перелом в соотношении сил и были посеяны зерна конфликта, давшие кровавые всходы в Крымской войне.

В советской историографии эти процессы отражены интересно, полновесно с точки зрения источниковедческой, но тематически и хронологически — фрагментарно¹. Исследована турецкая политика маневрирования между Россией и Англией², однако целостная картина эволюции англо-русских отношений в 30-е годы XIX в. в их важнейшем балканоближневосточном звене отсутствует. Британская наука представлена именами корифеев буржуазной историографии — Ч. Вебстера, Г. Темперлея, Р. В. Ситон-Уотсона — и целой плеяды исследователей. При всей разноценности трудов их авторов объединяет приверженность к «оборонительному варианту»: акции сменявших друг друга правительств либе-

ралов и консерваторов истолковываются как направленные на сохранение в целостности и неприкосновенности Османской империи. При этом забывается, что в ходе «обороны» от «хищного и агрессивного» царизма Турция превратилась почти что в лондонскую вотчину, потеряв многие признаки суверенного государства; что британские товары волной хлынули в османские пределы; что к концу 30-х годов британский посол лорд Джон Понсонби «доминировал в султанском совете»³, а в 50-е — турецкие сановники не знали, у кого же получать указания — то ли у повелителя правоверных, то ли в британском посольстве в Терапии под Константинополем.

Ситуацию на крайнем Юго-Востоке Европы в исследуемый период нельзя анализировать без учета резкой поляризации сил великих держав, которую повлекли за собой революции 1830 г.

Известна первая реакция Николая I на сообщения об июльском восстании в Париже: он вознамерился порвать с «узурпаторами» дипломатические отношения и снарядил к «друзьям», в Вену и Берлин, эмиссаров с целью разведать возможность совместного вмешательства. Охотников седлать коней и пускаться в крестовый поход к берегам Сены ни в Пруссии, ни в Австрии не обнаружилось, да и сам Николай Павлович, поостыв, оставил мысли не только об интервенции, но даже о разрыве с Луи Филиппом Орлеанским. «Я его признаю, — жаловался царь австрийскому послу К. Фикельмону, — потому что это считают необходимым, но в сердце моем он навсегда останется узурпатором». По словам К. В. Нессельроде (из его позднейшего доклада царю), «...потрясения 1830 г., приведшие к падению старшей ветви Бурбонов, открыли новый период в политике в. в. Они определили характер, который отличал в дальнейшем Ваше правление. В итоге этих революций Вы стали для мира представителем консервативной идеи»⁴. По свидетельству самого Николая I, он взял на себя обязательство «поддерживать священный огонь» 1815 г. и сражаться с «адскими принципами» революции⁵.

Так оформился внешнеполитический курс, который даже консервативно настроенные старые русские историки считали бесперспективным и безнадежным, ибо основывался он не на социально-политических реалиях, а на изживших себя реакционных идеях. «Император Николай I оставался неутомимым защитником порядков, которые давным-давно потеряли право на существование», — констатировал Ф. Ф. Мартенс⁶. С. С. Татищев сетовал по поводу «добровольного подчинения наших государственных интересов

мнимой солидарности интересов соединенной Европы». Российскую политику того времени он именовал «наносной» и «внеземной»: «Граф Нессельроде предпочитал цветами дипломатического своего красноречия прикрывать пропасть, отделявшую на Востоке пользы России от вожделий ее вековых соперниц»⁷. А. Г. Жомини усматривал главную ошибку в вере «в возможность сохранения сооруженного в 1815 г. и отжившего свой век здания»⁸.

Габсбургская дипломатия торжествовала: «Тройственный союз * оказался ящиком Пандоры, откуда на Россию обрушились чума и холера», — писал тот же Фикельмон⁹. Отношения с орлеанским правительством были безнадежно испорчены, и произошло сближение с Веной. К великой радости последней царь собственными руками принялся восстанавливать разрушенное здание Священного союза. Русская дипломатия, еще недавно успешно избегавшая ловушек канцлера Меттерниха, ярого защитника статус-кво во всей Европе, в ее юго-восточной части в особенности, теперь словно бы ослепла и заверяла всех и всякого в прочности и незыблемости дружбы консервативных дворов. Воистину, классовая слепота — самая безысходная, а именно ее демонстрировали царские сановники. На практике австро-русская «интимность», как ее именует австрийская историография, означала установление, если не контроля, то надзора Вены за всеми действиями партнера в Восточном вопросе, близко к сердцу принимаемом габсбургским правительством.

Нельзя, конечно, говорить, что «русский медведь» покорно впрягся в австрийскую повозку и потащил ее в указанном Меттернихом направлении. У канцлера хватало проницательности, чтобы идти на известные уступки Петербургу. В последующие годы он отказался от открытого противодействия русским акциям на Балканах и даже, в дипломатическом плане, помогал смягчить острые противоречия с Англией и Францией, возникшие в 1833 г. и позже, за что получал упреки в прислужничестве Петербургу. К. В. Нессельроде пел дифирамбы австрийской лояльности¹⁰. А Меттерних в доверительных беседах объяснял подоплеку «сердечности» в отношениях с Россией: «Сегодня я иду с нею потому, что она идет со мной»¹¹. Поддержка оказывалась курсу царизма, направленному на сохранение Османской империи, при условии отказа от помощи, хотя бы косвенной, освободительному движению на Балканах. В этих рамках царь Николай изредка высказывал свою убежденность в том, что Осман-

* Т. е. союз Англии, Франции и России по акту 1827 г.

ская империя развалится сама по себе, без всяких внешних посягательств; Вена принимала к сведению эти откровения, соглашалась рассмотреть возможные последствия развала и обсудить план действий, что было зафиксировано в сентябре 1833 г. в мюнхенгрецком протоколе. В то же время австрийская сторона принимала все меры для того, чтобы продлить жизнь Турции в существовавших границах и активно поддерживала британскую политику статус-кво в Юго-Восточной Европе.

Канцлер К. Меттерних надеялся на богатые плоды сотрудничества с царизмом прежде всего в уязвимом месте габсбургской монархии, в Центральной Европе, где он боролся с движением за объединение Германии и Италии, утверждая в первой австрийское преобладание, а во второй — владычество. И он не ошибся. Задачи «нового курса» Николая I сводились, как писал К. В. Нессельроде, к «поддержанию власти повсюду, где она существует, укреплению ее там, где она ослабла, и защите ее там, где она подвергается открытому нападению»¹². По словам австрийского историка Э. Молдена, «суровые испытания 1830 г. побудили «перепуганную Россию» (понимай — ее двор) оказать всемерную поддержку Вене; Россия отказалась от «самовольной» политики на Востоке — той, что приводила, по красноречивой оценке ученого, «в оцепенение всю Европу»¹³, и кульминацией которой явилась русско-турецкая война 1828—1829 гг. Зимний дворец утвердился в правильности политики сохранения «слабого соседа», поддержания османских владений в Европе, принятой после Адрианопольского мира.

Еще летом 1830 г. Меттерних воспользовался пребыванием Нессельроде в Карлсбаде (Карлови-Вари), чтобы повидаться с ним. «Граф Нессельроде, — писал австриец, — пребывал в страхе и боялся встречи со мной»¹⁴ (российский министр знал о крайне резких отзывах Николая I об интригах Меттерниха во время русско-турецкой войны). Пугая нависшей со всех сторон опасностью революции, Меттерних, по его словам, «выиграл битву». Но самым убедительным аргументом в пользу сближения с Веной в глазах петербургских реакционеров явилось восстание в Париже. Еще до того, как Нессельроде покинул «карлсбадские воды», стороны договорились не допускать вмешательства французского правительства «в материальные интересы Европы, как они существуют и утверждены общими актами, а также посягательств на внутренний мир государств, в нее входящих»¹⁵. Это была попытка восстановить Священный союз, рухнувший на балканском пороге.

Польское восстание довершило сближение двух дворов. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, выражая настроения знати, покаялся Фикельмону в допущенных прежде внешнеполитических просчетах: «Мы все получили урок и понимаем ныне, что лишь сотрудничество с вами может нас спасти». Так, по словам консервативного историка Э. Молдена, два кабинета «неожиданно оказались в дружбе и доверии»¹⁶

Страх перед революцией затуманил умы российских сановников и самого царя в такой степени, что лишил их способности здраво мыслить и трезво рассуждать. Существуют документы (в том числе относящиеся к нашей теме), в которых истина представлена в столь кривом зеркале, что хочется воскликнуть: «Это невероятно!» — если бы они не существовали наяву, изложенные на хорошей, не поддающейся действию времени бумаге. Один из них — предписание Николая I послу в Лондоне Х. А. Ливену от 26 мая (7 июня) 1832 г. в связи с проведением в Англии избирательной реформы. Напомним, что суть ее состояла в уничтожении так называемых «гнилых местечек», сохранившихся со времен средневековья избирательных округов, центры которых обезлюдели и пришли в полное запустение, и предоставлении права посылать депутатов в парламент возникшим в ходе промышленной революции крупным городам. Таким путем индустриальная буржуазия Великобритании была допущена к участию в управлении государством, которое ранее безраздельно осуществляли лендлорды. Реформу никак нельзя было назвать демократической — по-прежнему 95% населения Соединенного королевства было отстранено от голосования. В косных умах российских реакционеров эта компромиссная мера представлялась пугающе революционной. Император Николай, говорилось в упомянутой депеше, со дня на день ожидает в Великобритании взрыва и опасается, что «король подвергнется участи несчастного Карла X». В таком случае посол должен был отправиться во дворец, «вцепиться, так сказать» (1), в монарха и не покидать его до получения дальнейших распоряжений¹⁷.

Каким путем престарелый князь Х. А. Ливен, давно отошедший от военной службы и десятки лет проведенный в дипломатических канцеляриях и светских салонах, должен был охранять особу нового короля Вильгельма IV, в прошлом — бывалого моряка, в депеше не упоминалось. А жаль!

Помимо этого курьезного, но характерного послания, оставшегося, разумеется, без последствий, существует другой документ, несравненно более важный, выразивший взгляды непосредственных исполнителей царских предписа-

ний — «Записка о внутреннем положении и внешней политике Англии»¹⁸. Дело в том, что Николай I для ведения переговоров по греческому вопросу направил в помощь Ливену и Матушевичу в канун нового 1833 г. в Лондон и занимавшего пост посла в Париже К. О. Поццо ди Борго. Эта странная тройца — прибалтийский немец, поляк и корсиканец — должна была, по мысли царя, совокупно представлять и защищать российские интересы и улаживать разногласия с Англией.

Не будем останавливаться подробно на оценке в записке умеренно-либеральной реформы 1832 г. как «революции», хотя и осуществляемой «легислативными мерами, без слишком серьезных народных волнений», на стенаниях ее авторов по поводу упадка влияния аристократии: «...палата пэров... потеряла почти полностью свои функции, которые сдерживали прыжки демократии»¹⁹. Анализ внешней политики Великобритании представляет своего рода перл: в «Записке» все поставлено с ног на голову. Пронизанные практицизмом руководители ее представлены в виде ослепших, потерявших ощущение реальности демагогов, не имеющих иных целей, кроме как следовать «своим абстрактным идеям и чувству ненависти»²⁰. Министры, мрачно предрекали Ливен, Матушевич и Поццо ди Борго, не справятся с потоком, который они же открыли, проведя реформу, залогом чего является «их робость и низкопоклонство перед общественностью»²¹.

В 30-е годы XIX в. британские государственные мужи упорно и в общем успешно боролись за то, чтобы Франция плыла в русле их политики. Авторы записки, явно под влиянием Поццо ди Борго, ненавидевшего короля Луи Филиппа, принявшего скипетр из рук «бунтовщиков», выворачивали правду наизнанку и обманывали сами себя, характеризуя внешнюю политику Англии не только как революционную и доктринерскую, но и даже как «абсурдную и антианглийскую», за то, что она будто бы приводила к усилению Франции и революционного движения²². Особенно показателен 12-й пункт сочинения собравшейся в Лондоне тройцы, в котором выражалось опасение, «что Англия может отказаться в пользу Франции от своих самых очевидных интересов за рубежом и поставить под угрозу собственную безопасность...»²³.

На сентябрьской встрече 1833 г. в Мюнхенгреце (ныне — Мнихово Градиште в Чехословакии) Николай I, австрийский кайзер Франц и присоединившийся к ним прусский король Фридрих-Вильгельм III договорились о взаимопомощи в борьбе с «мятежными движениями». Они предприняли по-

литически бестактный и практически бесполезный шаг — направили в Париж «дружеский» совет о противодействии революционной пропаганде²⁴. Ничего существенно анти-французского двору учинить не смогли. Зато они добились крутого крена французской политики в сторону Великобритании, хотя этому сближению мешало многое: парижские экспансионисты зарились на бельгийские земли — благо границы нового государства еще определялись и уточнялись; Лондон с подозрением отнесся к французскому вторжению в Алжир и покровительству египетскому паше Мехмеду Али. Но центристские силы возобладали, и в начале 30-х годов Тюильри и Сент-Джеймский кабинет пришли к «сердечному согласию», первой в истории Антанте. Послом Луи Филиппа в Лондон отправился опытейший из европейских дипломатов, престарелый князь Шарль Талейран-Перигор; в его лице русские дипломаты обрели умелого и изворотливого противника.

Те же обстоятельства помогли виконту Дж. Пальмерстону, занявшему пост министра иностранных дел в кабинете Ч. Грея (ноябрь 1830 г.), утвердиться на позиции защитника конституционных и либеральных свобод и поборника невмешательства во внутренние дела других народов. Этот выдающийся представитель политического фарисейства, по словам Карла Маркса, «перенял по наследству от Каннинга доктрину о миссии Англии распространять конституционализм на континенте, и потому у него никогда не бывает недостатка в поводах для того, чтобы возбуждать национальные предрассудки и противодействовать революции в других странах, поддерживая в то же время ревнивую подозрительность иностранных держав»²⁵. В течение тридцати лет борьба за преобладание в Европе, на Ближнем Востоке, за округление владений короны в обеспечение имперских морских путей шла под аккомпанемент пальмерстоновского красноречия: «Я полагаю, — говорил он в парламенте, — что подлинной политикой Англии — вне вопросов, затрагивающих ее собственные политические или коммерческие интересы, — является защита справедливости и права, следование этому курсу с умеренностью и благоразумием, не превращаясь во всемирного Дон Кихота, но используя свой вес и материальную поддержку там, где, по ее мнению, совершена несправедливость... У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов. Но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг»²⁶. По прочно усвоенной привычке Пальмерстон витийствовал даже перед царскими дипломатами: «...Народы ныне испытывают непреоборимую по-

требность прогрессивного улучшения своей судьбы и своих институтов»²⁷. О том, что войска объятых заботой о «прогрессивном улучшении» судьбы народов правителей Франции загоняли в то время алжирцев в пещеры и душили их дымом, а британские солдаты подавляли выступления в Ирландии, Пальмерстон скромно умалчивал.

Поверхностная революция 1830 г. во Франции привела британского министра в восторг. Сквозь призму своих либеральных воззрений он сравнивал ее с великой революцией XVIII в. и находил ее превосходной, главное — по причине «мудрости и умеренности в час торжества. Кто из помнящих эксцессы, неистовства, ужасы и безумия 1792 и 1793 годов мог бы подумать, что нация маньяков и убийц в столь короткий срок превратится в героев и философов»²⁸. Наконец, самое важное: новый французский монарх, Луи Филипп Орлеанский, именовавший себя «королем-буржуа» и не подозревавший, что возглавляет «героев и философов», на всех парусах поплыл к сотрудничеству с Великобританией, подгоняемый холодными ветрами, дувшими из Петербурга. Конечно, англо-французские противоречия во многих точках земного шара, включая Средиземноморье, не исчезли от речей о возникшем «сердечном согласии», подобно стенам мифического Иерихона от трубного звука, но обе стороны проявляли стремление приглушить их и достигнуть договоренности, причем обстоятельства заставляли Францию идти навстречу союзнику-сопернику дальше.

30-е годы застали британский кабинет в хлопотах по утверждению своего влияния в Бельгии, Испании, Португалии. Но Средиземного моря он не забывал. Видный исследователь истории международных экономических отношений Вернон Пюриер пишет: «Нигде Ближний Восток не соприкасается непосредственно с открытым океаном». Сильнейшая морская держава в мирное время держала под наблюдением, а в военное — могла быстро перекрыть пути к океану из гигантского региона. Британия «контролировала конечные выходы России к мировым морям»; и тут Пюриер употребляет редко встречающуюся формулу о «британской угрозе» России в XIX в.²⁹

Над этим тезисом стоит задуматься. По сути дела, под аккомпанемент деклараций о «русской опасности», нависшей над британскими интересами (а антирусская пропаганда достигала такой степени, что Г. Темперлей писал о «лае парламентской своры»)³⁰, велась широкая политическая, экономическая, а при возможности и военная экспансия английского капитала. В своей мировой политике Уайт-холл

опирался прежде всего на морскую мощь. Не вдаваясь здесь в генезис доктрины о роли флота в политике, можно согласиться с высказываниями Дж. Клейтона о Пальмерстоне как одном из ее выразителей и исполнителей: «Морское могущество позволяло Великобритании играть роль арбитра» Европы. «Господство в Средиземноморье обеспечивало ей преобладающее положение в Европе; контроль над путями в Индию позволял доминировать, если не в мире, то, по крайней мере, в Индийском и Тихом океанах»³¹, идеальным представлялось достигнутое в 1809 г. положение, а именно: закрытие Проливов для военных судов — русский флот запирался в Черном море. Средиземноморская эскадра его величества могла в любое время перерезать важнейшую торговую артерию России, лишить выхода на рынок громадного, быстро заселявшегося и развивавшегося региона. Фактически вся его экономическая жизнь попадала под верховный надзор Великобритании. У договора 1809 г. был один, но существенный недостаток — никто, кроме Лондона, его не признавал. Сошлемся на мнение такого знатока международного права, как С. С. Горяинов: договор связывал лишь 2 державы и не имел юридической силы для других³². Превращение односторонне установленного правила в международно признанный акт становилось важнейшей задачей Форин оф-фис.

Средиземноморские пути (Пальмерстон именовал их «авеню») упирались в османские владения. Один далее следовал по Суэцкому перешейку к Красному морю; другой пролегал по Малой Азии и долине Евфрата, затем шел вниз по реке к Индийскому океану. Второй был короче, и Пальмерстон отдавал ему предпочтение. Он подумывал о строительстве железной дороги Багдад — Басра. Мысль о прорытии канала через Суэцкий перешеек министр отвергал, полагая это технически невозможным и политически неоправданным, опасаясь, как бы Суэц не превратился во второй Босфор³³. Это не значит, что дорогой по Египту пренебрегали. Ост-Индская компания наладила пароходное сообщение от Суэца к Бомбею. Под предлогом борьбы с пиратством в Красном море и в Персидском заливе и помех, которые местные власти, номинально подчиненные Порте, чинили судоходству, компания «осваивала» берега. В 1837 г. был захвачен Аден. При этом никому в голову не пришло спрашивать санкцию Стамбула на отторжение его владений. В 1825 г. парламент отменил монополию Левантийской компании на коммерцию в Восточном Средиземноморье, предоставленную еще в 1581 г. Это был символический акт: могущественнейшее го-

сударство тогдашнего мира брало на себя непосредственную заботу об интересах класса капиталистов.

Османские пределы традиционно тракуются в англо-американской историографии как «аванпост обороны Индии»: «стратегические и географические интересы Великобритании» на Ближнем и Среднем Востоке ассоциировались с необходимостью защиты подступов к Индии, «сокровищу империи»³⁴.

Помимо отданного явно в порыве умственного затмения приказа Павла I донским казакам (январь 1801 г.) двинуться в Индию, нет ни одного свидетельства о нависшей над этой колонией угрозе³⁵. Редко-редко в парламенте и в британской печати раздавались здравые голоса: как-никак на севере Индии лежат Гималаи, перевалы которых — выше Альпийских вершин, и не с армейскими обозами через них прорываться. В 70-е годы член палаты общин С. Ленч вычислил, что на каждого русского солдата пришлось бы снарядить двух вьючных верблюдов и полторы лошади, чтобы он только мог достичь реки Евфрат³⁶. Иногда раздавались и признания известных государственных деятелей. Так, лорд Кларендон, министр иностранных дел в годы Крымской войны, свидетельствовал: «Мы не боимся за наши индийские владения»³⁷.

Но «угроза» нужна была как ширма для прикрытия собственных планов экономической, политической и территориальной экспансии, и поэтому вновь и вновь извлекалась на свет божий: «...Рано или поздно казак и сипай... встретятся в центре Азии. Наша задача — позаботиться, чтобы встреча произошла так далеко от наших индийских владений, чтобы это было выгодно и удобно для нас»³⁸, — свидетельствовал Пальмерстон и пытался «оборонять» Индию в Бухаре, направив туда своего посланца с соблазнительными речами³⁹.

На самом деле турецкий аванпост использовался, особенно после 1833 г., не для обороны, а для наступления на Россию. Весь арсенал ресурсов внешней политики государства, который знает теория международных отношений — экономическое, военное (в данном случае — военно-морское), идеологическое, культурное и научное влияние, был сконцентрирован для вытеснения России с Балкан, Ближнего и даже Среднего Востока. Флот его величества сосредоточивается в восточной части Средиземного моря; британские лазутчики с дипломатическими паспортами или без оных проникают в громадный регион от Белграда до Бухары; товары с клеймом «made in England» потоком устремляются на Восток;

торговый договор 1838 г. нависает тенью над турецким ремеслом (о фабричной промышленности в тот период можно говорить условно).

Можно согласиться и с мнением Г. Темперлея: «Восточная политика Пальмерстона основывалась на морской силе и становилась скорее средиземноморской, чем турецкой»⁴⁰. Понятие безопасности путей трактовалось чрезвычайно вольно; в качестве баз захватывались последовательно Гибралтар, Мальта, а в 70-е годы XIX в. — Кипр. В идеале Лондон хотел бы превратить Средиземноморье в «маре клаузум» для себя, но, поскольку изгнать с его берегов Францию, Австрию и Турцию было невозможно, Уайт-холл на практике «ограничивался» требованием преобладания. Османская империя представлялась идеальным хранителем ключей от Черноморских проливов и барьером против наступления России. Ей предназначалась роль своего рода блюстителя английских интересов в средоточии важнейших торговых и стратегических коммуникаций: «Установление (с помощью добрых отношений с Турцией) контроля Британии над Проливами, подобно тому, как она... подружилась с бельгийцами, чтобы контролировать бельгийское побережье, означало полное отстранение России»⁴¹.

Существовала, однако, боязнь, как бы Османская империя часом не испустила дух. Дж. Клейтон пишет об этих опасениях: «...Британия никак не могла решить, жива ли еще Турция, или уже мертва?»⁴². Обуревавшие Лондон чувства Пальмерстон выразил в одной фразе: «Факт состоит в том, что Турция быстро разваливается на куски»⁴³. Острый на язык министр не щадил турок в частной переписке: эти «мустафы не имеют представления о торговле, если не считать ревеня, инжира и красных шлепанцев». «Какой энергии можно ожидать от нации, которая не догадалась приделать каблучки к обуви?»⁴⁴.

Не раз на протяжении 20-х и в начале 30-х годов возникала мысль о замене одряхлевшей державы османов другой государственной комбинацией, более надежной как опора. Отсюда — зигзаги, колебания, непоследовательность и противоречия в действиях кабинета. Один из лидеров консерваторов, сэр Роберт Пиль, оправдывая пассивность правительства во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., говорил: «Разве мы обязаны, уподобляясь Дон Кихоту, по любому поводу бросаться в драку?»⁴⁵. В феврале 1830 г., выступая в палате общин, Пальмерстон произносил речи, совсем не свойственные ему в позднейшее время: «Я возражаю против превращения неприкосновенности турецких владений в Ев-

ропе в вопрос, существенно необходимый для интересов христианской и цивилизованной Европы»⁴⁶.

Когда в 1832—1833 гг. возникла реальная угроза падения султанской власти в связи с выступлением могущественного паши Египта, лондонские политики заколебались: а не сменить ли на Ближнем Востоке клиента? Не взять ли «под свою руку» выдвинувшегося египтянина?

Однако по здравом размышлении эти планы были отброшены. У Египта уже имелся свой патрон в лице французского правительства, давнишнего британского соперника на Средиземном море. Образования сильного и по-настоящему самостоятельного государства на развалинах Турецкой империи Великобритания не хотела. Пугали и другие возможные последствия смены династии в Стамбуле. Высочка Мехмед Али не имел того ореола в глазах исламского населения, который был у потомков Османа. Султан считался духовным владыкой (падишахом) всех мусульман (включая индийских) и владыкой, с точки зрения Лондона, покладистым. Как отнесется к его низвержению исламский мир? Наконец, признавая задатки крупного государственного деятеля у Мехмеда Али, его сына Ибрагима, вероятного преемника, считали способным солдатом, но не более. Выдвигался самый грозный и непредсказуемый по своим последствиям вопрос: а не воспользуется ли катаклизмами, связанными со столь крупными переменами, Россия для того, чтобы твердо стать в Проливах и на морских путях?

Эти колебания проявились острее всего во время турецко-египетского конфликта 1832—1833 гг.; они вызвали серию промахов британской дипломатии и завершились ее оглушительным провалом и взлетом российского влияния в Константинополе, о чем сказано ниже. Урока в Лондоне никогда не забывали. Великобритания бросила на борьбу против России всю свою экономическую, политическую, морскую, а в годы Крымской войны и военную мощь. Явное покровительство, которое Франция оказывала Египту, отшатывало от нее турецких реформаторов. Великобритания оставалась для них единственным центром притяжения. Официальная британская политика выступала поэтому в двух ипостасях: сохранение статус-кво Османской империи и преобразование ее посредством экономического, социального, политического и культурного прогресса. Вторая часть доктрины проявлялась, правда, в сугубо утилитарной форме: укреплении и европеизации турецких вооруженных сил (а заодно — и внедрении в них британских офицеров высокого ранга),

для чего необходимой предпосылкой являлось преодоление пронизывающего турецкую жизнь восточного застоя.

В июле 1833 г. Пальмерстон, уже в ранге министра, утверждал совершенно противоположное тому, что говорил за два года до этого: «Я не поколеблюсь сказать, сколь велико значение для интересов Англии и для поддержания мира в Европе сохранение в качестве независимого государства территорий и провинций, составляющих Оттоманскую империю... Если русское завоевание приведет к христианизации и цивилизации обитателей этой страны, эти преимущества — а нет человека, способного оценить их выше — перевешиваются последствиями, которые повлечет за собой расчленение Турецкой империи...»⁴⁷.

И все же лишь на первый взгляд британская политика на Балканах претерпела в 1833 г. полную метаморфозу. На самом деле были преодолены некоторые сомнения в выборе государственного образования, на которое можно было опираться на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе, и произошла крайняя интенсификация активности*. В историографии вполне правомерно утвердилось мнение, что эта политика была не протурецкой, а антирусской.

На период после 1833 г. приходится оттачивание того курса в восточном вопросе, который в британских трудах именуется пальмерстоновским — вытеснение России с Балкан под флагом сохранения здесь статус-кво. Разработка курса шла не без борьбы, отражавшейся в печати и дипломатической переписке. Противником сопротивления исторически назревшим переменам на юго-востоке Европы выступала такая яркая личность, как теоретик и певец «фритрэда» Ричард Кобден. Его вера в британскую индустрию, флот и финансы была безгранична. Пусть Россия освобождает Балканы; тем самым она создает рынок для английских товаров; не ее находящейся в младенческом состоянии промышленности соперничать с мастерской мира — такова была аргументация Кобдена. Он не усматривал ущерба британским интересам даже в случае перехода Константинополя к России: «Можно с уверенностью полагать, что, когда Россия покорит турецкую столицу, последствия этого не будут для человечества и

---

* Мы не разделяем точки зрения М. Тодоровой, заключающейся в том, что «только в 30-х годах XIX в. доктрина интегритета Османской империи стала основой британской внешней политики как ее решающий принцип»⁴⁸. На наш взгляд, антирусская позиция британской внешней политики оформилась практически немедленно после наполеоновских войн, ибо рост могущества России угрожал «балансу сил» в Европе, а теоретически еще раньше.

цивилизации по меньшей мере неблагоприятными... Султанский сераль превратится в дворец христианского монарха. Сладострастный гарем станет резиденцией христианской императрицы... Интересам Англии, мы полагаем, отвечают подобные перемены... Утверждение, что мы, народ торговый и промышленный, заинтересованы в том, чтобы прекраснейшие уголки Европы коснели в варварстве и невежестве, и что мы извлекаем выгоду из того, что в Турции господствуют бедность, рабство, многоженство и чума — неуклюжий софизм...». Сила Англии — в ее экономике. Пока Потемкин и Суворов расширяли границы России, два «полководца прогресса», Джеймс Уатт и Ричард Аркрайт, возвели Великобританию в ранг первой промышленной, торговой и финансовой державы мира. И пусть Россия в ближайшие 30 лет * даже «проглотит» Турцию и Персию, Англия тем временем так далеко пойдет по пути индустриализации, что «соотношение сил и к концу этого периода еще больше склонится в пользу миролюбивого ** и трудолюбивого государства». «Тысячи кораблей из Ливерпуля и Гулля» смогут, в случае нужды, «заблокировать Россию в Мраморном море, как они уже сумели запереть ее в Финском заливе, и обеспечить свободу судоходства» ⁴⁹. Кобден возмущался лицемерием разоблачения «захватов» России со стороны тех, кто осуществлял широчайшую колониальную программу: «В вопросах права на экспансию не должно существовать одного закона для Англии, а другого — для всего прочего мира» ⁵⁰.

Но, хотя доводы Кобдена опирались на логику, его голос звучал одиноко ***. Британская буржуазия, делая ставку на свободу торговли, не отказывалась от других, опиравшихся на военную силу и дипломатическое искусство методов обеспечения своих интересов. Призыв к охране имперских путей в Индию встречал живейший отклик в Сити, тем более, что для этого, как объясняли теоретики и политики, следовало поставить под британский контроль обширный территориальный и экономический регион.

Барабанщиками экспансионизма (под флагом пресловутой «обороны») выступали в 30-е годы в публицистике Д. Уркарт, а в дипломатии — посол в Стамбуле в 1833—1839 гг. лорд Дж. Понсонби.

Д. Уркарт — путешественник, журналист, экономист, разведчик, одно время дипломат — после поездки в Осман-

* Книгу «Россия» Р. Кобден опубликовал в 1836 г.

** Р. Кобден считал колониальные захваты излишними.

*** Из видных политических деятелей умеренной и примирительной позиции придерживался лорд Дж. Дарем.

скую империю в 1833 г. издал книгу «Турция и ее ресурсы»⁵¹, в которой говорилось о богатых перспективах, открывавшихся перед британской торговлей в султанских владениях. Его размышления пришлись ко двору: как раз в это время происходил британский экспортный бум в Турцию. Возникла мысль о привлечении Уркарта на работу в посольство в Константинополе. Герцог А. Веллингтон, министр иностранных дел кратковременного (1835) кабинета Р. Пиля, отверг эту идею, не усмотрев у кандидата таких полезных для службы в Форин оффис качеств, как уравновешенность и здравый смысл⁵². Уркарт приступил тогда к изданию журнала «Портфолио», в котором публиковал тенденциозно подобранные русские дипломатические материалы с соответствующими комментариями. В средствах новоявленный издатель не стеснялся: наряду с документами, захваченными в архивах великого князя Константина во время польского восстания 1830 г., в «Портфолио» помещались выкраденные разными способами из посольств и миссий письма и депеши⁵³. Попадались среди них и фальшивки. Принцип отбора был один — они должны были свидетельствовать об агрессивности России. Почетное место в «Портфолио» заняла корреспонденция русского посла в Париже К. О. Поццо ди Борго, сторонника сокрушения Османской империи. Его мнение было отвергнуто в Петербурге, но «подхвачено» Уркартом. Выдавая частное мнение того или иного дипломата и чиновника за официальный курс российского министерства иностранных дел, он фальсифицировал позицию последнего. «Наиболее трезвые и эрудированные» британские журналы не поддались на панические призывы Уркарта «к обороне». Однако падкая на сенсацию публика воспринимала писания Уркарта с интересом, и они, по свидетельству британского историка, способствовали распространению «дипломатической сказочки», в которой «Россия представлялась волком, а Турция — овечкой»⁵⁴.

Вернувшийся в 1836 г. в Форин оффис Пальмерстон решил отправить Уркарта в Стамбул на подкрепление другому известному русофобу — послу лорду Дж. Понсонби. Ту миссию, которую Уркарт выполнял в печати — крайнего обострения англо-русских отношений, Понсонби осуществлял в политических сферах. Даже премьер-министр либерального правительства граф Мелборн жаловался на его «нелепую русофобию»⁵⁵. Понсонби прибыл в Константинополь весной 1833 г., во время знаменитой Ункяр-Искелесийской операции русской армии и флота. В течение трех месяцев он созерцал в бессильной ярости из окна посольского здания суда под

андреевским флагом на Босфоре. И это впечатление, по словам Темперлея, не покидало лорда всю жизнь. Он ратовал за политику на острие ножа, за посылку британского флота в Черное море, что должно было почти неминуемо привести к войне с Россией. Постепенно Понсонби приобрел репутацию опасного провокатора. Его французский коллега, адмирал Руссен, сам представитель воинствующего антирусского курса, всерьез опасался, как бы усилиями Понсонби не вспыхнул европейский конфликт. Порта одно время вынашивала мысль попросить Уайт-холл отозвать из Константинополя этого поджигателя в дипломатическом мундире, однако не дерзнула. Форин оффис порой приходилось сдерживать своего чересчур прыткого, несмотря на преклонные лета, представителя. Но та же ненависть к России побуждала Понсонби действовать с крайней энергией и в целом успешно бороться за утверждение британского и подрыв российского влияния в Османской империи.

В Константинополе Уркарт, отличавшийся анархическими замашками и неспособный к усидчивой канцелярской работе, не ужился с властным послом; он был отозван в Лондон и возобновил издание «Портфолио». На сей раз он принялся отыскивать влиятельных британцев, подозреваемых в том, что они продались или по иным причинам переметнулись на сторону России. В их числе был назван не кто иной, как статс-секретарь ее величества * по иностранным делам виконт Дж. Пальмерстон... Обычно сдержанный в выражениях сэр Ч. Вебстер писал об «экстравагантном поведении полусумасшедшего Дэвида Уркарта»⁵⁶ и беспокойстве, которое он доставил министерству иностранных дел.

Но это — одна сторона медали. Другая же заключалась в том, что печатавшиеся в «Портфолио» материалы способствовали распространению среди английской общественности русофобства, что вполне соответствовало видам правительства **.

Таковы были основные перемены — все к невыгоде царизма — в общеевропейской обстановке, англо- и франко-русских отношениях.

Изменение дипломатического климата русские представители почувствовали прежде всего при обсуждении греческого вопроса, не сходявшего с повестки дня уже второе десятилетие. В течение всей войны 1828—1829 гг. им удава-

* В 1837 г. на британский престол вступила королева Виктория.

** Об интенсивности проводившейся в это время обработки британской общественности в духе русофобства свидетельствует книга, появившаяся в Англии в самый разгар «холодной войны»⁵⁷.

лось маневрировать и сохранить, по выражению Х. А. Ливена, видимость англо-франко-русского союза, опираясь при этом на лояльную позицию Парижа и нейтрализуя враждебность Лондона. Теперь ситуация стала иной. Повсюду — в британской столице, в самой Греции, ее прибрежных водах, где крейсировали эскадры трех государств, уполномоченные России наталкивались на сплоченный фронт двух держав.

Политическую битву за влияние в Греции царские сановники проиграли. Положение в этой стране после победы национально-освободительной революции сложилось тяжелое. Хозяйственное разорение осложнялось соперничеством группировок и бонапартистскими наклонностями отдельных вождей восстания. Происходила борьба за власть между представителями крупных землевладельцев и торговой буржуазии, что создавало чрезвычайно благоприятные условия для маневров держав. Консулы России, Англии и Франции в Навплии ревниво следили за каждым шагом друг друга, поощряли «своих» греков и жаловались в столицы на «интриги» коллег. Лившиеся потоком из Петербурга предостережения против конституционализма, либерализма, «демагогии» или, выражаясь словами Нессельроде, против порядка вещей, «который бы ежеминутно угрожал обратить эту страну в позорище смут, революционных попыток и преступлений»⁵⁸, чрезвычайно ослабили так называемую «русскую партию» в Греции и затрудняли положение ее главы, правителя страны, бывшего российского статс-секретаря по иностранным делам И. Каподистрии.

Подрывала его позиции и нерешенность территориального вопроса. Борьба держав вокруг проблемы греческих границ, в ходе которой русская сторона высказывалась за их расширение, а консервативное британское правительство герцога Веллингтона — за крайнее ограничение, завершилась компромиссом: пограничная линия, по решению Лондонской конференции (март 1829 г.) и статье 10 Адрианопольского договора, проходила по линии Волос — Арта, что не могло удовлетворить греков. В дальнейшем под нажимом английской дипломатии совещание послов в Лондоне еще больше урезало пределы нового государства (протокол от 3 февраля 1830 г.). Консулы обратились к Каподистрии с требованием вывести греческие войска из областей, находившихся за проведенной в Лондоне линией. В то же время по Греции поползли инспирированные дипломатами Англии и Франции слухи, что урезывание ее границ — следствие недоверия, которое Каподистрия вызывает у держав. Пра-

витель жаловался: «Какая страна осталась бы в мире и подчинении, если б ей стали непрестанно и внушительным голосом повторять: правительство, которому ты повинешься, перестало существовать, и есть уже другое, долженствующее его заменить...»⁵⁹

Маневрируя, Каподистрия «в принципе» признал вынесенный в Лондоне приговор, но выразил недовольство как территориальным размежеванием, так и отстранением греков от участия в обсуждении их собственной судьбы. «Настоятельные требования западных держав сузить границы Греции свидетельствуют об их намерении низвести ее до положения колонии, доступной только для Англии и Франции»⁶⁰, — писал правитель К. В. Нессельроде. Но бывший коллега Каподистрии по управлению российским министерством иностранных дел не сообщил в ответ ничего утешительного: Россия не может выйти в отношениях с Великобританией и Францией за определенные рамки, разногласия с ними и так уже доходили до грани разрыва — таков был смысл его депеши. Попытки Каподистрии удержать за Грецией остров Крит не увенчались успехом — летом 1830 г. там высадились египетские войска; потерян был остров Самос; не удалось добиться у Порты согласия на уступку Аттики и Эвбеи в обмен на выкуп⁶¹.

Пребывание в Мореке экспедиционного корпуса французской армии под командованием ген. Мезона укрепляло положение в Греции «французской партии». Весть об июльском 1830 г. восстании в Париже вдохнула в нее новые силы. В области Майна начались волнения; остров Идра восстал. Там была образована «конституционная комиссия», противопоставившая себя правительству И. Каподистрии⁶². Греция стояла на пороге новой гражданской войны. Отчаянные усилия русских представителей в Лондоне, шедших на большие жертвы ради поддержания Каподистрии, вроде бы закончились удачно: конференция послов объявила (октябрь 1831 г.) о неизбежности своего сотрудничества в греческом вопросе, о поддержке временного правительства и оказании ему финансовой помощи⁶³. Но это было лишь тенью успеха. Британские и французские партнеры вели двойную игру. Консулы протестовали против действий эскадры Рикорда и продолжали покровительствовать оппозиции. В начале октября 1831 г. Иоанн Каподистрия пал жертвой покушения, и это еще больше драматизировало положение. Провозглашенный главой исполнительной власти Августин Каподистрия не обладал авторитетом и политическими способностями покойного брата. Народное собрание в Навплии

расколосось; часть депутатов перебралась в Мегару. Их вооруженные сторонники, числом до шести тысяч, во главе с Колетисом двинулись на временную греческую столицу. «Инсургенты приближались к Навплии в расчете на французов, опираясь на бездействие англичан и пользуясь страхом правительства...»⁶⁴.

В начале 1832 г. Грецию посетил британский посол в Стамбуле Ч. Стрэтфорд-Каннинг. С министрами признаваемого официально державами правительства Августина Каподистрии он встретиться не пожелал. С русским консулом Рикманом беседовал в резких тонах, прерывал его и не слушал возражений; требование последнего, чтобы «союзные» дипломаты оказали поддержку Августину Каподистрии, пропустил мимо ушей. Консул пожаловался на «неистовый и деспотический характер» посла⁶⁵. В донесениях в Лондон Стрэтфорд в самых мрачных тонах описал царившую в стране анархию. В Петербурге поняли, что в Греции началось наступление на российское влияние, и сочли Стрэтфорда и зачинщиком и исполнителем этого.

Раздоры между консулами в Навплии (несмотря на клятвенные заверения трех дворов насчет их стремления «заморить» как можно скорее Грецию) создавали благоприятную почву для соперничества различных группировок. Восставшие явились под стены Навплии; их руководитель И. Колетис прибыл в город, потребовал передачи ему власти и был принят с распростертыми объятиями французским консулом Ронси, в доме которого даже поселился. А. Каподистрия подал в отставку и перебрався на борт русского военного корабля⁶⁶. Нессельроде почти в панических тонах сообщил Ливену о «катастрофе» в Греции и установлении там правительства во главе с Колетисом⁶⁷. Испытания несчастной страны не кончились: новые власти оказались не в состоянии контролировать собственные войска, «кормившиеся» за счет населения. Дело дошло до того, что отряд румелиотов, недовольных задержкой выплаты жалования, ворвался в зал народного собрания, захватил известных своим богатством депутатов и получил за них выкуп. Бессильное правительство обратилось к ген. Мезону с просьбой ввести в Навплию, Патрас и некоторые другие другие крепости французские войска⁶⁸.

Назначенный еще И. Каподистрией сенат отказался подчиниться распоряжению собрания о роспуске и переправился (на русских судах) в Астрос, где заявил об отказе признавать собрание. Вооруженные силы новой оппозиции возглавил герой войны за независимость Т. Колокотронис.

Французская армия уже без всякого стеснения вмешивалась в возобновившуюся в Греции гражданскую войну. В начале 1833 г. восемь рот пехоты вытеснили отряды Колокотрониса из Аргоса, учинив там страшное побоище. «...Фактически Франция доминирует здесь, занимая своими войсками большинство укрепленных пунктов в стране и оказывая поддержку людям, в преданность которых верит», — жаловался Нессельроде ⁶⁹.

Однако не только в Зимнем дворце, но и на Уайт-холле с тревогой наблюдали за тем, как воплощается в жизнь экспансионистская энергия французского капитала. Захват Алжира, укрепление позиций в Тунисе и Марокко, покровительство египетскому паше — все это было вызовом британскому тезису о сохранении Османской империи. А тут еще Балканы... В Лондоне решительно не хотели «подсаживать к власти» в Греции откровенно французских сторонников.

Конференция послов в Лондоне торопилась. В актив ее деятельности следует записать решение о необходимости образования независимого (а не автономного) греческого государства как условия установления мира в Юго-Восточной Европе и на Средиземноморье ⁷⁰. Она добилась согласия Порты на полное отделение Эллады от османских владений. С падением в ноябре 1830 г. кабинета Веллингтона и приходом к власти либералов во главе с графом Ч. Греем прекратилась британская обструкция по территориальным проблемам Греции. Пальмерстон, констатировав, что освобождение Эллады неизбежно, считал полезным приложить к этому делу руку, рассчитывая таким образом упрочить английские позиции в новом государстве. Суть своих воззрений он объяснял так: «...Мы стояли перед выбором — будем ли мы способствовать освобождению Греции вместе с Россией и Францией или позволим России совершить его в одиночку? Я спрашиваю: «Могли ли мы предоставить России возможность единолично улаживать этот вопрос? Если бы она без всякого содействия вызволила Грецию из-под владычества Турции, не получила бы она право на вечную благодарность греков? И не смогла бы она установить влияние, которое практически превратило бы Грецию в русскую провинцию?» ⁷¹.

Сэр Джон был большим мастером выдавать нужду за добродетель. Он с помпой предложил установить греческую границу по линии Арта — Волос (т. е. вернулся к решению Лондонской конференции марта 1829 г.), представив это как новую британскую инициативу. Русские делегаты сразу же согласились; французы не возражали. Но филэллинские

лавры достались Пальмерстону, и он не жалел красноречия, воспевая происходившие на Балканах перемены, которым Великобритания ранее так упорно сопротивлялась: Греция, «долгое время прозябавшая во тьме и погруженная в варварство», «бывшая политическим ничтожеством», превращается в «очаг торговли, страну счастья и хорошо регулируемых свобод»⁷².

Все участники Лондонской конференции сходились в стремлении установить в Элладе монархию. Однако с кандидатами на престол дело вначале не ладилось: претендентов отпугивало мятежное состояние страны. Предпочел отказаться от предложенной ему короны член английской королевской фамилии герцог Леопольд Саксен-Кобургский; его примеру последовал Фридрих Нидерландский. Наконец, всплыла кандидатура 17-летнего принца Оттона, за которого хлопотал его отец, баварский король Людвиг. Она прошла без споров: юноша не принадлежал к крупным правящим династиям и, стало быть, нечего было опасаться усиления влияния какого-либо из дворов по родственной линии; король Баварии соглашался направить в Грецию контингент войск в три с половиной тысячи человек⁷³, что было воспринято особо доброжелательно Ливеном и Матушевичем: «Это — единственное средство освободить страну от войск и влияния Франции»⁷⁴, — писали они. В конвенции о Греции, датированной 7 мая 1832 г. (н. ст.), упоминалось о выработке в дальнейшем конституции. И Ливен и Матушевич уверяли Зимний дворец, что не следует пугаться самого слова, что употреблено оно в смысле государственного устройства и поэтому не несет в себе «ничего либерального»⁷⁵. Царь потребовал, чтобы переход Оттона в православие как господствующую в Греции религию стал непременным условием его вступления на престол. Воплощением этого удобного православию дела занялось необычное для данного случая трио: лютеранин Ливен, католик Матушевич и принадлежавший к совсем редкой в России англиканской церкви Нессельроде⁷⁶. Видимо, радели они без души, больше суетились; крещения по греческому обряду Оттон так и не принял.

Завершив многотрудные переговоры по выработке конвенции, три двора обратились к греческой нации с поздравлением. Сенат, в котором возобладали умеренно-монархические элементы, выразил державам глубокую благодарность, объявив, будто вся Эллада радуется своему превращению в королевство и приветствует юного монарха. Впоследствии, когда Оттон подрос, он превратился в тирана, чуждого культуре и традициям страны, принявшей его как суверена.

Вскоре царским сановникам пришлось вспомнить меланхолическую поговорку: мавр сделал свое дело — мавр может удалиться. Во главе правительства Эллады был поставлен тесно связанный с Великобританией С. Трикупис. Сторонники «русской партии» подвергались преследованиям. Самый знаменитый из них — Т. Колокотронис и 12 его капитанов были арестованы. Его судили как «изменника независимости нации», что было издевательством над здравым смыслом, и приговорили к смертной казни. Мальчишка Оттон снизил наказание прославленному воину до двадцати лет тюрьмы. Колокотронис, когда ему объявили «монаршью милость», промолвил: «Я перехитрю короля; столько лет мне не прожить»⁷⁷. После одиннадцатимесячного заключения он был освобожден.

При отплытии русской эскадры из греческих вод Оттон не захотел принять контр-адмирала П. Рикорда, пожелав ему доброго пути через дежурного офицера⁷⁸. Все это были печальные для Петербурга признаки: с ним перестали считаться. И причины крылись не в отдельных просчетах и ошибках русских дипломатов, а в явлениях, от них не зависевших. Поднимавшаяся буржуазия ориентировалась на Запад. С. С. Татищев имел основание писать о царившем в правящих российских сферах настроении: «Разочарование было полное. Та самая Греция, которая должна была дополнить систему политического преобладания нашего на Востоке, оказалась державою не только нам не дружественною, но и прямо враждебною. Первый опыт учреждения независимого христианского государства на Балканском полуострове обратился в явный нам ущерб»⁷⁹. В обзоре внешних сношений России (курсе лекций, прочитанных наследнику престола Александру в 1838 г.) Ф. И. Бруннов сетовал по поводу подчинения Греции «влиянию учений, управляющих политикой морских держав» (т. е. Англии и Франции). «Греческий опыт» служил в глазах российских сановников еще одним доводом в пользу сохранения Османской империи. При этом они упускали из виду, что кардинальной важности процессы, обусловившие поражение царизма в Греции, происходили на всем пространстве турецких владений и что в слабой османской державе им придется иметь дело не только и не столько с Портою, сколько с представителями держав-соперников.

После проигрыша «битвы за Грецию» некоторые привходящие обстоятельства испортили и без того напряженные англо-русские межгосударственные отношения в еще большей степени. Конфликт возник в 1832 г. в связи с кандида-

турой нового британского посла в Петербурге. Глава внешнеполитического ведомства Джон Пальмерстон не только предложил, но и объявил в газетах о перемещении Ч. Стрэтфорда из Стамбула в северную столицу. Николай I встретил весть об этом в штыки. В русском министерстве иностранных дел были склонны рассматривать Стрэтфорда чуть ли не как первопричину возникших в переговорах по Греции осложнений. Послу в Лондоне Х. А. Ливену поэтому было предписано заявить в Форин оффис, что Петербург «предпочел бы любой другой выбор, сделанный его британским величеством». Пальмерстона отказ не смутил. Будучи, по справедливому мнению Ливена, большим нахалом, он заявил, что русская столица — единственное место, отвечающее талантам Стрэтфорда, и он же — единственный кандидат, достойный его занять. Последовала серия трудных объяснений⁸⁰. Для Ливена они были просто тягостными — поскольку из Петербурга английский посол был отозван, негласно вставал вопрос о его собственном пребывании в Великобритании: МИД России соглашался продлить «беспосольский период» до той поры, пока Стрэтфорду не подыщут другое место⁸¹.

Решающая беседа произошла в резких тонах; Ливен приписывал «воинственность» собеседника полному успеху либералов на только что состоявшихся парламентских выборах 1832 г. Министр отверг заявление посла, что его двор вправе отказаться от навязываемой ему персоны, что подобные казусы не раз случались в истории, не нарушая дружественных отношений затронутых сторон. Пальмерстон поставил этот, казалось бы, мелкий эпизод в ряд англо-русских разногласий (в Португалии, Бельгии, Голландии). Он, правда, предложил компромиссный вариант: Стрэтфорд прибудет в Петербург, представится царю, поживет несколько месяцев и возвратится восвояси. Премьер-министр Ч. Грей, к которому обратился Ливен, просил помочь англичанам с честью выйти из создавшегося (точнее — созданного ими) положения⁸². Но тут коса нашла на камень: принимать Стрэтфорда Николай не пожелал.

Спор так и не был урегулирован. Отвергнутому дипломату подыскали место в Испании, но слать в Петербург замену британский кабинет не собирался⁸³.

Так обыденный дипломатический эпизод перерос в конфликтную ситуацию. Нельзя, конечно, преувеличивать его значение, но, по-видимому, горечь оскорбительного отказа подлила каплю в чашу антирусских настроений Стрэтфорда и способствовала превращению его в одного из ярост-

ных противников России и инициаторов Крымской войны.

Состояние отношений между двумя странами оставляло желать лучшего и до его серьезного ухудшения, связанного с заключением договора в Ункяр-Искелеси ⁸⁴.

Осенью 1831 г. локальный конфликт между наместником города Акки в Сирии и правителем Египта Мехмедом Али перерос в общеосманский, а затем в европейский. Египетские войска взяли крепость Акры штурмом, разбили пришедшие ей на выручку турецкие части, заняли всю Сирию. В октябре 1832 г. армия сына Мехмеда Али, Ибрагима, преодолела горный хребет Тавр; путь в Малую Азию был открыт. 11 декабря великий визирь потерпел поражение в битве у Конья. В Константинополе началась паника, и Восточный вопрос вновь встал на повестку дня европейской дипломатии.

Петербург с тревогой и беспокойством следил за событиями. Сложившееся после Адрианопольского мира положение вполне устраивало двор. Посланник А. П. Бутенев преподал Порте благой совет — подавить мятеж египетского паши, «не прибегая ни к какой иностранной помощи» ⁸⁵. Этот его бесполезный демарш показателен только с одной стороны — как свидетельство незаинтересованности правящих кругов России в расширении спора, отсутствия помыслов воспользоваться им в своих интересах и крайних опасений, связанных с перспективой вмешательства в него других держав, в первую очередь Великобритании ⁸⁶. Между тем Порта, после некоторой внутренней борьбы, обратилась именно к этой стране.

В октябре 1832 г. в Лондон прибыл турецкий дипломат И. Маврогени — просить помощи против Египта. Следом за ним приехал Намык-паша, официально аккредитованный в качестве посла. Кабинету надо было определять свою позицию, а он к этому не был готов. Премьер-министр лорд Грей полагал, что дни Порты сочтены. Лорд Холланд считал нужным опереться на Египет. Пальмерстон лично склонялся к поддержке Турции, но не обладал еще достаточным весом и авторитетом, чтобы повести коллег за собой.

Намыка-пашу встретили приветливо, но переговоры отложили. Пальмерстон сослался на то, что министры поглощены подготовкой ко всеобщим выборам. Грей в «общих выражениях» проявил интерес к вопросу. Обнаружилось, что султанское письмо королю было составлено на старотурецком языке, которого ни Намык, ни Маврогени толком не знали. Прошло время, пока в Лондоне отыскивали какого-то

старого испанца, который с грехом пополам сделал перевод. Вдобавок, два турецких дипломата враждовали друг с другом, и более опытный Маврогени «доверительно» информировал своих зарубежных коллег, что питает «мало надежд на успех демаршей паши»⁸⁷.

Пальмерстон признавался в беседе с Ливеном: «Великобритании было бы трудно предоставить султану эффективную помощь. Британский флот находится в разных местах, наличных сил едва ли хватит для этого дела»⁸⁸.

Русский посол пугал главу Форин оффис серьезными последствиями с политической и религиозной точек зрения, могущими произойти в результате катастрофы султана, верховного повелителя мусульман, толковал о проегипетской позиции французского правительства, предлагал коллективное посредничество трех государств в наметившемся конфликте, но безрезультатно. Его демарши подтверждают отсутствие тогда у Петербурга намерения завоевать новые позиции в Константинополе. Согласия на совместное англо-франко-русское вмешательство в конфликт Ливен не получил. «...Пока что ничто не показывает склонности английского кабинета действовать в этом духе», — писал К. В. Нессельроде 25.XI(7.XII) 1832 г.⁸⁹ В тронной речи, которой король открыл сессию парламента в феврале 1833 г., о Турции и Египте не упоминалось. Намыка-пашу водили за нос, выражая Порте сочувствие и обещая настоять перед Мехмедом Али на прекращении военных действий. Вильгельм IV подписал письмо султану с изъявлениями дружеских чувств, озабоченности сложившейся ситуацией, заверениями насчет заинтересованности Великобритании в сохранении целостности Османской империи и обещанием не оставлять ее в беде⁹⁰.

После длительных совещаний Лондон и Париж решили действовать согласованно, остановить наступление Ибрагима, предложить султану посредничество двух дворов на основе передачи Мехмеду Али Сирии на правах вассала Порты и с обязательством выплаты дани. При этом не уточнялось, каким способом следовало остановить победоносные египетские войска, хотя было известно, что мятежный паша добровольно прекращать наступления не собирается, а Франция не склонна применять против него силу; султан не хотел уступать территории, а Мехмед настаивал на установлении его наследственной власти и в Сирии и в Египте. Зато в действиях держав явно сквозило желание устранить Россию от всякого участия в ближневосточных делах. В тогдашнюю египетскую столицу Александрию был направлен

полковник Кемпбелл — побуждать восставшего пашу к умеренности. Одновременно британский кабинет пришел к выводу о «политической важности воспрепятствовать расчленению Османской империи с точки зрения европейского равновесия» и посоветовал султану пойти на жертвы ради восстановления мира ⁹¹. «Линия Пальмерстона» теоретически возобладала. Но на практике «помощь» Турции ограничилась вышеупомянутым королевским посланием. Миссия Кемпбелла, как и ожидалось, закончилась полным провалом, а дружеские излияния, даже за монаршей подписью, не могли заменить Порте военной поддержки.

В Петербурге внимательно и настороженно следили за бессистемными и неуклюжими маневрами Форин оффис. Ясно было стремление Лондона отстранить Россию от урегулирования конфликта и тем самым подорвать ее позиции в Турции, завоеванные в Адрианополе. Выявилось и то, что Пальмерстон запутался в бесчисленных комбинациях: британский флот блокировал голландские берега, побуждая короля Вильгельма к уступчивости в отношении бельгийцев; другая эскадра «сторожила» Португалию, где происходила гражданская война. «Сердечное согласие» с Францией было хрупким, и английский министр не решался повернуть руль политики слишком круто против египетского властителя. Сочувственные вздохи премьер-министра Грея и самого Пальмерстона никак не заменяли туркам разбитой армии ⁹².

В Петербурге, напротив, не знали колебаний. Победа Мехмеда Али, утверждение его в Стамбуле означали конец всего курса отношений с Османской империей, заложенного в Адрианополе; вместо «тяжело больного» на границах появился бы сильный и беспокойный сосед, за спиной которого стояла Франция. В ноябре 1832 г. Николай I направил в Стамбул и Александрию генерал-лейтенанта Н. Н. Муравьева, знакомого с ближневосточными делами и владевшего турецким языком, наказав ему «как можно более вселять турецкому султану доверенности, а египетскому паше страху» ⁹³. Владыку правоверных царский посланец застал в состоянии глубокой депрессии: в Константинополь только что пришла весть о катастрофе при Конье. Но и в этих отчаянных условиях султан, по свидетельству Муравьева, еще не вполне доверял «искренности данных мне поручений к египетскому паше» ⁹⁴. Все же санкция на его поездку к Мехмеду Али была предоставлена. Угрожая открытым столкновением с русскими войсками, Муравьев добился в Александрии издания приказа о приостановке наступления Ибрагима.

Однако то ли из-за медлительности тогдашних сообщений, то ли по злой воле египетского владыки войска последнего продолжали продвижение, заняли Кутахию (Кутахья) и приблизились к Бруссе (Бурсе). До Мраморного моря было рукой подать.

Убедившись, что Лондон из дремотного состояния не выведешь, султан обратился за помощью к России. Другого адреса не было, ибо Франция состояла почти что в официальных покровителях взбунтовавшегося паши.

Сигнал SOS прозвучал с берегов Босфора 21 января (2 февраля) 1833 г. Реис-эфенди передал Бутеневу от имени султана просьбу прислать эскадру и сухопутный отряд в 25—30 тыс. штыков. 12(24) февраля призыв достиг Петербурга, где загодя ожидали этого шага и приготовились к тому, «чтобы первыми появиться на театре событий с внушительными силами, дабы судьбы Востока ни в коем случае не решались ни без, ни против России». «Все было предусмотрено, заранее урегулировано»⁹⁵. Контр-адмирал М. П. Лазарев имел приказ отплыть из Севастополя по первому известию от посольства в Стамбуле; уже утром 8(20) февраля эскадра в 9 вымпелов (4 линейных корабля и 5 фрегатов) бросила якорь на Босфоре у Буюк-Дере⁹⁶. Турецкие сановники колебались, как былинки на ветру: стало известно, что в итоге миссии Муравьева египтяне приостановили наступление; новый французский посол адмирал Руссен заверял их, что добьется урегулирования и снарядил в Александрию своего адъютанта. Приободрившиеся турки обратились поэтому к Лазареву с просьбой занять место поскромнее, не на виду европейской дипломатии, и удалиться с судами в Созополь. Все это никак не входило в планы царизма. Помог ветер (не политический, а самый обычный, связанный с погодой), помешавший отплытию парусников под андреевским флагом. А когда ветер стих, политический горизонт заволочили тучи: Ибрагим-паша сместил турецкие власти в Смирне (Измире), показав тем самым, что собирается обосноваться там надолго. Напуганный диван уцепился за русскую поддержку и настойчиво просил новых подкреплений. 26 марта (7 апреля) из России прибыла вторая морская дивизия с десантом. Всего на Босфоре было сконцентрировано 20 кораблей, а на его азиатском берегу — десяти тысячный отряд пехоты⁹⁷. Мехмед Али признал свой проигрыш: по египетско-турецкому соглашению, заключенному при прямом содействии французской дипломатии, он удовольствовался представлением ему в управление Сирии и Аданского округа, однако не торопился с выводом войск.

Таково было положение, когда в мае для руководства всеми русскими дипломатическими и военными акциями в Стамбул прибыл генерал А. Ф. Орлов, памятный туркам по адрианопольским переговорам. Он нанес визиты виднейшим сановникам и был принят султаном. Все его собеседники признавали, что русские войска избавили столицу от нашествия и выражали желание пребывать под их защитой, пока Ибрагим не отведет свою армию. Орлов заверил министров, что не покинет их, пока последний египетский батальон не отойдет за Таврские горы. По его впечатлению, отношения с новыми послами Франции и Англии, адмиралом Руссеном и лордом Дж. Понсонби, у него сложились удовлетворительные⁹⁸. На самом деле оба дипломата затаились. Французская эскадра крейсировала у берегов недалеко от Смирны. Орлов пригрозил, что, если французы попытаются войти в Дарданеллы, он вызовет войска из Одессы и корпус генерала П. Д. Киселева из Валахии. Диван дал заверения, что не допустит вступления французских судов в пролив, и адмирал Руссен, после объяснения с Орловым, притушил свою активность⁹⁹. Понсонби должен был скрывать свои чувства. Положение он находил отчаянным. По его словам, Махмуд «набросился на религию, на одежду и на карманы своего народа... Против него все, помимо его миньонов... У султана нет ни армии, ни денег, ни влияния. К нему относятся с отвращением и презрением»¹⁰⁰. Туркам английский посол рекомендовал осторожность и покорность, пока русский флот не отплывет от их берегов: «...Британия играла в Константинополе жалкую роль, когда судьба султанского трона висела на волоске», — свидетельствует сэр Ч. Вебстер¹⁰¹.

Русские действия, направленные на предотвращение распада Османской империи, нисколько не противоречили планам Лондона, тем более, что сам он продемонстрировал полное бессилие. Но другая сторона событий никак не устраивала британских политиков — усиление влияния царизма в Стамбуле, которое они — у страха глаза велики — склонны были преувеличивать. Поэтому Пальмерстон сперва, пока Муравьев и Орлов выполняли свою миссию, оставался на позиции внимательного, но стороннего наблюдателя, чтобы не связать себя какими-то положительными оценками и сохранить за собой в дальнейшем, когда минует опасность египетского вторжения, возможность выступить на сцену с протестами и попытаться свести внешнеполитический успех России на нет.

Поскольку любое достигнутое с русской помощью примирение было связано с потерями для Порты, можно было

обострять недовольство серала и дивана; крах амбициозных планов Мехмеда Али болезненно воспринимался в Париже, и вырисовывались перспективы дальнейшего ухудшения франко-русских отношений. Поле для игры открывалось широкое, но надо было ждать, и Пальмерстон набрался терпения.

В апреле 1833 г. в Великобритании разразилась газетная буря: в «Таймс» появилась явно инспирированная правительством статья о захватнических претензиях Петербурга. С подобного же рода утверждениями выступила газета «Глоб». Ливен, не имея прямого повода для протеста, решил выразить свое недовольство косвенным образом: он не явился на очередной королевский прием. На Пальмерстона эта демонстрация ни малейшего впечатления не произвела: он с увлечением танцевал на первом же балу, устроенном в русском посольстве ¹⁰². Окольным путем, через миссии Пруссии и Австрии, до Ливена доходили сведения о стремлении Пальмерстона и Талейрана вбить клин между Габсбургами и Романовыми. Австрийскому поверенному в делах Нейману глава Форин оффис заявил, что недостойно державам поддаваться влиянию «полуварварской нации», которую-де давно пора поставить на место. Ему вторил Талейран: Австрия играет жалкую роль, плетясь за русской повозкой, ей давно пора примкнуть к морским государствам — разглагольствовал старый дипломат ¹⁰³, запямятовав, что некогда сам, за деньги, поставлял Петербургу важную информацию и именовался в секретной русской переписке «кузеном Анри» и даже «Анной Ивановной».

Затем британский министр, видимо, спохватившись, что зашел слишком далеко и рано приоткрылся, заверил Ливена, что король и кабинет высоко ценят получаемую из Петербурга информацию, и он якобы по чистой случайности не сказал раньше об этом послу. А за статьи в газетах правительство не отвечает, последние выражают мнение обществу, которая «расположена крайне неблагоприятно к России» ¹⁰⁴. Он напомнил подавление недавнего восстания в Польше, Бельгию, «казус» Стрэтфорда и многое другое, что разделяло два кабинета. Разговор был скреплен обменом письмами. Пальмерстон засвидетельствовал, что его правительство «должным образом» оценило мотивы, которыми руководствовался Петербург, направив войска в Турцию. Примечательной была концовка послания, где выражалась уверенность, что российский кабинет, «следуя великодушной и просвещенной политике», ни в коем случае не станет использовать посланные в Турцию силы «в целях, несовместимых

с существующим владением и распределением власти в Леванте, что так важно для сохранения общего мира в Европе»¹⁰⁵. Царизму предоставлялась роль бескорыстного спасителя султанского режима.

Петербург в ответ заверял, что не поддастся заманчивым искушениям, на которые намекал Пальмерстон: «По мере того как могущество Оттоманской империи ослабевает в Азии, уменьшаются и возможности ее сопротивления в Европе. Этот факт, бесспорно, играл бы на руку России, вынашивай она втайне замыслы завоеваний и приращений; сегодня он вызывает чувство искреннего сожаления у императорского правительства, проводящего миролюбивую и охранительную политику», — в свойственном ему округлом стиле писал вице-канцлер К. В. Нессельроде¹⁰⁶. Было ясно, что укрепление позиций в Константинополе, о котором, конечно же, стали подумывать в сложившихся необычайно благоприятных обстоятельствах российские правящие сферы, должно быть осуществлено в максимально более гибких формах.

12(24) мая 1833 г. Ибрагим-паша известил великого визиря, что отдал приказ об отступлении египетской армии. Два офицера — турецкий и русский — были посланы в Малую Азию наблюдать за ходом операции, растянувшейся на полтора месяца. 25 июня (7 июля) Орлов информировал падишаха об уходе последнего египетского солдата за Тавр и «испросил» разрешения (!) на эвакуацию своих войск, которое немедленно и с величайшей готовностью было дано. По случаю царских именин султан на пароходе появился среди русских судов, любовался иллюминацией и салютом. Всем офицерам от его имени были вручены золотые медали, солдатам и матросам — серебряные. Порта выразила глубокую благодарность за примерное поведение российских воинов¹⁰⁷.

Пока на стамбульском рейде пускали праздничный фейерверк, готовилась к взрыву настоящая дипломатическая бомба: 26 июня (8 июля) был подписан русско-турецкий договор, вошедший в историю под названием Ункяр-Искелесийского (по названию местечка, в котором стояли русские части, хотя заключен он был в Буюк-Дере). Суть его состояла в следующем: два государства «обещали согласоваться откровенно касательно всех предметов, которые относились до их обоюдного спокойствия и безопасности, и на сей конец подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление». Царь обязался, «согласно правилам охранения и взаимной защиты», прийти на помощь Турции сухо-

путными и морскими силами. В секретной статье (быстро ставшей достоянием гласности) султан освобождался от «тягости и неудобств», связанных с предоставлением военной поддержки России на взаимной основе; вместо этого «в случае, если бы обстоятельства поставили Порту в обязанность подавать оную», она ограничивала «действия свои в пользу российского двора закрытием Дарданелльского пролива, т. е. не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким-либо предлогом»¹⁰⁸. Это был оборонительный русско-турецкий союз, заключенный на восемь лет.

Британские историки пытались дать свое толкование некоторых положений договора. Предлогом для этого служило известное расхождение в русском и турецком текстах: в первом вполне четко говорится о закрытии Дарданелл; во втором упоминается пролив Белого (т. е. Эгейского) моря¹⁰⁹. Ч. Вебстер склонен на этом основании утверждать, что закрытие относилось ко всему пространству вод между Черным и Средиземным морями¹¹⁰. Отсутствие упоминания Босфора, однако, представляется не случайным. Логическая трактовка событий, повлекших за собой заключение договора, когда опасность надвигалась с юга, а спасение пришло с севера, когда удалось избежать далеко идущих для Османской империи последствий (если не ее развала) тем, что русские войска высадились на берегу Босфора, исключает такую меру, как перекрытие пролива. Впрочем, все признают, что если не де-юре, то де-факто Босфор становился открытым¹¹¹.

Выгоды договора для России были неоспоримы, и еще до его заключения Нессельроде писал о них Орлову, что Порта связывала себя «официальным соглашением, которое обезопасило бы южные провинции Российской империи, граничащие с Черным морем. Подобная гарантия естественна, поскольку она явилась бы единственным вознаграждением за помощь, которую мы предложили султану». Тут же отмечалось, что договор обеспечивает безопасность Турции, так как «предписывает держать вход в Дарданеллы закрытым для военных судов иностранных держав». Документ гарантировал Порте русскую помощь в случаях, аналогичных только что завершившемуся конфликту. Он носил строго оборонительный характер: «Россия будет защищать Турцию только против агрессии,— говорилось в упоминавшейся нами инструкции Орлову,— при этом лишь в европейских владениях»¹¹². Связывать себя обязательством подпирать развалившуюся Османскую империю и тем более восстанавливать

ее там, где она рухнула, Петербург на собирался. Орлов вежливо, но твердо отклонил попытки своих турецких собеседников договориться о наступательном союзе.

Советская историография дает акту, заключенному в Ункяр-Искелеси, высокую оценку: «...договор был высшей точкой дипломатических успехов России на Ближнем Востоке. Он предоставлял надежные гарантии безопасности Черноморского побережья, усиливал позиции России в Турции и повышал ее престиж в Константинополе», — говорится в коллективном труде «Восточный вопрос во внешней политике России»¹¹³. Вход в Черное море для незваных гостей запирался прочно; у турок вдоль Дарданелл располагалось 580 пушек: форсирование пролива силами одного флота без значительной сухопутной поддержки (чего Великобритания обеспечить не могла) военные специалисты считали невозможным¹¹⁴.

Ункяр-Искелесийский договор безупречен с точки зрения международного права, и советские исследователи отмечают встречающиеся в западноевропейской историографии попытки бросить тень на его правомочность. Российская дипломатия тогда еще придерживалась взгляда, что русско-турецкие дела и отношения должны решаться в Константинополе и Петербурге без вмешательства держав, далеких от черноморских берегов¹¹⁵.

В отчете МИД за 1833 г. выражалась надежда, что договор «раз и навсегда» положит конец колебаниям Турции в выборе союзников и формально узаконит право Петербурга вмешаться в случае осложнения обстановки на Ближнем Востоке, что он, наконец, поставит крест на честолюбивых планах Мехмеда Али в районах, близлежащих к России¹¹⁶. Можно сказать без риска ошибиться, что «право вмешательства» в сложившихся условиях соседствовало с понятиями влияние и контроль. Царизм мечтал о своем политическом преобладании в Османской империи, выражение «раз и навсегда» подчеркивало значение этих планов. Казалось, осуществлялись мечты русской дипломатии, а именно — «навсегда утвердить наше преобладание в Леванте»¹¹⁷. Кратко и образно об этих планах писал Карл Маркс: «Турция была ... спасена от расчленения только для того, чтобы целиком достаться России»¹¹⁸.

Подчеркиваем, что в данном случае речь идет о субъективных замыслах царизма, а вовсе не об объективно историческом значении Ункяр-Искелесийского договора. Нессельроде, подписавший отчет МИДа, не делал различия между этими двумя совсем не однородными понятиями. На деле же

мечты о преобладающем влиянии рассеялись в каких-нибудь полдесяток лет. Но оставались положительные не только для России, но и для Турции факторы, ибо договор способствовал укреплению внешнеполитических позиций последней, обеспечивая ей защиту на случай нового нападения Мехмеда Али, позволял турецким реформаторам во главе с Мустафой Решидом-пашою приступить к делу без внешних помех¹¹⁹.

В Лондоне и Париже русско-турецкий союз встретили в штыки. Здесь испугались не одной какой-либо статьи, а всего договора в целом, знаменовавшего усиление влияния царизма в Турции, которое в обеих столицах склонны были рассматривать в увеличительное стекло. С легкой руки Пальмерстона западная историография подхватила версию о том, будто Орлов «под жерлами пушек» вырвал у турок подпись под актом о союзе¹²⁰. Видные британские исследователи, знакомые с источниками, ее не принимают: «Ничего не может быть более противоречащего истине, нежели утверждение, будто граф Орлов вынудил султана пойти на Ункяр-Искелесийский договор силой оружия. Это был человек, исполненный достоинства и очарования, с вежливым, примирительным и ласковым обхождением... Его тактика явилась вершиной дипломатического искусства». Султан Махмуд не заслужил упрека за принятие помощи «от единственного лица, на которое он мог положиться», — пишет Г. Темперлей¹²¹.

Советские исследователи вполне обоснованно отвергают легенду о том, что турки действовали по чьему-либо принуждению, которая никакими архивными материалами не подтверждается. Документально известно, что турецкая сторона явилась инициатором заключения союза, сперва в неофициальных демаршах перед послом А. П. Бутеневым¹²². «Первая мысль о договоре исходила непосредственно от султана, который почувствовал настоятельную необходимость иметь моральную поддержку у России», — писал Нессельроде¹²³. Зная об этом, российский кабинет уполномочил Орлова, если желание будет повторено, вступить с Османской империей в оборонительный союз. И действительно, во время первой же аудиенции Махмуд высказался в пользу заключения договора¹²⁴.

Турецкая историография указывает на вынужденный характер обращений Порты о помощи. Известно изречение султана: утопающий и за змею хватается. Разумеется, Порта не по своей воле вступила в тяжелейший для нее кризис. Однако в рамках осознанной необходимости она по своему вы-

бору и без всякого принуждения ориентировалась на сотрудничество с Россией, закрепленное в союзном акте. Опыт прошлых лет толкал османские власти на подобный путь: никто не пришел на помощь Порте после поражений 1829 г.; западные державы бездействовали в критические для нее месяцы 1832—1833 гг., когда ее армия была разгромлена, а судьба династии Османов висела на волоске. Известно, что обычная процедура заключения договора с Турцией превращалась для русской стороны в мучение, ибо османские представители были большими мастерами тянуть время, расставлять процедурные рогатки и изыскивать предлоги для спора. Для выработки Ункяр-Искелесийского акта потребовалось всего одно заседание, и это само по себе свидетельствует о стремлении Порты к достижению договоренности. Наконец, в момент подписания шла уже погрузка русского десанта на суда и было объявлено об отплытии.

На долю русской дипломатии выпала неблагоприятная задача — доказать, что Ункяр-Искелеси ничего не изменил. Секретная статья, уверял Нессельроде, «служит исключительно констатацией факта закрытия Дарданелл для военных судов иностранных держав, системы, которой Порта придерживалась во все времена»¹²⁵. Русский флаг, подчеркивал министр, не пользуется никакими преимуществами. Нессельроде тактично умалчивал, что о Босфоре статья не упоминала: вход в Мраморное море загороживался с одной стороны, а, хотя это море маленькое, оно плещется у стен Константинополя...

В Лондоне полагали, однако, что сами лучше разберутся в последствиях Ункяр-Искелеси, и восприняли его как оглушительное поражение британской политики¹²⁶. Это отчетливо сознавал и (в доверительной переписке) признавал Пальмерстон: «Верно, что Россия тогда единолично предотвратила занятие Константинополя Ибрагимом или по меньшей мере общий провал в результате его наступления. Смее думать... что никакой британский кабинет в любой период английской истории не совершал столь великой ошибки во внешних делах, как кабинет лорда Грея, отказав султану в помощи и покровительстве...»¹²⁷

Реакция Уайт-холла была немедленной и острой. Пальмерстон объявил, что кабинет был «тягостно поражен тайной», которая окружала подготовку договора *, заключенного «под жерлами пушек» русской армии и флота. Ункяр-

* На самом деле еще 6 июня реис-эфенди сообщил британскому послу Дж. Понсонби о намерении Порты заключить с Россией договор.

Искелеси, по его утверждению, «превращал Порту в вассала России; опустело место, которое Турция занимала в европейской системе, и возникла необходимость заполнить его другими политическими комбинациями»¹²⁸. Министр отказался признать заключенный акт и заявил, что Англия считает его несуществующим¹²⁹. Ливен приписывал раздражение Пальмерстона уязвленному понесенным поражением самолюбия и нападкам, которым он подвергался в парламенте. Оппозиция, действительно, без снисхождения использовала провал либерального кабинета. Т. Аттвуд уверял, будто Англия за последние годы перенесла больше унижений от России, чем за все 700 лет до этого **. Он, Аттвуд, заранее предупреждал Пальмерстона насчет опасности, нависшей над Стамбулом; министр в ответ одарил его благожелательной улыбкой и выразил свое несогласие. «Теперь в руках русских Константинополь, или по крайней мере Скутари, а Скутари — тот же Константинополь. Завтра русские получают крепости на Дарданеллах, и понадобится миллион фунтов стерлингов, чтобы выдворить их оттуда. Я бы лично предпочел, чтобы русские явились на Темзу и захватили Лондон, чем сносить оскорбления, которые они обрушивают на нас в последние семнадцать лет», — запальчиво твердил Аттвуд. Завершил он свою речь на истерической русофобской ноте: «Пройдет немного лет... и эти варвары научатся пользоваться мечом, штыком и мушкетом почти с тем же искусством, что и цивилизованные люди». Самое время поэтому начать против России войну, «подняв против нее Персию, с одной стороны, Турцию с другой; Польша не останется в стороне, и Россия рассыплется, как глиняный горшок»¹³⁰.

Подстрекательства такого рода распалили правительство. Лорд Понсонби и адмирал Руссен обратились от имени кабинетов Великобритании и Франции к Порте с протестом. С некоторым опозданием (16(28) октября) два правительства адресовали резкий демарш российскому министерству иностранных дел: договор в Ункяр-Искелеси, писали они, придает русско-турецким отношениям совершенно новую окраску; в случае вооруженного вмешательства России во внутренние дела Турции Англия и Франция «почтут себя совершенно вправе следовать образу действий, внушенному им обстоятельствами, так, как если бы помянутого трактата не

** Познания депутата в истории были весьма расплывчатыми, ибо о сколько-нибудь регулярных англо-русских связях можно говорить лишь со второй половины XVI в.

существовало»¹³¹. Ответ российского МИД был выдержан в энергичных тонах: договор в Ункяр-Искелеси будет выполнен, как если бы сделанного в ноте заявления не существовало¹³². В развитие дружеских отношений между Россией и Турцией в январе 1834 г. в Петербурге была подписана конвенция, по которой царское правительство снизило на 2 млн. дукатов (или треть) сумму, еще причитавшуюся с Порты в возмещение военных убытков, сократило наполовину ежегодные платежи и начало выводить свои войска из Дунайских княжеств.

Османское правительство, избавившись от кошмара внешней опасности, деятельно принялось за реформы. Была преобразована административная система, приняты меры для уменьшения произвола местных правителей и взяточничества чиновников, введена в обращение новая серебряная монета, значительно увеличен контингент вооруженных сил, создана национальная гвардия, построены укрепления по берегам Дарданелл. В 1834 г. Порта установила постоянные дипломатические отношения с некоторыми державами. Через два года официально возникло министерство иностранных дел. Внешние связи помогали реформаторам проводить их политику модернизации¹³³.

Нанеся поражение западным державам, царизм в том же 1833 г. сумел достичь соглашения с Габсбургами (6/18 сентября). Это произошло во время встречи Николая I с кайзером Францем в Мюнхенгреце (Мнихово Градиште). Стороны договорились «поддерживать существование Оттоманской империи под властью нынешней династии». Ссылка на недавний конфликт с египетским папой показывала, какая опасность тревожила обе коронованные головы. Однако уже С. С. Татищев подчеркивал, что «центр тяжести конвенции» (для российских ее авторов) заключался не в приведенной формуле, а во второй секретной статье, предусматривавшей случай, «когда, не взирая на общие их пожелания и усилия, нынешний порядок был бы все же ниспровергнут в Турции». Николай и Франц собирались в этом случае «сообща иметь наблюдение за тем, чтобы перемена, совершившаяся во внутреннем положении этой империи, не могла нанести ущерба ни безопасности их собственных владений, ни правам, обеспеченным каждому из них договорами, ни европейскому равновесию»¹³⁴. Документ был «с двойным дном», ибо заранее предусматривал неудачу того курса, которому стороны торжественно обязывались следовать, а договоренность — временной и зыбкой, ибо австрийская сторона всеми силами и средствами поддерживала незыблемость Осман-

ской империи. Здесь же, в небольшом чешском городке, за парадным обедом, произошел знаменательный обмен репликами между царем и канцлером К. Меттернихом ¹³⁶, из которого выяснилось, что первый метит в наследники «больного человека», а второй считает себя его лекарем*.

Но все же на какое-то время, пока вокруг Балкан и Турции царило «затишье», Россия выходила из состояния международной изоляции. Планы Пальмерстона на тесное сотрудничество с Веной в Восточном вопросе были перечеркнуты ¹³⁶.

Нельзя закрывать глаза не теневые стороны Ункяр-Искелесийского соглашения. Оно знаменовало апогей курса на сохранение «слабого соседа», взятого после заключения Адрианопольского мира. Исторически он был бесперспективен, ибо нельзя было законсервировать изжившее себя османское господство на Балканах. Он означал отказ даже от косвенной поддержки национально-освободительного движения народов (было бы грешно записывать царизм на каком-то этапе в его союзники), но могучие удары, нанесенные султанской державе, подорвали и распатали всю систему ее владычества в Юго-Восточной Европе и явились мощной поддержкой для покоренных народов. Теперь официальная Россия откровенно поворачивалась к ним спиной.

Правда, диалектика истории сложна. Адрианопольский мир явился вехой в развитии не только русско-турецких отношений, но и освободительного движения и в становлении национальной государственности на Балканах. С появлением независимой Греции, признанием автономии Дунайских княжеств и Сербии завершился важный этап балканской истории. Наступило время количественного накопления противоречий без близкой перспективы их качественно перерастания в новый открытый взрыв против Порты. Тучи балканского кризиса какое-то время не заволакивали европейский горизонт. Поэтому взятая на вооружение в Адрианополе и укрепшая в Ункяр-Искелеси политика не нанесла народам Юго-Восточной Европы того ущерба, которым она, абстрактно рассуждая, была чревата. Поговорка «нет худа без добра» вполне применима к некоторым хитро-сплетениям тогдашней ситуации. Сильно возросшее российское влияние в Константинополе пошло на пользу не только

* За полгода до Мюнхенгреча Меттерних заверял Пальмерстона, что Австрия будет воевать, если царизм посягнет хотя бы на дюйм Османских владений на Балканах ¹³⁷. Одной из задач конференции канцлер считал «вопрос о спасении Оттоманской порты от того тяжелого положения, в котором она находится» ¹³⁸.

грекам, что видно из вышеизложенного. Порта без сопротивления признала проведенные в 1831—1832 гг. в Дунайских княжествах реформы; согласилась на упрочение автономии Сербии. В болгарской историографии выражалось мнение, что взлет российского влияния способствовал известной уступчивости османских властей и объективно пошел на пользу освободительному движению их страны.

Совокупность документов и свидетельств современников приводит к выводу, что царизм рассматривал Ункяр-Искелеси как временную комбинацию, вызванную опасностью замены спокойного слабого соседа сильным и внушающим тревогу. Об этом говорит и краткий срок действия соглашения (8 лет), и мюнхенгредская договоренность об обмене мнениями в случае приближения распада Османской империи, и прозрачные намеки царя на то, что он хотел бы попасть в наследники своему горячо любимому другу и брату Махмуду II.

В конце 1833 г. российская дипломатия предавалась торжеству: Западу дали по рукам, с Веной удалось достичь договоренности. «Восточный вопрос закрыт; по крайней мере так заявляем мы»¹³⁹, — писал Нессельроде. Увы, сие от него не зависело. Известный американский исследователь В. Пюриер высказал мнение о пяти годах «вооруженного мира» между Великобританией и Россией после 1833 г. и один из разделов своего труда озаглавил — «Англия открывает Восточный вопрос»¹⁴⁰.

Взвешивая все плюсы и минусы Ункяр-Искелесийского договора, мы, в отличие от авторов труда «Восточный вопрос во внешней политике России»¹⁴¹, склонны считать «высшей точкой дипломатических успехов России» не этот акт, а Адрианопольский мир, сыгравший эпохальную роль в судьбах Балкан. Подписанное в 1833 г. соглашение знаменовало вершину влияния царизма в Константинополе, как оказалось, на ограниченный срок¹⁴² и в то же время привело к ужесточению соперничества держав. Выигрыш для России оказался тактическим.

Британская историография ведет от Ункяр-Искелеси новое летосчисление англо-русских отношений. «Ункяр-Искелеси — подлинный поворотный пункт в отношениях английских государственных деятелей к России. Пальмерстон преисполнился фатальной ненавистью к России, и виги обратились к торийской политике подкладывания подушек под Турцию»¹⁴³, — пишет Г. Темперлей. Его точку зрения разделяет Ф. Е. Бейли: «Позиция Форин оффис на Ближнем Востоке претерпела глубокие изменения» в 1833 г. Произо-

шел «резкий поворот от пассивного безразличия... к активному вмешательству в пользу Турции, к программе, которой следовали в течение более чем двух десятилетий...»¹⁴⁴

С этими высказываниями можно согласиться лишь в части, касающейся активизации Форин оффис, Сити и адмиралтейства на Ближнем Востоке и Балканах. Что касается мнимой их пассивности до 1833 г., то таковой не существовало, хотя обстоятельства внешнего и внутреннего плана и заставляли их несколько сдерживаться. «Большой испуг» 1833 г. (за свое влияние в Османской империи) заставил их пустить в ход все ресурсы — политические, экономические, идеологические. Более чем сомнительным представляется тезис о вмешательстве в пользу Турции. На самом деле именно в эти годы Турции серьезная опасность не угрожала; британский кабинет занимался вытеснением Петербурга с его позиций в Юго-Восточной Европе, Средиземноморье, на Ближнем Востоке, проводя политику хищную и агрессивную. Вот беглый перечень его деяний, иногда провокационного толка.

Английская средиземноморская эскадра была дислоцирована на Мальте, поближе к турецким владениям; сторонник решительных акций, посол в Стамбуле Дж. Понсонби получил право вызывать корабли в Проливы, правда, с оговоркой, что этому должна предшествовать просьба Порты. «Этот человек крайних взглядов, бóльший русофоб, нежели сам Пальмерстон, мог втянуть Англию и Россию в войну без обращения к Даунинг-стрит», — свидетельствует Г. Темперлей. В апреле 1834 г. Пальмерстон так выражался в частном письме: «С Россией все по-прежнему — мы ненавидим и рычим друг на друга, хотя ни та, ни другая сторона не хочет войны»¹⁴⁵. Соблазняя Турцию британской помощью, ее толкали к нарушению Ункяр-Искелесийского договора.

В 1836 г. французский кабинет запросил фирман на проход через Дарданеллы и Босфор военного брига. Лондон готовился последовать этому примеру, держа наготове корабль «Волэдж». Протест русского посланника А. П. Бутенева сорвал этот замысел. В 1834 г. по Балканам и Кавказу «путешествовал» журналист и разведчик Д. Уркарт. В том же году капитан Лайонс обследовал Проливы, а подполковник А. Макинтош посетил Севастополь. База русского флота привлекала особое внимание разведчиков. Летом 1835 г. туда нанес визит капитан А. Слейд.

В 1835 г. англо-русские дипломатические отношения были восстановлены в полном объеме. Послом в Петербург был назначен граф Дарем. Ехал он, не торопясь, через Черное

море и Украину. В его свиту были включены капитан Ч. Дринкуотер и подполковник В. де Роуз. Они «в сентябре, октябре и ноябре 1835 г. обследовали все военные и морские сооружения на юге России». «Дринкуотер подготовил доклад о Черноморском флоте, Николаеве, Севастополе, Херсоне и Дунае; Роуз — о Греции, Турции, обороне Проливов, военных поселениях на юге России, о Киеве, Анапе, Силистрии и княжествах» (Дунайских.— В. В.)¹⁴⁶. Разведчики пришли к выводу, что форсировать Босфор и Дарданеллы одними военными судами, без поддержки крупных сухопутных сил, невозможно.

В июле 1836 г. Балтийский флот проводил большие учения в присутствии дипломатического корпуса. Нравы царили беспечные: «Капитану Г. В. Кроуфорду, британскому морскому шпиону, позволили совершить плавание вместе с эскадрой, предоставив в его распоряжение корвет»¹⁴⁷. В то же время Пальмерстон запретил русским морским офицерам доступ даже на верфи Портсмута.

Кроуфорд не только доложил, куда следовало, о своих впечатлениях, но и поделился ими с широкой публикой, напечатав брошюру «Русский флот на Балтике в 1836 г.»¹⁴⁸ Тогда же наместник Кавказа М. С. Воронцов помог британскому разведчику Э. Спенсеру «совершить путешествие» по подведомственному ему краю.

Англичане демонстративно пренебрегали установленной русским командованием блокадой Кавказского побережья. В мае 1835 г. военные корабли Черноморского флота задержали судно «Ч. Спенсер» для обыска. Хотя через пять часов капитану разрешили продолжать плавание, Пальмерстон потребовал компенсации за «нанесенный ущерб». В ноябре 1836 г. бриг «Аякс» захватил британский парусник «Виксен» с контрабандой. «Виксен» был конфискован, его команда выслана в Стамбул. Британская печать подняла яростную кампанию, нагнетая в стране обстановку военной истерии: «Британской публике позволили уверовать в то, что Россия вот-вот завоюет Константинополь»¹⁴⁹.

Понсонби не жалел усилий в попытках распатать русско-турецкий союз, спекулируя на том, что Махмуд II не желал мириться с потерей Сирии. Идея реванша, мечта о разгроме непокорного египетского вассала превратилась в основной постулат турецкой внешней политики. Порта вынашивала замысел — приспособить Ункяр-Искелесийский договор к своим реваншистским планам и, опираясь на Россию, нанести Мехмеду Али поражение. Но содействовать восстановлению власти султана там, где она рухнула, Рос-

сия не собиралась. Зондажи с турецкой стороны наталкивались на вежливый, но твердый отказ. Тогда, выражая внешнюю лояльность, демонстрируя русскому двору дружеские чувства, Порта начала нащупывать на Западе возможности поддержки в борьбе с Мехмедом Али. Неспроста в Париже и Лондоне, а немного позже в Вене появились постоянные османские представительства: «Пользоваться соперничеством держав турецкие дипломаты стали с самого начала своей деятельности за границей», — свидетельствует Н. А. Дулина¹⁵⁰. Это относится в первую очередь к известному реформатору Мустафе Решиду паше, занимавшему последовательно посты посла во Франции и Англии. В беседах с ним Пальмерстон подчеркнуто именовал Мехмеда Али «губернатором Египта» и клялся, что не будет способствовать его «порочным наклонностям». Он заверял, что британский кабинет не настаивает на соблюдении Кютахийского перемирия — иными словами, манил Порту перспективой возврата Сирии и предостерегал от русской военной помощи. Решид намекал на желательность поддержки со стороны Великобритании и Франции¹⁵¹. В ответ обильно лились советы Турции идти путем реформ — тогда-де она и сама справится с непокорным. Пальмерстон предлагал (если не сказать — навязывал) услуги британских офицеров, стремясь взять под контроль османские вооруженные силы. На первых порах это встречало категорический отказ: оказывали влияние древние традиции мусульманского изоляционизма, нежелание ставить правоверные войска под команду «гяуров». Диван понимал, что приглашение вызовет величайшее раздражение в Петербурге. Но уже в 1839 г. первая группа британских моряков в высоких чинах прибыла в Константинополь.

В 1834 г. усилиями держав удалось предотвратить новое турецко-египетское столкновение. Намыку-паше, прибывшему в Лондон за помощью, Пальмерстон надавал кучу наставлений насчет реформ в Турции: он советовал набраться терпения и дожидаться, пока престарелый Мехмед Али предстанет перед Аллахом, а его владения распадутся. Но убедительнее речей на Александрию и Стамбул подействовали маневры английской эскадры, подкреплённой французскими судами в Восточном Средиземноморье¹⁵². Царь, опасавшийся нового кризиса и не горевший желанием приходить на выручку султану, не протестовал. Порта восприняла пассивность Петербурга по-своему и смелее перешла к «игре на двух столах». Все «это придавало султану храбрости и подрывало влияние русской партии»¹⁵³, — пишет Ч. Вебстер. Понсонби, используя услуги фанариота Ст. Вогоридеса, бея

острова Самос, установил контакты с влиятельными сановниками. Пошатнуть российские позиции ему удалось далеко не сразу, но семя было брошено, способ проникновения в сераль найден, метод разжигания недоверия к России разработан.

Иногда сам Понсонби своим высокомерием и диктаторскими замашками портил дело. В 1836 г. британский журналист Черчилль во время охоты случайно ранил турецкого мальчика. Местные власти обошлись с виновным чрезвычайно круто: Черчилля высекли кнутом и забили в колодки¹⁵⁴. Понсонби вмешался столь энергично, что добился смещения министра иностранных дел Акифа-эфенди. Подобная «результативность» демарша посла свидетельствовала о его возросшем влиянии в Константинополе; но, подчинившись его требованиям, диван воспринял эпизод как глубокое унижение, и понадобился какой-то срок, чтобы миновала горечь обиды.

В 1837 г. в основном для противоборства с Россией было учреждено английское консульство в Белграде*. Никаких коммерческих интересов в Сербии у Лондона не существовало. Исследователи подсчитали, что за первую треть XIX в. землю эту посетило десять подданных его величества: семь туристов (из них лишь один пересек страну по суше, а шесть путешествовали по Дунаю), два купца и вездесущий Уркарт¹⁵⁵. Официальный мотив открытия британского учреждения в Белграде — необходимость защиты подданных короны — звучал фальшиво, ибо таковые отсутствовали, а торговли не существовало. Назначенному на пост консула полковнику Дж. Ходжесу вменялось в обязанность заниматься делами «скорее политического, нежели коммерческого свойства». Он должен был «пристально следить за любой попыткой русского консула увеличить политическое влияние своего правительства, будь то в Сербии или в окружающих районах»¹⁵⁶. Еще откровеннее объяснялся глава Форин оффис в письме, адресованном в октябре 1837 г. послу в Вене сэру Ф. Лему: Сербия должна превратиться в барьер на пути распространения русского влияния на Балканах. Чтобы не раздражать Порту, она не должна была выходить за рамки существовавших отношений (т. е. ограниченного самоуправления). В дальнейшем ей отводилась роль рынка британских товаров.

* Характерно, что Петербург, чтобы не вызывать подозрения как Порты, так и соперников, консульства в Сербии не имел. Сношения с ней велись через консульство в городе Оршова, расположенном в Австрии на границе с Сербией.

Задача, поставленная перед Ходжесом, была не из легких. Он обнаружил (сделать это было нетрудно), что в Сербии «все влиятельные лица питают сильнейшую склонность к России». Эти чувства разделяло духовенство и молодые офицеры. Как пишет современный западный исследователь, «в стране в целом преобладали настроения признательности и благодарности к православной державе, которая помогла Сербии в ее борьбе против турок»¹⁵⁷. Надо было отравить это чувство и найти какую-то точку опоры для предпринимаемой интриги широкого масштаба. Ходжес сделал ставку на князя Милоша Обреновича. Тот тяготился опекой России и был рад противопоставить ей другую державу. С другой стороны, стремление Милоша управлять страной методами своего рода патриархального деспотизма, не отягощая себя законами и советами с кем-либо, вызывало протесты. Поднимавшаяся буржуазия, главным образом торговая и сельская, была недовольна полным отсутствием законов о защите жизни и имущества. Оппозиция самовластию князя росла, захватив многих его ближайших сподвижников по восстанию 1815 г. В Петербурге коварному Милошу не доверяли и сознавали необходимость проведения в Сербии определенных реформ; вопрос о введении конституции, буржуазного правопорядка стал на повестку дня общественно-политической жизни страны.

Во время первой же встречи с Ходжесом князь выразил желание отдаться под покровительство «Англии и ее друзей» с целью защиты от «агрессивных» поползновений России. «Антирусски настроенный деспот-принц больше соответствовал интересам Великобритании, нежели олигархия деспотических русских креатур. Из двух зол Ходжес считал князя Милоша меньшим», — пишет Ст. Павлович¹⁵⁸. Объяснение звучит неуклюже, лица из окружения князя были сторонниками русской ориентации не из-за своей духовной близости к самодержавию, а потому, что считали ее соответствующей интересам страны. В итоге складывалась ситуация, которую видные британские историки вспоминают с чувством неловкости: «В Сербии Британия поддерживала автократический режим, а Россия — разновидность конституционализма»¹⁵⁹.

Конечно, и Пальмерстон и Ходжес понимали, что Милошу для укрепления власти нужны подпорки в виде определенных преобразований. Но попытки дипломатов опираться на самовластного князя при оставлении Сербии под эгидой Порты, опасавшейся, что нововведения уменьшат степень зависимости княжества от нее, обрекали их на неудачу.

Опытные английские политики отнеслись к затее Пальмерстона с открытием консульства в Белграде и маневрам Ходжеса скептически: «Без прямых интересов в Сербии, без точек соприкосновения с ней — какую помощь мы можем ей оказать? Если она будет рассчитывать на нас в час нужды, мы наверняка разочаруем ее», — выражал свое мнение посол в Вене сэр Ф. Лем. Он предостерегал министра: «Полковник Ходжес представляется мне слишком деятельным политиком. Вам лучше призвать его к спокойствию»¹⁶⁰. Надо идти другим путем, поощряя Австрию, способствуя укреплению ее позиций: «Если она спасет нас от установления в Сербии русского влияния — это будет все, что можно пожелать», — писал Лем¹⁶¹.

Но Пальмерстон не внимал благим пожеланиям и шел напролом. Ходжес с его санкции ввязался в сложное дело разработки и утверждения Портой сербского устава (конституции). По подсказке Понсонби переговоры о его принятии были перенесены в Стамбул. Летом 1838 г. Ходжес самолично отправился в турецкую столицу.

Самым страстным желанием сербов было удаление турецкого гарнизона из Белграда. Тут Ходжес натолкнулся на категорический отказ: великий визирь Решид-паша ответил ему, что султан не собирается уступать эту крепость. Затем обнаружилось, что привезенный депутацией проект устава положен под сукно, зато припасенные (для облегчения дела) двенадцать с половиной тысяч золотых дукатов исчезли без остатка. В течение нескольких месяцев Понсонби и Ходжес тщетно заверяли Порту, что предлагаемые меры не отразятся на степени зависимости Сербии от Константинополя. Уговоры шли и в другом направлении. 28 августа посол направил князю Милошу депешу, в которой расписывал преимущества умеренного конституционализма. Подведение законодательной основы, заверял он князя, укрепит его власть; он советовал уважать независимость суда и свободу торговли, поощрять развитие промышленности и увеличивать свои доходы, добиваясь процветания подданных¹⁶². Уповая на британскую помощь, Милош ответил кротко, обещая прислушиваться к британским наставлениям.

Царский двор с крайней неприязнью следил за подозрительной активностью Пальмерстона в Сербии. Еще в 1837 г. в Белграде побывал флигель-адъютант Николая I В. А. Долгорукий, пытавшийся, правда, без успеха, отвратить князя от ориентации на Великобританию¹⁶³. Призрак революции мерещился самодержавию на каждом углу; в 1835 г. оно добилось вместе с Портой отмены Сретенского устава — ли-

беральной конституции, навязанной Милошу его политическими противниками. К. В. Нессельроде предостерегал против «развития так называемых либеральных идей в Сербии, заимствованных у государств, управляемых представительными учреждениями»¹⁶⁴. Закрепленный в Ункяр-Искелеси и Мюнхенгреце курс на сохранение Османской империи и сотрудничество с Австрией заставлял Петербург держаться сугубо осторожно по отношению к этим двум державам. Но и поощрять самовластье Милоша и мириться с британским политическим вторжением в Сербию, а заодно и подрывать свое собственное влияние, противодействуя развитию сербской государственности, российский МИД не собирався. Надо было изыскивать средний путь.

Посланник А. П. Бутенев внимательно следил за сербoturецкими переговорами. Порта решила извлечь пользу из соперничества двух кабинетов, «доверительно» сообщая англичанам содержание демаршей Бутенева и пользуясь их советом при составлении ответов. Не вдаваясь в детали обсуждаемых проектов, скажем лишь, что русская дипломатия хотела с их помощью подорвать позиции Милоша, британская, напротив, укрепить его положение, а турецкая — не только сохранить в своих руках крепости, но и распространить свою власть на прилегавшие к ним территории.

Позиции России в Стамбуле и в самой Сербии были еще столь прочны, что одолеть их одним наскоком не удалось. Понсонби писал своему шефу 12 сентября 1838 г.: «...Русские, думаю... меня побьют, ибо Порта не знает, насколько она может рассчитывать на британское правительство, и не желает оспаривать волю России»¹⁶⁵. И Пальмерстон признал свое поражение: «Всем очевидно, — инструктировал он Ходжеса, — географическое положение Сербии позволяет Великобритании оказать активную и эффективную помощь его светлости (Милошу. — В. В.) лишь путем объявления войны России. Не следует, однако, ожидать, что Англия ввяжется в войну с Россией только по вопросу о Сербии»¹⁶⁶. Лондон оставлял своего протеже на произвол судьбы, точнее — сербской оппозиции и поддерживавшей ее России. Ходжес преподал брошенному князю утешительные советы: быть твердым и благоразумным, не давать Петербургу предлога для нареканий, но и не поддаваться на его давление, сохранять лояльность султану. Подобное поведение; уверял консул, завоюет Милошу поддержку Великобритании и всех верных друзей Османской империи.

В Стамбуле Понсонби советовал турецким сановникам не предпринимать ничего. Но бить отступление по всей ли-

нии было уже поздно. Сербские круги, с одной стороны, Бутенев, с другой, настаивали на издании акта, фиксирувавшего конституционное устройство княжества. 12(24) декабря 1838 г. был подписан хатти-шериф, который провозглашал в Сербии права человека, защиту собственности, отменял всякие остатки феодальных держаний, определял положение государственных служащих. Княжеский титул сохранялся в роде Обреновичей. При князе должен был состоять совет, члены которого назначались им самим, но при условии, «чтобы они были достаточно известны между согражданами своими способностями и честностью, оказали какие-либо услуги отечеству и заслужили общее одобрение». Совет наделялся значительной законодательной и исполнительной властью. Он выработывал законы, не нарушавшие «прав моей Высокой Порты, под властью которой страна состоит», говорилось в хатти-шерифе, утверждал все решения князя и вводил налоги¹⁶⁷. Ему были подотчетны министры. Члены совета могли смещаться лишь с согласия турецкого дивана за крупные проступки.

В совете представители оппозиции оказались в большинстве. «Морально и политически князь Милош перестал существовать после промулгации хатти-шерифа», — писал Ходжес.

Полковник преувеличивал значение своего поста и роль, которая отводилась Сербии в комплексе балканских забот Форин оффис. Тщетно пытался он возродить у Пальмерстона интерес к сербским делам, уверяя, что княжество будет «навечно потеряно как составная часть Османской империи, если то зло, на которое заставили пойти Блистательную Порту... не будет исправлено физической или дипломатической мощью Великобритании». Милош горько упрекал консула за то, что тот сперва увлек его заманчивыми посулами, а затем покинул (что было похоже на истину)¹⁶⁸.

В самой Сербии имя Ходжеса уже ассоциировалось с непопулярным правлением Милоша. Жить ему стало неуютно и даже, по его словам, небезопасно. В апреле 1839 г. полковник покинул ставшую негостеприимной сербскую столицу, сперва под предлогом лечения жены; потом он пожил в Земуне, на австрийской территории недалеко от сербской границы, пока в конце того же года Пальмерстон не перевел его в Египет. Еще раньше отказался от власти и удалился в изгнание сербский князь.

Так с треском провалился первый британский наскок на Сербию. Под влиянием английских документов, отражав-

ших досаду за пережитое поражение. Ст. Павлович писал: «Создавалось впечатление, что все лица, пользовавшиеся влиянием в стране, были готовы помочь русскому правительству или по крайней мере дружески расположены к нему, не говоря об общем чувстве благодарности великому православному народу, без помощи которого сербы не смогли бы завоевать себе свободу»¹⁶⁹. Противодействовать этому, да еще опираясь на Милоша, «неисправимого деспота старой турецкой школы», значило идти на верный проигрыш. Эта характеристика неточна и односторонняя: прогрессивные круги Сербии не скрывали своего недовольства тем, что устав прислан из Стамбула в форме хатти-шерифа (в народе его прозвали турецким) и усиливал позиции Порты; лавирование российской дипломатии между сербской оппозицией, Австрией и Турцией лавров ей не принесло так же, как и постоянные выступления против конституционных «эксцессов». Уставобранители продолжали свою активность, не полагаясь больше на помощь извне.

Но локальная неудача в Сербии не остановила британского натиска на Балканы. 16 августа 1838 г., в местечке Балта-Лиман была подписана англо-турецкая торговая конвенция. Этот скромный по названию документ знаменовал веку в истории Османской державы, англо-турецких отношений и международной обстановки в обширном регионе, включавшем Юго-Восточную Европу, значительную часть Средиземноморья и Ближний Восток.

¹ *Киняпина Н. С.* Ункяр-Искелесийский договор 1838 г.— Научн. докл. высшей школы. Исторические науки, 1958, № 2; *Еремеева Т. В.* Заключительный этап египетского кризиса 1831—1833 гг. и великие державы.— Учен. зап. по новой и новейшей истории Ин-та истории АН СССР. М., 1956, вып. 2; *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975.

² *Дулина Н. А.* Изменения в османской дипломатии (30-е годы XIX в.).— Тюркологический сборник. 1973 г. М., 1975; *Она же.* Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980.

³ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy of Palmerston. London, 1969, v. 1, p. 39.

⁴ *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Приложения. СПб., 1908, т. I, с. 117.

⁵ Там же, с. 123.

⁶ СТК, СПб., 1898, т. XII, с. 254.

⁷ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 626, 612, 589.

⁸ [*Жомини А. Г.*] Etude diplomatique sur la guerre de Crimée. S.-Pet., 1878, v. I, p. 49.

- ⁹ *Molden E.* Die Orientpolitik des Fürsten Metternich 1829—1833. Wien—Leipzig, 1913, s. 9.
- ¹⁰ АВПР, ф. Отчеты, 1833, д. 3, л. 32.
- ¹¹ *Molden E.* Die Orientpolitik..., S. 117.
- ¹² АВПР, ф. Канцелярия, 1833, д. 121, л. 47—48. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену. 25.I (6.II) 1833.
- ¹³ *Molden E.* Die Orientpolitik..., S.IV—V.
- ¹⁴ *Ibid.*, S. 5.
- ¹⁵ *Ibid.*, S. 119.
- ¹⁶ *Ibid.*, S. 7.
- ¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1832, д. 149, л. 6.
- ¹⁸ Там же, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 225—273.
- ¹⁹ Там же, л. 231, 233.
- ²⁰ Там же, л. 267.
- ²¹ Там же, л. 266.
- ²² Там же, л. 249.
- ²³ Там же, л. 168.
- ²⁴ Там же, л. 121, 326.
- ²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-о изд., т. 9, с. 361.
- ²⁶ *Guedalla Ph.* Palmerston. L., 1950, p. 260.
- ²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 220, Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде.
- ²⁸ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 80.
- ²⁹ *Puryear V. J.* International Economics and Diplomacy in the Near East Stanford, California, 1935, p. 5—6.
- ³⁰ *Temperley H.* England and the Near East. The Crimea. L.—N.Y.—Toronto, 1936, p. 78.
- ³¹ *Clayton G. D.* Britain and the Eastern Question: Missolonghi to Gallipoli, L., 1971, p. 70.
- ³² *Горяинов С. С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 18.
- ³³ *Bailey F. E.* British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge (USA), 1942, p. 66.
- ³⁴ *Puryear V. J.* International..., p. 4.
- ³⁵ См.: *Штейнберг Е. Л.* Английская версия о «русской угрозе Индии в XIX—XX вв.» — Ист. зап., 1956, № 33.
- ³⁶ PD, 3-rd Ser., v. 234, p. 669.
- ³⁷ *Seton-Watson R. W.* Britain in Europe. Cambridge, 1937, p. 327.
- ³⁸ *Guedalla Ph.* Palmerston, p. 194.
- ³⁹ *Ibid.*, p. 234.
- ⁴⁰ *Temperley H.* England and the Near East, p. 61.
- ⁴¹ *Clayton G. D.* Britain and the Eastern Question..., p. 72.
- ⁴² *Ibid.*, p. 69.
- ⁴³ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 54.
- ⁴⁴ *Pemberton W. B.* Lord Palmerston. L., 1954, p. 86.
- ⁴⁵ *Temperley H.* England and the Near East..., p. 54.
- ⁴⁶ Opinions and Policy of ... H. J. Palmerston. L., 1852, p. 132.
- ⁴⁷ *Ibid.*, p. 246.
- ⁴⁸ *Тодорова М.* Англия, Русия и Танзиматът. София, 1980, с. 72—73. Русский перевод: *Тодорова М. Н.* Англия, Россия и Танзимат. М., 1983.
- ⁴⁹ *Cobden R.* Russland.— In: C. Brinkmann. Richard Cobden und Manchesterium. Berlin, 1924, S. 36, 37, 41, 42, 43.
- ⁵⁰ *Dawson W. H.* Richard Cobden and Foreign Policy. L., 1926, p. 212.
- ⁵¹ *Urquhart D.* Turkey and its Resources. L., 1833.
- ⁵² *Puryear V. J.* International..., p. 26.

- ⁵³ Ibid., p. 27.
- ⁵⁴ *Temperley H.* England and the Near East..., p. 78.
- ⁵⁵ Ibid., p. 75.
- ⁵⁶ *Webster Ch. K.* The Foreign policy..., v. 2, p. 565.
- ⁵⁷ *Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia. L., 1950.
- ⁵⁸ *Татищев С. С.* Внешняя политика..., с. 283.
- ⁵⁹ *Татищев С. С.* Внешняя политика..., с. 274.
- ⁶⁰ *Лулес Д.* Образование Греческого государства и Россия.— Сов. славяноведение, 1980, № 3, с. 49.
- ⁶¹ Там же, с. 61.
- ⁶² *Татищев С. С.* Внешняя политика..., с. 281.
- ⁶³ *Лулес Д.* Образование Греческого государства..., с. 51.
- ⁶⁴ *Татищев С. С.* Внешняя политика..., с. 288.
- ⁶⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 148, л. 72—82, 95. Копии депеш Рикмана от 17(9).II 1832 и 16(28).XII 1831.
- ⁶⁶ Там же, л. 198—209, 244—247. Копии депеш Рикмана от 3(15). IV и 7(19).IV 1832.
- ⁶⁷ Там же, л. 196. К. В. Нессельроде.— Х. Л. Ливену 14(26).V 1832.
- ⁶⁸ Там же, л. 354.
- ⁶⁹ Там же, л. 491. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену 22.VI(4.VII) 1832.
- ⁷⁰ Protocols of Conferences Held in London Relative to the Affairs of Greece. L., 1832, N 42.
- ⁷¹ Речь Дж. Пальмерстона в Палате общин в августе 1832 г.— Opinions and Policy, p. 220.
- ⁷² Ibid., p. 223.
- ⁷³ Конвенция о Греции от 7 мая 1832 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1832, д. 144, л. 74—81.
- ⁷⁴ Там же, л. 35. Х. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде 6(18). V 1832.
- ⁷⁵ Там же, л. 36.
- ⁷⁶ Там же, д. 148, л. 66—68, 181; д. 144, л. 27; д. 146, л. 332—333, 342.
- ⁷⁷ *Татищев С. С.* Внешняя политика..., с. 301—302.
- ⁷⁸ Там же, с. 299.
- ⁷⁹ Там же, с. 303, 305.
- ⁸⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1832, д. 147, л. 101—102. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 18(30).X 1832.
- ⁸¹ Там же, 1833, д. 121, л. 44, 47, 192—193. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену 25.I (6.II), 8(20). IV 1833.
- ⁸² Там же, 1832, д. 147, л. 394—403, 417—418. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде.
- ⁸³ Там же, 1833, д. 118, л. 122. Записка Дж. Пальмерстона от 22.VII 1833.
- ⁸⁴ Всестороннее исследование событий, связанных с турецко-египетским конфликтом 1831—1833 гг., выходит за рамки наших задач. Оно дано в работах: *Киняпина Н. С.* Ункяр-Искелесийский договор...; *Еремеева Т. В.* Египетский кризис 1831—1833 гг. и великие державы.— Учен. зап. по новой и новейшей истории. М., 1956, вып. 2.
- ⁸⁵ *Киняпина Н. С.* Ункер-Искелесийский договор..., с. 34.
- ⁸⁶ Нас здесь интересует один аспект событий — англо-русское соперничество за влияние в Константинополе. Как писал русский посланник в Стамбуле А. П. Бутенев, султан Махмуд II склонялся

- к обращению за помощью к России; при его дворе, однако, возобладала точка зрения сторонников проанглийской ориентации. — АВПР, ф. Канцелярия, 1832, д. 149, л. 275. Копия депеши А. П. Бутенева от 6(18).X 1832.
- 87 Там же, 1832, д. 147, л. 387, 389. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 9(21), 16(28).XII 1832.
- 88 Там же, л. 368—369. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 25.XI (7.XII) 1832.
- 89 Там же, л. 369.
- 90 Там же, 1833, д. 117, л. 291. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 24.II(8.III) 1833.
- 91 Там же, л. 86—88. X. А. Ливен, К. О. Поццо ди Борго — К. В. Нессельроде 17(29).I 1833.
- 92 Там же, л. 106. X. А. Ливен, К. О. Поццо ди Борго — К. В. Нессельроде 24.I(5.II) 1833.
- 93 *Киняпина Н. С.* Ункер-Искелесийский договор..., с. 36.
- 94 *Муравьев Н. Н.* Русские на Босфоре. СПб., 1869, с. 55.
- 95 АВПР, ф. Отчеты, 1833, л. 8.
- 96 Там же, ф. Канцелярия, 1833, д. 250, л. 1. А. П. Бутенев — X. А. Ливену, 23.II (7.III) 1833.
- 97 Там же, ф. Отчеты, 1833, д. 3, л. 8—19.
- 98 Там же, ф. Канцелярия, 1833, д. 121, д. 174—179. К. В. Нессельроде — X. А. Ливену 17(29).V 1833.
- 99 Там же, д. 250, л. 7. А. Ф. Орлов, А. П. Бутенев — X. А. Ливену 14(26).V 1833.
- 100 *Webster Ch. K.* The Foreign policy..., p. 303.
- 101 *Ibid.*, p. 289.
- 102 АВПР, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 200, 367, 387—389. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 7(19), 21.III(2.IV) 1833.
- 103 Там же, л. 391—392, 399—400. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 21.III(2.IV) 1833.
- 104 Там же, л. 393—394. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 21.III(2.IV) 1833.
- 105 Там же, л. 478. Дж. Пальмерстон — X. А. Ливену 2.IV 1833.
- 106 Там же, д. 121, л. 138. К. В. Нессельроде — X. А. Ливену 10(22).V 1833.
- 107 Там же, д. 250, л. 11—17. А. Ф. Орлов — X. А. Ливену 27.VI(9.VII) 1833; Копия ноты Порты от 26.VI (8.VII) 1833.
- 108 *Горяилов С. С.* Босфор..., с. 38.
- 109 *Киняпина Н. С.* Ункер-Искелесийский договор..., с. 44—45.
- 110 Обзор разных точек зрения см.: *Киняпина Н. С.* Ункяр-Искелесийский договор..., с. 44—45; *Тодорова М.* Англия, Русия..., с. 132—134.
- 111 Характерно, что в новейшей американской публикации Дж. Хуревича, где документы даны только в английском переводе, говорится только о Дарданеллах: *Hurewitz J. C.* Diplomacy and the Near and Middle East. N. Y., 1972, p. 106.
- 112 *Киняпина Н. С.* Ункяр-Искелесийский договор..., с. 42.
- 113 Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVII — начало XX в. М., 1978.
- 114 *Puryear V. J.* International..., p. 43.
- 115 СТК..., СПб., 1895, т. XI, с. 416.
- 116 АВПР, ф. Отчеты, 1833, д. 8, л. 28.
- 117 Там же, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 71.
- 118 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 202.

- 119 Восточный вопрос..., с. 101; Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980, с. 34.
- 120 АВПР, ф. Канцелярия, 1833, д. 119, л. 209.
- 121 *Temperley H.* England and the Near East, p. 70.
- 122 *Горяинов С. (С).* Босфор..., с. 30.
- 123 Восточный вопрос..., с. 100—101.
- 124 *Горяинов С. (С).* Босфор..., с. 30.
- 125 АВПР, ф. Канцелярия, 1833, д. 121, л. 305. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену 5(17).VIII 1833.
- 126 Там же, л. 382. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену 29.XII 1833 (10.I 1834).
- 127 *Webster Ch. K.* The Foreign policy..., p. 283.
- 128 АВПР, ф. Канцелярия, 1833, д. 119, л. 208—209. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 4(16).VIII 1833.
- 129 *Webster Ch. K.* The Foreign policy..., p. 303.
- 130 The Mirror of Parliament, LII, 3.VIII 1833. London, p. 2874—2875.
- 131 *Татищев С. С.* Внешняя политика..., с. 382.
- 132 АВПР, ф. Отчеты, 1833, д. 3, л. 38—39.
- 133 Дулина Н. А. Османская империя..., с. 51, 55.
- 134 СТК. СПб., 1878, т. IV, с. 445—446.
- 135 История дипломатии. М., 1941, т. I, с. 420.
- 136 *Киняпина Н. С.* Мюнхенгретские и берлинские соглашения 1833 г. — Научн. докл. высш. школы. Историч. науки, 1960, № 1, с. 81.
- 137 *Boorne K.* The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1970, p. 222.
- 138 *Киняпина Н. С.* Мюнхенгретские и берлинские соглашения..., с. 77.
- 139 АВПР, ф. Канцелярия, 1833, д. 121, л. 287. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену, 5(17).VIII 1833.
- 140 *Puryear V. J.* International..., p. 78.
- 141 Восточный вопрос..., с. 101.
- 142 Трудно согласиться с автором весьма компетентного исследования М. Тодоровой в том, что исключительное преобладание российского влияния в Стамбуле продолжалось всего два месяца после подписания договора в Ункяр-Искелеси (*Тодорова М.* Англия, Русия..., с. 134).
- 143 *Temperley H.* England and the Near East..., p. 73.
- 144 *Bailey F. E.* British Policy..., p. 39—40.
- 145 *Temperley H.* England and the Near East..., p. 77.
- 146 *Puryear V. J.* International..., p. 23—25, 31—32.
- 147 Ibid., p. 33.
- 148 *Crawford H. W.* Russia's Fleet in the Baltic. L., (1836).
- 149 *Puryear V. J.* International..., p. 50—53.
- 150 Дулина Н. А. Изменения в османской дипломатии...
- 151 Там же, с. 70.
- 152 *Webster Ch. K.* The Foreign..., p. 341.
- 153 Ibid., p. 336.
- 154 *Puryear V. J.* International..., p. 46.
- 155 *Pavlowitch St. K.* Anglo-Russian Rivalry in Serbia 1837—1839. Paris—La Haye, 1961, p. 18—20.
- 156 Ibid., p. 42.
- 157 Ibid., p. 40.
- 158 Ibid., p. 49.
- 159 *Webster Ch. K.* The Foreign policy..., p. 577—578.
- 160 Ibid., p. 576, 578.

- ¹⁶¹ *Достян И. С.* Австро-русское соперничество на Балканах в 30-е годы XIX в. и Сербское княжество.— В кн.: «Дранг нах остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Южной Европы. М., 1967, с. 106.
- ¹⁶² *Pavlowitch St.* Anglo-Russian..., p. 119.
- ¹⁶³ *Попов Н.* Россия и Сербия. М., 1869, ч. 1, с. 380—389.
- ¹⁶⁴ *Достян И. С.* К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в.— Сов. славяноведение, 1966, № 6, с. 20, 22.
- ¹⁶⁵ *Pavlowitch St.* Anglo-Russian..., p. 119.
- ¹⁶⁶ *Ibid.*, p. 126.
- ¹⁶⁷ *Попов Н.* Россия и Сербия, с. 507—508.
- ¹⁶⁸ *Pavlowitch St.* Anglo-Russian..., p. 143.
- ¹⁶⁹ *Ibid.*, p. 171.

Очерк шестой

ДЕЛА ТОРГОВЫЕ

Прежде чем перейти к коммерческим и, шире, экономическим связям Соединенного королевства с Османской империей, нам надлежит бросить взгляд на взаимоотношения британского правительства с турецким реформационным движением¹. Необыкновенно благоприятный политический и психологический климат наступил для англичан в 30-е годы с упрочением в османских правящих кругах группировки реформаторов во главе с крупным государственным деятелем Мустафой Решидом. Кризис военно-феодальной системы, зримым проявлением которого являлись постоянные поражения в войнах, толкал их на путь преобразований. Взоры их устремились в поисках образца и поддержки к Великобритании: Франция здесь не могла выступать соперницей, она связала себя с Мехмедом Али Египетским; она только что отторгла османское вассальное владение, Алжир, и протесты Стамбула оказались гласом вопиющего в пустыне.

Турецкое движение, высшим выражением которого явился Гюльханейский хатти-шериф 1839 г., имело многочисленные изъяны: ставя своей целью модернизацию и европеизацию государства, преобразователи не сумели увязать реформы с традиционным исламским образом жизни, верованиями и представлениями (хотя и пытались облечь сам Гюльханейский акт в мусульманские одежды). Буржуазные по характеру меры пытались внедрить в стране, где капиталистического уклада в чисто турецких районах не существовало, зато здесь активно действовали пользовавшиеся большим влиянием среди населения феодально-теократические силы во главе с могущественным духовенством. Несомненно более значительные ростки капиталистического развития на христианских окраинах; однако носители этих отношений в массе своей в той или иной степени участвовали в национально-освободительном движении и свое будущее связывали не с преобразованным османским государством, а с национальной автономией и независимостью. Важнейшей же целью турецких преобразователей являлось скрепление уз, объ-

единявших разнородные куски империи, на несколько видоизмененной политической, социальной и правовой основе. Реформаторы турецкие и балканские, с точки зрения исторической перспективы, смотрели в разные стороны и находились в отношениях прямо враждебных. Турки, пытаясь вдохнуть жизнь в одряхлевшее тело разноплеменной державы, разбазаривали силы и средства, которые в иных условиях могли пойти на оздоровление экономики этнически турецких районов. Один перечень конфликтов, внешних и внутренних, с которыми пришлось иметь дело дивану, показывает, сколь неблагоприятны были условия для преобразований: войны с Великобританией (1807—1809 гг.), с Россией (1806—1812 и 1828—1829 гг.), подавление сербских восстаний (1804—1813 и 1815) валашского восстания 1821 г., борьба против греческой революции 1821—1829 гг., разгром корпуса янычар (1826 г.), подавление албанских пашей-сепаратистов Али Янинского (1820—1822 гг.) и Мустафы Бушати (1830—1831 гг.), первый тур схватки с Мехмедом Али Египетским (1832—1833 гг.). Исключением в этой почти не прерывавшейся серии тревог явилось время стабилизации отношений с Россией после заключения Ункяр-Искелесийского договора. Тогда происходит упразднение военной системы; учреждение министерств европейского типа, введение нового административного деления, лишение губернаторов права иметь свои войска, создание нескольких светских общеобразовательных школ и военных училищ. Предупредительное отношение к России Решид-паша (1837 г.) объяснял «политическим искусством государства, которое полностью занято своими внутренними делами и необходимыми преобразованиями»².

Наконец, последнее по счету, но не по значению: новое законодательство разрабатывалось и внедрялось в жизнь в условиях султанского деспотизма, когда все зависело от воли и даже прихоти владыки. Решиду-паше принадлежат горькие слова насчет тирании оттоманских императоров: Махмуд II после разгрома янычар не слушал ничьих советов, «льстить его гордости и тщеславию означало заслужить одобрение; напротив, если отважный поборник истины считал своим долгом высказать противное мнение, смерть или конфискация имущества служили расплатой за его дерзкий пыл»³. Пожалуй, сравнение усилий самого Решиды с попытками гончара слепить сосуд из песка недалеко от истины.

3 ноября 1839 г., казалось, наступил день его торжества: в парке дворца Гюльхане Решид огласил им же составленный указ юного султана Абдул Меджида, открывший эпоху

реформ (танзимат). Были соблюдены все обычаи: придворный астролог сообщил, что звезды благоприятствуют преобразованиям; мулла вознес молитву аллаху; были принесены в жертву бараны; пушки с босфорских фортов гремели; султан самолично перенес атласный футляр с указом в покои, где хранился плащ Магомета.

Акт начинался торжественно: «...Уверенные в помощи всевышнего, основанной на ходатайстве нашего пророка, мы благорассудили посредством новых установлений доставить областям, составляющим Оттоманскую империю, выгоды хорошего управления», — гласила преамбула. Далее перечислялись сами меры: обеспечение безопасности жизни, чести и имущества подданных; свободное распоряжение собственностью; введение упорядоченной системы налогообложения и набора войск; сокращение срока их службы до 4—5 лет; отмена откупной системы (ильтизама), при которой, по словам документа, «гражданское и финансовое управление известной местности попадает в железные руки самых жестоких и алчных страстей, ибо неблагонамеренный откупщик заботится лишь о собственных выгодах». Хатти-шериф подчеркивал: императорское «благорасположение и льготы распространяются на всех наших подданных без различия вероисповедания или секты, они все без исключения пользуются этими правами»⁴. Многовековое бесправное состояние христианской райи (по-арабски — стада) тем самым по букве закона прекращалось. Выражалась уверенность, что внедрение в жизнь провозглашенных реформ приведет «в цветущее состояние религию, правительство, народ и государство».

Никаких конституционных гарантий этот наиболее прозападный из изданных до той поры в империи актов не имел; он не равнозначен декларации прав, и являлся милостью монарха, дарованной подданным^{4а}.

Успеха танзимат не имел; проводившиеся в течение почти четырех десятилетий меры не затронули феодальных основ экономической и социальной жизни; половинчатые по замыслу, они притуплялись в ходе осуществления. Отмененная было откупная система была восстановлена, равноправие христиан осталось на бумаге. В вооруженные силы они по-прежнему не принимались. Дух мусульманского изоляционизма преодолеть не удалось. Усовершенствование административной системы сводилось почти на нет продолжавшимися злоупотреблениями и разъедавшей государственный аппарат коррупцией. Полным фиаско закончилась кампания против взяточничества. Просвещение на европейский обра-

зец коснулось едшиц; прочее турецкое население черпало мировоззрение в мечети. По словам Г. Темперлея, танзимат «пах столь же тонко и увял так же быстро, как цветы»⁵, в честь которых был назван («Гюльхане» в переводе значит «дом роз»). И в 30-е, и в 50-е, и в 70-е годы Османские владения представлялись наблюдателям архаичным осколком средневековья на Юго-Востоке Европы. Приведем несколько свидетельств с британской стороны. Дэвид Уркарт в первом издании (1833 г.) своей книги писал (в последующих абзац был вычеркнут) о «бесстыдной продажности, не ведающем смущения невежестве, закоренелой коррупции и фаворитизме без тени патриотизма и искры чести»⁶, господствовавших в политических нравах Стамбула. Ричард Кобден в 1853 г. свидетельствовал: в Смирне и Стамбуле немусульмане еще пользуются покровительством закона, но «тяжка доля христианского населения в глубине Турции, в маленьких городках и деревнях; оно и сейчас находится под управлением и господством опирающейся на силу высокомерной касты...»⁷. Герцог Аргайл говорил в 1876 г. в палате лордов: османское правительство «злоупотребляло властью и было проклятием для населения, которым оно управляло; будет позором для Европы, если ее мощь и влияние станут использоваться для спасения этого одиозного явления»⁸.

Лондон, разумеется, не оставил без внимания тянувшихся к нему турецких реформаторов. Решид-паша, в бытность послом при английском дворе (1837—1838 гг.), вел долгие беседы с Пальмерстоном. Тщетно, однако, американский исследователь Ф. Бейли пытался отыскать следы интереса пылкого защитника народовластия к государственным преобразованиям в Турции. Таковых он не нашел: «Почему Пальмерстон не поощрял открыто конституционную реформу в Оттоманском государстве — этот вопрос долго ставил в тупик исследовавших англо-турецкие отношения». Бейли решил, что он нашел все же отгадку: «Парадокс поведения Пальмерстона... объясняется его верой в просвещенный деспотизм...»⁹

Вряд ли можно согласиться с этим мнением и записать либерального министра в принципиальные поклонники деспотизма, хотя бы и «просвещенного» (вообще, что это такое?). Ответ, очевидно, заключается в другом: в полном безразличии к судьбам Турции во всем, что лежало вне отведенной ей задаче служить антирусским форпостом. «Программа» Пальмерстона заключала три пункта — войска, финансы и флот»¹⁰, — пишет внимательная исследовательница танзимата М. Тодорова. Дела турецкие интересовали Уайт-холл

лишь в той мере, в коей они сказывались на османском военном потенциале. В марте 1832 г. Чарльз Стрэтфорд докладывал Форин оффис: «Главное и, возможно, непреодолимое препятствие созданию большой национальной армии в стране состоит в необходимости внедрить одновременно новую систему администрации»¹¹. Через два года преемник Стрэтфорда Джон Понсонби выражал иными словами ту же мысль: если бы Турция «хорошо управлялась, мы нашли бы у нее достаточно силы для желательной или нужной нам поддержки в борьбе с Россией»¹². Раскошелиться на финансирование ненадежного контрагента лондонское Сити не торопилось — переговоры о займе в 3 млн. ф. ст. (1838 г.) провалились, ибо правительство отказалось его гарантировать. Изучивший внимательно все аспекты отношений к турецкому реформационному движению Ф. Бейли пришел к скромному выводу: «Материальная ценность британской поддержки реформатора-султана * была невелика»¹³.

Иное дело — торговля¹⁴, на ее расширение не жалели забот, и дела шли в гору. Будучи глубоко чуждым теориям меркантилизма, османское правительство сохраняло ввозные пошлины на уровне, по словам Д. Уркарта, «почти неправдоподобно» низким.

После ликвидации в 1826 г. Левантийской компании, покровительствовавшей своим членам, британские власти взяли регулирование коммерческих операций в свои руки. Результаты не замедлили сказаться:

*Британский экспорт и импорт*¹⁵ (в млн. фунтов стерлингов)

Годы	Османская империя			Весь торговый оборот			% занимаемый торговлей с Османской империей	
	экспорт	импорт	баланс	экспорт	импорт	баланс	экспорт	импорт
1825	1,1	1,2	-0,1	56,3	44,2	+12,1	—	—
1830	2,7	0,7	+2,0	69,7	46,3	+23,4	3,9	1,6
1835	2,7	0,9	+1,8	91,1	49,0	+42,1	2,7	0,9
1840	3,7	1,2	+2,4	116,5	67,5	+48,8	3,2	1,8
1845	7,6	1,5	+6,1	150,9	85,3	+65,6	5,0	1,7
1850	8,5	—	—	197,3	100,5	+96,8	—	—
1852	8,5	2,3	+6,2	219,5	109,3	+110,2	3,9	2,1

* Махмуда II.

Турецкие владения по поглощению английских товаров шли за Германией (Ганзейским союзом), Голландией и Италией. В конце 40-х годов экспорт туда сравнялся с вывозом во Францию и намного превзошел экспорт в Россию, выросший за двадцатилетие (1827—1846 гг.) всего на одну треть — с 1,2 до 1,7 млн. фунтов¹⁶. Позднее, в начале Крымской войны, орган деловых кругов журнал «Экономист», ссылаясь на данные 1852 г., приходил к выводу: Россия поглощает 1/78 часть британского экспорта^{16а}; потеря такого рынка особых тревог вызывать не должна.

Можно, конечно, сослаться на разительную разноголосицу в статистике британской и русской относительно торговли между двумя странами:

Динамика ввоза из Англии в Россию^{16б} (в млн. руб.) *

	1840 г.	1846 г.	1852 г.
Русские данные	21,6	27,5	24,6
Британские данные	10,1	10,7	6,9

* 1 фунт стерлингов равнялся приблизительно 7 рублям и 25 франкам.

Бесспорным, однако, остается вывод о постепенном падении роли России как торгового партнера Великобритании на фоне увеличивавшегося товарооборота (в первую очередь экспорта) с владениями полумесяца:^{16в}

Англо-русская торговля (в млн. руб.)

	1840 г.	1846 г.	1852 г.
Экспорт России в Англию	38,2	34,2	42,9
в т. ч. зерно	2,9	3,9	11,0
Импорт России из Англии	21,6	27,5	24,6
в т. ч. средства производства, ткани	12,9	18,0	17,7
	2,5	1,8	0,8

Приведенные выше данные о британских коммерческих связях лишь в силу привычки именуется торговлей с Турцией. На самом деле они касаются экспорта—импорта в Османскую империю: только не очень значительный процент этих операций приходился на собственно турецкие районы.

Знаток и теоретик коммерции, известный британский экономист и политический деятель Ричард Кобден не только не видел угрозы экономического соперничества со стороны России; он разъяснял менее просвещенным парламентариям, что русские победы распахнули перед европейскими купцами двери на Балканы. Само существование британской коммерции на Черном море объясняется присоединением Крыма к России; до ее выхода к побережью, до того, как русским оружием был обеспечен определенный простор для развития производительных сил Юго-Восточной Европы, английским торговцам здесь просто-напросто нечего было делать. Иллюзорно строить британские интересы на торговле со страной (Турцией), которая душит экономическое развитие своих подданных. Царизма опасаться нечего: он «может двинуть свою армию к собственным границам лишь с помощью иностранного золота»¹⁷.

Вслед за Великобританией по торговому обороту во владениях полумесяца шли Австрия и Франция. Торговля России представляла следующую картину:¹⁸

Российский экспорт и импорт (в млн. руб.) *

Годы	Османская империя		Весь торговый оборот		% торговли в Османской империи в общем обороте	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
1830	29,2	9,0	235,4	162,8	12,4	5,5
1835	23,8	14,9	214,0	233,8	11,1	6,4
1840	4,8	4,2	82,7	76,7	5,8	5,5
1845	5,6	4,4	89,0	81,2	5,6	4,4
1850	6,8	5,0	94,4	91,9	6,8	5,0
1852	8,3	5,6	112,5	99,8	7,4	5,5

* До 1839 г. — ассигнациями, с 1840 г. — серебром. 1 руб. серебром приблизительно 3,5 руб. ассигнациями.

От Великобритании Россия далеко отстала (по вывозу в 40-е годы в стоимостном выражении — в 5—9 раз). Неутешительны были итоги попытки организовать экспортный «бум» в Азию. Царское правительство чуть ли не за бороду вытаскивало неповоротливое российское купечество на завоевание новых рынков, пускаясь на всякого рода поощрительные меры, но без сколько-нибудь ощутимого успеха.

Торговая буржуазия России удовлетворялась частичным вытеснением англичан с внутреннего рынка (например, хлопчатобумажных тканей), чему способствовал протекционистский тариф 1822 г., но за морем с ними соревноваться не могло, да и не желало. Хвастливые призывы покорения «азиатцев русскими ситцами» повисли в воздухе: на самом деле британский вывоз ситца и сатина в 30—40-е годы XIX в. в 43 раза превышал российский¹⁹. Соперничеством с Альбионом действия русской стороны на Балканах и Ближнем Востоке назвать нельзя, — «победитель был уже заранее известен»²⁰. Англичане постепенно прибирали к рукам черноморскую торговлю.

Адрианопольский мир не оправдал связанных с ним торговых надежд. Опустошительная эпидемия чумы, пронесшаяся по Балканам, прохладная позиция турецких властей, отсутствие у русского купечества необходимого для зарубежной торговли опыта, что проявилось в плохой организации нескольких ярмарок, — все это подрывало шансы российской коммерции. Вывозились главным образом сельскохозяйственные продукты (мясо и сало, живой скот, икра и больше всего — пшеница). Но тот же Адрианопольский мир, способствуя экономическому подъему балканских стран, привел к появлению на рынке опасных для русского купечества конкурентов. Зерно Юго-Восточной Европы вывозилось через Галац, Брэилу, Варну, Салоники на судах английского и австрийского Ллойда. К. Маркс отмечал: торговля Дунайских княжеств «столь быстро расцвела, что они начали конкурировать с самой Россией»²¹.

Совсем худо обстояло дело с экспортом промышленных товаров. В 30—40-х годах, пишет В. И. Шерemet, еще отмечался спрос на привозимые из России пилы и топоры, подковы и гвозди, латунную посуду, хорошего качества и недорогие²². Затем они были вытеснены с османского рынка фабричной продукцией Англии и Франции. Итоги подвели еще К. Маркс и Ф. Энгельс: русская торговля «... теперь оттеснена на оборонительные рубежи, проходящие по самому краю ее собственной таможенной границы»²³.

Немалую роль в британском завоевании османского рынка сыграла торговая конвенция 1838 г. Мысль о том, чтобы подвести договорную основу под англо-турецкую торговлю, чтобы политическими методами проторить дорогу своим товарам, вызревала исподволь.

Влиятельные журналы «Блэквуд'с», «Эдинбург ревью», «Куотерли» настаивали на активизации коммерческой политики²⁴.

С 1836 г. английское посольство в Стамбуле приступило к систематическому давлению на Порту. Задача была не из легких: соприкосновение британского капитала с рутинно-восточной, традиционно феодальной экономикой не могло обойтись для последней без серьезных последствий. Продолжали сказываться традиции мусульманского изоляционизма. Существовали опасения противодействия со стороны России. Махмуд II долго не решался дать санкцию на переговоры. Колебания его прекратились по соображениям не глубокого, реформаторского, а конъюнктурно-политического характера, исходили из страстного желания сокрушить ненавистного Мехмеда Али Египетского с британской помощью. В Лондоне легко нащупали эту слабую точку и использовали ее, заверяя, что конвенция, которая распространялась и на Египет, подорвет основы экономического могущества мятежного паши. Первый секретарь посольства Г. Булвер, непосредственно ведший переговоры, полагал, что для заключения акта, дающего «иностранцам широкий набор торговых привилегий в Турции» и чреватого сокрушением «туземной промышленности», надо ожидать чрезвычайно благоприятного момента ²⁵.

Переговоры шли в глубокой тайне: достаточно сказать, что А. П. Бутенев находился в длительном отпуске, и обычное «наблюдение» с русской стороны за процедурами дивана не осуществлялось. Политическую сторону торгового соглашения в Петербурге явно недооценили.

Договор носил ярко выраженный неравноправный характер. Обязательства налагались только на Порту; о турецкой торговле в Великобритании не упоминалось даже для приличия — впопыхах Булвер забыл о желательности соблюдения некоторых форм (или проформ). Первая статья соглашения предусматривала сохранение всех прежних прав, привилегий и иммунитетов, зафиксированных в капитуляциях (включая консульскую юрисдикцию). Размер ввозных пошлин устанавливался в 5%; практически во всей Османской империи вводилась свобода торговли для британских товаров, ибо размер таможенных сборов устанавливался для них чисто символический. Потерю доходов от ввоза турецкая казна возмещала за счет более высоких вывозных пошлин, составлявших 12%.

Османские сановники распахивали перед британскими товарами ворота своего рынка. Справедлив вывод советских исследователей: «Договор 1838 г. явился важным орудием закабаления Турции и превращения ее в полуколонию империалистических держав» ²⁶. Самую резкую характерис-

тику дают ему турецкие историки разных направлений: «Великий Решид-паша подписал Турции смертный приговор», — считает Д. Авджиоглу²⁷. Османской «империи с ее отсталой феодальной структурой была навязана свобода торговли с Британией, переживавшей индустриальную революцию», турецкие купцы оказались в неконкурентноспособной позиции, — пишет О. Коймен²⁸. В Турции бытует мнение, что договор явился главной причиной прогрессирующей отсталости Османской державы.

Советские тюркологи (О. Т. Инджикян, Н. А. Дулина) вносят в эту несколько одностороннюю оценку свои коррективы, отмечая, что акт 1838 г. объективно заключал в себе определенный антифеодальный заряд. Он содержал следующее важное условие: «Блистательная Порта формально обязуется отменить все монополии на сельскохозяйственные или любые иные продукты, а также разрешения местных властей, будь то на покупку каких-либо товаров или на перевозку приобретенных из одного места в другое»²⁹. В 30-е годы XIX в. в султанской державе были еще широко распространены унаследованные от средневековья государственные монополии (ед-и вахит), т. е. скупка определенных видов продовольствия и сырья по заниженным ценам; осуществлялась эта операция через откуп (ильтизам), приводя к обогащению алчных откупщиков и разорению населения. Договор 1838 г. отменял эту пагубную систему. Турецкие реформаторы, не имевшие сколько-нибудь прочной социальной базы, призывали себе на помощь британский капитал. Поток товаров с клеймом «made in England» должен был смести феодальные пережитки, на которые они сами не смели посягать: обычай устанавливать на местах дополнительные поборы за покупку и перевозку товаров, систему цехов-эснафов, существовавшую в ремесленном производстве.

Поступления от монополий являлись одним из основных средств пополнения египетской казны: из 311 млн. пиастров доходной части бюджета 84,5 млн. приходилось на эту статью*. В сокрушении монополий хитрый и решительный старый султан видел «...средство посеять рознь между Европой и своим мятежным вассалом»³⁰.

Рассматривая договор в целом, необходимо учитывать такие его последствия, как рост торгового оборота, таможенных доходов, развитие товарно-денежных отношений³¹. Но в зависимой от западноевропейского капитала стране

---

* Данные на 1835 год. Военные расходы Мехмеда Али составили тогда 145 млн. пиастров.

все это могло происходить в ограниченных пределах. И какой ценой? Договор 1838 г. лишил Турцию будущего, ее промышленность была задушена в колыбели, ей не оставили даже надежды на превращение в развитое капиталистическое государство. И под таким приговором расписались патриотически настроенные реформаторы во главе с Решидом-пашой. Это можно объяснить только ограниченностью их кругозора. Выступая за модернизацию и европеизацию государственного, экономического и общественного строя своей родины, они не видели пружин развития капиталистической экономики и простодушно залезали в британский капкан. Надежда на немедленные выгоды заслонила перспективу развития.

Закрепляя сближение с Турцией, Пальмерстон прислал к устью Дарданелл эскадру в 11 выпелов. Понсонби просил разрешения впустить хотя бы 5—6 кораблей в пролив — якобы для того, чтобы парализовать не существовавшие «антитурецкие проекты» России. Порты не решилась санкционировать подобную провокацию. Да и адмирал Стопфорд, высказавшись против входа в Дарданеллы, проявил больше благоразумия, нежели обуреваемый русофобией дипломат. После настойчивых демаршей Бутенева Стопфорд со своими судами отплыл к о-ву Родос; затем состоялись совместные англо-турецкие морские маневры. Одновременно (сентябрь — октябрь 1838 г.) 15 русских военных кораблей крейсировали по Черному морю³². Эти параллельные и взаимноугрожающие учения флотов явились зримым признаком отхода Порты от оборонительного союза с Россией. То обстоятельство, что царь не пошел на обострение отношений, «когда турки явно действовали под британским руководством»³³, в Стамбуле сочли проявлением слабости. Султанский режим, стремясь взять реванш за поражение в столкновении с Египтом в 1833 г. и поставить Мехмеда Али на колени, сам перечеркнул выгоды сотрудничества с Россией и переориентировался на Великобританию. Это была вторая жертва, принесенная на алтарь конъюнктурных политических расчетов, причем, как оказалось, жертва напрасная.

В ноябре 1838 г. Решид-пашу снарядили в Лондон заключать наступательный союз: против Мехмеда Али — непосредственно, против России — эвентуально. В британской столице, однако, не проявляли желаний ввязываться в войну ради престижа падишаха. Полгода пришлось турецкому посланцу ждать ответа. Лишь в марте 1839 г. Пальмерстон сообщил ему о принципиальном согласии кабинета на оборонительный договор (причем Англия обещала лишь

совместные действия флотов в случае непокорства египетского владыки; о возвращении Сирии под власть султана не говорилось ни слова)³⁴. Узнав о британском контр-проекте, турецкий министр иностранных дел Нури-паша заявил, что любое предложение, не предусматривающее сокрушения Мехмеда Али, для Порты бесполезно. В обиде диван отказался от услуг английских морских офицеров. 21 апреля 1839 г. турецкая армия переправилась через Евфрат и открыла военные действия против египтян. Порта, очертя голову, ринулась в новую ближневосточную авантюру.

Однако на сей раз новый кризис не повлек за собой подрыва британских позиций в Османской империи. Англо-турецкие отношения переживали в дальнейшем зигзаги, периоды подъема и спада, но поворотов уже не было. Порта поплыла в русле британской политики, прорывом торговым договором 1838 г.

Взлет российского влияния в Константинополе, последовавший за Ункяр-Искелесийским договором, продолжался недолго. В 1838 г. начался его закат. Можно спорить о степени и этапах этого падения, но сам факт несомненен. При этом никаких поражений за столом переговоров или в ходе перешипки русская дипломатия не потерпела. Действовали силы, ей не подвластные. Внешнеполитический курс отсталого, реакционно-крепостнического государства столкнулся с курсом передовой капиталистической страны, располагавшей арсеналом мощных недипломатических средств: промышленностью, способной заполнить османский рынок своими товарами; практически неисчерпаемыми финансами; флотом, контролировавшим основные морские пути; идеологическим арсеналом, привлекательным для турецких реформаторов. Всему этому Петербург мог противопоставить опиравшееся на международные акты влияние и игру на обострившихся турецко-египетских противоречиях. Подпись под Ункяр-Искелесийским договором со стороны Порты не была чистосердечной. Она не верила в субъективно искренние заверения царизма, ибо соотносила их со всем ходом исторического процесса на Балканах, с могучими ударами, нанесенными Россией ее господству в регионе. Даже наиболее умеренный вариант царской политики — поддержание существования слабой Османской империи, принятый после заключения Адрианопольского мира 1829 г., практически осуществленный в 1833 г. и закрепленный в Ункяр-Искелеси, вовсе не был равнозначен англо-австрийской доктрине сохранения статус-кво в Юго-Восточной Европе. Пальмер

стон и Меттерних желали продлить, насколько возможно, существование «больного человека»; Николай Павлович стремился, чтобы «болезнь» протекала под его наблюдением и чтобы он имел решающий голос при обсуждении вопроса о наследстве после агонии. Российская дипломатия никогда не давала гарантий целостности владений османов. Царизм хотел взять под свой контроль процесс их распада. Политика Петербурга порождалась желанием иметь слабого соседа; перспектива создания сильного мусульманского государства во главе с Мехмедом Али или выходцем из его династии на месте одряхлевшей державы Османов представляла угрозу этим планам.

В Константинополе считали «новый курс» Петербурга тактической передышкой перед очередным натиском и искали покровителей побезопасней; в обострившемся соперничестве держав там увидели прежде всего возможность игры на их противоречиях. Вполне реальные выгоды для Турции, открытые Ункяр-Искелесийским договором, действие которых отнюдь не было исчерпано к 1838 г., — определенная стабилизация положения, ликвидация непосредственной угрозы со стороны Египта, создание более или менее спокойной обстановки для проведения внутренних преобразований — были принесены в жертву реваншистским планам сведения счетов с Мехмедом Али. Порта оказалась неспособной использовать благоприятный для нее поворот во внешней политике России и доверчиво залезла в британские тенета. Турецкие сановники не были искушены в способах подчинения, открывавшихся перед могучим капиталистическим государством в его отношениях с отсталой, находившейся в стадии разложения феодальной формации страной. Патриотически настроенный Решид-паша, ставя свою подпись под торговой конвенцией 1838 г., не подозревал, что делает шаг к потере экономической и политической самостоятельности родины.

¹ Подробный материал по данному вопросу: Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980; Она же. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984; Новичев А. Д. История Турции, III, Новое время, ч. 2 (1839—1853). Л., 1973; Тодорова М. Англия, Русия и транзиматът, София, 1980; Bailey F. E. British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge (USA), 1942.

² Дулина Н. А. Османская империя..., с. 54.

³ Bailey F. E. British policy..., p. 272.

⁴ Новичев А. Д. История Турции..., с. 114—115, 117; Bailey F. E. British policy..., p. 277—278.

^{4a} Желтяков А. Д. К вопросу о вестернизации Турции в новое время.—

- В кн.: *Историография и источниковедение стран Азии и Африки*. Л., 1968, вып. 2, с. 129.
- ⁵ Привед.: *Bailey E. F. British...*, p. 220.
- ⁶ Привед.: *Ibid.*, p. 140.
- ⁷ PD, 3-d Series, v. 128, p. 1799.
- ⁸ *Ibid.*, v. 237, p. 707.
- ⁹ *Bailey E. E. British...*, p. 153—154.
- ¹⁰ *Тодорова М. Англия, Русия...*, с. 101.
- ¹¹ *Bailey F. E. British...*, p. 151.
- ¹² *Ibid.*, p. 158.
- ¹³ *Ibid.*, p. 159.
- ¹⁴ Вопросы англо-турецкой, русско-турецкой и русско-английской торговли хорошо разработаны в историографии: *Дулина И. А.* Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи.— Народы Азии и Африки, 1976, № 3; *Золотов В. А.* Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963; *Новичев А. Д.* История Турции; *Семенов Л. С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975; *Шеремет В. И.* К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII — начале XIX в.— В кн.: *Историография и источниковедение стран Азии и Африки*; *Тодорова М.* Англия, Русия...; *Коймен О.* Империализм свободной торговли. V Международный конгресс экономической истории (Ленинград, 1970). М., 1970; *Bailey F. E. British...*; *Köymen O.* The Advent and Consequences of Free Trade in the Ottoman Empire.— *Etudes Balkaniques*, 1979, N 2; *Puryear V. J.* International Economics and Diplomacy in the Near East. Stanford, 1935. Автор использует приведенные в указанных работах данные.
- ¹⁵ *Тодорова М.* Англия, Русия..., с. 93; *Bailey F. E. British...*, p. 70, 74.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 219.
- ^{16a} *Семенов Л. С.* Россия и Англия..., с. 44—45.
- ^{16b} Там же, с. 70.
- ^{16в} Там же, с. 57, 71.
- ¹⁷ PD, 3-d Series, v. 231, p. 158.
- ¹⁸ *Тодорова М.* Англия, Русия..., с. 150.
- ¹⁹ *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. М., 1975, с. 14.
- ²⁰ Там же, с. 15.
- ²¹ *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 412.
- ²² *Шеремет В. И.* Русско-турецкая торговля и балканские земли (конец XVIII — первая половина XIX в.).— В кн.: *Балканские исследования*. М., 1984, вып. 9, 81—82.
- ²³ *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 13.
- ²⁴ *Bailey F. E. British...*, p. 43.
- ²⁵ *Puryear V. J. International...*, p. 78—80.
- ²⁶ *Дулина И. А.* Англо-турецкий договор..., с. 70.
- ²⁷ Там же, с. 74.
- ²⁸ *Köymen O.* The Advent..., p. 49.
- ²⁹ *Hugewitz J. C.* Diplomacy and the Near and Middle East. N. Y., 1972, p. 40—41.
- ³⁰ *Puryear V. J. International...*, p. 83.
- ³¹ *Дулина И. А.* Англо-турецкий договор..., с. 75.
- ³² *Puryear V. J. International...*, p. 94—97.
- ³³ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy of Palmerston 1830—1841. L., 1969, p. 614.
- ³⁴ *Ibid.*, p. 614.

Очерк седьмой

РОССИЯ ЗАПЕРТА В ЧЕРНОМ МОРЕ. ГРЕЦИЯ УСМИРЕНА

Летом 1839 г. турецко-египетские дела вновь поставили на ноги всю европейскую дипломатию: 24 июня османские войска, вторгшиеся в Сирию, проиграли сражение при Низибе. Командовавший ими Хафиз-паша прислушивался не к голосу прусских военных советников, среди которых был и капитан Гельмут фон Мольтке, а к улемам и походным астрологам. Посоветавшись с ними, командующий отверг предложение Мольтке отвести армию на более выгодные позиции. «Дело падишаха правое, аллах ему окажет помощь; любое отступление позорно»¹.

Но аллах был далеко, а Ибрагим-паша близко; турецкая армия, состоявшая главным образом из новобранцев, в значительной части курдов и туркмен, не желавших сражаться под знаменем султана, была истреблена или пленена в сражении под Низибом. Махмуда II весть об этом разгроме не застала уже в живых — он скончался 1 июля. На этом бедствия Порты не кончились: капудан-паша Февзи Ахмед, очевидно, опасаясь обвинения в соучастии в катастрофе (ибо слыл активным сторонником войны с Мехмедом Али Египетским), пошел на открытую измену.

4 июля турецкий флот (8 линейных судов, 12 фрегатов, 1 корвет, 4 брига, 2 шхуны, 3 брандера и 1 пароход) вышел из Дарданелл в открытое море. Все полагали, что взят курс на Сирию. Служившему на флоте английскому капитану У. Уокеру Ахмед Февзи-паша заявил, что султан был якобы отравлен, четверо его советников обезглавлены и верх в Стамбуле одержала «русская партия»².

16 июля турецкая эскадра прибыла в Александрию.

В один месяц Порты лишилась флота и армии. Паника воцарилась в Константинополе. Мятежному паше был на правлен «Орден славы» и высочайший указ, даровавший ему наследственное право владения Египтом. Мехмед Али отверг «милости» шестнадцатилетнего султана Абдул Меджида. Он требовал передачи ему и его роду также Сирии, Киликии, юго-восточной Анатолии, о-ва Крит и Аравии,

т. е. всего того, чем он владел, или 35—40% пространства Османской империи.

На чрезвычайном заседании турецкого правительства с участием шейх-уль-ислама было решено пойти на дальнейшие уступки и предложить Мехмеду в дополнение к Египту Сирию.

И тут вмешались послы. 27 июля Порта получила коллективную ноту с извещением, что «достигнуто согласие между пятью державами по Восточному вопросу», и предлагавшую ей «воздержаться от какого-либо окончательного решения без их участия, выждав результата интереса, который они к нему проявляют»³.

Демарш означал прямое вмешательство в дела Османской империи. И тем не менее великий визирь Хусрев был рад-радехонек, что ему пришли на выручку, и поспешил отказаться от сделанных было в пользу Мехмеда Али территориальных уступок. С точки зрения турецкой истории демарш дипломатов означал определенную вежу — он свидетельствовал, что Порта лишалась внешнеполитической самостоятельности и из субъекта международных отношений превращалась в их объект, что уделом ее отныне становилось лавирование и игра на противоречиях между державами.

Что же предшествовало коллективному демаршу пяти правительств?

Обстановка, по сравнению с 1833 г., изменилась совершенно. Английская и российская дипломатия как бы поменялись местами. Британский кабинет встретил конфликт, имея определенную точку зрения. Еще 8 июня 1839 г. Пальмерстон сообщал Булверу в Константинополь: накануне правительство решило не допускать провозглашения независимости Египтом; «в ходе столкновения турецкие войска, возможно, потерпят поражение; русские бросятся султану на помощь, русский гарнизон займет Константинополь и Дарданеллы, а, заняв такие позиции, русские никогда их не покинут. В предвидении этого мы готовы оказать султану помощь на море, если это будет необходимо и последует запрос...»⁴.

Тому же Булверу Пальмерстон излагал свои соображения: «Ориентировать систему своей политики на Востоке на такой случайный фактор, как положение человека, которому перевалило за семьдесят, значит, строить ее на песке; кто скажет, что произойдет, когда Мехмед Али уйдет?» Вызрела формула: Египет, со всех сторон окруженный песками и пустынями, в наследственном владении паши.

С другой стороны, Турция еще может продержаться: «Ни одна империя не развалится на куски сама по себе, если приветливые соседи не разорвут ее силой»⁵. Турция не деградирует; просто-напросто Европа все больше и больше знакомится с ее пороками — заключал министр*.

Мы писали уже, что договоренность в предполагаемом англичанами оборонительном варианте не удовлетворяла турок, мечтавших о наступательном союзе. Договор остался в проекте⁶. Однако русские представители и из Лондона, и из Константинополя сигнализировали о переговорах⁷; у Петербурга не оставалось ни малейших сомнений, что ситуация 1833 г. не повторится, что Порту «в беде» не оставят, а это было чревато новым усилением позиций ее западных «друзей» в ущерб царизму. Царизм находился на распутье и в состоянии растерянности.

Попытки российского МИД предотвратить турецко-египетский конфликт (чем он занимался с апреля 1839 г.) успехами не увенчались. Настойчивые советы А. П. Бутенева — не вступать в союз с Великобританией — Порта интерпретировала по-своему. Махмуд II заявил, что отказался от согласованного будто бы договора с Великобританией в угоду Николаю, и запросил его помощи в изгнании египетского паши из Сирии⁸. Предлагалось то, от чего Петербург наотрез отказался в 1833 г., — наступательный союз ради того, чтобы подпереть разваливающуюся хранину Османской империи. Мехмед Али после победы при Незибе не проявлял желанья сидеть смиренно. Судя по сохранившимся материалам, Николай I одно время подумывал о новом прыжке в Константинополь, подобно тому, что был совершен в 1833 г. Однако более осторожный Нессельроде отвратил его, можно сказать, в зародыше от опасного плана. Еще в апреле он предупреждал в очередном докладе: «Мы не можем помочь султану, не приготовившись к военным действиям против англичан»⁹. Мысль об экспедиции была отброшена; во весь рост встал вопрос: что же делать?

В Вене Меттерних спешно совещался с послами¹⁰. Представители России уже давно сигнализировали, что канцлер

* Далеко не так решительно был настроен глава правительства граф У. Мелборн. 14 июня 1838 г. он писал Пальмерстону: «Сможете ли Вы поддержать и подпереть Порту? Предположим, Вы воспрепятствуете Мехмеду Али провозгласить независимость, заставите его отказаться от сделанных им заявлений — много ли Порты выиграет от подобного номинального подчинения? Порта потеряла Египет и Сирию. Разве можно с помощью внешней силы вернуть их?» (*Webster Ch. K. The Foreign Policy of Palmerston. London, 1951, p. 856*).

тяготится Мюнхенгретским соглашением; теперь представился момент уклониться от сотрудничества с Россией и противопоставить ей общий фронт держав. В Петербурге признавали это и отказались участвовать в начавшихся переговорах: «Англия и Франция несколько не желают сохранения независимости Турции... Обе державы имеют в виду одну только цель: устроить на Востоке порядок вещей, прямо враждебный России... Россия не может допустить, чтобы Порты снова подпала влиянию ее врагов; она не может согласиться на то, чтобы через Дарданеллы прошли в Черное море западноевропейские эскадры с целью оскорблять русский флот и нападать на русские берега», — писал Нессельроде ¹¹.

Тревога главы ведомства иностранных дел оказалась не напрасной: участники венской встречи решили сосредоточить три эскадры у входа в Дарданеллы. «Что это демонстрация больше была направлена против России, нежели против Мехмеда Али», было очевидно с самого начала ¹². Когда же маршал Сульт, председатель совета министров Франции, предложил державам гарантировать независимость и неприкосновенность Османской империи, Пальмерстон воскликнул: «Сульт — это настоящий бриллиант» ¹³. Правда, тут же обнаружилось, что само понятие интегритета стороны трактуют по-разному: французы полагали, что победитель должен округлить свои владения. Но все же было ясно, что Россия оказалась в отнюдь не блестящей изоляции; что итогом устранения явится дальнейший спад влияния. Надо было вклиниваться в события и занимать свое место в «концерте».

Круто изменив точку зрения, российская дипломатия пошла на подписание ноты от 27 июня. Объясняя поворот, Нессельроде докладывал царю 3 августа: «И без нашего участия Австрия, Англия и Франция готовы сделаться между собою в комбинации, придуманной будто бы в пользу Турции, но в действительности направленной против нас» ¹⁴. Воистину прав был интернунций * Прокеш-Остен, писавший о «глиняных ногах» «единства» держав, продемонстрированного в Стамбуле.

Выбор адресатов для обращения о сотрудничестве был ограничен: Лондон и Париж. Пальмерстон больше всего опасался договоренности России с Францией, которая, здраво рассуждая, являлась для царизма менее опасным конкурентом; к вопросу о размежевании между Египтом и

* Так именовался австрийский посол в Константинополе.

Турцией, главному в споре между Англией и Францией, Петербург относился спокойно. «Нас мало трогает, больше или меньше сирийской территории дано паше или взято у него», — сказал Нессельроде французскому послу. Но Николай Павлович не был способен сменить гнев на милость в отношении «короля баррикад». И царская дипломатия на всех парусах поплыла к основному сопернику, Великобритании.

Камнем преткновения между двумя державами являлся Ункяр-Искелесийский договор; царские сановники успели в нем разочароваться. К. В. Нессельроде, ранее красноречиво доказывавший его преимущества, теперь хулил достигнутую в 1833 г. договоренность: «Соглашение 26 июня 1833 г. потеряло для нас практический смысл. Мы несем слишком большие расходы. Оно связывает нас по рукам и ногам»¹⁵. Отказавшись от договоренности, министр полагал возможным перекинуть мостик к соглашению с Лондоном и таким путем сделать южные морские границы России недоступными для иностранных флотов: тогда «мы будем иметь достаточную возможность громко заявить Англии: «Мы должны обеспечить свою собственную безопасность и безопасность Турции, поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей»¹⁶.

В Петербурге принялись снаряжать в Лондон специального посланца: представлявший там царский двор К. О. Поццо ди Борго для столь ответственной миссии явно не годился. Вступивший на русскую службу еще в начале XIX в. корсиканец, осколок давно минувших наполеоновских времен, он мыслил постулатами Священного союза. Не поворачивается язык назвать прибывавшую от него информацию размышлениями или рассуждениями; скорее это домыслы старца, свихнувшегося на почве ненависти ко всему прогрессивному. Пальмерстона он всерьез принимал за союзника революционеров: его цель — «возбуждать Европу, поднимать народы на сопротивление, подстрекать их к беспорядкам, будучи убежденным, что Англия извлечет пользу на развалинах других»¹⁷. В Греции «он стремится в пику России ввести якобинизм. Он рассчитывает, что придет время, когда все христиане европейской Турции будут освобождены от султанского ига; это население, предоставленное самому себе, он хочет превратить в ассоциацию революционеров, усматривая в этом средство сделать их несовместимыми с Россией, хотя именно она в ходе истории их освободила»¹⁸. Более реалистической была оценка турецкой политики Пальмерстона — столь явственно проступали ее

черты: «его цель — действуя, как друг и союзник, превратиться в распорядителя и хозяина»; это льстит британскому самолюбию и «удовлетворяет господствующим антирусским страстям».

Летом 1839 г. Поццо ди Борго освободили по состоянию здоровья от обязанностей посла в Лондоне. Поверенный в делах Н. Д. Киселев слыл еще слишком неопытным для назначения на столь высокий пост.

Царский выбор пал на Филиппа Ивановича Бруннова, человека, сочетавшего природный ум и широкую образованность с качествами придворного льстеца и беспринципного карьериста. Курляндский барон по происхождению, он в двадцать лет поступил на службу в иностранную коллегию. Здесь он завоевал себе положение сперва каллиграфическим почерком и каким-то особым свойством быть приятным начальству, а затем умением составлять и редактировать бумаги. Он состоял в свите А. Ф. Орлова при подписании двух договоров — Адрианопольского и Ункяр-Искелесийского. Затем занимал посты посланника при двух немецких дворах — Вюртембергском и Гессен-Дармштадтском. При всей своей малозначительности они имели особое положение в системе внешнеполитических связей империи: местные владетели были родственниками царского двора, и российские дипломаты здесь являлись как бы семейными представителями Романовых, а потому всегда на виду. Когда же Бруннов скрепил своей подписью брачный контракт наследника престола Александра Николаевича с Софией-Марией Гессенской, превратившейся в великую княгиню Марию Александровну, он вышел на авансцену российской дипломатии.

Николай I лично продиктовал ему в Царском Селе инструкции для переговоров в Лондоне¹⁹:

«1) Обсудить с Англией вопрос о закрытии Дарданелл для всех военных кораблей.

2) Обсудить возможность «морской прогулки» в Александрию при изоляции Франции.

3) Договориться о будущем турецко-египетском соглашении и, наконец, обеспечить гарантию этого соглашения.

4) Заявить Англии, что в случае достижения соглашения по всем вопросам Россия откажется от Ункяр-Искелесийского договора».

Англо-русские переговоры 1839—1840 гг. исследовались многократно и тщательно — достаточно упомянуть «Историю дипломатии», труды акад. Е. В. Тарле, Н. С. Киняшиной, Б. А. Дранова и А. Д. Новичева, монографию В. А. Ге-

оргиева, коллективную работу «Восточный вопрос во внешней политике России». Британская историография представлена работами Ч. Вебстера, Р. В. Ситон-Уотсона, К. Борна, Г. Д. Клейтона и других историков первого ранга ²⁰.

И тем не менее Чарльз Вебстер восклицал не так давно: «История эта описывалась много раз; но некоторые ее узлы трудно распутать и по сей день. В России окончательное решение принял царь; аргументы, которыми он руководствовался, до сих пор точно не известны» ²¹. В. А. Георгиев пишет о поражающей уступчивости по отношению к Англии ²². Что же заставило российскую дипломатию без всякого толчка извне отказаться от соглашения (Ункяр-Искелесийского), срок действия которого не истек? Что побудило ее перейти в вопросе о Проливах на позиции, давно занимаемые соперниками (англо-турецкий договор 1809 г.)?

Тщетно искать ответа во внутриведомственной переписке МИД, в докладах императору и ежегодных отчетах. На Певческом мосту установилась удушающая атмосфера лести и низкопоклонства перед владыкой. Слова нельзя было молвить поперек августейшей воли. В зарубежной корреспонденции сохранились красноречивые картинки нравов. Вице-канцлер империи, кавалер многих отечественных и зарубежных орденов Карл-Роберт Васильевич Нессельроде, по словам британского посла Кленрикарда, боялся царя больше, чем нерадивый двоечник строгого учителя ²³. Не отставал от него Бруннов. «Никогда я не видел человека более робкого и раболепного, император Николай представлялся ему призраком, преследовавшим его дено и ношно, — свидетельствовал австрийский дипломат Нойман, участвовавший в переговорах 1839—1840 гг. — При каждой уступке, которая нами делалась Бруннову, он осенял себя крестом по-русски» (хотя и был лютеранином) ²⁴.

Официальные материалы представляли любое действие царизма как триумф. Нессельроде интерпретировал по этому конвенцию о Проливах 1841 г. как некое коллективное признание договора 1833 г., т. е. делал вид, что влияние Российской империи на Балканах и Ближнем Востоке не подорвано: «Договор в Ункяр-Искелеси, против которого тщетно протестовали Франция и Англия, по видимости аннулированный, в действительности был увековечен в иной форме» ²⁵.

С самого начала замышлялось отступление от основополагающих принципов, а именно, что русско-турецкие дела решаются Петербургом и Константинополем без вмешательства извне. Поскольку Ункяр-Искелеси означал пик рос-

сийского влияния на Порту, что вызвало бурные протесты Лондона, сама установка на сделку с Великобританией означала признание неизбежности уступок в пользу последней. Петербург в Восточном вопросе перешел к обороне и пытался остановить британское продвижение, пока не поздно, пока еще с его позициями считались и определенной доли влияния за ним не ослабляли. Россия теряла привилегированное положение в Проливах, хотя Петербург сознавал, конечно, цели Великобритании в конфликте: не допустить «ослабления власти и престижа султана до степени, сделавшей его неспособным выполнять функции стража Проливов и Балканской Европы от русской агрессии»²⁶. Все это — в обмен на международное признание закрытия Проливов. Казалось, эта формула дает России определенные преимущества — ее осуществление обеспечивало бы безопасность Черноморского побережья на всем его протяжении от ударов морских держав, а турецкого флота русские моряки не боялись. Нессельроде в докладе царю от 3(15) августа 1839 г. предлагал заявить Великобритании следующее: «Мы должны обеспечить свою собственную безопасность и безопасность Турции, поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей...». «Вот первоначальная редакция знаменитых лондонских конвенций 40-х годов XIX в.», — справедливо подчеркивает В. А. Георгиев²⁷. Формула была заимствована из арсенала британской дипломатии даже в аргументации, именуя закрытие Проливов древним правилом Османской империи.

И здесь автор превосходного очерка В. Георгиев допускает неточность, полагая Бруннова причастным к изобретению формулы, — она была дословно заимствована из англо-турецкого договора 1809 г.²⁸ Для Великобритании ее ценность заключалась в том, что начисто, даже теоретически исключалось появление севастопольской эскадры в Средиземном море и устранялась какая-либо угроза с севера для путей в Индию.

Иначе обстояло дело с «закрытием Черного моря». Выдвинутая Нессельроде и царем формулировка, казалось бы, предусматривала все случаи жизни: «закрытие Дарданелл и Босфора как во время мира, так и во время войны провозглашается началом публичного права»²⁹. Трудно понять, на что рассчитывали авторы формулы, пытаясь бумагой, даже международно санкционированной, обезопасить Черное море от вторжения. Весь опыт, и предшествовавший и последовавший, показал, что британский флот может появиться в Проливах лишь с санкции Порты.

И британские военные разведчики и прусский капитан Гельмут фон Мольтке свидетельствовали, что силами одного флота, без значительных сухопутных операций, Проливы, по берегам которых располагались батареи с сотнями пушек, форсировать невозможно. Много десятилетий спустя, в 1915 г., во время первой мировой войны тогдашний британский морской министр Уинстон Черчилль пытался организовать экспедицию в Дарданеллы. Разыгралась трагедия на Галлиполийском полуострове — около полутора ста тысяч английских томми и французских пуалю погибли, были ранены или пленены, цепляясь за клочок песчаного берега, десятки судов затонули под убийственным огнем береговых батарей. Для Великобритании существовал один способ вступления в Черное море — в сотрудничестве с Портою. А было чистой иллюзией верить, будто Турция, склонившись перед буквою и духом трактата, не пустит союзника в Дарданеллы: «Британский флот мог появиться в Черном море лишь в случае союза Порты и Британии против России. Проливы будут закрыты, пока султан находится в состоянии мира, но не тогда, когда он воюет»³⁰, — пишет Ч. Вебстер, и его вывод невозможно оспорить. Полятно, почему Пальмерстон «не концентрировал» внимание своих собеседников на этом пункте. Проливы практически запирались для одной стороны — России; для другой, Великобритании, они, при всех мыслимых комбинациях, открывались в случае экстремальных обстоятельств; Крымская война доказала это с полной очевидностью. Труднее объяснить другое: как царь и его первый советник по внешнеполитическим вопросам не обратили внимание на это уязвимое место своей позиции. Ответ, видимо, может быть однозначным: они строили все свои расчеты на договоренности с Великобританией и исключали возможность конфликта даже в долговременной перспективе. А это требовало жертв, и значительных.

В советской литературе развернутую формулировку целей царизма дал акад. Е. В. Тарле в фундаментальном исследовании «Крымская война».

«Надлежало вбить клин между Англией и Францией, расколоть, уничтожить именно в Восточном вопросе солидарность, существовавшую между двумя державами, в руках которых сосредоточивалась, в сущности, почти вся тогдашняя военно-морская сила на земном шаре»³¹. Все это для достижения «полного дипломатического соглашения России с Англией по вопросу о дележе турецких владений». И в других работах упоминается предполагавшийся раздел сфер влияния³².

В. А. Георгиев, автор наиболее детального аналитического труда, посвященного политике России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в., пишет, правда, что уже в ноябре 1839 г. Николай I временно отказался от раздела³³. Он неоднократно упоминает об отступлении царизма «по ходу дел» от прежних позиций.

Нам представляется, что тезис о разделе нуждается в уточнении и поправке. Не вызывает сомнения, что мысль о распаде империи султана являлась идеей фикс Николая I и временами (например, в Мюнхенгреце в 1833 г.) он выражал ее вслух и добивался фиксации на бумаге. Однако обстановка 1839—1841 гг. была не такова, чтобы хотя бы заикнуться об этом в устных переговорах, — державы ведь выступали в защиту султана. Единственно, что выдавало за таенные и отдаленные планы, — это традиционный отказ от идеи коллективной гарантии всех владений Османской империи (доклад Нессельроде от 3(15) августа 1839 г.)³⁴. Домогательства партнеров в этом отношении, особенно австрийцев, отклонялись. Бруннов в раздражении именовал Меттерниха «врагом-супостатом» (царь соглашался: «Он никогда не переставал им быть»³⁵). Царская дипломатия, по словам Нессельроде, «тщательно избегала связывать себя территориальной гарантией в отношении государства, находившегося в упадке»³⁶. Пальмерстон благоразумно не проявлял настойчивости в этом вопросе, полагая, что Россия и без того пошла достаточно далеко навстречу Великобритании. Но и с русской стороны не делалось и намек на раздел; мысль о нем была оставлена до лучших времен, в выдвинутых в 1839 г. Петербургом предложениях эта идея не фигурировала, и поэтому не могла являться основой или базой плана сотрудничества с Великобританией. Существовала лишь надежда, ничем не подкрепленная, на возможность договоренности в будущем. Объективно в 1839—1841 гг. речь шла о закреплении царизма на имевшихся позициях, о защите им сферы своего влияния, еще весьма значительной, на Балканах, в Проливах и Ближнем Востоке.

Многочисленные велеречивые заявления, устные и письменные, Нессельроде о том, что Россия не ищет для себя выгод в разразившемся конфликте, объяснялись, разумеется, не бескорыстием царизма, а полной невозможностью заполучить в создавшейся обстановке что-нибудь новое, дай бог, сохранить то, что имелось. Отсюда — безоговорочное присоединение к протоколу о «бескорыстии» в 1840 г., уже второму за пятнадцать лет³⁷.

Все это выявилось уже на начальном этапе русско-бри-

танских переговоров, на котором мы и сосредоточим внимание.

Понимал ли Бруннов, что первый и основной пункт предполагавшейся договоренности капитуляционен для России в своей основе? Судя по некоторым его высказываниям, понимал: «Я спрашиваю себя, — писал он Нессельроде, — является ли соглашение, основы которого я подготавливаю, действительно таковым, чтобы служить нашим подлинным интересам, или наступит день, когда им будет нанесен ущерб?» Никогда в жизни он не предавался подобным мыслям. «Предстоит решить великую проблему... высказаться окончательно, что лучше подходит России: заключить ли общую сделку с другими державами по египетскому вопросу, или нашему кабинету предпочтительнее сохранять, как прежде, четкую изолированную позицию, как было ранее принято в делах Леванта»³⁸.

Следование в хвосте у Великобритании также вызывало у Бруннова сомнения. Он не дерзнул изложить их от своего имени, а прибег к своеобразной форме: к нему будто бы явился известный специалист по Востоку генерал Фонтон и молвил: «Мы решительно ничего не выиграем в глазах турок, если нам удастся заставить англичан играть первенствующую роль. То, что нам полезно, это — доказать Порте, что ей нечего ожидать от прекрасных фраз Англии, Франции или Австрии». — «Эти его рассуждения мне казались чрезвычайно справедливыми и глубокомысленными»³⁹, — заключал дипломат.

От своих опасений Филипп Иванович скрывался в спасительную броню царедворца: его задача — выполнить то, что велел царь, не больше и не меньше, зафиксировать договоренность письменно и представить ее на усмотрение двора, «ибо русский агент, превышающий свои полномочия, совершает самоубийство, и это да послужит ему предостережением»⁴⁰. Так он и заявил Пальмерстону.

В свою очередь и Лондон нуждался в помощи России. Объективно ближе всего к Великобритании стояла Австрийская монархия; Меттерних заманивал дипломатов в Вену, мечтая превратить ее в центр переговоров по Восточному вопросу. Но Уайт-холл со времен Каннинга привык не доверять австрийскому канцлеру: «Меттерних так слаб, робок и хитер, так поддается России и по натуре столь склонен к обходным путям и натравливанию одной стороны на другую»⁴¹, — писал Пальмерстон.

Франция представлялась соперником номер два в восточных делах: она захватила Алжир, зарилась на Тунис,

покровительствовала Мехмеду Али, опиралась на сильную «французскую партию» в Греции, создала сильный флот на Средиземном море. Король Луи Филипп доверительно заявил британскому дипломату Булверу, что не найдет министерства, готового пойти на принудительные меры против египетского паши, вот уже два десятилетия опекаемого Францией⁴². Считались на Уайт-холле и с перспективой франко-русского сближения. Глава французского внешнеполитического ведомства Десаж рассуждал в письме к послу в Лондоне Буркне: «Просвещенные русские в отчаянии от слепого упрямства своего самодержца в его отвращении к нам. Они заявляют, достаточно громко, что следовало сделать все, чтобы с нами объединиться, что это естественная попытка их страны и нашей»⁴³. Подобную возможность следовало пресечь в зародыше. Пальмерстон полагал нужным не только умерить аппетиты июльской монархии, но и надеялся увлечь ее за собой: «...Не следует упускать из виду, что великой опасностью для Европы является возможность франко-русской комбинации; в настоящее время препятствием являются личные чувства императора; но это может продолжаться не вечно; разумно поэтому направить политику Франции в делах Леванта по правильному курсу, пока мы еще в силах сделать это»⁴⁴. Достичь цели он рассчитывал путем комбинации с Россией.

Но всем этим причинам Брунова встретили на редкость предупредительно. Пальмерстон приехал из Виндзора, чтобы поговорить с ним. Беседа началась с обмена любезностями: министр принес царскому посланцу «искренние поздравления по случаю полного совпадения взглядов»⁴⁵ — насчет стабильного урегулирования между Портой и Мехмедом Али при минимальных жертвах со стороны первой (Египет в наследственное владение). Впрочем, предоставим слово Брунову. Он писал вице-канцлеру: «Вы не можете себе вообразить, какое впечатление мое заявление произвело на лорда Пальмерстона. По мере того, как я раскрывал перед ним намерения и взгляды нашего августейшего повелителя, черты его выражали столь же чувство изумления, сколь и восхищения»⁴⁶. Еще бы! Нечасто в дипломатии случалось, чтобы соперник сдавал свои позиции без боя и предлагал решение, в своих основных чертах (закрытие Проливов) отвечающее британским чаяниям, вынашивавшимся уже тридцать лет. Разговор вращался больше всего вокруг того, как прекратить турецко-египетский конфликт. Пальмерстон считал, что, если армия Ибрагима нависнет над Стамбулом, страны должны распределить роли следующим образом:

английский флот, подкрепленный несколькими русскими судами, появится перед Александрией; царская эскадра и армия обороняют турецкую столицу. Адмирал Стопфорд отряжает ей в помощь 2—3 корабля — не для контроля, а чтобы продемонстрировать поддержку и единомыслие⁴⁷. Пальмерстон именовал намеченное предприятие «морским пикником в Мраморном море»⁴⁸.

Хоть российская сторона и была готова на уступки, видеть развевающийся у стен Константинополя британский флаг было превыше ее сил. Бруннов пустился на софизмы: британская общественность, уверял он Пальмерстона, оппозиция и газеты не преминут упрекнуть кабинет за то, что 3 английских корабля находятся в окружении 20 русских. По-своему истолкуют это и турки — сочтя это проявлением соперничества и подсиживания держав⁴⁹. Союзники-соперники следили за каждым шагом друг друга.

Пальмерстон ответил примирительно: «Я не принадлежу к числу тех, кто считает, что император стремится к расширению за счет Турции»⁵⁰. Промолчал он и насчет всегда вызывавшей сопротивление России гарантии сохранения «Оттоманской империи на всем ее протяжении» (правда, Бруннов опасался сильнейшего напора здесь со стороны австрийского посла П. А. Эстерхази).

За беседой с главой Форин оффис последовала конфиденциальная встреча с премьер-министром графом Мелборном. Бруннов зачитал ему инструкцию царя слово в слово. Глава кабинета благосклонно принял выраженное в ней мнение, что Великобритания является самым старым и верным союзником России. Его высказывания привели Бруннова к выводу, что премьера нелегко будет побудить действовать без Франции; посол попытался посеять зерно розни между морскими державами. Император, заявил Бруннов, не уважает и не считает законным существующее во Франции правление, он, однако, «передает в руки провидения судьбы длительность» его и желает лишь, «чтобы Франция сидела смиренно и не пыталась распространять вовне революционные доктрины, в ней господствующие»⁵¹. Для Англии настал час выбора между старым другом и новым союзником.

Разговор происходил по-английски, в котором Бруннов, по собственному признанию, был не очень силен. Но что удивительно — в этом он усматривал свое преимущество: можно действовать, «как мы говорим, топором»⁵²; его понимают, а в случае необходимости можно сослаться на плохое знание языка.

В данном случае Бруннов, пытаясь столкнуть Великобританию и Францию, действовал топорно не в лингвистическом, а в дипломатическом смысле. В кабинете проявлялось сильнейшее нежелание ссориться с Францией. Влиятельный журнал «Игэминер» выразил озабоченность приездом Бруннова и «симптомами договоренности между правительствами Англии и России по Восточному вопросу». Участие русского флота в подавлении Мехмеда Али Франция воспримет как унижение, хотя ей и придется ограничиться протестами. «Мы не можем сказать, что Франция не заслужила подобного обращения»; ее стоит бросить, но все же «мы не можем представить себе ничего более бедственного, чем ссора и даже серьезное охлаждение между Францией и Англией, что приведет одну из держав или даже обе к союзу с абсолютистскими правительствами»⁵³.

Поскольку в Петербурге нетерпеливо ожидали кончины англо-французской антанты, Бруннов составлял донесения в соответствующем духе: неверно говорить о смерти союза, но он переживает болезнь. «Англия еще не с нами, но она уже не с Францией»⁵⁴. Брак по расчету, заключенный Талейраном в бытность его послом при Букингемском дворе, распался. Это был типичный пример того, как желаемое принимается за действительность.

Джон Понсонби слал из Константинополя панические телеграммы. Мания — плохой советчик в делах; маниакальное русофобство не позволяло сэру Джону здраво судить о причинах конфликта. «Ничто не могло быть далее от истины, нежели те подозрения, которыми Понсонби уснащал отправляемую домой с каждым курьером почту», а именно — «что кризис порожден гайным поощрением русских с целью восстановить свои позиции в Константинополе»⁵⁵.

26 июня посол отправил в Лондон отчаянную по тону и бессмысленную по содержанию депешу: «Я считаю, что Османская империя передана Мехмеду Али и что Россия — главный устроитель этого дела»⁵⁶. Последовавшие события опровергли эти глупости; в разговоре с Брунновым премьер-министр даже назвал своего посла в Стамбуле дураком. И все же британский кабинет, обуреваемый опасениями, не согласился на единоличное вступление русского флота в Мраморное море. Влиятельные его члены были противниками разрыва с Францией. Тогда, видимо, никто не предвидел того, что произошло на деле, а именно, что французские правители, будучи выставлены из европейского «концерта», испугались и с шапкой в руках появились на лондонском пороге... А пока что переговоры с Россией были прерваны,

Французам заявили, что русский план отвергнут из уважения к их взглядам ⁵⁷.

Пальмерстон оказался на голову пронизательнее своих коллег, заблуждавшихся в тумане привычной подозрительности. Он заявил австрийскому послу Эстерхази: «Я решил высказаться за принятие русских предложений, каковы они есть. Это — случай уникальный, он может не повториться, и упускать его нельзя. Если мы выльем ушат холодной воды на добрую волю императора, он заявит нам в следующий раз: вы не приняли моих предложений; ваш отказ освобождает меня от совместных с вами действий; отныне я буду поступать, как считаю необходимым и полезным» ⁵⁸. Послу в Париже Бовейну он писал: «Я верю, что эта держава (Россия. — В. В.) действует честно, и надеюсь прийти с ней к соглашению» ⁵⁹. Министр не скрывал своего огорчения срывом переговоров: «...Сообщая мне об итогах обсуждения в совете, он говорил как человек, выражающий мысли, которые не разделяет» ⁶⁰, — передавал в Петербург Бруннов. Дипломат собрался домой: «После четырех недель сражений, маршей и контрмаршей я возвращаюсь, цел и здоров, с оружием и багажом». Он не привык еще к британской манере вести дела и сообщал (вопреки обыкновению даже по-русски): «Все в большом беспорядке. Главнокомандующего нет. Начальника штаба нет». Плана действия против Мехмеда Али он не обнаружил. Первый лорд адмиралтейства Минто вместо того, чтобы сочинять инструкции для средиземноморской эскадры, отправился стрелять гусей в Шотландию. И в заключение Бруннов привычно скрывался под царское крылышко: «...Средоточие нынешних переговоров находится в Петербурге, и решение зависит по существу от императора» ⁶¹.

Перерыв в переговорах на сей раз не перерос в их срыв. Французы не желали бросать своего протеже и не соглашались на британскую формулу — предоставление Мехмеду Али в наследственное владение одного лишь Египта. Пальмерстон в меморандуме, намеренно преданном гласности, обвинил их в отступничестве. Из Петербурга, напротив, шли ободряющие вести: Николай I снял свое вето на появление британских военных кораблей в Мраморном море.

На рождество Бруннов вернулся в Англию. Пальмерстон пригласил его и австрийского дипломата Ноймана в свое имение Броудленд ⁶². Здесь, в непривычной еще для главы Форин оффис семейной обстановке, и происходили беседы — пятидесятитрехлетний холостяк Пальмерстон только что сочетался браком с леди Эмили Каудор. Роман их продол-

жался 32 года. Правда, злые языки утверждали, будто Пальмерстон пользовался благосклонностью многих дам, но сердце надменный министр отдал Эмили на всю жизнь. Похоронив своего мужа, она получила его предложение и, посоветовавшись (благо было с кем) с братьями, премьер-министром графом У. Мелборном и послом в Вене сэром Фредериком Лэмом, с детьми, с зятем, известным филантропом лордом Шефтсбери, дала согласие. В приятной обстановке медового месяца в Броудленде текли дипломатические беседы.

Пальмерстон обнаружил в русских предложениях шипы — согласие на «морскую прогулку» в Проливах обуславливалось договоренностью насчет территориального раздела между Турцией и Египтом; пропикнув в это место самых острых англо-французских разногласий, Петербург хотел превратить разделявшую две страны брешь в пропасть. Пальмерстон опасался представить русские предложения как таковые кабинету и просил позволения внести их, в видоизмененном и согласованном виде, как собственный проект. Существовали и другие пункты расхождений.

Еще полгода продолжались маневры вокруг договора. Влиятельным политикам казалось, что Пальмерстон посягнул на основу основ, на пресловутый «баланс сил» («морские державы», Англия и Франция, против «северных дворов», России, Австрии и Пруссии). Вспоминали собственное заявление министра: «Великой целью нашей политики должно быть создание западной конфедерации свободных государств как противовеса восточной лиге деспотических правительств»⁶³. Не слишком ли дорогой ценой он оплачивал теперь падение западной солидарности? Стоило ли отказываться от нее в связи со спорами, кому должна принадлежать Сирия? Разумно ли было жать руку основному сопернику, даже в обмен на закрытие Проливов?

Недовольных в кабинете возглавил Джордж Вильерс, граф Кларендон. 14 марта 1840 г. он направил министру иностранных дел секретный меморандум, в котором цели британской политики обрисованы на редкость откровенно, а методы Пальмерстона оспорены. Мы позволим себе привести из этой записки большие выдержки.

Кларендон советовал наладить добрые отношения с Мехмедом Али, вырвав его из французских объятий: «Наше превосходство на морях, близость к Индии и растущая торговля Египта с Англией делают дружбу с нами для него более ценной, нежели с Францией».

Не церемонился Кларендон с пресловутым принципом

«неприкосновенности» Османских владений: «Мы хотим сохранить «интегритет» Турции, но само это определение расплывчато и интерпретировать его нелегко». Турция потеряла Морею, Бессарабию, Дунайские княжества, Сербию, Египет, Сирию. «Ныне понятие трактуется так: отрезав Египет от Порты и присоединив к ней Аравию и Сирию, тем самым обеспечить «неприкосновенность» и «независимость» Турции. Иными словами, Турция тогда будет способна сопротивляться России, ибо в этом, в конечном счете, заключается вопрос — единственный, который по-настоящему нас интересует и затрагивает. Называйте это, как Вы хотите, или Австрия хочет, — неприкосновенностью, независимостью, подъемом или консолидацией Османской империи — страх перед Россией и стремление удержать ее вне Константинополя лежат в основе всего».

В переход царизма к обороне, в его субъективно искреннее стремление заключить с Лондоном сделку на основе сохранения того, что имелось, Кларендон и с ним многие другие, не верили; и на основе вошедших в плоть и кровь опасений он конструировал политику: «Передача Турции отдаленных и беспокойных провинций пойдет ей во вред». «Как может она сопротивляться поползновениям России, будучи ослаблена растратой своих небольших сил в попытке установить свое господство, и подавить мятежи, которые повсеместно вспыхнут в провинциях, вновь подведенных под ее формальное правление»⁶⁴.

Кларендон советовал иное: добиться в переговорах между Мехмедом Али и Портой наиболее приемлемых для последней условий; Франция вынуждена будет согласиться; вопрос о независимости Египта отпадет сам собой; обойденной России не к чему будет придаться, и она останется с носом.

При этом исходе, однако, не закрывались Проливы; не было бы и стремительного рывка британского влияния в Османской империи в итоге решения конфликта под эгидой Лондона, к чему Пальмерстон стремился и ради чего Джон Пойсонби не жалел трудов, чтобы помешать Порте и Мехмеду Али договориться с глазу на глаз⁶⁵. Надо было обуздать и Орлеанскую монархию, и без того, по мнению Пальмерстона, захватившую слишком прочные позиции в Средиземноморье: сильный флот, присоединение Алжира, влиятельная «французская партия» в Греции, близость и покровительство Мехмеду Али, происки в Сирии среди христиан-маронитов... Французам было предложено потесниться: «Вы подчинили Алжир. Что осталось между вами и вашим египетским союзником? Почти ничего, самые жалкие страны,

Тунис и Триполи. Весь африканский и часть азиатского берега Средиземного моря, от Марокко до залива Александретта, будут под вашей властью и под вашим влиянием. Это не в наших интересах»⁶⁶.

Дальнейшая история, вплоть до подписания в июле 1841 г. конвенции о Проливах, заполнена англо-французскими столкновениями по вопросу о территориальном размежевании в Леванте. Она детально исследована в литературе и к балканским делам непосредственного отношения не имеет. Мы ограничимся здесь тем, что упомянем основные события.

Французы не шли ни на малейшее ущемление египетских интересов. Страсти разгорелись. Толпа в Париже выбила стекла в окнах британского посольства. Шовинистически настроенная пресса бушевала. В Тулоне снаряжался флот. Вновь назначенный послом в Лондон известный политический деятель и историк Ф. Гизо был снабжен инструкцией, способной завести в тупик все дело: международная гарантия целостности Османской империи, уничтожение Ункяр-Искелесийского договора, передача Мехмеду Али всей Сирии и отказ от принудительных мер против него⁶⁷. Вместе с Гизо прибыла в качестве подруги вдова бывшего российского посла в Париже Х. А. Ливена, Доротея Христовна, и маститый ученый проявлял все признаки влюбленности; однако уловить ее влияние на ход переговоров трудно.

В феврале 1840 г. в Париже произошла смена правительства; его возглавил А. Тьер. Пальмерстон, связанный оппозицией в кабинете, решил протянуть французам пряник: он согласился на присоединение к египетским владениям пашалыка Аккры и санкционировал возвращение останков Наполеона I с острова Св. Елены в Париж, что, полагал он, «успокоит общественность на предстоящие шесть месяцев, и эти взрослые люди перестанут думать о других вещах»⁶⁸. Прах Наполеона был торжественно помещен в Пантеон; но в ближневосточных делах Тьер оказался не более уступчивым, нежели его предшественник: Сирию нельзя разрезать на куски, — ответил он. По словам Ч. Вебстера, французский премьер «извергал дым и пламя».

В Петербурге потирали руки от удовольствия, наблюдая далеко зашедшую между «морскими державами» ссору; «Мы играем вполне второстепенную роль. Спор происходит... между Англией и Францией»⁶⁹, — торжествовал Нессельроде. Николай I, идя на дальнейшие уступки, согласился на равное с русским флотом участие союзников в операциях

в Проливах и, таким образом, своими руками разобрал остатки Ушкяр-Искелесийского договора и свел к нулю полученные в 1833 г. преимущества.

В британских «верхах» колебания не закончились. 4 июля У. Мелборн направил записку Пальмерстону: «Чем больше я думаю о деле, тем больше прихожу к выводу, что Вам не удастся убедить большинство кабинета на меры, могущие повлечь за собой длительные и трудные операции»⁷⁰. На следующий день правительство обсуждало «план Пальмерстона» (включавший принудительные меры против Мехмеда Али) и отвергло его. Министр иностранных дел направил премьеру просьбу об отставке. Тот просил повременить: подобный шаг «приведет сразу же к роспуску правительства»⁷¹. В беседе с глазу на глаз была достигнута договоренность.

8 июля состоялось новое заседание. На этот раз Мелборн целиком встал на сторону Пальмерстона. Глава Форин оффис изобразил дело так, будто Франция отвергла его далеко идущие миролюбивые предложения, и одержал верх. «Оппозиционеры» Кларендон и Холланд ограничились тем, что направили королеве свое особое мнение. Пальмерстон торжествовал: «Если бы мы раболепствовали по сему случаю перед французским правительством, нас сочли бы второстепенным государством на помочах у Франции». Что же касается мнимой силы Мехмеда Али — это «мыльный пузырь, который лопнет, если посильнее нажать»⁷².

15 июля Великобритания, Россия, Австрия, Пруссия и Турция подписали серию документов, известных под общим названием конвенции о Проливах. Территориальный вопрос предлагалось урегулировать так: султан уступал Мехмеду Али Египет в наследственное владение и Аккру в пожизненное; если паша не выражал согласия в течение 10 дней, условие насчет Аккры отпадало; по прошествии еще 10 дней с султана снималось обязательство и насчет предоставления Египта в наследственное владение. По ст. 3 Россия, Англия и Австрия обязывались защищать Константинополь; вводимые в Проливы морские силы не ограничивались (в утешение царю Пальмерстон сообщил Брунпову запиской, что пошлет в Дарданеллы немногие суда)⁷³. Черноморские Проливы закрывались для военных флотов всех держав, «пока Порта находится в мире», что объявлялось «древним правилом империи»⁷⁴.

Пальмерстон праздновал победу: «Я считаю эту статью выигрышем. Порта обеспечена — насколько это может сделать бумага — от незваных гостей из Черного моря»⁷⁵.

Характерно, что министр не упоминал о гостях из моря Средиземного. Практически Проливы запирались с одной стороны.

В ослеплении своем радовался и царь. Он писал наместнику Польши И. Ф. Паскевичу: «Конвенция между Англией, Пруссией, Австрией, мной и Турцией подписана без Франции!!! Новая эпоха в политике» ⁷⁶.

Изоляцию июльской монархии, как показали события — очень недолговременную, царизм оплатил дорогой ценой: Россия была заперта в Черном море; безопасность побережья на всем его протяжении поставлена под вопрос, ибо ничто не мешало союзникам Турции в военное время добираться до русских берегов; свободное плавание торговых судов через Проливы отвечало прежде всего интересам Великобритании с ее могущественным коммерческим флотом; старое правило — не допускать вмешательства посторонних в русско-турецкие дела — было нарушено; создавался прецедент вмешательства неприбрежных государств в решение вопросов, связанных с Черным морем ⁷⁷.

Конвенция знаменовала неприкрытое вмешательство держав в дела Османской империи. Порта играла во всех лондонских транзакциях 1839—1840 гг. чисто декоративную роль. Пальмерстон, правда, затребовал ее представителя для участия в заключительном этапе переговоров. Как оно мыслилось, лучше всего можно судить по словам самого министра: «Бедный старый Нури (турецкий посол. — В. В.) — совершенный нуль, но он способен держать перо в руке и подписать свое имя» ⁷⁸. Конвенция, несомненно, означала этап в подчинении Турции западным державам.

С турецко-египетским конфликтом было покончено быстро и решительно. В русском десанте в район Проливов нужды не возникло. Царю очень хотелось послать свои корабли в Средиземное море, чтобы показать свою мощь сирийским христианам. К его услугам явно намеренно не прибегли. «Но мы не можем обойтись без вашего флага, — заявил Пальмерстон австрийцам, — два небольших австрийских корабля достаточны для морального эффекта, для демонстрации нашего союза...» ⁷⁹. Англо-австрийский флот перерезал морские коммуникации Ибрагима; британские агенты уговаривали горцев, служивших в его армии, отложиться; между недовольными жителями Ливана было распределено 20 тыс. винтовок; сопротивляться соединенным действиям турецкой армии и английского флота египтяне оказались не в состоянии; были заняты Бейрут, Судан, Аккра, оттесненный в бесплодные, пустынные районы Ибрагим начал

бедственное отступление⁸⁰; эскадра адмирала Нэпира появилась у Александрии, и Мехмед Али сдался, выговорив для себя лишь наследственное владение Египтом. Не без труда дипломаты держав уговорили взбодрившегося за их спинами султана согласиться на подобную уступку.

Газетная буря во Франции постепенно утихла; бросать вызов британской эскадре в 15 парусных и 6 паровых линейных судов в Средиземном море со стороны более слабого флота июльской монархии было бы безумием, и он не покидал поэтому своей стоянки в греческих водах у острова Саламин. Пальмерстон полагал, что «Франция не настолько сошла с ума, чтобы сломать себе голову в борьбе с коалицией». Он оказался прав: ⁸¹ перепуганный король Луи Филипп дал понять британскому дипломату Генри Булверу, что вооружается лишь ради успокоения публики ⁸². В свою очередь Пальмерстон известил французов, что русские войска в Малой Азии не появятся. Луи Филипп отказался включить в тронную речь воинственный пассаж; Тьер подал в отставку; назначенный на пост министра иностранных дел Гизо повел дело к усмирению. Бруннов был бессилён выполнить поступившее ему указание: «Вы должны сделать все возможное для усиления изоляции Франции и срыва новых переговоров» ⁸³. 13 июля 1841 г. была подписана новая конвенция о Проливах — на этот раз с французским участием. Отличалась она от акта 1840 г. лишь в деталях ⁸⁴.

В британской историографии Ч. Вебстер не скрывает своего восторга триумфом Пальмерстона: тот «с непревзойденным мастерством использовал все виды оружия в дипломатическом арсенале: запугивания, примирения, лести, личного обращения». Потеряй Порта то, что у нее требовал Мехмед Али, — «престиж султана пал бы столь низко, что ему едва ли удалось бы сохранить контроль над европейскими провинциями». Безоговорочно одобряет он и конвенцию: «Закрытие Проливов, по мудрому соглашению Пальмерстона, Меттерниха и царских советников, впервые вошло составной частью в европейское право» ⁸⁵. С Вебстером солидаризируется Дж. Клейтон: «Переговоры Пальмерстона до июля, его твердая позиция позднее, эффективное использование флота с сентября по ноябрь обеспечили Британии в 1840 году полное преобладание на Среднем Востоке. Она сделала больше, чем какая-либо другая держава, для поддержания власти султана, обойдя по ходу дела Россию и унизив Францию» ⁸⁶.

В других трудах акции английского министра оцениваются сдержаннее; критика, однако, касается не целей и

итогов, а способа их выполнения. Пальмерстона упрекают за «безжалостную и угрожающую манеру обращения с французами»⁸⁷. Он, действительно, бесцеремонно выставил июльскую монархию из «европейского концерта», заставил ее предать египетского союзника и лишь затем позволил со смирением вернуться обратно. «С высоты минувшего почти столетия баланс его достижений выглядит сомнительно; он помешал образованию большого арабского государства и способствовал прекращению изоляции России... С другой стороны, он оказался не в состоянии остановить упадок Турции, и ничто на свете не могло вытеснить Россию в сердцах почти всех христиан Ближнего Востока», — пишет Р. В. Ситон-Уотсон⁸⁸.

В полном проигрыше оказался царизм; его военного вмешательства в конфликт Пальмерстон не допустил; Брунов усердно служил урегулированию пером, но не на этом зиждилось влияние Петербурга в турецких правящих кругах, в глазах Порты он представлялся чем-то вроде британского подручного; безопасность Черноморского побережья была поставлена под угрозу.

Советские историки единодушно дают конвенции 1841 г. о Проливах негативную оценку, расценивая ее как серьезный удар по суверенным правам как Турции, так и России. «Царская дипломатия в ходе восточного кризиса потерпела полное поражение»⁸⁹, усматривая субъективные причины этого в близорукости политики Николая I, недооценке им глубины англо-русских противоречий, переоценке степени франко-британских разпогласий и ориентации на консервативные британские круги. «Английскому правительству удалось нейтрализовать дипломатию русского самодержавия и полностью поставить ее на свою службу»⁹⁰, — свидетельствует В. А. Георгиев. «Переведя вопрос о режиме Босфора и Дарданелл из естественной компетенции двух черноморских государств — России и Турции — на суд и контроль европейских держав... лондонские конвенции тем самым извратили правовую природу черноморских Проливов», — пишет Б. А. Дранов⁹¹. Правомерно подчеркивается, что причины провала крылись в кризисе крепостнического строя России, что выражалось в беспособности царизма сдерживать натиск Великобритании на Балканах и Ближнем Востоке. Объективно царизм занял в 1839 г. оборонительные позиции, стремясь сохранить имевшуюся сферу влияния, но и этого не сумел.

Историкам остается лишь разводиться руками, знакомясь с сентенциями Нессельроде: «Пальмерстон покорно ведет

Англию на поводу у России. Он играет на руку нашему кабинету, играет желанную роль глупца»⁹². Бруннов ему поддакивал, хотя британский дипломат Р. Гордон заявил ему прямо: «Только мы одни выигрываем от конвенции о Проливах»⁹³.

Лишь утратой чувства реальности можно объяснить откровенности, на которые царь пустился с британским послом Кларенкардом, призывая Англию к объединению против «французской опасности». Он получил вежливую и холодную отповедь: Пальмерстон пояснил, что «невмешательство» в чужие дела (!) и сохранение баланса сил являются традиционными и фундаментальными принципами политики его страны⁹⁴. В привычном тоне поучения он излагал свои мысли для передачи Николаю Павловичу: «Не в обычаях Англии брать на себя обязательства в связи с наступившими еще событиями...» Царь готов был удовлетвориться устной договоренностью. И это отвергалось: «Но, ежели бы обязательства были бы лишь устными, они связали бы принявших их министров, но могли бы быть отвергнуты их преемниками»⁹⁵. Волю сарказму Пальмерстон дал во внутренней переписке: «Они сделали мне формальное предложение о вступлении в Священный союз. Намеки Нессельроде на Венские договора я считаю нахальством».

Не взирая на этот холодный душ, заигрывания русского двора с Сент-Джеймским кабинетом не прекращались *, и обращения к нему стали особенно интенсивными с приближением революционной грозы.

Британия представлялась единственной плотиной против надвигающейся лавины. Бруннов выбивался из сил, доказывая министрам, ее величества, что лишь вместе Англия и Россия (понимай — кабинет и царизм) способны поддерживать «порядок»: «Будучи соединены в своих стараниях, они в состоянии гарантировать всеобщий мир. Будучи разъединены в своих видах и действиях, они лишат Европу лучшей опоры ее спокойствия»⁹⁶. Ему не возражали. Видный консерватор, недавний глава правительства Р. Пиль советовал, однако, не начинать войны «из-за принципов». Пусть лучше французы истребляют друг друга в междоусобицах.

Россия отнюдь не соответствовала тому имеджу несокрушимой твердыни абсолютизма, который создавали ей за

* Переговоры Николая I с британскими министрами во время посещения Англии в 1844 г. тематически примыкают к сюжетам, разбираемым в очерке «Святые места и земные дела». Там мы и останавливаемся на них.

рубежом. В 1848 г. на страну обрушились бедствия почти апокалипсические: недород, голод, пожары, эпидемии. Засуха выжгла хлеба в Поволжье, Черноземной полосе, на Украине, в Причерноморье, Промышленном центре и Приуралье; затем на поля обрушилась саранча⁹⁷. Сухь способствовала пожарам — выгорело свыше 70 тыс. хозяйств, погорели Пенза, Херсон, Орел, Самара, Казань. Холера косила людей, не обойдя и столицы, Петербург и Москву. По неполным данным, число жертв болезни достигло 1 700 тыс., из них 700 тыс. со смертельным исходом⁹⁸. Нужда и голод поднимали крестьян на борьбу. Министерство внутренних дел, кроме «увеличения в 1848 г. числа случаев неповиновения», сочло нужным отметить «необыкновенное упорство неповиновавшихся»⁹⁹. Торговля внутренняя и внешняя вступила в полосу упадка. По словам «Одесского вестника», «доверие порядочно поколебалось; биржевые спекуляции начали прихрамывать, а торговля зерновым хлебом богатырски захрапела...»¹⁰⁰. Финансовое положение царского правительства, постоянно плохое, стало критическим. В октябре Николай I в тревоге писал своему наставнику, наместнику Польши И. Ф. Паскевичу: «Теперь скоро время к сметам, и это меня сильно беспокоит, не знаю, право, как выпутаемся». Бюджет 1848 г. был сведен с дефицитом в 32 млн. руб. Золото и серебро в солидных количествах изымались из подвалов Петропавловской крепости и вывозились для продажи за границей: в 1848—1849 гг. — на 20 млн. руб. (или 17% от существовавшего золотого запаса). Придворный летописец барон Корф описал забавный и показательный эпизод: получив приятное, в порядке исключения, сообщение с биржи, Николай I затыкнул густым басом: «Спаси, господи, люди твоя». Случившиеся тут же два великих князя подхватили, и августейшее трио пропело молитву до конца¹⁰¹.

Между тем революция подобралась к границам империи. В ее орбиту оказались вовлеченными Дунайские княжества. В мае царские войска вступили в Молдавию; в сентябре они вместе с турецкими участвовали в подавлении движения в Валахии.

Руководители движения здесь уповали на помощь из-за рубежа, правда, в первую очередь Франции. Но не забывали они в своих расчетах и Великобританию. Еще осенью 1839 г. в Лондоне побывал глава так называемой «национальной партии» в Валахии Ион Кымниняну. Он добился приема у Пальмерстона, хотя момент был самый что ни на есть неподходящий: велись переговоры с Россией о статуте Проли-

вов; министр не желал раздражать царский двор и поспешил уведомить Бруннова о своей беседе с валашским боярином. Последний, по словам министра, в общих выражениях жаловался на положение в княжествах, обрисовал их политические и торговые интересы. Пальмерстон выразил удивление — зачем ради таких пустяков было приезжать в Лондон? ¹⁰²

Гораздо ближе с делами княжеств Сент-Джеймскому кабинету пришлось соприкоснуться в 1848 г. Эмигранты из Молдавии и Валахии вели в Западной Европе большую работу по ознакомлению общественности с нуждами своей родины, пропагандировали идею объединения княжеств и достигли определенных результатов. Не забывали они и министерские кабинеты. По словам поэта и политика Василе Александри, для них «борьба составляла жизнь; писать, говорить, действовать, одним стремиться из Парижа в Вену и из Вены в Константинополь в то время, как другие осаждали с терпением факиров переднюю лорда Пальмерстона в Лондоне, это была наша жизнь» ¹⁰³.

Представитель революционной Валахии в Стамбуле Ион Гика попытался завоевать на свою сторону сэра Чарльза Стрэтфорда, с 1842 г. вновь занявшего пост посла. Итоги были неутешительны: тот заявил, что «преданность делу неприкосновенности Оттоманской империи» для него превыше всего. Посол питает мало симпатий «к демократическому духу нашей революции» и проявляет «исключительную сдержанность», не желая связывать кабинет какими-либо обязательствами, писал Гика. Во внутренней переписке Стрэтфорд высказывался откровеннее: «обстоятельства созрели для определенной реставрации турецкого влияния» — делился он своими мыслями с Пальмерстоном ¹⁰⁴.

В консульствах держав в Бухаресте и Яссах, особенно во французском, попадались люди, глубоко сочувствовавшие освобождению княжеств. К их числу относился и секретарь британского консула в Валахии Роберта Колкхуна Э. Грант. Его сестра Мэри вышла замуж за видного валашского, а затем румынского политического деятеля Константина Росетти и стала его верной подругой на всю жизнь. Но после вторжения турецких войск тот же Грант, по распоряжению своего шефа, отправился в Карпатские горы, очаг сопротивления революционеров. Он уговорил генерала Г. Магера, командовавшего валашскими войсками и ополчением, сложить оружие, ибо сопротивление «может иметь лишь фатальные последствия для всей Валахии», и дабы не отвращать султана от его якобы «благодетельных намерений» ¹⁰⁵.

Сторонником прогресса слыл и сам Роберт Колкхун, но больше на словах. Так, он счел «демагогией» обсуждение вопроса об освобождении крестьян от феодальных повинностей и заявил представителям валашского революционного правительства: «К Порте, и только к ней, они могут обращаться для исправления многих зол и обид, от которых страдают»^{105а}. Он же, когда османские войска подошли к Бухаресту, советовал валахам сдаться.

В декабре 1848 г. эmissар эмиграции из Дунайских княжеств Думитру Брэтиану имел свидание с Пальмерстоном и по просьбе последнего написал меморандум, составленный «на потребителя»: автор клялся в верности «законному нашему суверену» (султану), провозглашал «неотъемлемое единение с Турцией», черными красками рисовал роль России на Балканах и просил оказать содействие объединению Молдавии и Валахии¹⁰⁶. На собеседника его аргументы не подействовали. Дважды, в 1848 и 1849 гг., Пальмерстон отвечал в палате общин на вопросы, оправдывая вступление царских войск в Молдавию и Валахию. Он выразил уверенность, что «русское правительство не имеет намерения посягнуть на Турецкую империю»¹⁰⁷. Его горячо поддержал Бенджамен Дизраэли, восходящая звезда консервативной партии.

Если в случае с Дунайскими княжествами Пальмерстон выступил в роли адвоката царских карателей, то при подавлении революции в Венгрии он превратился в их пособников. Нависшую угрозу распада Австрийской империи он воспринимал болезненно — как-никак, речь шла о нарушении «равновесия сил», являвшегося основой британского курса. Много хлопот доставляли и проявления солидарности с венгерской революцией на Британских островах. «Австрия, — говорил Пальмерстон в парламенте 29 июля 1849 г., — является важнейшим элементом баланса сил в Европе, Австрия расположена в центре Европы и является барьером против посягательств, с одной стороны, и захвата, с другой... Все, что может прямо или даже отдаленно и случайно ослабить и искалечить Австрию, низвести ее с положения державы первого порядка и превратить ее во второстепенную, явится большим несчастьем для Европы»¹⁰⁸.

«Венгерский поход» царской армии осуществлялся на британские деньги: банк братьев Беринг предоставил заем в 5 млн. фунтов стерлингов (35 млн. руб.)¹⁰⁹, и это в условиях острой нехватки средств в российской казне; оправдывалось мнение Ричарда Кобдена, что без иностранной помощи царизм не способен даже двинуть свои войска к гра-

нице. Причастность Сент-Джеймского кабинета к подавлению мадьярской революции несомненна. В парламенте Пальмерстон говорил, что русские части двинулись в Трансильванию к Германштадту (Сибиу) и Кронштадту (Клужу) * по просьбе местного населения, напуганного приближением венгерских войск. В разговоре с Брунновым министр иностранных дел бросил фразу, которую последний счел необходимым передать в Петербург: «Так кончайте же скорее!»¹¹⁰.

После сдачи армии Гергея под Виллагошем (Ширией) Пальмерстон 15 сентября 1849 г. принес поздравления Николаю I, упомянув при этом «умеренность и великодушие, проявленное после победы»¹¹¹.

«Борцом» за погранные права народов и защитником изгнанников Пальмерстон выступил позднее, когда битва была проиграна. Дело в том, что Николай I имел неблагодарные притязания к австрийским требованиям о выдаче укрывшихся в османских пределах венгерских борцов, среди которых было немало польских уроженцев. Турецкое правительство в лице великого визиря Решида-паши, по понятным причинам, отвергло эти притязания. Особой настойчивости царь не проявлял и от своего требования отказался¹¹², его примеру последовали австрийцы. Этот инцидент позволил, однако, Пальмерстону продемонстрировать, на чьей стороне сила и влияние на Балканах, выступив притом в самом благородном обличье и продемонстрировав солидарность с Францией. 7 октября он направил Стрэтфорду инструкцию: «В предвидении могущих произойти случайностей правительство е. в. считает нужным предложить, чтобы британская и французская средиземноморские эскадры немедленно отправились к Дарданеллам и были готовы направиться к Константинополю»¹¹³. На другой день адмирал У. Паркер получил соответствующее распоряжение. 24 октября Стрэтфорду было предоставлено право вызова флота. Адмирал Паркер, якобы по неведению, вторгся в Дарданеллы на 20 миль.

Взбешенный царь отказался утвердить написанную «розовой водицей» ноту Нессельроде и потребовал дать резкий отпор «нахалу Пальмерстону»¹¹⁴. Два дня спорил Бруннов с министром: тот казуистически утверждал, будто вообще неизвестно, где начинаются Дарданеллы; по его трактовке выходило, что лишь в том месте, где пролегал узкий ка-

* Трансильвания — область, входившая тогда в Австрию. Большинство населения — румыны. Ныне находится в составе Румынии.

нал ¹¹⁵. Лишь угроза посла: «на что имеет право адмирал Паркер, на то имеет право адмирал Лазарев. Если первый законно может войти в Дарданелльский пролив, то последний может пройти через Босфор» ¹¹⁶, — заставила Пальмерстона пойти на попятный. Он обещал не повторять эксцесса.

Самые отчаянные оптимисты в Российском МИДе могли убедиться, что надежды 1840 г. на крушение англо-французского сотрудничества и неприкосновенность Черноморских проливов лежат в осколках. С исчерпывающей полнотой было продемонстрировано, на кого ориентируется Порта и кто у нее пользуется влиянием.

После улаживания конфликта с беженцами британская эскадра осталась не у дел. Пальмерстон быстро нашел ей применение в другом месте. Уже в течение нескольких лет от британских рук отбивалась Греция. Тридцатые годы были заполнены спорами и столкновениями подданных двух держав по вопросам торговли и судоходства. На Ионических островах крепки настроения в пользу объединения с Грецией; явное нежелание ионийцев состоять в колониальных подданных ее британского величества, как незаживающая рана, растревало отношения между двумя государствами.

В сентябре 1839 г. Пальмерстон беседовал с греческим посланником отнюдь не в дипломатическом тоне, грозя прислать на смену капитану флота Э. Лайонсу, представлявшему в Афинах Великобританию, адмирала Стопфорда, командовавшего средиземноморской эскадрой ¹¹⁷. В 1841 г. на острове Крит произошло восстание. Глава Форин оффис поспешил сообщить грекам: «Правительство е. в. с крайним сожалением узнало об этих грустных событиях; те, кто возбудил и поддержал это безнадежное восстание, заслуживают самого серьезного порицания» ¹¹⁸. Через несколько дней он обратился с новым демаршем уже без всяких околичностей: «Мой долг — просить Вас предупредить самым серьезным образом Ваше правительство насчет опасности, которой король Оттон неминуемо подвергает себя, упорствуя в столь неоправданных действиях». Движение на Крите было подавлено десантом, высаженным с турецких и австрийских судов. Британский фрегат «Медея» был готов помочь карателям; его услуги, однако, уже не понадобились. В обстановке наступившего охлаждения греки сместили с поста генерального инспектора своей армии Ричарда Чёрча, подвизавшегося на нем со времен войны за независимость ¹¹⁹.

В начале 1844 г. известный политический деятель И. Колетис произнес в парламенте речь, сформулировав в ней «великую» («мегали») идею: Дрио и М. Эритье излагают его выступление так: Королевство Греция — это еще не Греция; это лишь часть, причем самая малая и самая бедная, Греции. Грек — не только житель королевства, но и тот, кто обитает в Янине или Салониках, или Сересе, или Адрианополе, или Константинополе, или Трапезунде, или на Крите, или на Самосе, или в любой стране греческой истории или расы... Существует два великих центра эллинизма, Афины и Константинополь. Афины — всего лишь главный город королевства; Константинополь — это великая столица, Город, Полис, притяжение и надежда всех эллинов»¹²⁰.

Вставшая на пути национальная буржуазия требовала объединения всех греческих земель; однако она не ограничивалась этим справедливым, исторически оправданным лозунгом, а перешагивала его пределы, посягала на земли со смешанным этническим населением, включая и те, где уже давно и прочно осели другие народы.

Лондон был взволнован не шовинистической примесью в программе Колетиса (ставшего вскоре премьер-министром), а самим фактом появления «мегали-идеи». Греция становилась «возмутителем спокойствия» на Балканах. Колетиса Пальмерстон именовал греческим Али-пашой. Опытный австрийский канцлер К. Меттерних усматривал главную опасность в рукопожатии движущий славян и греков. Охранителям статус-кво на Балканах нужен был лишь повод для расправы над Грецией¹²¹.

В 1848—1849 гг. на Ионических островах активизировалось движение за присоединение к Греции. Пальмерстон потребовал от афинского правительства отмежеваться от него, а также от притязаний на острова Серви и Салиенца. Поскольку выступать с открытым забралом с захватническими притязаниями было как-то неудобно, в Лондоне вспомнили о малозначительном конфликте вокруг притязаний проживавшего в Афинах ростовщика Д. Пачифико и раздули его до размеров международной драмы.

Еще 4 апреля 1847 г., на пасху, толпа афинян ворвалась в дом Дэвида Пачифико, разбила мебель и перевернула все вверх дном на нижнем этаже. Владелец с семьей скрылся на верхнем этаже и не пострадал.

Достойный сожаления инцидент произошел при следующих обстоятельствах. По старому обычаю, афиняне на пасху сжигали чучело Иуды. Правительство запретило эту процедуру. Раздосадованные и рассвирепевшие жители обруши-

лись на первую попавшуюся собственность, принадлежавшую еврею. Пачифико, однако, оказался британским подданным; последовала грозная нота посланника Э. Лайонса, в которой досадный случай объявлялся «одним из наиболее варварских оскорблений, свидетелями которых является современность»¹²².

Пачифико представил в суд счет своих убытков — поломана кровать, два зеркала, другая мебель, исчезло 15 книг — всего на сумму 12,5 тыс. драхм или 500 фунтов стерлингов. Сама эта сумма не внушала здравомыслящим людям доверия: стало известно, что Пачифико начал ростовщические операции, заложив в банке посуду на 30 фунтов стерлингов. «... Этот мелкий ростовщик ...торговавший на взятый займы капитал в 30 фунтов, представляется обладателем мебели столь роскошной, что им мог бы быть Аладин с его волшебной лампой», — изумлялся лорд Стенли¹²³. Но главное было не в этом. Потерпевший объявил о пропаже неких долговых обязательств португальского правительства (за потери во время гражданской войны там) — всего, по его утверждению, на сумму 700 тыс. драхм, или около 27 тыс. фунтов. Никто указанных бумаг не видел; португальские власти отказались признать их существование.

На горе себе греческое правительство последовало их примеру. Пачифико же вспомнил, что ему слишком мало заплатили за отобранный для королевских нужд участок земли в Афинах и предъявил новый счет на 900 тыс. драхм¹²⁴ на третьем году конфликта. Форин оффис присоединил к нему еще 5 спорных дел и заготовил грозный ультиматум; момент был подходящий; «освободилась» эскадра, крейсировавшая у Дарданелл, пока шел спор о венгерских беженцах.

К берегам Греции была подтянута британская армада — 14 кораблей, 730 орудий, 8 тыс. офицеров и матросов на борту. Со времени наваринского сражения Эллада не видела столь могучей морской силы. Посланник Вайз, сопровождаемый для убедительности адмиралом Паркером, 17 января 1850 г. потребовал у греков в 24 часа дать согласие на удовлетворение всех британских притязаний. Премьер Ландос писал в ответ: «Греция слаба, сэр; она не ожидала подобных ударов со стороны правительства, которое она считала, с гордостью и доверием, в числе своих покровителей. В присутствии сил, Вам подчиненных, она может противопоставить им лишь свои права и торжественно выразить протест против враждебных актов, учиняемых в условиях полного мира...»¹²⁵. В панике эллинское правительство обратилось

к двум другим державам-гарантам, Франции и России, ходатайствуя о защите от посягательств агрессора. Те хором просили британцев прекратить разбой среди бела дня. Пессельроде направил 7(19) февраля в Лондон мастерски сочиненную депешу: он обвинил Пальмерстона в отсутствии уважения к Франции и России, участвовавших в образовании Греческого королевства; одному покровителю, писал он, «не может принадлежать право разрушить это общее дело», нарушить независимость и покуситься на неприкосновенность эллинского государства. Канцлер обвинил Англию в том, что, пользуясь своим «гигантским превосходством на море», она не признает «в отношении слабых иного закона, кроме своей воли, другого права, помимо материальной силы»¹²⁶.

Проф. Ф. Ф. Мартенс расценивает ноту как «роковой удар» для Пальмерстона, приписывает ей «потрясающее влияние» на общественность Англии¹²⁷. Увы, ничего подобного не произошло. Британский кабинет двинулся напролом. Пальмерстон «уточнил» убытки Пачифико, определив их в 800 тыс. драхм. Посланник в Афинах Вайз покинул здание миссии и перебрался на флагманский корабль «Куин». Англичане начали захват греческих судов; Пальмерстон грозился продать их с торгов в «возмещение убытков»¹²⁸. 18 февраля Вайз сообщил, что общее число задержанных кораблей составило 47, включая две военные шхуны¹²⁹. В Афинах начались перебои со снабжением продовольствием, цены поползли вверх. 25 апреля адмирал Паркер начал полную блокаду эллинских берегов. И греческое правительство капитулировало, признав все предъявленные ему претензии.

В самой Великобритании раздались голоса против расправы над Грецией. 6 июня лорд Стенли внес в верхнюю палату резолюцию, осуждавшую действия кабинета. Он, Стенли, испытал чувство «сожаления и стыда» от знакомства с бумагами в связи с «делом Пачифико»: «Что за нагромождение глупости, что за растрата ложно используемой изобретательности, неужных осложнений»¹³⁰, — восклицал он. Курс правительства, неспровоцированное вмешательство во внутреннюю жизнь Греции «поставили под угрозу продолжение дружественных отношений с другими державами». Граф Абердин поддержал Стенли. Лорд Кардиган заметил, что Англия под руководством Пальмерстона рассорилась со всем континентом. В традиционно консервативной палате лордов кабинет потерпел поражение: резолюция Стенли прошла большинством голосов.

Ворчал королевский двор, но по иным причинам: принц-супруг Альберт всю жизнь питал непреодолимую страсть к сочинению длинейших меморандумов по внешнеполитическим сюжетам. Для этого он нуждался в ознакомлении с текущей дипломатической перепиской. Сама Виктория ревниво относилась к своим королевским прерогативам. Пальмерстон же сплошь и рядом отправлял депеши, минуя Букингемский дворец, возбуждая там недовольство.

Реванш министр иностранных дел взял в палате общин. Он правильно уловил шовинистическую настроенность обывателя, отразившуюся в поговорке: «Моя страна, права она или нет».

Четыре дня, начиная с 24 июня, в нижней палате происходили прения по резолюции, внесенной радикалом Рёбеком, представлявшим Шеффилд. В ходе дискуссии сторонники правительства вывернули истину наизнанку и поставили ее на голову. Сам Рёбек утверждал, что Греция — всего лишь вассал России, которая всегда стремится к Константинополю; Франция ее поддерживает; остается лишь восхищаться энергией и дальновидностью, проявленными кабинетом (понимай — Пальмерстоном) в этих трудных обстоятельствах. С оголтелой русо- и грекофобской речью выступил Б. Осборн: «Я должен заявить в ходе этих достойных презрения дебатов по поводу поддельной Греческой монархии, что, по моему мнению, первоначальный грех заключался в самом образовании подобной монархии». Грецию он именовал «русской марионеткой в Леванте», возрождение эллинской государственности расценивал как «акт нарушения связывающих нас с Турцией обязательств». С точки зрения Осборна, «благородный лорд» (т. е. Пальмерстон) действовал недостаточно настойчиво, чтобы дать отпор «казачьему господству». Оратор призывал быть начеку перед лицом «иезуитских маневров московитских крючкотворцев»¹³¹.

В создавшейся обстановке Пальмерстону нетрудно было не только оправдать, но и возвысить свою политику. Министр иностранных дел начал свою речь вечером 25 июня и кончил ее на рассвете следующего дня. Грецию он изобразил как очаг смут и беспорядков, своего рода колыбель бандитизма в Европе. Он обвинил греков во вторжении на британскую территорию (т. е. острова Серви и Сапиенца, к тому времени уже занятые десантом английских моряков). Пальмерстон дал свою интерпретацию всех 6 спорных между Элладой и Британией казусов, представив позицию Афин в самых черных красках, так что слушателям оставалось поражаться

Его долготерпению и кротости. Англию он представил как тихую заводь мира, в том числе социального, светоч процветания и цивилизации: «...В то время, как политическое землетрясение сотрясает Европу из конца в конец, в то время, как мы видим поколебленные, пошатнувшиеся и низринутые троны, поверженные и уничтоженные институты, когда почти во всех странах Европы гражданская война залила кровью землю от Атлантики до Черного моря, от Балтики до Средиземноморья, эта страна представляет зрелище, делающее честь народу Англии и вызывающее восхищение человечества», — закончил Пальмерстон свою речь под шумные рукоплескания и одобрительные возгласы, заявив при этом, что его и его коллег обуревают чувства, «достойные вдохновлять тех, кому вручено кормило государственного управления». Как некогда римлянину достаточно было заявить: «Я римский гражданин», чтобы избежать каких-либо посягательств, так и ныне британский подданный, где бы он ни был, может с твердостью и уверенностью «полагаться на бдительное око и твердую руку Англии, которая предохранит его от несправедливости и оскорблений»¹³².

Мало кто дерзнул выступить с возражениями. Вильям Гладстон, перекрывая крики протеста, зачитал депешу Нессельроде от 7(19) февраля. Он говорил об успехах Греции в просвещении, администрации, судоустройстве. Политика Пальмерстона, заметил он, вызывает возмущение всей цивилизованной Европы. «Создается впечатление, что благородный лорд преисполнен непреодолимой тяги к ссорам»; всем непослушным «объявляется слепая дипломатическая война»¹³³. Англия сильна и могуча, но и она не может позволить себе долго идти таким путем.

«Битву» Пальмерстон выиграл: палата общин значительным большинством голосов одобрила его действия. Друзья и даже политические противники слали ему поздравления. 120 парламентариев вскладчину приобрели портрет министра кисти Патриджа и преподнесли его супруге «героя». После «триумфа» Пальмерстон смягчился, убытки Пачифико были еще раз пересмотрены и определены в 3750 драхм (т. е. 150 фунтов стерлингов), иными словами, уменьшены в двести раз! «И ради этого лорд Пальмерстон мобилизовал против Греции флот, равный тому, которым Нельсон командовал в сражении у Нила», — восклицает французский историк¹³⁴.

«Покровители» греков из Парижа и Петербурга ограничились соболезнованиями. В день рождения королевы на официальном обеде во дворце отсутствовали представители

России, Франции и Баварии. Французы отозвали было своего посла из Лондона, но, по здравом размышлении, вернули его обратно. Пальмерстону такие протесты были — как с гуся вода. Николай I утешал специального афинского уполномоченного Зографоса: «Если бы я занимал иное географическое положение, мои суда вклинились бы между вашими портами и английскими кораблями»¹³⁵. Царь мог говорить, не опасаясь последствий; черноморская изоляция России приносила плоды; новый Наварин был немислим даже теоретически, даже умозрительно. Петербург в бессилии наблюдал за попираанием интересов Греции и утверждением британского влияния на Балканах.

- ¹ *Новичев А. Д.* История Турции. Новое время, III, ч. 2, Л., 1973, с. 39.
- ² АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 122, л. 198—199. Копия доклада. С. У. Уокера от 4.VIII 1839.
- ³ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 197.
- ⁴ *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England 1836—1902. Oxford, 1970, p. 230.
- ⁵ *Ibid.*, p. 233.
- ⁶ Текст проекта приведен: *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. М., 1975, с. 81 (по донесению русского посланника в Стамбуле А. П. Бутенева).
- ⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 119, л. 116—117. К. О. Поццо ди Борго — Ф. П. Палену 9(21).V 1839; «Записка о содержании переговоров между Англией и Турцией» А. П. Бутенева. См.: *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 81.
- ⁸ Там же, с. 83.
- ⁹ Там же, с. 89.
- ¹⁰ *Новичев А. Д.* История Турции..., с. 18.
- ¹¹ СТК. СПб., 1888, т. IV, ч. 2, с. 481.
- ¹² *Webster Ch. K.* The Foreign Policy of Palmerston 1830—1841. L., 1969, p. 635.
- ¹³ *Ibid.*, p. 638.
- ¹⁴ *Горяилов С. С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 46, 47.
- ¹⁵ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978, с. 108.
- ¹⁶ *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 101.
- ¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 119, л. 54. К. О. Поццо ди Борго — К. В. Нессельроде 17 (29).I 1839.
- ¹⁸ Там же, л. 438. К. О. Поццо ди Борго — К. В. Нессельроде 11(23). IV 1839.
- ¹⁹ *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 102.
- ²⁰ *Дранов Б.* Черноморские проливы. М., 1947; Восточный вопрос...; *Георгиев В. А.* Внешняя политика...; *Киякина Н. С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963; История дипломатии. М., 1959, т. I; *Новичев А. Д.* История Турции. III. Новое время, т. 2, ч. 2. Л., 1973; *Тарле Е. В.* Крымская война. — Соч. М., 1958, т. VIII; *Anderson M.* The Eastern Question. L., 1966; *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1970; *Clayton G. D.* Britain and the Eastern Question. L., 1971; *Seton-*

- Watson R. W.* Britain in Europe. Cambridge, 1957; *Temperley H.* England and the Near East. The Crimea. L. etc., 1936; *Webster Ch. K.* The Foreign Policy of Palmerston. L., 1951, v. II. Ценный материал об англо-французских отношениях 1839—1841 гг. с учетом всего объема источников, которыми располагает современная наука, содержит монография: *Дамьянов С.* Френската политика на Балканите 1829—1853. София, 1977.
- ²¹ *Webster Ch. K.* The Foreign policy..., p. 623.
- ²² *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 113.
- ²³ *Webster Ch. K.* The Foreign policy..., p. 645.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 884.
- ²⁵ *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Приложения, т. 1, СПб., 1908, с. 119.
- ²⁶ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 628.
- ²⁷ *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 101.
- ²⁸ Там же, с. 102.
- ²⁹ *Новичев А. Д.* История Турции, с. 52.
- ³⁰ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 548.
- ³¹ *Тарле Е. В.* Крымская война. Соч. М., 1959, т. VIII, с. 96—97.
- ³² *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 102, 110.
- ³³ Там же, с. 112.
- ³⁴ *Новичев А. Д.* История Турции, с. 52.
- ³⁵ СТК. СПб., 1898, т. XII, с. 113.
- ³⁶ *Зайончковский А. М.* Восточная война. Приложения, т. I, с. 118.
- ³⁷ СТК, СПб., 1898, т. XII, с. 143; Протокол о «бескорыстии». СПб., 5(17).IX 1840.
- ³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 122, л. 145—146.
- ³⁹ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание договоров и конвенций..., т. XII, с. 126.
- ⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 122, л. 33.
- ⁴¹ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 631.
- ⁴² *Ibid.*, p. 649.
- ⁴³ *Ibid.*, p. 812. Царский поверенный в делах в Париже граф Медем считал целесообразным действовать по договоренности с Францией.— СТК, т. XV, с. 175.
- ⁴⁴ *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England, p. 231.
- ⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 122, л. 13—14.
- ⁴⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 122, л. 39. Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде 12(24). 1839. Приведено: СТК, т. XII, с. 111.
- ⁴⁷ Там же, л. 37.
- ⁴⁸ Там же, л. 48.
- ⁴⁹ Там же, л. 36—39.
- ⁵⁰ Там же, л. 41.
- ⁵¹ Там же, л. 53—57.
- ⁵² Там же, л. 29.
- ⁵³ *The Examiner*, 6.X 1839.
- ⁵⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 122, л. 30—31. Ф. И. Бруннов — К. А. Нессельроде 12(24).IX 1839.
- ⁵⁵ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 627.
- ⁵⁶ *Ibid.*, p. 634.
- ⁵⁷ *Ibid.*, p. 653.
- ⁵⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 122, л. 148. Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде 26.IX(8.X) 1839.
- ⁵⁹ *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 652.
- ⁶⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1839, д. 122, л. 149. Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде 26.IX (8.X) 1839.

- 61 Там же, л. 130—134.
- 62 *Pemberton W. B.* Lord Palmerston. L., 1954, p. 81.
- 63 *Ibid.*, p. 14.
- 64 *Maxwell H.* The Life and letters of G. W. F. Clarendon. L., 1913, v. I, p. 187—189. Меморандум Дж. Кларендона от 14.III 1840.
- 65 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy, p. 665.
- 66 *Дамянов С.* Френската политика на Балканите 1829—1853. София, 1977, с. 166.
- 67 *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 120.
- 68 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy, p. 683.
- 69 СТК, т. XII, с. 124.
- 70 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy, p. 683.
- 71 *Ibid.*, p. 857—858. У. Мелборн — Дж. Пальмерстону 6.VII 1840.
- 72 *Temperley H.* England and the Near East. L.—N. Y.—Toronto, 1936, p. 113.
- 73 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy, p. 691.
- 74 СТК, т. XII, с. 130—139. Конвенция 1840 г.
- 75 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 692.
- 76 *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 127.
- 77 *Дранов Б. А.* Черноморские проливы. М., 1948, с. 105.
- 78 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 678. Конвенцию подписал сменивший Нури Хакиб-эфенди.
- 79 *Ibid.*, p. 876. Нойман — К. Меттерниху, 9.V 1840.
- 80 *Temperley H.* England and the Near East..., p. 120—136.
- 81 *Bourne K.* The Foreign Policy..., p. 251.
- 82 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 697—699.
- 83 Восточный вопрос во внешней политике России, с. 117.
- 84 СТК, т. XII, с. 155—159. Конвенция о проливах.
- 85 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 621—622.
- 86 *Clayton G. D.* Britain and the Eastern Question. L., 1971, p. 82.
- 87 *Bourne K.* The Foreign Policy..., p. 41.
- 88 *Seton-Watson R. W.* Britain in Europe. Cambridge, 1932, p. 221.
- 89 Восточный вопрос во внешней политике России, с. 119; «Лондонскими конвенциями 1840—1841 гг. влияние России в Турции было серьезно ослаблено». — Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981, с. 120.
- 90 *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 139.
- 91 *Дранов Б. А.* Черноморские проливы, с. 98.
- 92 *Георгиев В. А.* Внешняя политика..., с. 139.
- 93 СТК, т. XII, с. 155.
- 94 *Webster Ch. K.* The Foreign Policy..., p. 774.
- 95 *Bourne K.* The Foreign Policy..., p. 252—253.
- 96 СТК, т. XII, с. 241.
- 97 *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 г. М., 1949, с. 19.
- 98 Там же, с. 25.
- 99 Там же, с. 41.
- 100 Там же, с. 33.
- 101 Там же, с. 37, 36, 39, 34—35.
- 102 АВНР, ф. Канцелярия, 1839 г., д. 122, л. 269. Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде 1(13).X 1839.
- 103 *Vitcu D.* Diplomații unirii. București, 1979, p. 9.
- 104 *Istoria României.* București, 1964, v. IV, p. 100; *Marinescu B.* Romanian-British Political Relations 1848—1877. București, 1983, p. 18.
- 105 *Istoria României,* v. IV, p. 111; *Independența României.* București, 1977, p. 97.

- 106a *Marinescu B. Romanian-British...*, p. 33—34.
- 106 *Vitcu D. Diplomatii...*, p. 164—165; Современный румынский исследователь пишет, что автор меморандума, «проявляя такт, пытался представить главные требования румын так, чтобы они соответствовали экономическим и политическим интересам Англии, подчеркивая значение и важность для Великобритании создания независимого государства на берегах Дуная»... (*Marinescu B. Romanian-British...*, p. 18).
- 107 PD, 3-d Series, v. 101, p. 761, v. 103, p. 1146. Выступление в палате общин 1 сентября 1848 г. и 22 марта 1849 г.
- 108 *Opinions and Policy of Viscount H. J. Palmerston. L.*, 1852, p. 481—482.
- 109 *Нифонтов А. С. Россия в 1848 г.*, с. 39.
- 110 СТР, т. XII, с. 254.
- 111 Там же, с. 255.
- 112 *Новичев А. С. История Турции*, с. 182—183.
- 113 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 264—265.
- 114 СТР, т. XII, с. 257.
- 115 Эту версию он повторил в своем выступлении в палате общин. См.: PD, 3-rd Ser., v. 112, p. 441.
- 116 СТР, т. XII, с. 258.
- 117 *Driault E., L'Heritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. Paris, 1925, t. 2, p. 174.*
- 118 *Ibid.*, p. 217—218.
- 119 PD, v. 112, p. 419.
- 120 *Driault E., L'Heritier M. Histoire...*, t. 2, p. 251.
- 121 *Ibid.*, p. 301, 312.
- 122 *Ibid.*, p. 330.
- 123 PD, v. 111, p. 1316.
- 124 *Driault E., L'Heritier M. Histoire...*, t. 2, p. 332.
- 125 PD, v. 111, p. 1318—1319.
- 126 СТР, т. XII, с. 262—263.
- 127 Там же, с. 261.
- 128 Там же.
- 129 PD, 3-rd Ser., v. 111, p. 1320.
- 130 *Ibid.*, p. 1393—1395.
- 131 *Ibid.*, v. 112, p. 336, 346, 334.
- 132 *Ibid.*, p. 443, 444.
- 133 *Ibid.*, p. 380—388.
- 134 *Driault E., L'Heritier M. Histoire...*, t. 2, p. 361.
- 135 *Ibid.*, p. 351—352.

Очерк восьмой

«СВЯТЫЕ МЕСТА» И ЗЕМНЫЕ ДЕЛА, ИЛИ АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕД И В НАЧАЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Крупнейший общеевропейский конфликт второй половины XIX в. — Крымская война — вырос из спора о «священных местах» в Палестине, который уже многим современникам представлялся архаичным. В подобном мнении их укрепляло то обстоятельство, что, собравшись весной 1856 г. за столом мирной конференции в Париже, представители воюющих сторон начисто забыли о куполе Храма Гроба Господня, ключах к церквям и праве, будь то греческого или латинского духовенства, отправлять службу в том или ином алтаре.

И тем не менее считать «святые места» чисто формальным предлогом, за который ухватились державы, чтобы свести счеты в борьбе за влияние на Балканах и Ближнем Востоке, нельзя. Православная религия в условиях инородного и иноверческого гнета играла здесь отнюдь не только культурную роль. В Османской империи мусульманское население не только веровало, но и жило по нормам и предписаниям корана и шариата. На христиан они, естественно, не распространялись; неверные исключались из исламского правопорядка, для них не существовало никакого общегосударственного регулирования семейных, наследственных и имущественных отношений. Но, официально узаконив еще в XV столетии существование православной общины, Порта признала за Константинопольской, а позднее и Сербской патриархией не только духовную власть над единоверцами, но и определенные, хотя и ограниченные политические и судебные функции¹. В монастырях сохранялась и развивалась местная письменность, драгоценное достояние народа, помогавшее ему оберегать свое этническое лицо от ассимиляторских поползновений захватчиков, а составлявшиеся там же летописи «образом прошлого» звали к восстановлению попорченной государственной самостоятельности. Слова Пушкина: «Мы обязаны монахам нашей историей, следовательно, и просвещением», можно сказать, прямо адресованы

Балканам. Религия размежевывала угнетателей и угнетенных. При существовавшем национальном, гражданском и политическом бесправии лишь каноническое право в какой-то степени оберегало национально-культурные и экономические интересы христианского населения. Даже в середине XIX в. отстаивание религиозно-церковной самостоятельности было для балканских народов не пройденным этапом, а составной частью их национального движения. Живой пример этого — борьба за создание автокефальной болгарской церкви в 50—60-х годах.

Это — одна сторона вопроса. Существовала и другая. В конце XVIII столетия Османская империя бесспорно занимала положение великой державы; в первые десятилетия XIX в. она пользовалась всеми прерогативами суверенного государства и ревниво относилась ко всякой попытке вмешательства в ее внутренние дела. Забота о единоверцах являлась поэтому единственно мыслимым каналом легальной поддержки из-за рубежа христианского населения Балкан и Ближнего Востока. Формулировки русско-турецких мирных договоров отражали исторически сложившиеся реалии.

Приведем полностью статью 7-ю Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., в связи с которой было сломано столько дипломатических копий в «предкрымскую» эпоху: «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного, равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора делать по обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в четырнадцатом артикуле церкви, так и служащих в оной разные представления и обещать принимать оные в уважение, яко чинимые доверенной особой соседственной и дружественной державы»².

Из текста видно, что выдвигавшаяся британской дипломатией трактовка статьи как относящейся только к одной построенной русскими в Стамбуле церкви умаляет ее значение. Договор вполне определенно говорил о защите «христианского закона», т. е. практически — прав православных жителей Османской империи (католиков среди них было немного), причем фиксировал это в международно-правовой форме. Но он допускал не прямое покровительство России, а опосредованное, через Порту, ее воздействие.

Статья 16-я того же акта более определенно утверждала права России в отношении Дунайских княжеств. Русские дипломаты «могли говорить в пользу сих двух княжеств», а Порта обещала «внимать оные с сходственным к дружеским и почтительным державам уважением»³. Впоследствии пра-

ва российского правительства в Молдавии, Валахии и Сербии были оговорены точнее. Но нигде, ни в каком документе не употреблялось прямо слово «покровительство», и когда в разгар Крымской войны от царизма стали требовать отказа от покровительства, российская дипломатия с наигранным удивлением отвечала, что нельзя, мол, отменять то, чего не существовало. Она лукавила, ибо не как юридическая категория, а как положение де-факто особые отношения России с православным населением Османской империи существовали. Определялись они никогда не угасавшей надеждой молдаван, валахов, сербов, болгар, черногорцев, греков на поддержку северной державы, глубокими симпатиями русской общественности их освободительному движению и стремлением правящего Петербурга подорвать власть Порты на Юго-Востоке Европы и Ближнем Востоке. Влиятельная православная церковь являлась и опорой и проводником политики России. Отсюда — забота о ее положении и привилегиях.

На практике степень «уважения» Порты и ее готовности «внимать» подаваемым из Петербурга советам прямо зависела от конкретной обстановки. Когда за спиной «доверенной особы соседственной и дружественной державы» виднелся лес штыков, они звучали самым убедительным образом. Пик влияния — 1829 г., подписание Адрианопольского мира, и 1833 г., когда русский военно-морской десант спас трон султана от мятежного египетского паши Мехмеда Али. На это же время приходится интенсивный процесс возрождения греческой и сербской государственности, создание предпосылок подъема болгарского освободительного движения, укрепление автономии Молдавии и Валахии, проходивших при большой поддержке России. Таковы были в историческом развитии последствия скромного пункта о «защите христианского закона», включенного в Кючук-Кайнарджийский договор.

В конце 30-х годов обозначился спад российского влияния в Стамбуле, о чем говорилось выше. В 40-е годы царизм в Стамбуле зашел в тупик; надежды на выгоды от сохранения слабого соседа оказались призрачными: пользу от слабости Турции извлекали другие, прежде всего Великобритания. Тщетно царь призывал посланника в Турции А. П. Бутенева к бдительности, «чтобы Порта нам не изменила». С. С. Татищев писал по поводу очевидного упадка российского влияния: «В конце сороковых — начале пятидесятых годов Англия заняла в Константинополе то положение, получила то влияние, значение и преобладание, которые высочайшей волею императора Николая указаны были, как цель, русским дип-

ломатам... Собственное наше дипломатическое положение на Босфоре было просто-напросто сведено к нулю»⁴. Автора этого высказывания можно упрекнуть в утрировании событий, но тенденция их развития уловлена им правильно.

Никто уже не сомневался в произошедшей в Константинополе смене вех — от Николая I, который писал о «состоянии ничтожества, в которое приведена Османская империя англо-французским всемогуществом»⁵, до анонимного автора записки о Крымской войне, упоминавшего «царствование лорда Редклиффа» в Турции⁶. Не отрицали этого (разумеется, во внутренней, секретной корреспонденции) и британские государственные мужи: не кто иной, как глава Форин оффис лорд Кларенден, именовал Стрэтфорда «подлинным султаном»⁷, сами же турки нарекли властного представителя Великобритании «великим элчи» (послом).

Не имея возможности опереться на развитую капиталистическую экономику и пустить в ход новые, свойственные буржуазной эпохе средства воздействия на международные отношения, царизм остался при старом оружии: опоре на определенные, часто, но не всегда консервативные общественные слои на Балканах и покровительстве православной церкви. Последнее обеспечивало ему поддержку влиятельного духовенства, а надежда на поддержку освободительных процессов сохраняла за Россией симпатии двенадцати миллионов балканских христиан.

По всем этим причинам, когда над «святыми местами» стали сгущаться католические тучи и Франция выдвинула претензию на господствующее положение римского духовенства в двенадцати палестинских храмах, расположенных в очагах христианства, в Петербурге забили тревогу.

Еще в 1740 г. французская корона добилась издания фирмана, в котором католическому клиру разрешалось отправление службы в «святых местах». Затем забота «христианнейшего величества» о палестинских храмах померкла, а позднее и само величество рассталось с жизнью на гильотине. В годы революции конца XVIII в. об очагах веры на Ближнем Востоке начисто забыли, и дипломатия велась совсем под иным идеологическим знаменем. Тем временем усилился напор России на Балканы; царизм облекал свои претензии на влияние на Юго-Востоке Европы в религиозные одежды. В сфере еkkлeзиaстики это проявилось в «оправославлении» «святых мест». На средства русских паломников и казны ремонтировался Храм Гроба Господня, которому не везло — то он горел, то страдал от землетрясения. В ходе реставрации греческое духовенство «переделало» четырех евангелистов

в православные одежды. Фирман 1740 г. пылился в архиве; о нем не вспоминали ни в Стамбуле, ни в Париже. «Латиняне» вроде бы забыли путь в Палестину — на двенадцать тысяч православных паломников ежегодно приходилось не больше сотни католиков. По традиции один из иерархов католической курии носил титул патриарха Иерусалимского. В течение веков он обитал в Риме, считая свое звание почетной и ни к чему не обязывающей синекурой. Не без труда папа Пий IX выдворил очередного носителя этого громкого сана к его пастве. «Латиняне» воспряли духом, в Палестине начали происходить столкновения, совсем не подходявшие «святым местам». В конце 1847 г. монахи соперничавших религий учинили драку в Вифлееме, пустив в ход подсвечники и кресты; греческий епископ был ранен; бесследно исчезла католическая серебряная звезда, обозначававшая легендарное место рождения Иисуса ⁸.

Отнюдь не по случайному стечению обстоятельств конфликты начали разгораться, когда Левант стал объектом пристального внимания англо-французского капитала. Религиозные споры явно отражали политические и экономические претензии. Прибывший в Иерусалим французский консул «обнаружил» (на то он и был послан!), что единоверцы угнетены. В 1850 г. его шеф, посол в Константинополе генерал Опик, в резкой форме, ссылаясь на фирман более чем столетней давности, потребовал восстановления католиков в их правах ⁹. Так вопрос о «святых местах» был поднят на международный уровень. По причинам, не имевшим ничего общего с догматами церкви, он оказался в фокусе противоречий великих держав.

Франция удивительно быстро оправилась от ударов и потерь, понесенных ею в 1840 г., и теперь через церковный притвор пыталась усилить свое влияние в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Это было ясно не только Петербургу, но и Лондону, тревожило британский кабинет и побуждало его к отпору. И при царском дворе воскресли надежды на возрождение англо-русского сотрудничества. Урок с лондонскими конвенциями не был усвоен и не пошел впрок. Вбить клин между Францией и Великобританией и приманить последнюю к союзу «северных монархий» (России, Пруссии и Австрии) или, выражаясь языком Нессельроде, «нейтрализовать насколько возможно пагубный союз июльской Франции и либеральной Англии» ¹⁰ — таков был по меньшей мере близорукий расчет российских сановников. Обернулся он колоссальным просчетом, ибо игнорировал вековой принцип британской внешней политики — поддержание баланса сил

в Европе путем сдерживания и противодействия сильнейшей державе континента. А таковой после 1815 г. была Россия.

Конечно, далеко не все было гладко в англо-французских отношениях. Достаточно упомянуть споры вокруг Бельгии; разногласия на Пиренейском полуострове; борьбу за влияние на Ближнем Востоке; колониальное соперничество. Но глобально Франция Луи Филиппа не представлялась Уайтхоллу опасной. Время от времени Лондон осаживал Париж; в сложных антифранцузских комбинациях в таких случаях участвовал Петербург, и царедворцы принимали желаемое за действительное, склонны были считать очередной ход, тактический маневр британской дипломатии безвозвратным расхождением «морских держав», и К. В. Нессельроде радовал хозяина Зимнего дворца сообщением о «распаде англо-французского союза, столь враждебного нашим политическим интересам, столь фатального для консервативных правительств»¹¹.

В Петербурге вообразили, что согласия с Англией можно достичь и по восточным делам, и этому заблуждению суждено было стать роковым. Упускалось из виду то обстоятельство, что краеугольным камнем британского курса являлось сохранение в неприкосновенности османских владений и власти на Ближнем Востоке и Балканах; итогом же де-факто политики России являлся подрыв этого господства, и при всех поворотах и отступлениях от «екатерининской» линии Петербург не желал «связывать себя территориальной гарантией в отношении государства, находившегося в упадке»¹² (т. е. Османской империи).

Надежда на скорый распад султанских владений под грузом центробежных сил никогда не оставляла Николая I. Оказавшись на распутье, полностью утратив чувство реальности, царь решил договориться о дальнейшей судьбе владений Порты с Великобританией. Подходящий момент для разведки наступил, как ему представлялось, в 1844 г.

Англо-французские отношения вошли тогда в полосу спада. Параллельно начались заигрывания с Петербургом. На обеде, устроенном Русской компанией, премьер-министр Роберт Пиль провозгласил тост «за вечную дружбу» между Великобританией и Россией¹³. Он же намекнул русскому послу Ф. И. Бруннову на желательность приезда царя. Самодержец откликнулся немедленно. Николай I к тому времени отвык с кем-либо советоваться и тем более — прислушиваться к чьему-либо мнению, никакой подготовки к визиту не было проведено, более того, свита императора до последнего дня полагала, что он, по обыкновению, направляется

«на воды» в Киссинген. 20 мая (1 июня) царь высадился на английском берегу. Между смотрами, парадами и увеселениями Николай вел откровенные беседы с королевской четой, Робертом Пилем, министром иностранных дел графом Абердином и находившимся в оппозиции Джоном Пальмерстоном. Сам он остался чрезвычайно доволен и приемом, и переговорами, и хотел лишь в письменной форме закрепить достигнутую, как ему казалось, договоренность¹⁴.

В сентябре того же 1844 г. К. В. Нессельроде отправился «на купания» в Брайтон. Он-то и составил меморандум, излагающий идею фикс царя о неминуемой смерти «больного человека», Османской империи. Зная настроения в Лондоне, он с чувством и пространно писал в документе, насколько две страны, Россия и Великобритания, заинтересованы в целостности и неприкосновенности султанских владений. Нельзя, однако, закрывать глаза на то, продолжал Нессельроде, «сколь много элементов распада заключает в себе эта империя. Непредвиденные обстоятельства могут ускорить ее падение, и дружественные кабинеты не сумеют его предотвратить». «Опасность уменьшится, если на этот случай Россия и Англия достигнут согласия о совместных шагах. Это согласие будет иметь тем более благотворные результаты, — излагал далее Карл Васильевич мысли Николая Павловича, — что оно встретит полное одобрение со стороны Австрии. Между нею и Россией существует уже полное единство взглядов относительно принципов, применимых к турецким делам в общих интересах мира и консерватизма. Чтобы их союз был еще более действен, остается пожелать, чтобы Англия присоединилась к нему в тех же целях»¹⁵.

Конкретно предлагалось, на случай, если сохранение Османской империи станет невозможным, «если мы предвидим ее падение, заранее договориться о создании нового порядка вещей, долженствующего заменить существующий ныне, и совместно позаботиться о том, чтобы изменения, имеющие произойти во внутреннем положении этой империи, не нанесли ущерба их собственным странам, правам, вытекающим из действующих договоров, и европейскому равновесию». Достаточно туманно говорилось о «преобладающих действиях» России на суше и Великобритании — на море. Чтобы не пугать англичан слишком крутым поворотом, меморандум утверждал, что Франция должна будет присоединиться к совместным акциям трех держав. «Таким образом избегнут будет конфликт между великими державами, и можно надеяться на сохранение европейского мира».

Документ заключал в себе глубокое противоречие, ибо

начинался он «во здравие», а кончался «за упокой» Османской империи. Британские собеседники царя, а потом — Ф. И. Бруннов, которому было поручено получить ответ на сделанные предложения, воспользовались этим обстоятельством. Они делали упор на первой части сочиненной Нессельроде бумаги, подчеркивая доброе согласие Лондона и Петербурга в стремлении продлить жизнь султанских владений, и обходили молчанием намеки на желательность заранее договориться о мерах на случай их распада. Единственное письменное свидетельство, которое Бруннову удалось вырвать после долгих хлопот и неоднократных напоминаний, это — записка Абердина на имя Нессельроде от 21 января 1845 г. (н. ст.), в которой глава Форин оффис подтверждал точность передачи в меморандуме содержания состоявшихся с царем бесед. Он упоминал об «обоюдном обмене наших мнений, в которых, мне кажется, мы были вполне солидарны и которые, я надеюсь, иметь в виду во всех отношениях касательно Востока»¹⁶.

Английские исследователи сводят иногда содержание этого письма к простой констатации факта произошедших бесед. Это не совсем так, и Гарольд Темперлей признает: Абердин «стремился избежать каких-либо обязательств с английской стороны, но не вполне успел в этой цели». В очень слабой, разжиженной форме обещание консультироваться с Петербургом его ответ заключал, и планы раздела Османской империи в нем не отвергались. В дальнейшем, по словам американца Вернона Пюриера, Лондон «нарушил договоренность и перед Крымской войной письма с изъявлением согласия и относящаяся к этому корреспонденция были изъяты...»¹⁷ Форин оффис поступил по всем канонам дипломатии «коварного Альбиона»: меморандум Нессельроде был сдан в ведомственный архив и впредь не раз публиковался и еще чаще цитировался как свидетельство агрессивных намерений царизма. Текст ответа Абердина хранился в семейных бумагах как дело сугубо личное и к государственным сношениям никакого касательства не имеющее: «Последующие министры не могли считать себя связанными неведомой им частной перепиской»¹⁸. Да и сам Абердин в том же 1845 г. делился мнением с Ч. Стрэтфордом, послом в Константинополе: «Существует в Турции какая-то жизненность, какая-то оккультная сила, которая сводит на нет все расчеты, построенные на аналогиях с другими государствами»¹⁹.

Петербургские сановники не могли, однако, и подумать о том, чтобы бросить тень сомнения на успех переговоров коронованного дилетанта от дипломатии в Лондоне. «Россия и Англия — бесспорно два государства, которые призваны

осуществлять преобладающее влияние на Востоке», — соловьем разливался Нессельроде. После визита царя Петербург и Лондон «вместо того, чтобы заниматься взаимным истощением и парализовать свое влияние в глухой и непрестанной борьбе, ... содействуют друг другу в укреплении принципов порядка и законности»²⁰.

Немедленно после визита события способствовали оптимизму тщеславного царя. Кривая англо-французских отношений пошла вниз. Действия французского кабинета в Марокко и на острове Таити взволновали Лондон; вдобавок чадолюбивый Луи Филипп женил своего сына герцога Монпансье на испанской инфанте Луизе. Абердин «в шутливом тоне» завел речи, от которых у Бруннова захватило дух: «Я вспоминаю, как однажды в Виндзоре император говорил королеве, что та может рассчитывать на его войска». «Готовьте перо, чтобы составлять наш союзный договор»²¹. Кажалось, приближается заветный союз четырех монархий (России, Англии, Австрии и Пруссии) при полной изоляции Орлеанской династии. Николай Павлович, ознакомившись с донесением Бруннова и сурово пожуриг отступников («Вот плоды подлости 14 лет!»²²), выражал готовность забыть прошлые разногласия: «Когда я был в Англии, мне не мудрено было заметить, что дружба с Францией уже тогда была мнимая, и все держалось на волоске к совершенному разрыву. Разумеется, что я слушал, молчал и смеялся»²³.

Тут уместно вспомнить поговорку: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Царь и его сановники за капризными изгибами политической конъюнктуры не видели перспективу политической стратегии, забыли, что квинтэссенцией британской государственной мудрости являлся тезис о балансе сил в Европе и что на старом континенте самодержец играл значительно бóльшую роль, нежели Луи Филипп. Витая в облаках, К. В. Нессельроде утверждал в докладе по случаю двадцатилетия царствования Николая I: «...С 1814 г. ситуация России и ее суверена никогда не была такой прекрасной и величественной»²⁴. Главную удачу министр усматривал в распаде англо-французского союза. Все это писалось накануне серьезнейших межгосударственных осложнений, связанных с восстановлением в Париже династии Бонапартов.

Николай I первоначально отнесся с симпатией к Луи Наполеону, который «молодецки» расправился с остатками республиканских свобод во Франции. Тревога воцарилась в Петербурге, Вене, Лондоне и Берлине, когда пришедший к власти во Франции авантюрист стал всерьез помышлять о том, чтобы увенчать свою голову короной. Нависла угроза

над всей системой договоров 1814—1815 гг. Казалось, появилась серьезная причина для создания общеевропейской лиги против выскочки. Взоры российских сановников снова обратились к берегам Темзы: как-никак именно Великобритания 15 лет вела непримиримую войну с Наполеоном I, именно она настойчиво требовала и добилась в международных актах устранения династии Бонапартов с престола навсегда и изгнания из Франции ее членов.

Поначалу дело, казалось, клеилось: англичане благосклонно приняли обещание царя послать им на помощь 60-тысячный корпус в случае французского нашествия на Бельгию; правительство графа Э. Дерби (тори) считало полезным получить от Франции подтверждение незыблемости прежних договоров. Представители Англии, Пруссии, Австрии и России даже подписали соответствующий протокол ²⁵.

«Единый фронт» Европы существовал, однако только в воображении царя и Нессельроде. К. Маркс писал о «Наполеоне Маленьком»: «Никто во всей Европе лучше его не знает, что его непрочная власть зависит от союза с Англией» ²⁶. Поэтому из Парижа в Лондон потоком потекли дружеские заверения Бонапарта, и здесь им благосклонно внимали. Подобную метаморфозу претерпела австрийская точка зрения. Пока Петербург «отвращал» Наполеона от принятия императорского титула, Вена дала понять жаждавшему короны президенту, что не откажет ему в признании, и «болтуны Елисейского дворца,— сообщал посланник Н. М. Киселев 12(24) января 1852 г.,— говорят уже об интимных отношениях с Австрией» ²⁷. Заклинаний Нессельроде: «Если Наполеон III будет признан, вся Европа пройдет через Кавдинское ущелье Франции» ²⁸,— никто не слушал. В конце концов царь уступил по всему фронту, признав даже право Луи Наполеона основать династию; но, уступив по существу, заартачился, не пожелав именовать выскочку «дорогим братом», как было принято между монархами, и употребив выражение «добрый друг».

Тридцать шесть часов в Париже совещались по вопросу: принимать ли царское обращение в таком виде? Восторжествовало мнение практичного биржевого дельца, сводного брата новоиспеченного императора, герцога Мори, полагавшего, что факт признания важнее процедуры его оформления. Но Наполеон не забыл и не простил нанесенного ему оскорбления, и это сразу же сказалось на обострении спора о «святых местах».

Нет нужды вдаваться в детали завязавшейся ранее дискуссии о ключах к Храму Гроба Господня, праве входа через

тот или иной притвор и отправления служб в том или ином алтаре церкви в Вифлееме, Часовни Богородицы и т. д. Владыка мусульман пытался выступить примирителем между ссорившимися гяурами. Однако он поддавался то одной, то другой стороне. «Латиняне», опираясь на французскую дипломатию, теснили «греков».

Вмешался царь, сочинивший личное послание султану от 7(19) сентября 1851 г. Августейшее вмешательство подействовало, был подготовлен фирман (январь 1852 г.), подтверждавший права православного духовенства при небольших уступках католическому. О спорном вопросе — кому ремонтировать крышу Храма Гроба Господня — султан благоراضно умалчивал.

Последовал новый напор из Парижа. Французский посол Лаваллет, в вопиющее нарушение конвенции о проливах 1841 г., вернулся в Стамбул на линейном трехпалубном корабле «Карл Великий». «Это был провокационный жест», — свидетельствует британский историк М. Андерсон²⁹. Лаваллет опротестовал действия Порты в связи с выработкой благоприятного для православного духовенства фирмана и добился обещания не предавать его гласности. Спорящие стороны (греческое и католическое духовенство, представители Франции и России) были приглашены в Иерусалим. В Храме Искупления уполномоченный дивана Аффиф-бей, к содроганию христиан, выкурил трубку, а затем произнес речь об отеческой заботе султана о благе своих подданных без различия религии, в доказательство чего владыка мусульман обещал лично позаботиться о починке крыши над Храмом Гроба Господня (оплачивать ремонт должно было православное духовенство). Позднее все общество отправилось в Часовню Богородицы, где Аффиф зачитал ираде о праве католиков отправлять там службу. Султанский фирман в пользу греческой церкви так и не был оглашен, а стало быть, и не вошел в силу³⁰. В ответ на свои настойчивые просьбы русский консул К. М. Базили с изумлением услышал от турецких чиновников, что фирмана вообще не существует³¹. В конце года Базили покинул свой пост, будучи не в состоянии отправлять связанные с ним обязанности.

Явная двойная игра с турецкой стороны, некрасивый эпизод с «исчезнувшим» фирманом давали царизму возможность поставить под сомнение действенность односторонних актов Порты в отношении православных и поставить вопрос о международно-правовой, договорной их гарантии, чтобы под этим благовидным предлогом не только восстановить, но и расширить свое влияние на Балканах и Ближнем Востоке.

Зрела мысль о направлении в Стамбул чрезвычайного посольства с этой целью.

Встает вопрос: а сознавали ли в российском дипломатическом ведомстве, что раздоры вокруг почитаемых гробниц и храмов могут послужить коронованному французскому авантюристу, жаждавшему сцементировать кровью подножье своего трона, желанным предлогом для провоцирования войны? Знакомство с внутренней перепиской позволяет дать положительный ответ. Да, понимали; да, опасались, причем люди, на которых лежит немалая доля вины за скатывание России в крымскую пропасть, а именно — канцлер К. В. Нессельроде и посол в Лондоне Ф. И. Бруннов.

В письме, отправленном Бруннову 2(14) января 1853 г., руководитель российского МИД делился своими невеселыми мыслями³²: «...Новому императору французов любой ценой нужны осложнения, и нет для него лучшего театра, чем на Востоке». Он вкладывал в уста Бонапарта следующее рассуждение: начинать войну «на Рейне или на Шельде рискованно при нынешнем состоянии Европы. Три великие державы Севера едины в стремлении меня остановить и заставить соблюдать договоры. Англия относится с подозрением и следит за мной. Вторгнуться в Германию, Италию, а еще пуще — в Бельгию — значит поднять коалицию. Мне придется бороться против четырех».

Иное дело — Ближний Восток. Здесь «наступит очередь России остаться в одиночестве против всего мира». «Если Константинопольские проливы будут открыты для нас, соединенные морские силы Турции, Англии и Франции легко справятся с русским флотом. Проникнуть в Черное море; уничтожить здесь русскую торговлю; сжечь города; перебросить подкрепления повстанцам на Кавказе, все это, в раскладе на троих, не потребует слишком разорительных жертв людьми и деньгами». Нессельроде констатировал, что «в Константинополе недоверие и подозрительность в отношении нас настолько укоренились, что, сколько бы мы ни заверяли в отсутствии желания сокрушить Турцию, нам не поверят...».

Нельзя отказать рассуждениям канцлера в логике и в суровости оценок. Казалось бы, он должен был бить в колокола тревоги и настаивать на крайней осторожности и сдержанности. Ничего этого не произошло. За долгие годы службы Карл Васильевич научился оставлять свое мнение на пороге императорского кабинета. Откровенные суждения, сомнения и тревоги поверялись лишь глубоко частным письмам. Перед самодержцем предстал исполнительный чиновник, готовый

облечь во французские фразы монаршьи распоряжения. В докладных записках Нессельроде не давал воли своему пессимизму, хотя и пытался трезво рассуждать: «Мало надежды на то, что в случае войны мы найдем союзника в Англии. Она будет помогать нам поддерживать мир, но, обнаружив, что мы зашли в своих требованиях слишком далеко, она повернет против нас или по меньшей мере займет позицию вооруженного нейтралитета».

Такова же будет, я полагаю, роль Австрии, несмотря на всю ее близость с нами и напряженность отношений с Портой; будучи католической державой, может ли она поддерживать на Востоке дело, враждебное католицизму?

Остается Пруссия, чье влияние равно нулю в этом вопросе и которая, самое большее, окажет нам моральную поддержку»³³. Заканчивал канцлер на фаталистической ноте: и тогда не останется иного выхода, как прибегнуть к «последнему доводу королей» (т. е. к войне)³⁴.

Опытным дипломатом, умелым полемистом, непревзойденным стилистом слыл посол в Лондоне Ф. И. Бруннов. В личной переписке он советовал крайнюю осторожность в вопросе о «святых местах»: не надо натягивать вожжи, они ведь могут лопнуть; следует ограничиться «милым маленьким сенедом», чтобы — щеголял Филипп Иванович не совсем верно приводимой русской поговоркой, — и «волк был сыт, и овцы целы». Он высказывал глубоко правильную мысль, что не формулы трактатов, а реальное соотношение сил определяло в конечном счете русско-турецкие отношения: «Более или менее длинная, более или менее жесткая статья ничего в действительности не прибавят к нашему влиянию в Турции. Его истоки — в делах, а не в словах»³⁵. Но, подобно своему другу и начальнику К. В. Нессельроде, Бруннов частенько выступал как двуликий Янус, и тогда его пером водила не мысль политика, а угодливость царедворца. Он знал, чего от него ожидали в Зимнем дворце, и «обнаруживал» в Англии повороты, которых не было, а у общественности смену настроений, которой не наблюдалось. «...Одержимый большим самомнением, чрезмерно увлеченный неотразимой силой своего красноречия и слога, барон Бруннов не замечал печальной действительности и держал в заблуждении наше правительство»³⁶, — с этой оценкой А. М. Зайончковского нельзя не согласиться. В феврале 1853 г., накануне отправки чрезвычайного посольства в Константинополь, он сообщал в Петербург «о перемене, которая постепенно происходит в английских взглядах на Восточный вопрос». Британцы разочаровались в Турции, филантропы поняли, что

насадить там европейскую цивилизацию невозможно. Премьер-министр граф Абердин, тот самый, с которым Николай I вел столь приятные разговоры в 1844 г., «признавался» Бруннову: «Я ненавижу турок, ибо считаю их правительство самым дурным и угнетательским во всем мире. Одной из самых печальных обязанностей моей политической жизни являлось оказание поддержки сохранению Османской империи; я выполнял и буду выполнять этот долг как общественный деятель, ибо не вижу, чем мы можем заменить эту империю, если она рухнет»³⁷. Взором придворного Бруннов усмотрел приближение времени, когда англичане с тем же жаром, с которым защищали неприкосновенность султанских владений, примутся их сокрушать.

Можно представить себе, какое впечатление «информация» Бруннова произвела в Зимнем дворце! Обрадованный царь начертил на полях донесения: «Это наиболее знаменательная из всех депеш»³⁸. По словам лояльно монархического Ф. Ф. Мартенса, весть о «перевороте», совершившемся в общественном мнении Англии насчет Турции, была в полном смысле слова «солнечным лучом во мраке политических происков, запутавших в 1853 г. Восточный вопрос»³⁹.

Царь — с помощью Нессельроде и Бруннова — утвердился в мысли, что если и придется воевать, то лишь с франко-турецкой коалицией. Об этом свидетельствуют его собственноручные заметки по Восточному вопросу, составленные перед отправкой чрезвычайного посольства в Стамбул, в пятом пункте раздела «Возможные результаты» которых значится: «Французы отправляют флот и десантный корпус. Конфликт с ними»⁴⁰. Столкновение с Англией он исключал.

В состоянии полного внешнеполитического ослепления Николай I начал свои злополучные беседы с сэром Джорджем Гамильтоном Сеймуром, британским послом в Петербурге.

Царь органически не был способен понять какие-либо порядки, помимо самодержавных. Британским министрам и раньше приходилось с серьезным видом выслушивать его рассуждения о том, что словесная договоренность между монархами прочнее государственных трактатов. Он рвался к личному соглашению с королевой Викторией и придавал неоправданно большое значение приходу к власти лорда Абердина, столь дружественно беседовавшего с ним восемь лет назад.

Содержание четырех его разговоров в январе — феврале 1853 г. с британским послом сэром Гамильтоном Сеймуром превосходно освещено в советской историографии. Царские высказывания мало отличались от того, что он говорил ранее

в Лондоне. Он, Николай, не унаследовал честолюбивых замыслов своей бабки Екатерины: «Для меня было бы неразумно желать больше территории или власти, чем я обладаю». Нынешняя Турция — сосед, лучше которого и не придумаешь. Однако состояние ее таково, что она «неожиданно может скончаться у нас на руках». Так «не лучше ли заранее подумывать о непредвиденных обстоятельствах, чем подвергать себя опасности хаоса и беспорядков, наверняка приведущих к войне?» Замечание Сеймура, что государства в спешке не умирают и «Турция сохранится на много лет, если не произойдет непредвиденного кризиса», царь пропустил мимо ушей: «Повторяю Вам, что медведь умирает; вы можете наложить на него маску, но и это не надолго продлит ему жизнь...»⁴¹. Он продолжал на излюбленной ноте: «...Я не прошу договора или протокола; общая договоренность — вот все, что я желаю, между джентльменами этого достаточно»⁴². По мнению Сеймура, царь хотел вовлечь британское правительство «в союз с его собственным и венским в схему конечного раздела Турции при исключении Франции из договоренности»⁴³. Николай заявил ему: «Если Англия и я придем к согласию в этом деле, остальное меня не волнует, мне безразлично, что они делают и думают»⁴⁴. В личном письме Г. Сеймур комментировал дружеские откровения царя как свидетельство захватнических устремлений, вкладывая в уста своего собеседника следующую речь: «Я, Николай, милостью божьей и прочая, не желая идти на риск войны и компрометировать свою великодушную репутацию, никогда не захвачу Турции, но я уничтожу ее независимость, низведу до уровня вассала и сделаю само существование для нее бременем...»⁴⁵.

В Лондоне принялись сочинять ответ на беспрецедентные дипломатии откровения самодержца. Смысл депеши лорда Джона Рассела от 9 февраля 1853 г. сводился к следующему. Оснований для того, чтобы поднимать Восточный вопрос, не существует. Проблема распада Османской империи может встать через 20, 50 и даже 100 лет. Попытка же договориться заранее о судьбе ее владений грозит ускорить наступление этого события. Воспользовавшись дежурными заявлениями с русской стороны о стремлении сохранить султанское государство, Рассел писал: «При существующем порядке вещей мало гармонировало бы с благорасположением к султану, которым в равной степени охвачены император России и королева Великобритании, распорядиться заранее провинциями, находящимися под его скипетром». Было бы несправедливо скрывать подобного рода договоренность от Австрии и Франции, говорилось в ноте; умолчание вовсе не отвечало бы

стремлению избежать европейской войны. Если же сообщить об итогах переговоров великим державам — секрет быстро раскроется, что встревожит султана и побудит «его врагов удвоить свои усилия и искать еще более упрямо конфликта»⁴⁶.

Пожалуй, лишь одна фраза из длинного послания лорда Джона могла прийтись Николаю I по вкусу: «Правительство е. в. готово дать заверения, что не вступит в какую-либо договоренность с целью определить меры в случае падения Османской империи без предварительного совета с императором Всероссийским». «Это — ценное свидетельство», — гласила помета царя.

Прав, конечно, Лео Джеральд Бирн, уличающий Форин оффис в коварстве: «Вместо прямолинейного и энергичного отклонения любого плана раздела Османской империи... министерство Абердина создавало впечатление, что возражает лишь против времени и способа осуществления предложения»⁴⁷. И все же сделанные в британском ответе ударения и красноречивые умолчания были способны охладить трезво рассуждающую голову. На царя они не подействовали и от посылки грозного ультиматума Порты его не отвратили. Ничто не говорит в пользу того, что Нессельроде или какое-либо иное лицо из окружения Николая I пытались раскрыть ему глаза на сугубую опасность предпринимаемой акции. Сравнение частной переписки канцлера и составленных им официальных бумаг показывает, что в последнем случае он ограничивался ролью царского письмоводителя.

Решено было властным требованием, навязав Порте формальное обязательство международного плана, укрепить влияние царизма на Балканах и Ближнем Востоке. Николай написал своему «отцу-командиру», наместнику Польши фельд-маршалу Паскевичу: «А пока что ставлю на военное положение 4 и 5 корпуса, а также Черноморский флот, и мы будем готовы...»⁴⁸ Единственное, на что решился Нессельроде «от себя», так это предложил императору кандидатуру А. Ф. Орлова, с блеском действовавшего во время подписания Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., в качестве главы чрезвычайной миссии в Турцию. Проницательный Орлов не верил в успех затеи и уклонился от назначения. Царский выбор пал на князя А. С. Меншикова.

А. С. Меншиков, хоть и слыл человеком высокообразованным, был дилетантом во всех занятиях, с которыми сталкивался во время своей длительной карьеры — в военном и морском деле и дипломатии. Подведомственный ему Балтийский флот за четверть века «командования» он довел до

состояния полного развала: по свидетельству его преемника, из двадцати семи линейных судов не осталось «ни одного благонадежного для плавания в отдаленных морях»⁴⁹. Профессионалом князь Александр Сергеевич был только по части царедворческой.

Нессельроде снабдил чрезвычайного посла четырьмя подробными инструкциями, не считая наставлений в менее официальной форме. Меншиков должен был во время первой же встречи с турецкими министрами категорически потребовать восстановления прав греческого духовенства в «святых местах», отвергнув ссылки на фирман 1740 г. как устаревший. После нарушения Портой взятых на себя по фирману от января 1852 г. обязательств Петербург требовал, чтобы договоренность об этих правах была облечена в форму конвенции или сенеда, имеющих силу международного договора. Иными словами, Порте следовало принять перед Россией обязательства, касавшиеся ее внутренних дел. Меншиков должен был указать, что все его предложения «основываются на прецедентах, как то — изданные Портой фирманы, установившиеся обычаи и привилегии, которыми пользовалась во все времена в Турции церковь и высокое духовенство...»⁵⁰.

Не ко времени в Петербург прибыли известия о колебаниях и страхах османских сановников и самого султана, «более перешительного, чем всегда, и пребывающего в состоянии жестокой тревоги». Меншикову было велено взять жесткий тон, настаивая на буквальном исполнении январского 1852 г. фирмана и подписании международного акта. Есть свидетельства, что коварную идею, которая привела к краху посольства, подбросил не кто иной, как известный реформатор и убежденный англофил Решид-паша. В докладе Нессельроде царю от 13(25) декабря 1853 г. говорилось, что именно Решид направил русскому поверенному в делах секретную записку, советуя заключить, в противовес «французским капитуляциям, договор или конвенцию с целью возобновления и дополнения статьи договора в Кайнарджки относительно покровительства и иммунитета, которыми должны пользоваться православная религия и ее служители в Османском государстве»⁵¹.

В случае отсутствия положительного отклика со стороны великого визиря Меншиков должен был ждать три дня, а затем со всей миссией покинуть Стамбул, оставив начальника канцелярии для ведения текущих дел. Если бы турки, напротив, склонились к отпору французским притязаниям, посол в генеральско-адмиральском чине должен был бы предложить им оборонительный союз в форме секретного и сепар-

ратного акта, проект которого прилагался ⁵². В одной из инструкций прямо говорилось о необходимости «получить у османского правительства более отчетливо выраженные и детальные обязательства, нежели содержащиеся в наших прежних договорах, особенно Кючук-Кайнарджийском» ⁵³. Этой цели и должна была служить предлагаемая конвенция ⁵⁴.

На двух ее положениях, утвержденных царем вместе со всеми врученными Меншикову документами, следует остановиться. Русский двор и Порта в статье 1 устанавливали «настоящей конвенцией, что православная христианская религия будет пользоваться покровительством во всех ее церквях и что министры императорского российского двора, как и в прошлом, будут вправе делать представления в пользу церквей * Константинополя и других мест, а также в пользу клира, и эти представления будут приниматься как исходящие от соседней и искренно дружественной державы». Расширительное толкование здесь по сравнению с Кючук-Кайнарджийским договором очевидно. В последнем подобная формулировка допускалась лишь в отношении Дунайских княжеств. Османские сановники, разумеется, помнили, что именно с Кючук-Кайнарджи, и не без влияния этого пункта, начался процесс укрепления автономии Молдавии и Валахии. Статья 3 предлагаемой конвенции устанавливала принцип пожизненности и несменяемости четырех восточных патриархов, а 4-я, посвященная «святым местам», содержала еще более тревожную для султана формулировку: «Блистательная Порта, — говорилось в ней, — обязуется перед императорским Российским двором сохранять и уважать права греческой православной церкви в святых местах Иерусалима и его окрестностей» ⁵⁵. Не нужно было быть пророком, чтобы предвидеть ожесточенное сопротивление османских сановников подписанию подобного документа, и в ведомстве Нессельроде трудились понапрасну, сочиняя в дополнение к нему еще и проект русско-турецкого союза на случай безоговорочного принятия всех царских требований. Это был явно утопический вариант.

Особая инструкция МИД касалась возможных позиций великих держав в конфликте. И здесь заблуждения российской дипломатии бросаются исследователю в глаза. Соот-

* Британский посол Ч. Стрэтфорд при передаче текста проекта конвенции в Лондон допустил грубую подтасовку, искажавшую ее смысл: «давать распоряжения церквям». В таком фальсифицированном виде депеша фигурировала перед членами парламента во время прений (3-rd Ser., v. 130, p. 1234).

ветствовало истине лишь утверждение, что Великобритания не примирится с тем, что под флагом защиты католицизма Наполеон III стремится нанести ущерб ее влиянию в Леванте. Все остальное было составлено под настроение царя и являлось образчиком того, как желаемое принималось за действительность. «Поведение лорда Абердина показывает серьезное желание избежать крайних последствий... Он уже предпринял усилия, чтобы подвинуть кабинет Тюильри к более благоприятной позиции... Он относится с полным доверием к умеренности и охранительным тенденциям императора...»⁵⁶, — сбивал Нессельроде Меншикова с толку. В то же время, чтобы не пугать Лондон претензиями царизма, данные генералу и адмиралу инструкции британскому кабинету «были сообщены в общей форме, не упоминая о конвенции»⁵⁷. Это было по меньшей мере наивно, ибо Гамильтон Сеймур вытянул у царя все, что нужно, вплоть до примерной «раскладки» Османского наследства⁵⁸.

Грубейший просчет МИД допускал в отношении Австрии: «Что касается двух других великих держав, то Вы, князь, достаточно знаете про наш тесный союз с ними...» Австрия, как страна католическая, «не может слишком открыто поддерживать права православного культа против латинского» (!). «Но мы имеем основания полагать, что Венский кабинет достаточно просвещен, чтобы видеть, что в данном случае Франция гораздо более занята не проблемами религиозного свойства, а достижением политической цели»⁵⁹. Царский посол при Габсбургском дворе барон Мейендорф не хотел отставать от Бруннова по части передачи в Петербург приятных вестей. Даже летом 1853 г. он заверял: «За исключением нескольких предубежденных умов... все (здесь) согласны в том, что тесный союз с Россией... должен являться основой политики венского кабинета»⁶⁰.

Меншикова чуть опередил в Стамбуле австрийский чрезвычайный посол граф Лейнинген, которому поручено было уладить тревожившие Вену черногорско-турецкие дела. В 1852 г. вспыхнуло восстание в Герцеговине; на помощь местному населению пришли черногорцы. В Стамбуле было решено не только подавить «бунт», но и проучить непокорных соседей-горцев. Черногория была окружена 60-тысячной армией Омера-паши; над страной нависла смертельная угроза. Тысячи беженцев скопились на австрийской границе. Вена тревожилась за состояние югославянского населения империи и хотела по ходу дел добиться отказа Турции от претензий на два порта по Далматинскому побережью — Клек и Суторину. Пригрозив разрывом отношений, Лейнинген добил-

ся капитуляции Турции по всему кругу вопросов, включая отвод армии Омера-паши от Черногории ⁶¹.

Российская дипломатия содействовала австрийским демаршам и внесла немалый вклад в их успех. Николай I заверял Франца-Иосифа: «...Если последует война между тобою и Турцией, то это будет равносильно тому, что Турция объявила войну мне» ⁶², воображая, что Габсбурги оплатят ему той же монетой. Удача Вены, достигнутая прямым и резким нажимом, способствовала дальнейшему головокружению в Петербурге.

Царь предварил отправку чрезвычайного посольства переводом двух армейских корпусов и Черноморского флота на военное положение. В свиту Меншикова входили адмирал Корнилов и генерал Непокойчицкий. Оба они времени даром не теряли, обследовали берега Босфора и Дарданелл, добрались до Смирны и Пирея, явно ведя военную разведку. Сам посол в генеральско-адмиральском чине на первых порах рассматривал себя как некую разновидность войскового авангарда.

На пристани в Константинополе Меншикова встретила большая и восторженная толпа греков, что еще больше встревожило турецкие власти. Послу было предписано не вступать в переговоры с министром иностранных дел Фуадом-эфенди, которого обвиняли в срыве переговоров о «святых местах» и махинациях с султанским фирманом. Меншиков не нанес ему положенного протокольного визита — Фуад понапрасну прождал его несколько часов в кабинете, у дверей которого стоял церемониймейстер. Обиженный министр подал в отставку; дипломатический мир был шокирован. «Хорошенькие дела вы творите», — сказал Бруннову новый глава Форин-оффис лорд Кларендон, встретив его в театре.

Верительные грамоты Меншикова были написаны, вопреки обычаю, лишь по-русски; даже на аудиенцию к султану он явился в цивильном платье, а не в мундире, и все эти действия, иногда непреднамеренные, были восприняты в накаленной тогдашней атмосфере как подчеркнуто пренебрежительное отношение к турецкой стороне. Меншиков не нашел времени нанести визиты османским сановникам и пренебрег назойливыми попытками британского поверенного в делах полковника Роуза быть в курсе переговоров, и это тоже было зачтено не в его пользу.

Новый реис-эфенди Рифаат-паша весьма спокойно воспринял все в инструкциях Меншикову, что касалось службы в храмах. Совсем иной была его реакция при знакомстве с проектом конвенции о правах православных: «Во время чте-

ния лицо Рифаата, видимо, омрачилось; он показался живо задетым и в течение нескольких минут не мог произнести ни слова... Я оставил его в состоянии растерянности и тревоги», — передавал Меншиков в Петербург⁶³. Сама идея навязать Турции втайне от держав нежелательный ей договор (ибо османы не без основания опасались, что вместе с гарантией прав православной церкви они предоставят царизму повод для постоянного вмешательства), да еще в условиях, когда император французов днем с огнем искал зацепку для войны, была и не жизненной, и крайне опасной.

В Лондоне давно и пастороженно следили за завязавшимся вокруг палестинских святынь спором. Что Франция была его зачинщиком и стороной наступающей, не вызывало сомнений; явные попытки британского соперника № 2 (первым, несомненно, была Россия) расширить свое место под ближневосточным солнцем настраивали Уайт-холл на тревожный лад: «Французский посол первым нарушил существующее статус-кво. Нельзя отрицать наличие споров между латинским и греческим духовенством, но без политических акций со стороны Франции эти споры никогда бы не вызвали затруднений в отношениях дружественных держав», — писал глава Форин оффис Джон Рассел представлявшему Англию в Париже лорду Каули в январе 1853 г.⁶⁴ Посольство в Константинополе уже раньше забило тревогу: «Порта полностью сознает важные политические расчеты, связанные с начавшимся спором... Никто не сомневается, что греческая церковь и нация напрягут все усилия, чтобы сохранить свои преимущества и что влияние России, пусть замаскированное, будет пущено в ход, как и ранее в подобных случаях, чтобы отбить атаку латинской партии»⁶⁵.

На дипломатической доске создавалась сложнейшая ситуация — на схватку двух британских конкурентов накладывались настойчивые попытки турецкой стороны вовлечь Англию в конфликт. Возглавлявший временно посольство полковник Роуз явно не соответствовал занимаемому посту. «Прибытие князя Меншикова в Константинополь испугало полковника Роуза до такой степени, что он лишился остатков здравого смысла»; он действовал на основании «пустых слухов», гулявших по Пере⁶⁶, или, как он выражался, «в результате доверительных сообщений», — писал современный журналист⁶⁷. Его французский коллега Бенедетти, рвавшийся в драку, просил свое правительство отправить флот в Восточное Средиземноморье. Роуз последовал его примеру; более того, возомнив себя вершителем судеб Востока, он направил телеграмму адмиралу Дандесу на о-в Мальту с требованием

отплыть к турецким берегам. «За этот акт добровольного подчинения (Порте. — В. В.) он получил изъявления «искренней и глубокой благодарности» от великого визиря и самого султана»⁶⁸, — сообщал новый британский министр иностранных дел Кларендон послу в Париже Каули.

У адмирала Дандеса хватило благоразумия не подчиниться скоропалительному вызову Роуза, он запросил инструкций у кабинета. На Уайт-холле были озадачены: здесь привыкли сами формулировать свою политику и опасались, как бы непродуманные действия Роуза не поставили кабинет в непривычное положение орудия в чужих руках.

20 марта в британском адмиралтействе состоялось поспешно созванное в связи с запросом Дандеса совещание. Присутствовали: премьер-министр Абердин, Кларендон, переведенный на пост лидера палаты общин Джон Рассел, морской министр Грэхем. В последний момент был приглашен самый воинственный из членов правительства Пальмерстон, возглавлявший тогда ведомство внутренних дел и по должности к заседанию не причастный⁶⁹.

Мнения разделились: Рассел, Пальмерстон и с некоторыми оговорками Грэхем высказались в пользу быстрой акции. Грэхем уже ранее своей властью распорядился готовить подкрепления Средиземноморскому флоту. Абердин и Кларендон вполне правомерно сочли, что казуса белли не существует; Дандесу было предписано оставаться на месте. В официальной депеше Кларендон писал: «...Роуз действовал поспешно, вызывая флот, адмирал Дандес благоразумно отказался покинуть Мальту без распоряжения из дома. Французское правительство приняло опрометчивое решение, отдав распоряжение об отплытии своего флота, который не зайдет дальше Саламина... После всех торжественных и личных заверений, данных нам императором России, было бы совершенно не оправданным с нашей стороны сомневаться в его слове, и мы полагаем поэтому, что миссия князя Меншикова не угрожает независимости и целостности Турецкой империи»⁷⁰. В Париже не скрывали своего раздражения: «Двадцать раз мы предлагали Лондону согласовать наши действия в виду более чем вероятных событий; тогда нам говорили, что слишком рано; сегодня утверждают, что, возможно, уже слишком поздно, и просят нас остановиться», — ворчал министр иностранных дел Друэн де Льюис⁷¹.

В Петербурге вздохнули с облегчением: вроде бы ставка на англо-французскую рознь оправдывалась, и поспешили «поздравить себя с действиями британского министерства в сих обстоятельствах»⁷². Нессельроде от имени царя побла-

годарил Абердина и Кларендона за «здоровое воздействие» на кабинет. В Константинополь была направлена информация, способная сбить с толку и более опытного дипломата и менее самоуверенного человека, нежели князь Александр Сергеевич Меншиков: «Британский кабинет не разделяет мнения полковника Роуза». Канцлер выражал надежду, что возвращаемый в Стамбул старый недруг России «ужасный Стрэтфорд-Каннинг» солидарен с кабинетом и окажет Меншикову содействие: «Если это так, Вы найдете у него поддержку... К счастью, в этих обстоятельствах Англия не заняла одинаковой с Францией позиции»⁷³. В частном письме Нессельроде выражал надежду, что «дьявол (то бишь Стрэтфорд.— В. В.) не будет столь черен, как опасались»⁷⁴.

Внимательный и нелюбезный анализ находившихся в распоряжении российского МИД документов должен был привести к иным, гораздо более суровым выводам.

Граф Джордж Кларендон, приняв у лорда Джона Рассела, по английскому выражению, печати ведомства иностранных дел, поспешил объяснить с Петербургом, повторив в своей депеше от 23 марта, а кое в чем и усилив утверждения, содержащиеся в послании его предшественника: «Англия, — писал Кларендон, — не может участвовать в соглашении, какую бы общую форму оно ни носило, которое держалось бы в секрете от других держав», подобная договоренность «послужила бы сигналом к подготовке интриг всякого рода и восстаниям христианских подданных Порты». Попытки же расчленив Османскую империю чреватой войной.

Заканчивалась депеша заверениями в жизнеспособности султанского государства; веротерпимость же Порты, по словам Кларендона, могла служить примером для некоторых правительств, взиравших на Турцию как на варварскую страну⁷⁵.

О реакции царя на послание судить трудно: «Мы об этом поговорим», — гласила единственная его помета. Нессельроде, оговорив несогласие с положениями британского документа относительно жизнеспособности Османской державы, объявил о готовности «сотрудничать с Англией в общем деле продления существования Турецкой империи»⁷⁶. Ни царя, ни его министра британская нота не заставила задуматься, тем более остановиться. Призрачная надежда на то, что Альбион союзником Турции и Франции не станет, не была оставлена.

Лондон официально объявил о непричастности к спорам католиков и православных — благо протестанты к ним особого интереса не проявляли, за исключением экзальтирован-

ного прусского короля Фридриха Вильгельма IV, да и тот стоял на пороге безумия. Но «свобода рук» предоставлялась Меншикову лишь в хлопотах о починке крыши над Храмом Гроба Господня, распределении ключей от церкви в Вифлееме и праве служить в том или ином алтаре. Что же касается политических проблем, хотя бы и прикрытых религиозной оболочкой, тут перед Петербургом вырастала стена, на которой было начертано: сохранение статус-кво на Балканах и Ближнем Востоке.

Ранее мы останавливались на сокрушительной критике, которой тот же Кларендон подвергал пресловутый тезис, разоблачая его лицемерие⁷⁷. Однако подобные откровения допускались лишь в сугубо доверительной корреспонденции. По должности министра Кларендон воспринял весь пропагандистский арсенал Форин оффис и исправно твердил насчет обуревавшей его заботы о благе османов.

В инструкции, которой министр снабдил спешно снаряженного в Константинополь Стрэтфорда, повторялась дежурная фраза: «сохранение независимости и целостности Турции входит в общеустановленную систему европейской политики», хотя осуществить это нелегко ввиду «дурного управления собственными делами, растущей слабости исполнительной власти», «безрассудно скверной администрации» и возможности «общего восстания всех христианских подданных Порты». Проездом Стрэтфорду надлежало остановиться в Париже: «Вы сообщите французскому министру иностранных дел, что правительство е. в. с глубоким удовлетворением убеждено в том, что интересы Франции и Англии на Востоке идентичны, и нет ничего, могущего помешать их сотрудничеству» здесь. Тем самым давалось понять, что Лондон считал эпизод с вызовом эскадр скоротечной размолвкой.

Бумага, которой снабдили посла, содержала целую серию благонамеренных пожеланий, долженствовавших свидетельствовать в пользу миролюбивых замыслов кабинета. Стрэтфорд должен был советовать всем проявлять благоразумие, умеренность и сдержанность. Признавались права России в «святых местах». Тут же указывалось: «Правительство е. в. не желает давать Вам особых инструкций и оставляет в. пр-во свободным от пут в проявлении ваших суждений и заключений». Подчеркивалось при этом, что Порта возлагает на Великобританию «ббльшие надежды в оказании возможной помощи, нежели на какую-либо иную христианскую державу». Старому недругу России предоставлялись широчайшие полномочия — вплоть до вызова эскадры с острова Мальты, если «угроза нависнет над турецким правительством»⁷⁸.

По прибытии в Константинополь Стрэтфорд сообщал в Лондон: «Россия, не желая чинить сейчас явное зло, стремится восстановить свое прежнее преобладающее влияние; к сожалению, Франция дает для этого повод».

Было бы неоправданным упрощенчеством полагать, что весной 1853 г. Уайт-холл уже настроился на войну и что в кабинете не существовало разногласий в подходе к Восточному вопросу. Следует исходить из того, что британское влияние в Стамбуле находилось на подъеме — свидетельство Стрэтфорда о попытке России восстановить свои позиции говорит само за себя, — и по всем данным этот процесс продолжался бы и в условиях мирного времени. Государственные мужи Англии стояли перед выбором: удовлетвориться ли постепенным повышением своих акций на Балканах и Ближнем Востоке или попытаться воспользоваться уникальной внешнеполитической конъюнктурой, когда в связи с задиристостью Луи Наполеона союзник сам в руки шел, и сразу оказаться в большом выигрыше.

Колебания в кабинете испытывал его глава граф Абердин. Прощлый опыт, когда он, будучи министром иностранных дел в 1829—1830 гг., потерпел фиаско, пытаясь «осадить» Россию и лишит балканские народы, прежде всего греков, сербов, валахов и молдаван, выгод победоносного Адрианопольского мира, опасение войны с Россией и ее последствий в виде краха «системы 1815 г.», неверие в прочность союза с вискочкой, усевшимся на французский трон, наконец, нерешительность характера — все это воздействовало на позицию премьер-министра. В политике важны, однако, не субъективные настроения того или иного государственного деятеля, а объективные результаты его действий. Неоднократные заверения — «войны не будет, войны не может быть», даваемые Абердином в тиши кабинета, с глазу на глаз с Брунновым — воспринимались в Петербурге чуть ли не как формальные обязательства. На деле же Абердин, выражая бесконечные сомнения и сожаления⁸⁰, кончил тем, что присоединился к своим более воинственным коллегам. «Ястребы» в правительстве пользовались и тем обстоятельством, что формальный руководитель внешней политики Джордж Кларендон слыл умеренным и даже в прошлом имел с воинственным Джоном Пальмерстоном разногласия. Последний радовался, что «поряду обстоятельств» Кларендон «может говорить и действовать так», как ему, Пальмерстону, было бы невозможно из опасения вспугнуть премьера и вызвать его подозрения ввиду репутации опасного забияки, прочно закрепившейся за лордом Джоном⁸¹.

Стрэтфорд, относившийся, несомненно, к «ястребам», опирался на поддержку влиятельной группировки министров. Царские же сановники и сам император, убаюканные утешительными сведениями Бруннова, сперва полагали, что английский посол окажется не в состоянии совать палки в колеса требований Меншикова; когда же убедились в обратном — вообразили, будто он является единственным злым гением британской внешней политики, и его можно укротить с помощью благожелательно настроенного к России премьер-министра.

Турки на сей раз с нетерпением ожидали приезда «великого элчи». По понятным причинам они не хотели подписывать навязываемую им конвенцию и жаждали поддержки извне своему сопротивлению. Французы не казались им достаточной опорой, посол в Стамбуле де Лакур не имел полномочий «взять на себя ответственность за побуждение Оттоманского правительства к отказу в требованиях России»⁸². Так что все пути сходились у британской миссии в Терапии. Реис-эфенди Рифаат говорил русскому драгоману К. М. Агриполо: «Неужели вы верите, что мы держим все в секрете от Каннинга?». «Во имя господ, будьте умеренны, не доводите нас до крайности; вы заставите нас броситься в объятия других; предпримем усилия для достижения доброго соглашения между двумя суверенами. Разве этого можно достигнуть с помощью насилия?». Рифаат советовал «отказаться от идеи договора, и тогда все можно устроить»⁸³.

Незадачливая игра в прятки вокруг конвенции, затеянная Нессельроде, «удалась» лишь в отношении собственных послов: Ф. И. Бруннов и Н. М. Киселев заверяли собеседников в чистоте царских намерений⁸⁴. Прекрасно осведомленный Кларендон до поры до времени делал вид, будто принимает все за чистую монету; потом он изобразил удивление и разыграл крайнее возмущение в связи с тем, что его так коварно, так злонамеренно ввели в заблуждение, обманув его доверчивость, воспользовавшись его искренностью, и т. д.

И действительно, Стрэтфорд уже на полпути узнал о содержании конвенции из уст драгомана Стефана Пизани, встретившего его в Триесте. 5 апреля корабль «Фьюри» с послом на борту бросил якорь в бухте Золотой Рог. На пристани Стрэтфорда встречали представители турецкого правительства; на коне, присланном султаном из своей конюшни, он прибыл в особняк посольства. 7 апреля великий визирь сообщал, что готов предоставить ему текст «секретной» конвенции; 11 апреля Стрэтфорд передал в Лондон ее содержание⁸⁵, грубо и провокационно искажив текст⁸⁶.

Вскоре по приезде Стрэтфорд имел беседу с русским поверенным в делах Озеровым⁸⁷, смысл которой можно было свести к трем словам: не суйтесь дальше. «Позиция, в которую вас ставят ваши религиозные симпатии в Турции, всегда будут вызывать к вам подозрение. Всякий новый успех, завоеванный вами на этой почве, возбудит недоверие не только у Порты, но и у нас, людей Запада... Вы столкнетесь с сильной оппозицией. Против вас образуется лига, ибо ваше естественное влияние в этой стране так велико, что можно справедливо опасаться даже его минимального увеличения». Абердин в более вежливой форме говорил Бруннову то же самое: «Мое мнение возобладало в кабинете * лишь потому, что я рассматривал спор как относящийся исключительно к святым местам. Измени он свой характер, повлияй он на положение христианских подданных Османской империи в целом — и мое мнение не будет стоять ничего»⁸⁸.

Царизму предлагали уступить свое влияние в Стамбуле без борьбы, создав, однако, видимость компромисса, уладив богослужebные дела в Палестине с учетом его пожеланий так, чтобы Петербург имел возможность соорудить хорошую мину при плохой игре.

Со дня своего прибытия в Константинополь Стрэтфорд стал негласным, но неоспоримым руководителем турецкой внешней политики, что объяснялось не столько его дипломатическими талантами (наличие которых отрицать нельзя), но прежде всего тем, что Порта не желала принимать навязываемую Меншиковым конвенцию и жаждала поддержки. «Реис-эфенди не замедлил воззвать к лорду Стрэтфорду»⁸⁹, — эти слова из книги Л. Бирна как нельзя лучше характеризуют состояние англо-турецких отношений. Биограф Стрэтфорда именуется инструкциями советы, которые тот давал османским сановникам. Когда последние падали духом и склонялись к уступкам, посол ободрял их намеком на британскую помощь. Он предложил им проявлять крайнюю сговорчивость во всем, что касалось богослужebных дел, вести в самом благожелательном тоне переговоры о куполе, притворах, алтарях и лампадах, но упорно противиться любой попытке зафиксировать в международном акте права православной церкви⁹⁰. Его расчет был прост и безошибочен: обнажить стремление царизма к упрочению своих позиций на Балканах, лишить его всякого камуфляжа, что должно было объединить Англию, Францию, Турцию, а в перспективе и Австрию в стремлении к отпору.

* Подразумевался отказ британского правительства от посылки флота в турецкие воды.

Совсем неясно другое: почему у Меншикова, после первой же беседы со Стрэтфордом, возник план действий, совпадавший с замыслами коварного британца: «Не говорить больше ни о сенеде, ни о конвенции до тех пор, пока пункты насчет святых мест не будут урегулированы»⁹¹. Приходится констатировать, что князь проглотил предложенную англичанами приманку. Лишь позднее Меншиков собирался перейти к обеспечению гарантий. Он ставил перед Нессельроде вопросы, на которые отвечал царь:

«Должен ли я доводить свою настойчивость до угрозы отъезда миссии? (Помета: «Да»).

Могу я удовлетвориться обменом нотами или другими подобными обязательствами, не имеющими формы договора? (Помета: «Договор или конвенция — мне все равно»)⁹². И Меншиков получил повторное указание — добиться заключения международного акта, «имеющего силу и ценность договора»⁹³, с помощью которого можно было бы «покровительствовать религиозным учреждениям восточной церкви более действенно, нежели нам позволял Кючук-Кайнарджийский договор».

Следует признать, что достичь подобного результата было невозможно, даже соединяя Меншиков мудрость царя Соломона с красноречием Иоанна Златоуста. Он же не обладал ни тем, ни другим. Все шло более или менее гладко, пока российский посол, при содействии Стрэтфорда, шел к расставленной последним ловушке. Затем возник тупик. Меншиков сообщал Бруннову: «Дело о святых местах соглашено между французским послом, Портою и мною, нужные для этого фирманы изготовляются. Окончательному соглашению сему много способствовал лорд Редклифф.

Но это его доброжелательство миновалось...»⁹⁴.

Попытки добиться фиксации прав православных в международном акте встречали отпор.

Резкая вербальная нота от 7(19) апреля не произвела на турок впечатления. Частным путем Меншиков выражал мнение: «Порта даже более слепо, нежели обычно, поддается на инсинуации лорда Стрэтфорда, которому сообщает малейшие детали переговоров с нами. Английский посол, не оставляя явно своей роли примирителя, втайне поощряет сопротивление Порты самому существенному из наших требований»⁹⁵. В тех же выражениях была составлена и его официальная депеша: «Советники со стороны во главе с лордом Стрэтфордом поощряют сопротивление османского правительства», заключение конвенции представляется ими как «угроза безопасности и независимости Турции»⁹⁶.

И Меншиков, с санкции Петербурга, отступил. Характерны при этом выражения, к которым Нессельроде прибег, информируя Г. Сеймура об отходе от прежней русской позиции: «Поскольку форма договора вызывает возражения как со стороны посла королевы, так и Порты, будет изыскана иная»⁹⁷.

23 апреля (5 мая) Меншиков предложил измененный проект сенеда⁹⁸, в котором исчезло важнейшее положение о принятии Портою на себя обязательств. В новом документе говорилось о сохранении «на основе строгого статус-кво» прав и привилегий православной церкви и ее духовенства. Ссылки на Кючук-Кайнарджийский и другие договоры исчезли. Упомянутый вопрос о предоставлении в Иерусалиме места для постройки русской церкви и странноприимного дома носил локальный характер. Ультимативным был только предоставлявшийся для ответа срок — пять дней

Проект свидетельствовал не просто о поскромнении Меншикова, а о том, что царизм фактически отказался от претензий на расширение своего влияния на Балканах и Ближнем Востоке под флагом религиозного покровительства и, отступая по всей линии, стремился лишь сохранить то, что осталось. Изменился сам тон демаршей Меншикова, в них зазвучали просительные ноты. В письме, с которым он обратился к Стрэтфорду 27 апреля (9 мая), говорилось: «Императорское правительство требует сохранения того, что существовало аб антико»; будучи «чуждо претензиям на преобладание в чем-либо», оно «не ищет для себя иного круга действий на Востоке, нежели тот, что осуществляется его западными союзниками»⁹⁹.

В западной литературе и поныне встречаются утверждения о грандиозных завоевательных замыслах царизма в 1853 г.: «С помощью одного договора царь, как представлялось, пролил султана безвозвратно отказаться от всякого подобия власти над более чем 14 миллионами своих подданных»¹⁰⁰. Обращение к источникам приводит к выводу, что требования Меншикова даже в их первоначальном виде не означали ничего подобного; его «натиск» продолжался до 5 мая; внесенный в этот день измененный проект договора никаких новых обязательств не накладывал и ничего существенного в положение, при котором влияние царизма в Османской империи катилось вниз, не вносил.

Но на календаре значился не 1774 и не 1829 год, а 1853, и Порта не считала нужным связывать себя какими-либо обязательствами.

28 апреля (10 мая) присмиривший Меншиков обратился

с просительным письмом к известному реформатору Решид-паше (не занимавшему тогда официальных постов). «Вашей светлости, возможно, покажется странным получить письмо из посольства державы, которая, как полагают, никогда не пользовалась Вашими симпатиями. Но я обращаюсь к человеку опыта и таланта, к министру, который несомненно создает серьезность положения Порты в результате рискованных отношений, в которых она находится сейчас с Россией»¹⁰¹. Через Решиду Меншиков испросил — и получил — аудиенцию у султана. Владыка мусульман углубляться в суть дела не пожелал и отослал Меншикова по всем делам к своим министрам. «Это было равнозначно отправке к хитрому Стрэтфорд-Каннингу»¹⁰², — замечает биограф последнего.

Британский посол и по части аудиенций опередил Меншикова: 9 мая он беседовал с Абдул Меджидом с глазу на глаз. Он поздравил султана с твердостью, которую его сановники проявляют в сношениях с русскими, заверил его, что опасности войны пока что не существует. Султан просил помощи у «элчи» (посла) и английского народа. Стрэтфорд в ответ сообщил (в первый раз), что располагает полномочием держать в готовности Средиземноморский флот¹⁰³.

После бесед с двумя дипломатами произошла очередная перетасовка совета министров. Решид-паша был поставлен во главе иностранных дел. В дипломатическом корпусе Константинополя сочли Меншикова причастным к этому назначению и изумились, ибо реформатор слыл самым убежденным и упорным противником русского влияния.

В насыщенный событиями день 9 мая Стрэтфорд направил Кларендону депешу, заключающую план действий на дальнейшее: он, Стрэтфорд, и де Лакур «должны сформулировать ответ, который турецким министрам следует представить российскому послу с тем, чтобы отныне превратить вопрос из русского в общеевропейский»¹⁰⁴.

Поскольку заведомо было известно, что Россия по балканским и ближневосточным делам в европейском ареопаге находится в одиночестве, «европеизация» проблемы кровительства христианам означала вытеснение царизма из региона и воцарение здесь Великобритании. Правда, о последнем турецким пашам не сообщали, и те, отвергая послания Меншикова, воображали, что тем самым способствуют упрочению суверенитета своего государства.

В ответе на «второй проект» Меншикова Порта заявляла, что султан «близко к сердцу принимает дело сохранения древних религиозных иммунитетов своих греческих подданных»*;

* В данном случае подразумевались все православные.

но заключение «сенеда по столь деликатному вопросу ...разрушило бы основы суверенной независимости» государства¹⁰⁵. В Петербурге не ошиблись, сочтя, что «нота продиктована лордом Редклиффом», и «Порта потеряла всякую независимость» по отношению к Великобритании¹⁰⁶.

На другой день «с болью в душе» Меншиков объявил, что «должен считать свою миссию законченной и прервать отношения с кабинетом е. в. султана и возложить на его министров всю ответственность за могущие произойти последствия»¹⁰⁷.

Однако Решид-паша не менее князя Александра Сергеевича стремился возложить ответственность за разрыв на другую сторону с тем, чтобы иметь возможность написать впоследствии: «Я исчерпал все усилия в поисках урегулирования, которое, не нанося ущерба независимости и священным правам е. и. в. моего августейшего суверена, могло бы удовлетворить российский двор»¹⁰⁸. Меншиков в связи с приходом к власти нового правительства продлил срок ожидания, и обмен посланиями продолжался.

17 мая собрался большой совет Османской империи — министры, высшие сановники, некоторые губернаторы, представители духовенства. Накануне и утром «лорд Редклифф проявил мало соответствующую его положению активность, посетив большинство сановников, убеждая их голосовать против нас и принять проект ответа, составленный в английском посольстве»¹⁰⁹, что и было сделано 42 голосами против трех. На другой день Решид явился к Меншикову, сообщив, что султанским указом будут подтверждены права православной церкви. Что же касается сенеда, то он мог бы касаться лишь строительства русской церкви и странноприимного дома в Иерусалиме¹¹⁰. Это означало устранение царизма от решения дел на Балканах и Ближнем Востоке, и не только религиозных.

Получив «в сильных выражениях категорический отказ» Меншикова, Решид удалился. «Во время этой встречи лорд Редклифф, который утром уже посетил Решиду, ожидал его в кайке посреди Босфора, чтобы встретиться с ним в третий раз после совета, за прениями в котором наблюдал находившийся поблизости английский драгоман». «Вот, г-н граф, — меланхолически замечал Меншиков, — что британские агенты имеют наглость именовать независимостью турецкого правительства»¹¹¹.

19 мая Стрэтфорд пригласил к себе послов Франции, Австрии и Пруссии. Явились все. Совещание одобрило позицию Порты и высказалось за изменение требований Меншикова,

поручив австрийцу довести это мнение до сведения русской миссии ¹¹². Так выявилось, пусть еще контурами, неофициально, формирование антирусской коалиции и лидерство Великобритании в этом процессе.

Последней уступкой Меншикова явился сочиненный им, в ответ на обращение четырех дипломатов, проект ноты, с которым Порты должна была обратиться к нему же. Там говорилось, что православный культ и его духовенство будут и впредь пользоваться «под эгидой е. в. султана привилегиями и иммунитетами, предоставленными им аб антико». Россия упоминалась в документе в следующем контексте: султан «соизволил оценить и серьезно принять во внимание переданные через российского посла откровенные и искренние представления в пользу восточной православной церкви» ¹¹³.

Это была уже не только уступка в области формы, и не просто отказ от идеи международного договора. Это была попытка спасти лицо после полного провала усилий сперва расширить влияние царизма, а затем хотя бы сохранить возможность оказывать давление на прежнем уровне.

К тому времени, однако, оффис Стрэтфорда стал первой и решающей инстанцией выработки ответов Порты. Почти немедленно Меншиков сообщил в Петербург: «Я только что получил конфиденциальным путем извещение, что лорд Стрэтфорд отправил своего секретаря г-на Алисона к Решиду-паше с заявлением, что представленный мною как последний предел уступок проект имеет характер договора и в данной форме неприемлем» ¹¹⁴. Вслед за этим Решид облек мнение Стрэтфорда в дипломатическую ноту.

9(21) мая корабль «Громоносец» с русской миссией на борту развел пары и взял курс на Одессу.

Нессельроде, по царскому распоряжению, обратился к Решиду с бесполезным посланием от 19(31) мая ¹¹⁵, настаивая на принятии «ноты Меншикова» в течение восьми дней, угрожая, в случае отказа, вступлением русских войск в Дунайские княжества, «не для войны с султаном», а в качестве материальной гарантии «исполнения Портою предъявленных ей требований».

В тот же самый день Кларендон направил Стрэтфорду депешу, развязывавшую послу руки: ему предписывалось «принять меры для защиты султана», прибегнув для этого к «силе как последнему и неизбежному средству для охраны Турции» ¹¹⁶. 13 июня британская эскадра прибыла в Безикскую бухту у входа в Дарданеллы. На следующий день к ней присоединились французские корабли — всего двенадцать линейных судов ¹¹⁷. Порты воспрянула духом. Ответ

Решида, помеченный 4(16) июня, содержал категорический отказ принять ноту. Он предлагал — опять-таки по британскому совету и с явной целью затянуть переговоры до бесконечности — направить чрезвычайного турецкого представителя в Петербург ¹¹⁸.

22 июня (3 июля) два корпуса русских войск под командованием М. Д. Горчакова начали переправу через Прут.

Решившись на оккупацию Дунайских княжеств, российские правители во главе с царем грубо просчитались насчет ее последствий. Прошлый опыт способствовал заблуждению: в 1848 г. царские войска вступили в Молдавию и Валахию и вместе с турками подавили там революционное движение, и не кто иной, как Джон Пальмерстон публично оправдывал их действия ¹¹⁹.

И сейчас Петербург давал заверения, что далек от мысли сокрушить Османскую империю, «не преследует цели территориального приращения» и будет избегать войны, если ее не навяжут ¹²⁰. А реакция была совершенно иной.

На российский МИД посыпался дождь облеченных в дипломатические ноты упреков, и в ведомстве Нессельроде ощутили все неудобства игры с недомолвками и утаиваниями. В депешах Кларендона от 31 мая и 8 июня перечислялось пятнадцать случаев письменных и устных заверений со стороны канцлера о миролюбивых намерениях царя. «...у нас создано отчетливое представление, что целью миссии кн. Меншикова являлось урегулирование вопроса о святых местах и достижение обязывающего соглашения для предотвращения возможного нарушения со стороны турецкого правительства этой договоренности», — клялся британский министр. Им противопоставлялись действия Меншикова, имевшие целью «под прикрытием туманно изложенных положений предлагаемого сенеда предоставить России право постоянного вмешательства во внутренние дела Порты». 14 млн. православных будут взирать на царя как на своего правителя; султан превратится в его вассала, утверждал Кларендон. Пока Меншиков беседовал в Константинополе, на юге России были сосредоточены грозные силы; «владения султана и спокойствие Европы находятся под угрозой». Лондон брал под защиту все действия Порты, которая, «считаясь с достоинством суверена и будущностью его владений, не могла и не должна была принимать предложения князя Меншикова». Нессельроде следует знать мнение британского кабинета: «Сохранение Турецкой империи является европейской необходимостью, ее расчленение, будь то от внешней агрессии, либо в итоге внутренних потрясений, явится катастрофой для Европы» ¹²¹.

Оккупацию княжеств он расценивал как посягательство на принадлежавшую султану территорию ¹²².

Британские депеши были направлены не на поиски примирения и компромисса, а носили по существу ультимативный характер. Кларендон лицемерил, делая вид, будто провал миссии Меншикова явился для Лондона громом с ясного неба. Он уже в апреле знал о существовании требований русского посла, ничто не мешало ему проявить беспокойство тогда же, а не в последний день мая. Не выдерживал критики главный аргумент министра — будто принятие действительно туманно сформулированных русских предложений (в этом он был прав!) повело бы к превращению султана в царского вассала и чуть ли не к краху его державы. Демарши Меншикова становились все более расплывчатыми вовсе не потому, что за ними стояла грозная сила, а по той причине, что царизм, теряя влияние на Востоке, метался в поисках выхода и воображал, будто его можно восстановить бумажными гарантиями. К описываемому времени Нессельроде занимал высшую ступеньку российской дипломатической иерархии сорок лет; в течение двадцати пяти он слышал о нависшей над Турцией угрозе с севера. Опасения насчет неминуемого падения Порты выражались в Лондоне начиная с 1829 г. Тогда не кто иной, как граф Абердин, заявлял: «В действительности Османской империи больше не существует после понесенных ею неудач» (подразумевался Адрианопольский мир) ¹²³. В 1833 г. Джон Пальмерстон жаловался, будто Ункяр-Искелесийский договор «превращал Порту в вассала России» ¹²⁴. Ничего подобного не произошло.

Крахом Порте угрожали не бумаги, сколь бы высокие титулы они не носили, а центробежные силы в виде освободительного движения народов и сепаратизма пашей. В сложившейся обстановке и в долговременной перспективе подписание даже первого из «документов Меншикова» (конвенции) ничего грозного для Стамбула не представляло, ибо советами из Петербурга в пользу православных можно было и пренебречь. Что же касается отправленной Меншиковым перед «расставанием» ноты, то понадобились немалые усилия со стороны Стрэтфорда и Решиды, чтобы раздуть ее в угрозу. Российский канцлер не извращал действительности и не лицемерил, утверждая: нота «не требует ничего, кроме общей гарантии в пользу культа, простого подтверждения того, что мы давно имеем» ¹²⁵. Нота «пресполнена уважения к суверенной власти» падишаха, «каждая строка ее дышит почтением» к «достоинству султана и независимости Порты». «Мы не требуем никаких новых привилегий, никаких новых иммунитетов

для наших единоверцев; мы хотим лишь, чтобы они сохранили то, чем обладают. Может ли столь умеренная, столь справедливая претензия, — вопрошал канцлер, — не затрагивающая прямых интересов ни единого иностранного государства, повести за собою разрыв? Я в это никогда не поверю. Для этого... здравый смысл должен покинуть землю»¹²⁶.

Доводы Нессельроде не производили впечатления на адресатов. С подобным же успехом он мог витийствовать перед каменными статуями, окружающими Вестминстерский дворец, ибо под удобнейшим предлогом «спасения» Османской империи исподволь готовилось вытеснение царизма с Ближнего Востока и Балкан и утверждение здесь преобладающего британского влияния. Для этого создавалась уникально благоприятная ситуация. Континентальный союзник — наполеоновская Франция с ее сотнями тысяч превосходной пехоты, которая одна могла бросить вызов русской армии, — ломился в британскую дверь. Влияние царизма в Турции было расшатано; старое поколение пашей, опасавшееся войны на своей территории, финансовых трудностей, восстаний христиан, с недоверием относившееся к отходу от корана, опасавшееся коварства западных гяуров, сходило в могилу. Молодые сановники во главе с Решидом, увлеченные реформами, не замечали капканов «европейской цивилизации» в виде миллионного государственного долга, удушения отечественной промышленности, консульской юрисдикции, международно-правового неравноправия.

Обнадеживающую, с английской точки зрения, позицию занимала Австрия. Британцы диву давались, слушая откровения Николая I насчет политики Габсбургов: «...Вы должны понять, что, когда я говорю о России, я говорю и об Австрии... Наши интересы в отношении Турции совершенно идентичны». Под влиянием подобных оценок Гамильтон Сеймур предположил даже, что в Петербурге в качестве дипломата может преуспеть поэт с пылким воображением, а не трезво рассуждающий историк, ибо «факты здесь, не жалея усилия, изгоняют из поля зрения»¹²⁷. Непосредственно из Вены Париж и Лондон получали информацию совсем иного рода: канцлер Буоль отмежевывался от России, подчеркивал свою самостоятельность, высказывался в пользу коллективного урегулирования Восточного вопроса («ни одному, ни двум кабинетам не дано права изолированно решать интересы, затрагивающие всю Европу»¹²⁸) и осуждал занятие Дунайских княжеств русскими войсками.

Как нельзя лучше для британских сторонников решительных действий против России складывалась обстановка внут-

ри страны. Карательные походы царизма в 1848 г., противодействие объединению Германии снискали ему дружную ненависть прогрессивной и либеральной общественности, и для борьбы с ним все средства считались пригодными. Никто не заикался о том, что готовилась акция по увековечению угнетения балканских и ближневосточных народов и установлению британской гегемонии на Востоке. Известный археолог, открыватель НиневиИ Г. Лейрд восхвалял в палате общин «моральный и политический престиж турецкого правительства».

«Уничтожьте этот престиж, — восклицал он —...и все эти дикие племена вырвутся на свободу, и их страны станут очагом анархии и потрясений»¹²⁹. Грязная война имела все шансы стать популярной. Оппозиции, как организованной силы, ей не существовало.

Ворчали некоторые тори старой школы, с молоком матери всосавшие недоверие к Франции. Лорд Лондондерри уговаривал Кларендона «не бросаться слепо в объятия единственной державы, могущей смертельно угрожать самому существованию Англии; тогда мы будем вотще взывать о поддержке и помощи к старым, верным, великим и могущественным союзникам, избавившим нас от опустошительных войн и давших нам сорок лет мира»¹³⁰.

Делегация «общества друзей» (квакеров) отправилась в Петербург и была там принята Николаем I. Пацифисты созвали в Манчестере две «мирные конференции» в 1853 г. «Писались памфлеты, собирались митинги, направлялись письма в газеты, но все впустую», — пишет Гэвин Гендерсон¹³¹.

Недовольны были Джон Брайт и Ричард Кобден, лидеры и теоретики радикалов — сторонников свободы торговли. Последний пытался обратиться к здравому смыслу парламентариев: «Фраза «независимость Турецкой империи», бывшая до сих пор расхожей, превратилась в пустую... Скрывайте, сколько хотите, но в глубине души вы не верите, что можно сохранить магометанство в Европе». На каждого мусульманина в Османских владениях здесь приходится трое христиан. В Стамбуле и Измире они еще пользуются покровительством закона, но «тяжка доля христианского населения в глубине Турции, в городках и деревнях, под неистовым управлением высокомерной касты...» Кобден развенчивал миф о не знающей будто бы удержку агрессивности России; имей Турция соседями англичан либо американцев, ее бы давно не существовало, говорил он. Россия всегда избегала столкновения с морскими державами. «...Вы толкаете турецкое правительство к войне, которая принесет финансовое

разорение; вы ослабляете его и ставите в унижительное положение»,¹³² — как в воду глядел Кобден.

Пожалуй, редко, когда выражение «глас вопиющего в пустыне» больше отвечало сложившейся обстановке. В парламенте Кобдену отвечал Пальмерстон. Сей прожженный политический лицедей говорил, не моргнув глазом: «...Мы вступали в войны во имя свободы Европы, а не для того, чтобы увеличить на сколько-то процентов наш экспорт. Мы вступали в войны не ради роста вывоза наших товаров, а для защиты свободы народов и сохранения баланса сил»¹³³.

При услужливом посредничестве печати по Британии поползли слухи, один оглушительнее другого: то севастопольская эскадра будто бы приплыла к устью Босфора; то царь якобы потребовал для себя права назначения константинопольского патриарха; то греки восстали поголовно на всем протяжении османской державы¹³⁴. Нессельроде счел, что «в Англии поголовное сумасшедствие, а рассудительное хладнокровие, составлявшее особенное свойство характера английских государственных людей, совершенно исчезло»¹³⁵. Еще резче отзывался о своих соотечественниках Кобден: выступать перед ними в 1853 г. было всё равно, что перед «сворой бешеных псов»¹³⁶.

Оставались еще сомнения и колебания. Периодически раздавались причитания лорда Д. Абердина («Я не закончу своей карьеры войной, войной революционной, подрывающей социальный порядок»¹³⁷), за которые Бруннов и Нессельроде хватались, как утопающий за соломинку. Но зеленый свет перед войной был зажжен.

Следовало, однако, оформить вовлечение Европы в конфликт благопристойно. Австрия, Великобритания, Франция, Пруссия наперебой предлагали свои проекты мирного решения вопроса — их известно двенадцать, и нет нужды на всех останавливаться. Внимания заслуживает так называемая венская нота, выработанная совместными усилиями французской и австрийской дипломатии и одобренная Кларендоном. Эта нота от имени четырех держав и с предварительного согласия России вручалась Порте, и в случае принятия кризис разрешался мирным путем. Центральный пункт сочиненной в Вене бумаги гласил: «...Е. в. султан остается верен букве и духу положений договоров Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского о покровительстве христианской религии». Подтверждались права православной церкви в «святых местах», и всякие изменения в положение церкви могли вноситься с обоюдного согласия России и Франции.

На первый взгляд, текст документа был даже более бла-

гоприятен для Петербурга, чем бесцветная и тем не менее отвергнутая Портой «нота Меншикова». В западной историографии выражалась даже мысль, что Друэн де Льюис и Кларендон приняли участие в его составлении, запутавшись в лабиринтах «святых мест» и сами не ведая, что творят. На самом деле это, конечно, не так. Венская нота вырывала вопрос о покровительстве православным из рук России. Она, подчеркивают советские исследователи, не допускала «урегулирования разногласий между Турцией и Россией вне контроля западных держав»¹³⁸. Гамильтон Сеймур писал в доверительном частном послании Нессельроде: эти вопросы «должны быть исследованы великими державами — союзниками России и сторонниками турецкой независимости»¹³⁹. По словам Кларендона, «они фактически превращаются в рефери, судящих, правильно ли интерпретируется нота в случае любых разногласий между Портой и Россией»¹⁴⁰. Старое основополагающее правило российской дипломатии — не допускать «постороннего» вмешательства в русско-турецкие дела, надломленное в 1841 г. подписанием конвенции о проливах, с принятием Венской ноты прекращало существование, над этими делами устанавливался верховный надзор четверки. Упоминание о Кючук-Кайнарджи и Адрианополе теряло для Петербурга 90% своей ценности, ибо наблюдение со стороны соперников, разумеется, привело бы к крайне ограничительному толкованию пунктов о православной религии, записанных в этих трактатах. Форин оффис своими силами произвел анализ статьи 7 договора 1774 г. и пришел к выводу, что в нем предусматривалось прямое покровительство одной-единственной православной церкви в Константинополе и лишь право ходатайства российского двора по более широким церковным проблемам¹⁴¹.

Тем не менее Петербург даже не с обратной почтой, а по телеграфу до Варшавы и далее фельдъегерем до Вены прислал свое согласие на ноту, оговорив лишь, что и Порта должна принять ее целиком. Царизм явно осознал, что завяз в такой трясине, из которой двуглавному орлу, дай бог, выбраться хотя бы с опшпанными перьями. Бруннов в одном из своих писем употребил многозначительное выражение: найти «лучшее средство, чтобы с честью выйти из настоящего кризиса»¹⁴².

Ответ Порты заставил себя ждать и содержал требование немедленного вывода русских войск из княжеств (об англо-французских судах у проливов турки умалчивали). Тем самым Петербург должен был публично признать незаконность оккупации и лишался единственного средства давления на

Турцию. В текст Венской ноты Решид-паша вносил поправки, суть которых представлена ниже: ¹⁴³

Текст Венской ноты

Если во все времена императоры России проявляли деятельную заботу о сохранении иммунитетов и привилегий греческой православной церкви в Османской империи, то султаны никогда не отказывались подтверждать их торжественными актами...

...Правительство е.в. султана сохранит верность букве и духу положениям договоров в Кючук-Кайнарджи и Адрианополе относительно покровительства христианской вере.

Е.в. считает делом своей чести... позволять греческой религии пользоваться преимуществами, предоставленными другим христианам конвенцией или особым распоряжением.

Операцию, проделанную над нотой в Стамбуле, следует признать искусной. Несколькими росчерками пера был изменен ее смысл. Были стерты всякие намеки на обязанность перед внешним миром оберегать права православной церкви. Забота о ней была представлена как чисто внутреннее дело Порты, которая (а не Россия) объявлялась покровительницей этой веры. Из истории вырывалась интересная и славная страница русско-балканских отношений. В пояснительном письме Решиды давалось толкование Кайнарджийского договора как содержащего «всего лишь обещание Блистательной Порты самой покровительствовать христианской религии» и категорически отвергалась всякая возможность «давать российскому правительству повод домогаться права наблюдения и вмешательства в подобные дела» ¹⁴⁴.

Особо следует сказать о внесенных в третью поправку словах: «состоящих из османских подданных». Таковыми были не только православные массы балканского населения, но и высшие иерархи церкви. Иное дело — католики. Монахи, епископы, иерусалимский патриарх римской курии, семинаристы, служители богаделен, говорилось в составленной в российском МИДе пояснительной записке к турецким

*Текст ноты с поправками
(в скобках)*

Если во все времена императоры России проявляли деятельную заботу [о религии греческой православной церкви], то султаны [не прекращали наблюдения за сохранением иммунитетов и привилегий, которые они предоставляли в разных случаях этому культу и этой церкви]...

...Правительство е.в. султана сохранит верность положениям Кючук-Кайнарджийского договора [подтвержденным] Адрианопольским, относительно покровительства [со стороны Блистательной Порты] христианской вере.

Е.в. считает делом своей чести... позволять греческой религии пользоваться преимуществами, предоставленными [или могущими быть предоставлены] другим христианским общинам, [состоящим из османских подданных].

поправкам, являлись иностранцами и, стало быть, «Порта по своему усмотрению» могла предоставлять им привилегии, не распространяя их на православных ¹⁴⁵.

То, что Петербург метал громы и молнии по поводу турецкого ответа, отверг его и приписал авторство Стрэтфорду, объяснений не требует. Но что-то вроде закулисного скандала началось и в Лондоне: как-никак, Форин оффис одобрил ноту, с которой произошел публичный аффронт. Разобиженные составители ноты в Вене неместно отзывались о турецких заявлениях, именуя их в частных беседах «злонамеренными» ¹⁴⁶. На Уайт-холле не сомневались в причастности своего посла к фактическому отклонению турками документа и имели все основания подозревать его в двойной игре. «Несмотря на категорический приказ... он вполне способен посоветовать туркам проявить упрямство, — высказывал мнение первый лорд адмиралтейства сэр Джеймс Грэхем в письме к Кларендону. — В таком случае Вы должны быть готовы заменить его в течение одного дня»...¹⁴⁷ В голосе премьер-министра Абердина зазвучал несвойственный ему металл: «...Я подготовил королеву к возможности отставки Стрэтфорда», — информировал он руководителя Форин оффис 20 августа. Абердин считал, что нет оснований требовать у Петербурга дальнейшего отступления: «...Я уверен, что мы не вправе настаивать перед ним (Николаем I) на новых уступках после уже сделанных... Поведение Порты самоубийственно, действует какое-то фатальное влияние. Все это может быть объяснено желанием войны» ¹⁴⁸. Кларендон пытался даже одернуть впавшего в самоуправство дипломата, сочинив пространную, на шесть листов ин-фолио депешу, в которой писал очевидные вещи, а именно, что «турецкое стремление к войне основано на убеждении, что Франция и Англия волей-неволей примут сторону Турции» ¹⁴⁹.

Подчинясь предписаниям из Лондона, Стрэтфорд официально рекомендовал Решиду принять Венскую ноту. Визирь, по его словам, упорствовал, умолял не оставлять Османскую державу в беде и даже, «позабыв на момент свой ранг, поцеловал мою руку» ¹⁵⁰. В личной переписке Стрэтфорд не скрывал своей досады, сравнивая творение своих коллег в Австрии с «жарким, подгоревшим в результате усердия слишком многих поваров» ¹⁵¹. Но дело не ограничилось ворчанием в конфиденциальной корреспонденции. О «странном поведении» Стрэтфорда, который дал понять туркам, что «его собственное мнение расходится с раздающимися из его же уст официальными заявлениями», сообщал французский посол де Лакур, добавляя, что в кругу близких «лорд Стрэт-

форд в сильных выражениях осуждает венские решения и объявляет войну предпочтительнее подобного исхода»¹⁵².

Подозрения Кларендона насчет закулисной роли британского посла превратились в уверенность. Характерен следующий абзац из его письма к члену парламента Д. Льюису от 12 сентября: «Стрэтфорд ... хотя с виду официально подчиняется инструкциям, дает понять о своем несогласии с ними, и на основании этого турки действуют»¹⁵³. Не менее показательно признание в письме к лорду Расселу: «Я всегда чувствовал, что Стрэтфорд не допустит плана урегулирования, который исходил бы не от него»¹⁵⁴.

Справедливости ради следует сказать, что упорство Порты подогревалось не только послом: в Стамбул прибыла египетская эскадра; на рейде Безики развевались флаги тринадцати английских и французских линейных судов. Османские сановники были окрылены и жаждали перечеркнуть обязательства, принятые перед Россией начиная с 1774 г.

Никакие меры на строптивного британского дипломата не обрушились. Чаша весов в Лондоне явственно склонялась в пользу войны. О настроениях Джона Пальмерстона, оказывавшего значительное влияние на определение внешнеполитического курса правительства, можно судить по следующему высказыванию из письма Расселу: «Нашу позицию тактичного и покорного выжидания у задней двери в то время, как Россия с неистовыми и наглыми угрозами ломится в дом, я считаю глупой, имея в виду перспективу мирного решения, и оскорбительной для репутации, положения и достоинства двух держав»¹⁵⁵. Оккупацию Дунайских княжеств он предлагал считать казус белли.

«Умеренным» нужен был только предлог, чтобы отступить. Дал его не кто иной, как Нессельроде, который совершил необъяснимый и недопустимый для дипломата промах, сообщив пруссакам замечания, сделанные в МИДе относительно турецких поправок к венской ноте. Эта конфиденциальная информация «для друзей» немедленно была разглашена по всему свету. «Как мог такой старый дипломатический лис совершить подобную оплошность — выше моего понимания», — изумлялся Кларендон¹⁵⁶.

В замечаниях были усмотрены тенденции царизма к установлению своей гегемонии в Турции (по словам принца Альберта, супруга королевы Викториц, Россия «высунула дьявольское копыто»)¹⁵⁷. Кларендон не отказал себе в удовольствии поиздеваться над допустившим промах Нессельроде: «Откровенность русского правительства и его решимость не допустить ложного истолкования его намерений

весьма уместны...» Замечания, однако, «несовместимы со взглядами и намерениями четырех держав», и «было бы бесчестно» настаивать перед Портой на принятии венской ноты. Незадачливому канцлеру приписывались намерения, которых у него не было: «...Граф Нессельроде претендует на то, чтобы... несколько миллионов греков, ныне подданных Порты, были поставлены в положение иностранцев». Эта неблагоприятная натяжка понадобилась лорду для того, чтобы с видом праведника заявить о допущенном будто бы «полном пренебрежении чувствами и интересами европейских держав, кои вместе с Россией обязались поддерживать независимость Турции и не могут с безразличием взирать на то, как Россия исподтишка стремится к установлению своего фактического протектората над христианскими подданными Порты»¹⁵⁸. Британский министр уже усвоил привычку выступать от имени «всей Европы», и это само по себе являлось грозным признаком внешнеполитического одиночества Петербурга.

Шел форменный поиск предлогов для того, чтобы обострить положение. Сделать это с помощью османских вельмож было нетрудно. Так, воинственная петиция за подписью 35 учащихся медресе была сочтена грозным предвестником предстоявших в турецкой столице волнений¹⁵⁹.

23 сентября по информации, полученной из французских источников, Абердин и Кларендон, «не ожидая депеши и даже телеграммы от Стрэтфорда ...не созывая кабинета»¹⁶⁰, распорядились ввести британские военные корабли в Проливы. Это было прямое нарушение конвенции 1841 г., запрещавшей ввод в мирное время боевых судов в Босфор и Дарданеллы. «Единственная реальная перспектива теперь — война», — писал Кларендон Стрэтфорду 24 сентября¹⁶¹.

26 сентября был созван большой совет Османской империи. Его участники пробирались к месту заседания по узким улицам, забитым солдатами и дервишами, призывавшими проклятия на головы «неверных». Совет единодушно высказался за войну, «уродливо узкая физиономия фанатизма, — по словам Темперлея, — высунулась наружу»¹⁶². 1 октября великий визирь Решид направил в Париж и Лондон запрос, гласивший: «Имперское правительство в существующих обстоятельствах рассчитывает на моральную и материальную поддержку Англии и Франции»¹⁶³. Через неделю прибыл ответ Кларендона (в виде телеграммы Стрэтфорду): «Должен передать Вам инструкцию: по согласованию с де Лакурром, который получит такое же распоряжение, предложите адмиралу Дандесу приплыть с кораблями в Константинополь, независимо от того, будет ли султаном объявлена война»¹⁶⁴.

Николай I метнулся в Ольмюц (Оломоуц) к «друзьям», австрийскому императору Францу-Иосифу и прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, надеясь с их помощью выскользнуть из затягивавшейся петли. Он не настаивал уже на принятии турками венской ноты в неизменном виде, соглашался в особой декларации подтвердить принцип невмешательства во внутривосточные дела, клялся, что мыслит лишь о сохранении положения христиан, зафиксированного в прежних договорах, обещал вывести войска из Дунайских княжеств по урегулированию конфликта.

Гарольд Темперлей так оценивает реакцию Лондона на новый дипломатический раунд, затеянный самодержцем: «Британский кабинет мало сделал, чтобы помочь переговорам, и очень много, чтобы сорвать их»¹⁶⁵. Истины ради первую часть фразы можно просто отбросить. Кларендон заявил французскому послу: «Я достаточно знаю настроение своих коллег, чтобы сказать, что ольмюцкие предложения будут отвергнуты». Это произошло на заседании 8 октября. Его участник Сидней Герберт писал: «Мы все согласны относительно целей, которые надо иметь в виду. Нам нужна на Босфоре держава, охраняющая Средиземноморье с Востока... Мы не можем позволить России посягать на или подрывать эту необходимую нам державу»¹⁶⁶.

Поощряемая (если не сказать — подталкиваемая) западом Порты перешла к решительным действиям. 9 октября главнокомандующий турецкими силами на Балканах Омер-паша обратился к генералу М. Д. Горчакову с требованием немедленно вывести русские войска из Дунайских княжеств. Срок ультиматума истек, и состояние войны наступало через пятнадцать дней. 22 октября (т. е. до истечения срока) англо-французская морская армада вошла в Проливы. 23 октября последовало турецкое нападение на русские части, стоявшие по Дунаю и на Кавказе. Британская пресса уже во все трубы трубила о схватке просвещенного запада с исконно варварской Россией. Оказавшиеся в авангарде «европейской цивилизации» башибузуки учинили во внезапно захваченном форте Св. Николая страшную резню: по свидетельству газеты «Морнинг кроникл», местного священника они распяли, таможеннику отпилили голову, врача замучили, вырезали женщин и детей¹⁶⁷. Лишь 2 ноября (26 октября по старому стилю) Николай I подписал манифест о войне.

К военным операциям широкого масштаба царизм не был готов. Более чем миллионная русская армия вела военные действия на Кавказе, охраняла Петербург, сторожила границу с Австро-Венгрией. Сколько-нибудь значительного удар-

ного кулака для операций против Турции не существовало. Николай I самолично составил несколько вариантов плана наступления, но сам же их отверг за отсутствием необходимых сил¹⁶⁸. Как это ни странно, но стратегического плана накануне войны не существовало. Все расчеты строились на то, что турки смирятся, а англо-французы станут стоворчивее после занятия княжеств сравнительно небольшими русскими частями. Продолжая «давление», царь полагал нужным провозгласить независимость Валахии, Молдавии и Сербии, и «тем положить начало разрушения Оттоманской империи. Один всемогущий бог определить может, что за сим последует. Но приступать к дальнейшим действиям я и тогда не намерен»¹⁶⁹. Видимо, это был уникальный и почти неправдоподобный случай, когда отсутствовали даже наметки первой кампании. В состоянии политического тупика и стратегической бесперспективности началась война. «Объявление турками нам войны,— предупреждал царь А. С. Меншикова, назначенного командующим в Крым,— не изменит принятого плана действий. Я решился не переходить Дуная до поры до времени и ожидать наступления турков, чтобы, ежели отважатся переправиться на левый берег Дуная, их разбить и прогнать, но самим не переправляться»¹⁷⁰.

Нечего и говорить, что подобный «план бездействия» на Дунае отдавал стратегическую инициативу целиком в руки англо-французской коалиции, чем та и не преминула воспользоваться.

На Даунинг-стрит совещание шло за совещанием. Воинствующая партия требовала ввода флота в Черное море; колеблющийся премьер-министр — пока — не соглашался, за что заслужил жесткий упрек Кларендона: «Вы возражаете против всех подготовительных мер, а сами не предлагаете ничего»¹⁷¹. На запрос Петербурга был дан ответ, что британский флот войдет в Черное море, если русские войска пересекут Дунай¹⁷².

Тем временем со страниц газет в официальную переписку переключалась новая интерпретация русско-турецких договоров, утверждавшая, будто они не предоставляют России никаких особых прав в отношении православного населения Юго-Восточной Европы. Королева Виктория сообщала Николаю, что «наиболее компетентные деятели» Англии и она самолично, ознакомившись с Кючук-Кайнарджийским трактатом, пришли к выводу о необоснованности его расширительного толкования¹⁷³. Австрийский канцлер Буоль предложил поставить права христиан под европейскую гарантию^{173а}. 5 декабря 1853 г. четыре державы подписали в Вене

протокол, в котором предложили свои добрые услуги в улаживании русско-турецкого конфликта. Сохранение Османской империи в неизблемых границах объявлялось в нем неременным условием европейского равновесия; выражалась уверенность, что начавшаяся война их не изменит и власти султана нигде не ограничит. Царские «друзья», Австрия и Пруссия, подписались и под протоколом, и под нотой четверки, запрашивавшей у Турции условия, на которых последняя соглашалась бы пойти на примирение с Петербургом ¹⁷⁴. Антирусская коалиция вступила в действие. Ее участники де-факто брали на себя гарантию Османских владений. Под видом заботы о прекращении войны царизм ставили перед выбором: или отказ от прежних, завоеванных с «екатерининских» времен позиций, или угроза общеевропейской схватки. Венский двор доверительно сообщил, что в случае отклонения протокола он будет «с болью в душе» заботиться лишь о собственных интересах (как будто раньше он делал что-то иное!). Решид-паша соглашался мириться не иначе, как на конгрессе в нейтральном городе по выбору и с участием четырех держав. Представители последних поспешили объявить, что выраженная визирем точка зрения «соответствует пожеланиям их правительств» ¹⁷⁵. Позднее Кларендон разъяснял: «Правительство е. в. не признает иных предложений, кроме переданных в Петербург 13 числа прошлого месяца * , и не может согласиться на какое-либо изменение условий» ¹⁷⁶. С не побежденной еще Россией говорили жестким языком ультиматума. В Петербурге сочли, что его вызывают в трибунал европейских держав, и высказались за двусторонние переговоры с Турцией ¹⁷⁷.

В декабре 1853 г., ухватившись за подходящий к случаю внутривосточный повод, Джон Пальмерстон подал в отставку. Вся Англия сочла это протестом против «нерешительности» премьер-министра. «Мы можем клясться, пока не почернеет лицо», — писал Кларендон, — что отставка «не имеет ничего общего с Восточным вопросом... — все равно никто ни дома, ни за рубежом нам не поверит» ¹⁷⁸. Жест министра внутренних дел увенчался полным успехом — через несколько дней он со щитом вернулся в кабинет и стал негласным, но подлинным руководителем внешней политики. Колебания Абердина были сломлены. Одно время он возымел мысль выступить в Стамбуле с декларацией о нежелании держав «быть вовлеченными в политику, несовместимую с сохранением мира в Европе, а также с подлинными интере-

* Т. е. 13 января 1854 г.

сами самой Турции»¹⁷⁹. Никто из коллег его не поддержал. 12 февраля 1854 г. он писал Кларендону: «Я все еще полагаю, что война не неизбежна — если только мы не решились на нее, в чем . . . насколько я понимаю, заключается дело»¹⁸⁰. В этом «если» — вся соль.

Открывалась возможность, в первый и последний раз в XIX в., взобравшись на плечи «Европе», возглавив коалицию четырех держав, нанести России удар неслыханной силы, отбросить ее назад на сто лет, не только запереть ее в Черном море (что было сделано в 1841 г.), но и открыть многотысячегерстное побережье для ударов британского флота; устранить соперничество царизма на Балканах и Ближнем Востоке. Выбора тут не могло быть. «Надо вырвать клыки у медведя; пока его флот и морской арсенал на Черном море не разрушены, не будет в безопасности ни Константинополь, ни мир в Европе», — размышлял лидер палаты общин Джон Рассел¹⁸¹. Так начали выявляться военные планы Уайт-холла, не имевшие ничего общего ни со «святыми местами», ни с заботой о христианском населении, ни с сохранением пресловутого «баланса сил», планы агрессивные, лишившие Россию права защиты своих берегов.

18(30) ноября 1853 г., ворвавшись в Синопскую бухту, корабли под флагом вице-адмирала П. С. Нахимова в ожесточенном сражении — последней крупной битве парусного флота — уничтожили сильную эскадру Османа-паши (7 фрегатов, 3 корвета, 2 парохода, 3 небольших корабля). Спасся бегством лишь паровой фрегат под командованием англичанина Адольфуса Слейда. Весть об этом разгроме вызвала в Англии взрыв воинственно-шовинистических страстей. Пресса бушевала, прерывая яростные нападки на Россию лишь для того, чтобы пролить слезу по поводу судьбы кроткой и беззащитной жертвы. Славное морское дело именовали «побою», а то и «бойней», обвиняя черноморское командование в нарушении законов войны.

Нечего и говорить, что все это было кощунственной ложью по отношению к русским морякам и адмиралу Нахимову, рыцарю без страха и упрека, для которого честь Родины и достоинство офицера были превыше всего на свете. Документы свидетельствуют, что крейсировавшая у турецких берегов эскадра ждала объявления войны, чтобы приступить к боевым операциям. 26 октября (7 ноября) корвет «Калипсо» доставил адмиралу приказ А. С. Меншикова: турки заняли Калафат, «следовательно, войну должно считать начавшеюся. Поэтому представляется брать и разрушать турецкие военные суда, где бы они не находились». 1(13) ноября паро-

ход «Бессарабия» привез царский манифест. Тогда Нахимов объявил сигналом по судам: «Война объявлена, турецкий флот вышел в море; отслужить молебен и поздравить команду»¹⁸².

Видные британские историки с чувством неловкости вспоминают русофобскую вакханалию, разыгравшуюся тогда в их стране. В самом деле, турки вели боевые действия на Дунае, пересекли границу в Азии, направили к берегам Кавказа свою эскадру. «Военная операция у Синопа явилась естественным ответом на подобные акции», — пишет Темперлей¹⁸³. В истории, добавляет он, вымысел, однако, часто торжествует над правдой. В оголтелой шовинистической шумихе потонули и до того слабые голоса разума и здравого смысла. «Меня обвиняют в трусости, в предательстве в пользу России. Я не смею показаться на улице, я вышел из борьбы», — заявил премьер-министр Бруннову¹⁸⁴. Все члены кабинета согласились на отправку британского флота в Черное море. Французский посол в Лондоне А. Валевский в беседе с Кларендоном заявил о «необходимости» очистить Черное море от андреевского флага. Все это как нельзя более соответствовало желаниям министров ее величества — «вырвать клыки у русского медведя»; «лишь установив безраздельный контроль над Черным морем, можно проводить политику английского и французского правительств», — писал Кларендон Стрэтфорду¹⁸⁵. Французам, разумеется, не мешали выступать с инициативой вызывающих по отношению к России действий. Британский кабинет «скромно» согласился не только взять под защиту турецкие берега (что само по себе являлось актом вмешательства в войну), но и наложить запрет на плавание русских военных кораблей (иными словами, запретить их в портах), расценив это как «специфический образ действий, предложенный императором» Наполеоном!¹⁸⁶ По прочно усвоенной привычке фарисействовать даже во внутренней переписке, глава Форин оффис, сообщая Стрэтфорду о желании кабинета «полностью господствовать в Черном море», считал нужным добавить, что его коллег продолжает обуревать «неистребимое желание мира»! Возглавлявший французское ведомство иностранных дел Друэн де Люис, по крайней мере в личной переписке, высказывался откровеннее: союзники станут хозяевами громадного бассейна, омывающего важнейшие российские провинции, Закавказье будет отрезано, Шамиль воспрянет духом — торжествовал он¹⁸⁷.

«Деловая» часть инструкции, отправленной Стрэтфорду 24 декабря, гласила: «Соединенный флот берет под защиту османский флаг и территорию. Русским неторговым судам,

встреченным в Черном море, будет предъявляться требование вернуться в Севастополь... Правительство е. в. не скрывает, что в недалеком будущем это может вовлечь Англию и Францию в войну с Россией»¹⁸⁸.

Вероятно, если бы кому-либо пришло в голову предложить британским военным кораблям попрыгаться по гаваням, в адмиралтействе решили бы, что туманное небо обрушилось на Лондон и Темза повернула вспять. России подобная претензия была предложена без колебаний.

5 января 1854 г. англо-французская армада под командованием адмиралов Дандеса и Гамелена вышла из Босфора в открытое море. В Лондоне лорд Абердин изливал свою печаль перед Брунновым: он, премьер, не верит в войну, которая «представляется ему бедствием для всех упорядоченных правительств в Европе: она пойдет на пользу лишь революции»¹⁸⁹. Увы, даже в этих условиях российское посольство в Великобритании продолжало оставаться центром дезинформации собственного министерства. В обширной записке, сочиненной в первый день нового 1854 г. и не без яда названной А. М. Зайончковским образцом «дипломатического искусства в сношениях с собственным правительством»¹⁹⁰, Бруннов пришел к выводу, что англичане «не знают, ни чего хотят, ни чего могут сделать». «Если бы Вы, г-н канцлер, видели нынешнее состояние неуверенности, тревоги, наигранной храбрости и действительной безысходности, царящих в английском кабинете, не знаю, что вызвало бы у Вас больше жалости — то ли нынешнее бахвальство, то ли страх, который внушает ему будущее»¹⁹¹. Судя по трем восклицательным знакам, которые царь поставил против приведенной сентенции, он перестал верить своему сладкоречивому лондонскому представителю. Страх, неуверенность и полная дезориентация царили не в британской столице, а в Петербурге. Царь писал первому своему доверенному лицу, фельдмаршалу И. Паскевичу: «Злость англичан выше всякой меры, равно как их дерзость и бесстыдство, но мериться с ними на море было бы неблагоприятно по превосходству сил их...»^{191а}.

К. В. Нессельроде, сознавая фиаско затеянной год назад игры вокруг «святых мест» с далеко идущими планами расширения влияния царизма, попытался добиться в Лондоне и Париже хотя бы заверения в том, что туркам не будет позволено под прикрытием англо-французских пушек опустошать российские берега и перехватывать купеческие суда с тем, чтобы представить акцию двух держав как направленную на нейтрализацию Черного моря¹⁹². В этом случае давалось обещание не нападать на турецкое побережье. В один и тот же

день 20 января (1 февраля) Бруннов и Киселев получили в Лондоне и Париже казуистический и неудовлетворительный ответ на свой запрос¹⁹³. Им оставалось затребовать свои паспорта.

Заранее была обречена на неудачу миссия графа А. Ф. Орлова в Вене, куда его снарядили в том же январе. В первых же своих донесениях пронизательный Орлов советовал не возлагать надежд на два «дружественных» немецких двора, которые между собой соперничали и друг друга подсиживали, и предлагал договориться непосредственно с Луи Наполеоном¹⁹⁴. Опытный царедворец как в воду глядел. Правда, встретили его предупредительно, и чуть ли не все видные генералы явились к нему засвидетельствовать почтение; император Франц-Иосиф приглашал его к своему столу. Но тем горше оказалась преподнесенная в протокольной обертке пилюля. Франц-Иосиф заломил за свой нейтралитет непомерную цену: формальную гарантию целостности Османской империи; обязательство сохранить над подвластными Порте народами турецкий сюзеренитет в неприкосновенности¹⁹⁵. Николаю предлагали собственноручно подрить основы российской политики на Балканах. А пока что Франц-Иосиф, раздираемый, как он сказал Орлову, противоречиями между симпатиями и долгом, направлял на границу России наблюдательный корпус. «Тогда, — отвечал Орлов, — и мы движем наблюдательный корпус к Трансильвании, и ситуация может привести к войне». «Избави бог», — воскликнул монарх.

Кольцо вокруг России сомкнулось. Время разговоров прошло, хотя Нессельроде по инерции продолжал сочинять пространные документы, уверяя «Европу», что напрасно искать в русских требованиях «заднюю мысль» об установлении политического протектората над Турцией, что речь шла лишь об оказании влияния в пользу единоверцев и что новая интерпретация русско-турецких отношений «является подкопом под основы Кючук-Кайнарджийского договора»; что в Синопской бухте укрылся от непогоды не мирный купеческий караван, а снаряженная для боевых действий эскадра, и разгром ее явился законной акцией в ходе войны; что, напротив, наложенный на русский флот запрет вести военные действия в Черном море означает нарушение норм международного права. «Россия, так сказать, вызвана на суд европейского трибунала; добившись от нее уступок по половине вопросов, у нее требуют теперь уступок по всем». «Малая численность наших войск (в Дунайских княжествах. — В. В.) сама по себе свидетельствует об отсутствии у нас проектов

расширения, которые нам приписывают», — в который раз повторял канцлер. — «Четыре державы вышли за рамки нейтралитета и превратились в вооруженных пособников одной из конфликтующих сторон». «Россию ставят перед выбором — война или унижение...»¹⁹⁶.

Не отставал от Нессельроде по части составления меморандумов лорд Кларендон, причем в начале 1854 г. он сочинял их не для урегулирования конфликта, а для общественности и истории, с явной целью, чтобы они попали в очередную «Синюю книгу». Так, 31 января он направил в Петербург документ, долженствовавший представить англо-франко-турецкую коалицию кроткой жертвой бесконечных российских провокаций: Турции было предъявлено «властное требование» «широкой и новой интерпретации Кайсарджийского договора»; Порта дала «примирительные заверения». Меншиков, однако, «немедленно покинул Константинополь», и «в условиях глубокого мира» царские войска, «нарушив европейское статус-кво», вторглись в Дунайские княжества, именовавшиеся «провинциями султана и в которых проживает 4 миллиона его подданных». Все дальнейшее — включая нападение на российские территории в Азии, Синопскую катастрофу и вхождение соединенных флотов в Черное море — является, утверждал Кларендон, прямым следствием неспровоцированного поведения русского правительства»¹⁹⁷.

Поскольку «не воевавшая» Англия, открыто угрожая пушками, посягнула на суверенные права России в Черном море, потерявшие терпение парламентарии затребовали у правительства разъяснений, что же происходит. Лорд Кларендон просил показать ему «юриста, казуиста или софиста», который взялся бы доказать, что предпринятые действия не являются враждебными. Кларендон признался, что ответ дать трудно: «Мы, — заявил он, — сползаем к войне»¹⁹⁸.

Братъ на себя инициативу ее объявления ни та, ни другая сторона не желала. Наконец, 27 февраля Кларендон через консула Мишле, ибо Сеймур уже покинул Петербург, прислал ультиматум: «с чувством глубочайшей боли» он требовал ухода русских войск из Молдавии и Валахии до 30 апреля (французы были еще жестче и поставили сроком 15 число того же месяца).

Сохранился сочиненный Нессельроде проект ответа на британский ультиматум, в котором говорилось, что в условиях войны и вторжения турецких войск в пределы России это сделать невозможно. «От английского правительства зависит, какие меры оно примет... Мы не собираемся предоста-

вить ему возможность произвольно приписать нам инициативу в объявлении войны»¹⁹⁹.

На полях текста — две пометы карандашом: «Представлена императору 6 марта 1854 г.» и «считать недействительным». Ответа на англо-французский ультиматум не последовало. Капитуляции без боя царь предпочел войну, безнадежную и бесперспективную с самого начала.

* * *

Отчет российского МИД за 1854 г. начинался стенаниями Нессельроде: «...Наши берега повсеместно атакованы, наши порты блокированы, наша территория подверглась вторжению, наш самый близкий союзник, забыв недавно оказанные нами ему услуги²⁰⁰, парализовал наши операции, заставив ограничиться обороной, и в конце концов объединился в союзе с нашими противниками...»²⁰¹.

Так плачевно завершилась попытка царизма, используя спор о «святых местах», расширить и укрепить свои позиции на Балканах и Ближнем Востоке. Глубочайший кризис самодержавия распространился на сферу внешней политики. Крепостническое государство не имело в своем внешнеполитическом арсенале таких атрибутов, присущих капиталистической эпохе, как экономические средства давления, финансовое подчинение, разнообразные формы идеологического воздействия. Оно пыталось действовать с помощью заимствованных у XVIII в. лозунгов защиты религиозных прав, но и в этом потерпело неудачу. Царизм оказался не в состоянии не только обеспечить экспансионистские устремления российских помещиков и крепнувшей буржуазии, но и защитить суверенные права государства как черноморской державы. «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»²⁰², — это замечание В. И. Ленина дает всеобъемлющую характеристику причин, по которым Россия потерпела поражение до войны. Даже армия, предмет забот и гордости Николая I, оказалась не на высоте задач. Плохо вооруженная, забитая шницрутенами, замученная муштрой, она не обладала обученными резервами: николаевский солдат, если и дотягивал 25-летнюю служебную лямку, не переходил в запас, а возвращался домой на покой. Неслучайно немецкие либералы, назвавшие в 1850 г. царизм «жандармом Европы»²⁰³, через несколько лет объявили его «коLOSSом на глиняных ногах».

Только тем обстоятельством, что широкая общественность никогда не имела возможности и не стремилась рыться в ворохах архивных материалов и погружаться в толстен-

ные фолианты документов, можно объяснить живучесть легенды о том, будто Меншиков требовал «неограниченной власти над всеми христианами — подданными Порты»²⁰⁴. Дожила она и до наших дней: Россия «требовала права покровительства над православными мирянами, находившимися под турецким управлением — иными словами, над двумя третями населения Османской империи». «Удовлетворение этой претензии позволило бы России почти по своему желанию вмешиваться во внутренние дела империи»²⁰⁵. Выполнение требований Меншикова «практически передало бы в руки императора (Николая. — В. В.) гражданскую администрацию над греками в Турции»²⁰⁶, причем под «греками» подразумевалось все православное население Балкан. С такими утверждениями и поныне выступает британская историография. Иначе, как тенденциозными их не назовешь. В разгар кризиса лорд Грей, прочитав груды представленных парламенту и кое в чем фальсифицированных документов, говорил: «...Что касается независимости (Турции. — В. В.), Вы сами (Кларендон. — В. В.) показали, что она обладает лишь ее тенью; что касается новых прав, получаемых Россией, не вижу никакой важности в этом аргументе... Совершенно очевидно, что, приняв ультиматум, Турция не предоставила бы России ничего в дополнение к тому... чем та уже обладала»²⁰⁷.

На самом деле «штурм унд дранг» Меншикова продолжался до 23 апреля (5 мая), до внесения им серьезных поправок в первоначальный проект конвенции. При большой степени подчиненности внешней политики Порты Лондону никакими губительными последствиями для Турции туманно сформулированные положения о покровительстве христианам не угрожали; весь опыт 30—40-х годов с полной очевидностью показал, что при отсутствии у Петербурга каких-либо рычагов давления записанные на бумаге пункты и реальное положение — разные вещи. На заключительных этапах переговоров царизм соглашался на установление верховного контроля держав за соблюдением прав христианского населения Османской империи, т. е. отступил от позиций, зафиксированных в Кючук-Кайнарджи и Адрианополе. Отказавшись от попыток расширить свои позиции на Балканах, он перешел к защите того, что было, а затем, не преуслев в этом, молчаливо санкционировал вмешательство Европы и область русско-турецких отношений.

От расширения прав христианской общины выигрывали балканские народы. Однако уже в то время на примере Греции, Дунайских княжеств и Сербии явно проявила себя от-

меченная Ф. Энгельсом закономерность: чем бóльшей самостоятельности добивалось население той или иной области, тем мёньшим влиянием среди него пользовался царизм ²⁰⁸, с которым не только прогрессивные круги, но и поднимавшаяся национальная буржуазия не желала иметь дело.

В британской дипломатической переписке того времени почти не встречается упоминаний о национальных и политических правах балканских народов. В Лондоне с ними не привыкли считаться. В парламенте раздавались встревоженные голоса: а что, если по ходу войны восстанет христианское население? «Турки увидят тогда, что их главный и опасный враг — не русские, а те, кого они именуют «христианскими собаками» и привыкли считать рабами» ^{208a}. Вопрос повисал в воздухе. «Заботе» Петербурга о «святых местах» западные державы противопоставили принцип статус-кво, о котором К. Маркс и Ф. Энгельс, отдавшие дань конфликту в публицистике и выступавшие за поражение реакционного царизма, писали: «Для христианских подданных Порты это означает просто увековечение их угнетения Турцией». «История и современные факты в одинаковой мере указывают на необходимость основания в Европе на развалинах мусульманской империи свободного, независимого христианского государства» ²⁰⁹. Совсем иными были планы англо-французской коалиции — в договоре о взаимопомощи с Турцией от 12 марта 1854 г. говорилось: участники его «полностью убеждены, что существование Оттоманской империи в ее нынешних пределах является неотъемлемой частью сохранения равновесия между европейскими государствами» ²¹⁰.

Постепенное ослабление османской власти на Балканах никоим образом не ущемляло подлинных национальных интересов турецкого народа. Опасность над ними нависала с другой стороны — от великодержавных тенденций Порты, стремления удержать во что бы то ни стало в составе империи ионациональные районы, исторически бесперспективного, но иссушавшего материальные и людские ресурсы страны. Угроза исходила от самозванных «друзей» султана и покровителей Порты, которые под прикрытием лозунгов целостности и неприкосновенности империи прибирали ее к рукам. Англо-турецкое торговое соглашение 1838 г. распахнуло перед товарами Запада двери в Левант. «Победоносная» для турецкого оружия Крымская война не остановила процесса развала Османского государства. Именно тогда был заключен первый крупный заем у западных держав — а от него тянулась нить к утрате Портой финансовой самостоятельности, а затем и закабалению ее иноземными кабинетами. Утра-

чивала она и политическую самостоятельность. И долгая карьера на Востоке Чарльза Стрэтфорда-Каннинга лорда Редклиффа, как в зеркале, отражала этот процесс. В 1808 г. корабль, на котором юный дипломат плыл в Стамбул, был кадержан губернатором Халики-пашой на несколько недель в устье Дарданелл, ибо вельможе пошадобились услуги имевшегося на паруснике европейского врача. Позднее реис-эфенди оборвал молодого секретаря посольства, когда тот, увлекшись, повысил голос ²¹¹. А в 1853 г. Стрэтфорда торжественно встречали на пристани как «великого элчи» (посла). Глава Форин оффис Кларендон писал ему как само собой разумеющееся: «Порта, конечно, поступает в точном соответствии с Вашими советами», и за глаза именовал «Редклифф-паша» ²¹².

Ознакомившись с представленной парламенту перепиской, лорд Грей пришел к выводу об «ответственности послов Англии и Франции за принятые турками решения». «Вы знаете, что означают слова «британское влияние» в устах дипломата, — восклицал он, — это равносильно принятию на себя руководства внутренними делами страны» ²¹³. Современник событий Карл Маркс характеризовал в 1854 г. итоги деятельности «друзей» и «покровителей» султана по охране его самостоятельности и прав: «Турецкое правительство будет поставлено под непосредственное начало послов западных держав, турецкое военное министерство — под начало военных министерств Англии и Франции, а турецкие армии — под начало французских и английских генералов» ²¹⁴.

«В том, что Николай I был непосредственным инициатором дипломатических заявлений и действий, поведших к возникновению войны, не может быть, конечно, сомнений» ²¹⁵, — справедливо указывал акад. Е. В. Тарле. Эти заявления были истолкованы в духе, нужном для провоцирования войны, затеянной вовсе не ради «святых мест» и даже не во имя статус-кво на Балканах, а с гораздо более далеко идущими целями. Император Наполеон III, выступая перед солдатами в лагере Вимере, говорил об установлении англо-французского господства в Черном море и на Балтике. Газ. «Конститусьонель» мечтала: «...Россия потеряет в немногие недели плоды денежных затрат, гигантских трудов, огромных жертв не одного столетия. Крепости, что она воздвигла дорогой ценой на берегах Балтики и Черного моря, будут сравнены с землей, сожжены и уничтожены; флоты, которые она построила, не жалея ни терпения, ни времени, ни денег... ни искусства, будут истреблены, взорваны и уничтожены огнем объединенных эскадр Франции и Англии» ²¹⁶.

«Таймс» предавалась размышлениям, как обречь Россию на такое же бессилие в Черном море, в котором она находилась в Английском канале (Ламанше). «Великая идея» друзей Турции состояла в том, чтобы загнать русских в глубь лесов и степей (или, выражаясь языком газеты, «вернуть Россию к обработке внутренних земель») ²¹⁷. Здесь речь шла уже не о перечеркивании Кайнарджийского договора, а о попрании национальных и государственных интересов России и возвращении ее ко временам царя Алексея Михайловича.

- ¹ Муртазалиев С. И. Из истории болгарского народа под османским господством (Константинопольская патриархия в системе османского управления XV—XVI вв.).— Сов. славяноведение, 1982, № 3.
- ² Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908, т. I, с. 217.
- ³ Там же.
- ⁴ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 626.
- ⁵ ЦГАДА, ф. 1292, № 6, л. 68.
- ⁶ ЦГАДА, ф. 1274, № 290 (6), л. 52. В 1852 г. сэр Чарльз Стрэтфорд-Каннинг получил титул лорда (виконта) Редклиффа. В помещенных в данном очерке документах он значится под тремя именами — Каннинга, Стрэтфорда и Редклиффа.
- ⁷ Maxwell H. The Life and Letters of G. W. F. Clanrendon. L., 1913, v. 2, p. 20.
- ⁸ Temperley H. England and the Near East. The Crimea. L.— N. Y.— Toronto, 1936, p. 284.
- ⁹ (Жомили А. Г.) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, SPb., 1878, v. I, p. 134—137.
- ¹⁰ Зайончковский А. М. Восточная война... Приложения, т. 1, с. 118.
- ¹¹ Там же, с. 119.
- ¹² Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 118.
- ¹³ СТК. СПб., 1898, т. XII, с. 233.
- ¹⁴ Там же, с. 236—237.
- ¹⁵ Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 132—134. Меморандум Нессельроде от 19.IX 1844 (ст. ст.).
- ¹⁶ Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 143—144. Р. Абердин — К. В. Нессельроде 21.I 1845 (н. ст.).
- ¹⁷ Temperley H. England and the Near East..., p. 255; Pury ear. England, Russia and the Straits Question 1844—1956. Berkeley, 1931, p. 2.
- ¹⁸ Temperley H. England and the Near East..., p. 257.
- ¹⁹ Ibid., p. 257.
- ²⁰ АВПР, ф. Отчеты, 1844, л. 13—14. Отчет МИД за 1844 г.
- ²¹ СТК, т. XII, с. 239.
- ²² Там же. Помета Николая I на полях донесения Ф. И. Бруннова 8(20).VIII 1844.
- ²³ Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. I, с. 128. Помета Николая I на полях письма Ф. И. Бруннова к А. Ф. Орлову от 8(20). VIII 1844.
- ²⁴ Там же, с. 119—120.
- ²⁵ СТК, т. XII, с. 281; (Жомили А. Г.) Etude..., v. I, p. 104.

- 26 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 432.
- 27 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 206. Н. М. Киселев — К. В. Нессельроде 12(24).I 1852.
- 28 СТК, т. XII, с. 276.
- 29 Anderson M. S. The Eastern Question 1774—1923. L., 1966, p. 117.
- 30 (Жомини А. Г.) Etude..., v. I, p. 147—148; Зайончковский А. М. Восточная война..., т. I, с. 377—379.
- 31 Macquieen J. The War: Who's to Blame? L., 1854, p. 17.
- 32 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 365.
- 33 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 356. Доклад К. В. Нессельроде от 20.XII 1852 (ст. ст.).
- 34 Там же, с. 355.
- 35 СТК, т. XII, с. 311.
- 36 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 303.
- 37 СТК, т. XII, с. 303—304.
- 38 Там же, с. 304.
- 39 Там же.
- 40 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 358. Заметка Николая I по Восточному вопросу.
- 41 Слово «медведь» показалось британцам слишком грубым. В «Синей книге» оно было заменено на «человек». Temperley H. England and the Near East..., p. 72.
- 42 Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. N. Y. 1972, p. 135—141.
- 43 Ibid., p. 141.
- 44 Ibid., p. 136.
- 45 Temperley H. England and the Near East..., p. 275.
- 46 Дж. Рассел — Г. Сеймуру 9.II 1853. Английский текст — АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 300, л. 6—13; французский перевод помещен: Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 360—362.
- 47 Byrne L. G. The Great Ambassador. A Study of the Diplomatic Career of Stratford Canning. Ohio State University Press, 1964, p. 281.
- 48 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 396.
- 49 Там же, с. 618—619.
- 50 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 372—377. К. В. Нессельроде — А. С. Меншикову 29.I 1853 (10.II).
- 51 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. I, с. 351.
- 52 Projet d'un act separé et secret.— Там же, с. 385—387.
- 53 Там же, с. 377.
- 54 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 383; Projet d'un convention avec la Porte Ottomane.
- 55 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 384.
- 56 Там же, с. 380—381; К. В. Нессельроде — А. С. Меншикову 28.I (9.II) 1853.
- 57 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 357.
- 58 АВПР, ф. Отчеты, 1853, л. 26—27.
- 59 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 381.
- 60 Там же, Приложения, т. 2, с. 45.
- 61 Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годов XIX в. М., 1979, с. 91—108.
- 62 Там же, с. 107.
- 63 Зайончковский А. М. Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 392; А. С. Меншиков — К. В. Нессельроде 12(24).III 1853.
- 64 Macquieen J. The War..., p. 24; Дж. Рассел — Каули 28.I 1853.

- ⁶⁵ Ibid., p. 10—11. Из донесения британского посольства в Константинополе от 5.VII 1850.
- ⁶⁶ Пера — район Константинополя, где располагались миссии держав.
- ⁶⁷ *Masqueen J. The War...*, p. 35.
- ⁶⁸ Ibidem.
- ⁶⁹ *Maxwell H. The Life...*, p. 3.
- ⁷⁰ Ibid., p. 6—7; Дж. Кларендон — Ч. Стрэтфорду 23.III 1853.
- ⁷¹ Ibid., p. 7; Друзи де Льюис — Каули 24.III 1853.
- ⁷² АВПР, ф. Отчеты, 1853, л. 36.
- ⁷³ *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 1, с. 395—396; К. В. Нессельроде — А. С. Меншикову 20.III(1.IV) 1853.
- ⁷⁴ ЦГАДА, ф. 11, д. 1226, л. 12—13. К. В. Нессельроде — А. С. Меншикову 3(15).II 1853.
- ⁷⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 300, л. 42—48; Копия денеши Кларендона.
- ⁷⁶ Там же, д. 50, л. 285—286. Вербальная нота, врученная Г. Сеймуру 3(15), IV 1853.
- ⁷⁷ См. с. 207—208.
- ⁷⁸ *Temperley H., Penson L. M. Foundations of British Foreign Policy from Pitt to Salisbury on Documents. Cambridge, 1938*, p. 141—144. Инструкция Ч. Стрэтфорду.
- ⁷⁹ СТК, т. XII, с. 314.
- ⁸⁰ 7 июня 1853 г. он предупреждал Кларендона: «Нас быстро сносит к войне, думаю, кабинет должен знать, куда он идет». 29 июня он писал тому же адресату: «...У меня нет желания навязывать Вам свои взгляды. Я, однако, совершенно уверен, что любая война, будь то успешная или неудачная, быстро приведет к развалу (Турецкой) империи в ее нынешнем виде, хотя, вполне вероятно, мы и будем в продолжении некоторого времени рассуждать с серьезным выражением лица об ее «целостности и независимости». См.: *Maxwell H. The Life...*, v. 2, p. 15.
- ⁸¹ *Maxwell H. The Life...*, v. 2, p. 16; Д. Пальмерстон — Дж. Кларендону 31.VII 1853.
- ⁸² *Masqueen J. The War...*, p. 73; Каули — Д. Кларендону 19.V 1853.
- ⁸³ *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 1, с. 397—398; К. М. Агриполо — А. С. Меншикову 17(29).III 1853.
- ⁸⁴ *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 3. Позднее Бруннов писал, что познакомился с конвенцией позже Стрэтфорда.
- ⁸⁵ *Byrne L. G. The Great Ambassador...*, p. 264, 263.
- ⁸⁶ См., с. 245.
- ⁸⁷ *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 1, с. 405. А. Меншиков — К. В. Нессельроде 14(26).IV 1853.
- ⁸⁸ СТК, т. XII, с. 314. Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде 21.IV(3.V) 1853.
- ⁸⁹ *Byrne L. G. The Great Ambassador...*, p. 291.
- ⁹⁰ Ibid., p. 273.
- ⁹¹ *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 1, с. 400—401; А. С. Меншиков — К. В. Нессельроде 29.III(10.IV) 1853.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ АВПР, ф. Отчеты, 1853, л. 44.
- ⁹⁴ *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 1, с. 396. А. С. Меншиков — Ф. И. Бруннову 13(25).IV 1853.
- ⁹⁵ ЦГАДА, ф. 11, д. 1226, л. 178. А. С. Меншиков — К. В. Нессельроде 14(26).IV 1853.

- ⁹⁶ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 401. А. С. Меншиков — К. В. Нессельроде 14(26).IV 1853.
- ⁹⁷ *Macqueen J.* The War..., p. 61. Г. Сеймур — Дж. Кларендону 14.V 1853.
- ⁹⁸ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 409; Проект измененного сенеда 23.IV(5.V) 1853.
- ⁹⁹ Там же, с. 415.
- ¹⁰⁰ *Byrne L. G.* The Great Ambassador..., p. 261.
- ¹⁰¹ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 417; А. С. Меншиков — Решиду 28.IV(10.V) 1853.
- ¹⁰² *Byrne L. G.* The Great Ambassador..., p. 297.
- ¹⁰³ *Ibid.*, p. 295; *Temperley H.* England and the Near East... p. 323; *Kinglake A. W.* The Invasion of the Crimea. Edinburgh and London, v. 1, 1863, p. 159—161.
- ¹⁰⁴ *Macqueen J.* The War..., p. 59.
- ¹⁰⁵ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 418. Нота Порты от 28.IV(10.V) 1853.
- ¹⁰⁶ АВПР, ф. Отчеты, 1853, л. 55.
- ¹⁰⁷ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 419.
- ¹⁰⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 50, л. 293; Решид — Ч. Стрэтфорду 21.V 1853.
- ¹⁰⁹ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 468. Английские источники подтверждают авторство Стрэтфорда.— См.: *Kinglake A. W.* The Invasion..., v. 1, p. 165. А. С. Меншиков — К. В. Нессельроде 9(21).V 1853.
- ¹¹⁰ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 428. Примерный текст общепанного фирмана Стрэтфорд составил заранее. См.: *Macqueen J.* The War..., p. 69.
- ¹¹¹ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 429. А. С. Меншиков — К. В. Нессельроде 9(21).V 1853.
- ¹¹² *Kinglake A. W.* The Invasion..., v. 1, p. 167; *Byrne L. G.* The Great Ambassador..., p. 299.
- ¹¹³ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 430—431; проект ноты от 8(20).V 1853.
- ¹¹⁴ *Derniere phase de la negociation.* Там же, с. 434.
- ¹¹⁵ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 442.
- ¹¹⁶ *Kinglake A. W.* The Invasion..., v. 1, p. 169.
- ¹¹⁷ *Anderson M. S.* The Eastern Question..., p. 122.
- ¹¹⁸ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 443. *Temperley H.* England and the Near East..., p. 340.
- ¹¹⁹ См., с. 216.
- ¹²⁰ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 1, с. 6, 76. Циркуляр К. В. Нессельроде от 20.VI(2.VII) 1853; царский манифест от 14(26).VI.
- ¹²¹ Дж. Кларендон — Г. Сеймуру 31.V 1853 — английский текст: АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 300, л. 86—94; французский перевод: *Зайончковский А. М.* Восточная война..., т. 2, с. 36—43; 8.VI 1853 — АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 50, с. 129—133.
- ¹²² АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 50, л. 161. Дж. Кларендон — Г. Сеймуру 16.VII 1853.
- ¹²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1829, д. 7003, л. 197. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 29.IX(9.X) 1829.
- ¹²⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1833, д. 119, л. 208—209. Х. А. Ливен — К. В. Нессельроде 4(16).VIII 1833.
- ¹²⁵ *Зайончковский А. М.* Восточная война..., Приложения, т. 2, с. 5. Циркуляр К. В. Нессельроде от 20.VI(2.VII) 1853.

- 126 АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 50, л. 297—299. К. В. Нессельроде — Г. Сеймуру 8(20) 1853.
- 127 *Byrne G. L. The Great Ambassador...*, p. 284.
- 128 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 275.
- 129 (Жомили А. Г.) *Etude...*, t. I, p. 203.
- 130 НС, 16.VIII 1853.— PD, 3-rd Ser., v. 129, vol. 1776.
- 131 *Maxwell H. The Life...*, v. 1, p. 365.
- 132 *Henderson G. B. Crimean War Diplomacy and Other Historical Essays. Glasgow, 1947*, p. 137—138.
- 133 PD, 3-rd. Ser., v. 129, col. 1799—1800.
- 133a *Ibid.*, v. 129, col. 1807.
- 134 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 28.
- 135 СТК, т. 12, с. 329.
- 136 *Kinglake A. W. Op. cit.*, v. I, p. 433.
- 137 (Жомили А. Г.) *Etude...*, т. I, с. 217.
- 138 Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 135.
- 139 АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 50, л. 241. Г. Сеймур — К. В. Нессельроде 14(26).VI 1853.
- 140 *Maxwell J. The Life...*, p. 127; Дж. Кларендон — Ч. Стрэтфорду 10.IX 1853.
- 141 АВПР, ф. Канцелярия, 1843, д. 50, л. 194, 236.
- 142 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 34. Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде 8(20).VI 1853.
- 143 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 52—53.
- 144 Там же, с. 61. Нота Порты представителям 4-х держав в Вене.
- 145 Там же, с. 57. Записка без даты: Examen de trois modifications introduits par la Porte Ottomane dans la note autrichienne.
- 146 *The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923*, v. 2, p. 370.
- 147 *Maxwell H. The Life...*, v. 2, p. 16. Д. Грэхем — Дж. Кларендону 16.VIII 1853.
- 148 *Ibid.*, p. 17. Д. Абердин — Дж. Кларендону 20, 26.VIII 1853.
- 149 *Macqueen J. The War...*, p. 123—128. Дж. Кларендон — Ч. Стрэтфорду 10.IX 1853.
- 150 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 346; PD, v. 130, p. 585
- 151 *Byrne G. L. The Great Ambassador...*, p. 314—315.
- 152 *Maxwell H. The War...*, v. 2, p. 18—19.
- 153 *Ibid.*, p. 20.
- 154 *Ibid.*, p. 18. Дж. Кларендон — Д. Расселу 25.VIII 1853.
- 155 *Pemberton W. B. Lord Palmerston. L., 1964*, p. 210.
- 156 *Maxwell H. The War...*, v. 2, p. 26.
- 157 *The Cambridge History...*, v. 2, p. 377.
- 158 АВПР, ф. Канцелярия, 1853, д. 50, л. 189. Дж. Кларендон — Г. Сеймуру 30.IX 1853.
- 159 *Kinglake A. W. The Invasion...*, v. 1, p. 368.
- 160 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 353, 354, 357.
- 161 *Ibid.*, p. 354.
- 162 *Ibid.*, p. 361—362.
- 163 *Macqueen J. The War...*, p. 150. Решид — К. Мусурусу 1.X 1853.
- 164 *Ibid.*, p. 150. Дж. Кларендон — Ч. Стрэтфорду 8.X 1853.
- 165 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 356.
- 166 *Ibid.*, p. 358.
- 167 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 72

- Macqueen J. The War...*, p. 152; *Kinglake A. W. The Invasion...*, v. 1, p. 362, 363, 376.
- 168 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, т. I, с. 739—745.
- 169 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 1, с. 597—598, 601—603. Записки Николая I от 22—23 марта и 8 апреля 1853 г. (ст. ст.)
- 170 Там же, т. 1, с. 603. Записки Николая I от 16—17 мая 1853 г. Там же, т. 2, с. 120. Николай I—А. С. Меншикову 9(21). X 1853.
- 171 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 368.
- 172 (*Жомини А. Г.*) *Etude...*, т. 1, с. 235.
- 173 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 197. Виктория—Николаю I 14.XI 1853.
- 173^a (*Жомини А. Г.*) *Etude...*, т. 1, p. 238.
- 174 Там же, с. 240—241. Протокол от 5.XII 1853 — *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 252.
- 175 *Macqueen J. The War...*, p. 164—165, 166—167. Решид — послан 4 держав в Вене 31.XII 1853.
- 176 *Ibid.*, p. 182.
- 177 АВПР, ф. Отчеты, 1853, л. 105.
- 178 *Maxwell H. The Life...*, v. 2, p. 35. Дж. Кларендон — Каули 16.XII 1853.
- 179 *Ibid.*, p. 27.
- 180 *Ibid.*, p. 40.
- 181 *Ibid.*, p. 41. Дж. Рассел — Дж. Кларендону 1.III 1854.
- 182 *Gorev L. Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955*, с. 132.
- 183 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 371.
- 184 (*Жомини А. Г.*) *Etude...*, т. 1, с. 355.
- 185 *Macqueen J. The War...*, p. 173. Дж. Кларендон — Ч. Стрэтфорду 20.XII 1853.
- 186 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 377—378.
- 187 (*Жомини А. Г.*) *Etude...*, t. 1, p. 354.
- 188 *Temperley H. England and the Near East...*, p. 378.
- 189 (*Жомини А. Г.*) *Etude...*, t. 1, p. 364.
- 190 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 537.
- 191 Там же, с. 207. *Aperçu de la situation des affaires d'Orient*, 1(13).I 1854.
- 191^a Там же, т. 1, с. 615.
- 192 СТК, т. XII, с. 338, 339. Из докладной записки К. В. Нессельроде от 19(31). XII 1853.
- 193 Там же, с. 341.
- 194 *Зайончковский А. М. Восточная война...*, Приложения, т. 2, с. 263. А. Ф. Орлов — Николаю I 23.I(4.II) 1854.
- 195 Там же, с. 268—269. А. Ф. Орлов — Николаю I 22.I(3.II) 1854.
- 196 Там же, с. 226—237. Меморандум К. В. Нессельроде от 6(18).II 1854.
- 197 АВПР, ф. Канцелярия, 1854, д. 61, л. 3—6. Дж. Кларендон — Г. Сеймуру 31.I 1854.
- 198 PD, v. 130, p. 556, 568.
- 199 АВПР, ф. Канцелярия, 1864, д. 59, л. 9—10. *Projet du lettre à Lord Clarendon*.
- 200 Намек на помощь, оказанную царизмом австрийской реакции в 1849 г. при подавлении венгерской революции.
- 201 АВПР, ф. Отчеты, 1854, л. 5.
- 202 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 20, с. 173.
- 203 (*Жомини А. Г.*) *Etude...*, t. I, p. 43.
- 204 *The Cambridge History...*, v. 2, p. 364.

- ²⁰⁵ *Anderson M. S.* The Eastern Question 1774—1923. L., 1966, p. 122.
- ²⁰⁶ *Pemberton W. B.* Lord Palmerston, p. 209.
- ²⁰⁷ PD, v. 130, p. 608.
- ²⁰⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 10, 34—35.
- ^{208a} PD, v. 130, p. 610.
- ²⁰⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 31, 35.
- ²¹⁰ *Hirewitz J. C.* Diplomacy..., p. 144.
- ²¹¹ *Byrne L. G.* The Great..., p. 22, 40.
- ²¹² *Maxwell H.* The Life..., v. 2, p. 147, 159.
- ²¹³ PD, v. 130, p. 610, 614.
- ²¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 63.
- ²¹⁵ *Тарле Е. В.* Крымская война.— Соч., М., 1959, т. VIII, с. 11.
- ²¹⁶ *Macqueen J.* The War..., p. 215—216.
- ²¹⁷ The Times, 22.VI 1854.

ЯВЛЯЛАСЬ ЛИ КРЫМСКАЯ ВОЙНА
ДЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
«ЗАСЛУЖИВАЮЩЕЙ СОЖАЛЕНИЯ
ГЛУПОСТЬЮ»?

Оценку мы взяли из письма видного и влиятельного британского политического деятеля, министра и премьер-министра в 70—90-е годы, маркиза Роберта Солсбери, и относится она к январю 1877 г.: «С каждым днем я все более убеждаюсь в том, что Крымская война была заслуживающей сожаления глупостью»¹.

Его пессимизм разделяют авторы многих трудов. Р. В. Ситон-Уотсон свидетельствовал: уже в 30-е годы нашего столетия «Крымская война стала рассматриваться большинством историков как самая ненужная в современной Европе»². Это подтверждает Г. Д. Клейтон: «Крымскую войну часто характеризуют как ненужную и бесплодную»³.

Попытаемся разобраться в этом мнении и взвесить, что же дал правящей Британии длившийся два года европейский конфликт.

Вполне определенно можно сказать, что славы английская армия не завоевала, а ее полководцам было далеко до того, чтобы украсить себя лаврами. Война выявила дремучую отсталость военной системы, которая под бдительным оком фельдмаршала Веллингтона окаменела на уровне 1815 г. Дабы не быть заподозренными в сгущении красок, мы пользуемся ниже исключительно данными новейших британских исследований.

«Железный герцог» сохранил в нетленности стратегию и тактику наполеоновских времен: «Предполагалось, что битвы до сих пор ведутся плотными формированиями... Легче двигать войска взад и вперед на плац-параде, нежели вести их в поля и леса», — замечает историк⁴. Солдат вербовали по найму — за шиллинг в день плюс пенни на пиво*, и «рекрут быстро обнаруживал, что продал королеве все, кроме души». Занимали его с утра до вечера; правы царили суро-

* Английская денежная единица того времени: 1 фунт стерлингов = 20 шиллингам; 1 шиллинг = 12 пенсам.

вые; и плеть-девятихвостка щедро гуляла по спине «свободолюбивого британца». «Привычка солдат к пьянству воспринималась британской общественностью как профессиональная болезнь»⁵. Из предосторожности соседним батальонам не платили жалованья одновременно, чтобы солдаты не передрались.

В армии ее величества сохранялся вполне средневековый обычай продажи чинов; чтобы стать подполковником в пехоте, кандидат должен был раскошелиться на 4,5 тыс. фунтов стерлингов; тот же чин в кавалерии стоил 5,2 тыс. фунтов, в пешей гвардии — 9 тыс. За офицерские должности в первых полках платили целые состояния, до 50 тыс. фунтов стерлингов. «Служить» можно было, ничем себя не обременяя; богатые и знатные офицеры месяцами не появлялись в полках.

Боевого опыта с серьезным противником армия не имела. Командовавший экспедиционным корпусом в Крыму лорд Раглан стоял под огнем при Ватерлоо и даже потерял при этом руку, затем он десятки лет провел в канцелярии военного министерства. Подстать ему были командиры дивизий. Из пяти человек лишь двое командовали хотя бы батальоном в боевых условиях.

Англичане отдали дань моде на красочный мундир: «... Форма становилась все более экзотической. Всадников снабдили фантастическими головными уборами, вычурно разукрашенной курткой, доломаном и накидкой; пехотинцы должны были носить громадные шапки в форме перевернутого колокола; все офицеры блистали золотыми позументами».⁶

Личный багаж, привезенный британскими офицерами в Крым, потряс более опытных французов своим объемом. Многие захватили с собой гунтеров — верховых лошадей, предназначенных для охоты. Персональный обоз командира дивизии герцога Кембриджского состоял из семнадцати повозок. Лорд Кардиган, командир легкоконной бригады, на собственной яхте почивал и обедал. Дерби Гриффит из полка серых шотландцев привез с собой повара-француза. Лорд Роунби, назначенный в феврале 1855 г. командовать гвардейской бригадой, прихватил с собой патентованный ватерклозет. Лорд Джордж Пейджет трагическую для английской экспедиционной армии зиму провел, с разрешения командования, в свадебном путешествии.

А в это время...

Впрочем, по порядку. В Стамбуле западное воинство знакомилось с Востоком несколько односторонне: здесь «можно

было напиться за шесть пенсов и заработать сифилис за шиллинг», — свидетельствует историк ⁷. Дальше путь англо-франко-турецких сил лежал в Болгарию, навстречу русской армии. В городе и его окрестностях был собран значительный кулак — 60 тыс. французов, 41 тыс. турок, 19 тыс. англичан. Обстановка сложилась тяжелая — враждебное отношение болгар, жара, холера косила солдат и офицеров ⁸. В качестве профилактического средства использовалось спиртное; госпиталю рядовые боялись как огня — оттуда путь лежал на кладбище. Французские дивизии, двинутые в Добруджу, растаяли в походе ⁹, «вылазка» обошлась в 6 тыс. умерших. Воевать было не с кем: Николай I подчинился австрийскому требованию очистить Дунайские княжества, подкрепленному угрозой объявления войны. Русским солдатам, которым было велено отступать от крепости Силистрия накануне подготовленного штурма, было предписано объяснить, что отход производится, «дабы обезопаситься от злых умыслов наших соседей». В конце августа царские войска отошли за реку Прут, на свою территорию. Молдавия и Валахия были оккупированы габсбургской и турецкой армиями ¹⁰.

Единственный предлог, придававший правдоподобие «опасениям» Парижа и Лондона за целостность Османской империи (заятие Дунайских княжеств), исчез. Какая угроза Константинополю могла исходить от окруженной превосходящими силами, находившейся в безнадежной схватке с тремя державами России?

Но в западных столицах не помышляли о прекращении войны. Решено было нанести удар в Крыму. Англо-французский флот (34 линейных корабля, 55 парусных и паровых фрегатов) запер в Севастополе черноморскую эскадру (14 линейных судов, 12 фрегатов и парохо-д-фрегатов). Берег полуострова обследовал пароход «Карадок», поднявший для обмана наблюдателей с берега и с судов русский флаг. 12 сентября армада кораблей подошла к Евпатории. 14—19 происходила высадка, не встретившая сопротивления. 20 сентября разыгралось первое сражение при Альме. Русские войска, уступавшие противнику в численности и вооружении (гладкоствольные ружья против нарезных винтовок), оказали упорное сопротивление: «Физическая отвага русских войск никогда не ставилась под сомнение; но ими плохо руководили». Под Альмой, «если бы князь Меншиков спокойно следил за обстановкой вместо того, чтобы, очертя голову, галопировать вдоль фронта, он мог бы одержать верх» ¹¹, — свидетельствуют историки с «той стороны».

Штурмовать оставшийся без прикрытия Севастополь ни

маршал А. Сент-Арно и его преемник ген. Ф. Канробер, ни генерал Ф. Дж. Раглан не решились. 5(17) октября произошла первая бомбардировка города. Защитники крепости энергично отвечали — их огнем было повреждено 7 только английских судов.

13(25) октября двинувшийся на помощь осажденному Севастополю Меншиков не сумел развить наметившийся под Балаклавой успех. В ходе боя состоялась воспетая британскими историками, писателями и поэтами, запечатленная в кинофильмах атака легкоконной бригады под командованием лорда Кардигана. Этот кавалерийский налет представляется в небогатой успехами кампании 1854—1855 гг. как пример британской отваги.

Суть дела заключалась в следующем: получив путаный приказ Раглана, граф Кардиган, рассудку вопреки и наперекор азам воинской науки, бросил своих всадников в лобовую атаку на русские пушки. Бригада была истреблена почти начисто. Лорда Кардигана, поскольку некем было командовать — не осталось ни людей, ни лошадей, отозвали в Лондон. Здесь он превратился в героя светских салонов, его «поили и кормили по-королевски»¹², он критиковал и правительство, и генералитет, а Альфред Теннисон воспел его подвиги в стихах.

24 октября (5 ноября) союзники добились успеха под Инкерманом, но ценой таких потерь, что глава Форин оффис Дж. Кларендон писал в Париж послу лорду Каули: «Сомнительная победа породила отчаяние и подозрение, что армия не сможет выдержать другого подобного «триумфа»¹³, а герцог Кембриджский на военном совете высказался за отвод британских войск на высоты вокруг Балаклавы.

Началась страшная для английской армии зима. Обнаружилась полная некомпетентность интендантства и санитарной службы и вопиющее невежество высшего командования во всем, что касалось расквартирования и содержания войск. По части казнокрадства и мздоимства поставщики вооруженных сил ее величества не отставали от российских Колупаевых и Разуваевых.

Вот несколько картинок быта английского лагеря в Балаклаве: «Апатия и неведение в департаментах, ведавших снабжением армии, способствовали профессиональному мошенничеству наиболее бесцеремонных поставщиков... Некоторые грузы исчезали совершенно... Сапоги и шинели прибывали слишком малых размеров, большой груз состоял из сапог исключительно на левую ногу; десять тысяч пар носков годились только для детей»¹⁴.

Злоупотребления «у истоков», от поставщиков, умножались на неразбериху на месте. «Балаклава являла собой картину кошмарного хаоса». На набережной — «мука, высыпавшаяся из разорванных мешков, лежала сырыми кучами, валялись ящики с амуницией, колья для палаток, куски дерева, бочки с гниющим мясом и с горохом — все впере мешку. Кипы одежды, в которой ощущалась острая нужда, брошены в грязь и отбросы, и по ним ходили... Турецкие солдаты мрут как мухи во временных госпиталях, размещенных главным образом в реквизированных лачугах»¹⁵.

14 ноября на Черном море разразилась буря; 21 английский корабль был разбит, 8 серьезно повреждены. Потери снаряжения были огромными — на одном лишь «Принце» затонуло 40 тыс. пар обуви.

1 декабря генерал Лукан сообщил, что кавалерийская дивизия, как таковая, перестала существовать — не осталось лошадей. Вдобавок ко всему военное министерство обнаружило «врага внутреннего». Им оказался корреспондент «Таймс» В. Г. Рассел, имевший мужество сообщать правду о бедствиях, безответственности и безрукости. 25 ноября газета писала: «Дождь льет; небо — как чернила; ветер завывает над содрогающимися тентами; окопы превратились в канавы, в палатках — вода на фут глубиной; у людей нет ни теплой, ни непромокаемой одежды; по двенадцати часов они проводят в траншеях... и, создается впечатление, что ни единая душа не заботится ни об их удобствах, ни даже об их жизни»¹⁶. Солдатская изобретательность вошла в поговорку: незванные пришельцы с Альбиона на крымской земле обвязывались для утепления мешками, заматывали ноги овчиной, воловьими или лошадиными шкурами.

В самом конце года «Таймс» мрачно предвещала: если дела так пойдут и дальше, «главнокомандующий и его штаб будут единственными, кто уцелеет на высотах вокруг Севастополя; их наградят, возведут в дворяне, будут упоминать в депешах; они готовы вернуться домой для получения почестей и пенсий — и все это на костях пятидесяти тысяч британских солдат»¹⁷.

Газета кое в чем допустила просчет: главнокомандующий генерал Раглан не дожил до весны. В январе 1855 г. в английском экспедиционном корпусе больных, раненых и обмороженных насчитывалось 23 тыс.; но все же 11 тыс. самых выносливых оставались в строю. Французов было втрое больше¹⁸.

В январе 1855 г. кабинет Абердина, обвиняемый в неумелом ведении войны, потерпел поражение в парламенте:

305 голосами против 148 палата общин вынесла ему недоверие¹⁹. На волне шовинизма к власти приплыл Джон Пальмерстон. 6 февраля он возглавил правительство.

Мощная промышленность «мастерской мира» наращивала выпуск военного снаряжения. Парламент, не считая, отпускал средства: всего Крымская война обошлась английскому налогоплательщику в гигантскую по тем временам сумму 69,3 млн. фунтов стерлингов²⁰. Для сравнения скажем, что за 20 с лишним лет борьбы против революционной и наполеоновской Франции (1793—1815 гг.) было истрачено меньше — 57 млн.

Хуже обстояло дело с живой силой. Никакая псевдопатриотическая и ура-шовинистическая трескотня не помогла заманить в вооруженные силы ее величества должного числа охотников сложить свои головы под Севастополем. До требуемой цифры не хватало 40 тыс. рекрутов.

Уже в ноябре 1854 г. Пальмерстон строил планы — как бы взять на британское содержание «готовую и дисциплинированную силу со своими офицерами, но под управлением нашего главнокомандующего»²¹. Возникла мысль купить оптом испанскую армию — 60 тыс. человек. В Мадриде отклонили, однако, это предложение. В Лондоне вспомнили время войны за независимость Соединенных Штатов, когда второстепенные германские государи целыми полками отдавали своих подданных на службу британским колонизаторам. Но нравы изменились, и торговать солдатами никто не решился. Тогда решено было приобретать пушечное мясо индивидуально. Делалось это в обход местных законов, на английских кораблях в открытом море.

Вербовщики отправились на континент, нанимали немцев, итальянцев, португальцев, швейцарцев. По имеющимся данным, удалось купить 13 тыс. человек. 20 тыс. турок были поставлены под команду английских офицеров²². Добрались охотники за солдатской кровью до Соединенных Штатов, но тут итоги оказались незначительными. Сам Пальмерстон выражал желание приобрести, так сказать, на корню всю сардинскую армию и переправить ее в Россию. Это не совпадало с планами главы правительства маленького королевства графа К. Б. Кавура. Тот стремился ввести Сардинию в «концерт» великих держав, будучи готов оплатить это кровью, но не хотел выступать в роли простого британского наймита. (Сардинцам важно было слыть «союзниками, а не прислужниками»²³). Кавур отказался от предложенной Лондоном щедрой субсидии и предпочел заем на сумму в 2 млн. фунтов стерлингов, что создавало видимость рав-

ноправия. Сардинская дивизия в 15 тыс. пштыков отправила под Севастополь погибать в неведомой и чуждой ей России.

Однако и экстраординарные меры не приумножили славы британского оружия. Солдаты Виктории участвовали в кровавом и закончившемся неудачей штурме Севастополя 8(20) июня. Не обрели они успеха и 27 августа (8 сентября), когда французам удалось захватить Малахов курган, ключ к обороне города. Англичане штурмовали в тот день «Большой редан» (3-й бастион); «наступающие не выдержали огня русских и залегли: они были прижаты к земле, люди отказались покинуть парадет. Через несколько минут они повернули и бросились назад, к своим линиям, оставив две с половиной тысячи товарищей убитыми и ранеными. Таков был бесславыный конец осады»²⁴.

Не повторили подвигов Нельсона и британские моряки. Крейсировавший на Балтике англо-французский флот (в 1855 г. — 52 линейных корабля, парусных и паровых фрегатов, 46 мелких судов) не дерзнул атаковать Кронштадт и ограничился нападением на Аландские острова. Провалом закончилась попытка захватить на далеком Тихом океане Петропавловск-на-Камчатке.

В отрицательной оценке действий своей армии сходятся английские историки всех направлений: «Крымская война 1854—1856 гг. стала символом некомпетентности, смешанной с административной неразберихой...»²⁵, — пишет Д. Джадд. Само название книги — «Бесславыная война» — говорит о позиции А. Дж. Баркера. Уинстон Черчилль упоминает о плохо спланированных и плохо руководимых операциях²⁶. «Зима 1854—55 гг. вскрыла несостоятельность организации британской армии и командования на месте». В. Х. Рассел, корреспондент газеты «Таймс», «позволил британской обществу сполна отдать себе отчет в неспособности лорда Раглана, безнадежной отсталости организации снабжения, об ужасах дизентерии и холеры»²⁷, — так отзывается о командовании и администрации Г. Д. Клейтон. Им вторит американка Олив Андерсон: «Крымская война явилась серьезным ударом по Британии». «Британский престиж за рубежом пал очень низко»²⁸. В полном разрыве с более чем скромным участием британских войск в достижении победы находились головокругительные планы политиков. Широко известен меморандум Джона Пальмерстона, сочиненный им 19 марта 1854 г. и предусматривавший перестройку всей европейской карты: «Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции. Некоторые из немецких провинций Рос-

сии на Балтике уступаются Пруссии. Самостоятельное Польское королевство восстанавливается как барьер между Германией и Россией. Молдавия и Валахия и устье Дуная передаются Австрии. Ломбардия и Венеция освобождаются от австрийского правления и либо превращаются в независимые государства, либо входят в Пьемонт. Крым, Черкесия и Грузия отбираются у России; Крым и Грузия передаются Турции; Черкесия объявляется независимой или соединяется с султаном узамы сюзеренитета»²⁹. Сей труд свидетельствовал как о крайне поверхностном знакомстве человека, много лет руководившего английской внешней политикой, с историей и географией (о чем говорит его мнение, будто на берегах Рижского залива живут немцы), так и о его полной уверенности, что государства можно кроить и перекраивать, не покидая лондонского кабинета. Замысел был не только утопичен, но и насквозь авантюристичен. Премьер-министр Абердин отозвался о нем холодно: «Этот план рассчитан на тридцатилетнюю войну»³⁰. Сам автор, чей ум, по словам Р. Ситон-Уотсона, «был полон обширными и непрактичными схемами переделки всего востока Европы к ущербу для России и поддержки угасающей власти Турции»³¹, именовал свое детище «прекрасным идеалом войны»³².

Император Луи Наполеон, авантюрист европейского масштаба, не отставал от Пальмерстона в резвости воображения: он предлагал передать Дунайские княжества и Бессарабию Австрии, Ломбардию — Сардинии, Кавказ и Крым — Турции, а Польшу либо сделать самостоятельной, либо (последний Бонапарт мыслил крупными масштабами) отдать целиком Пруссии³³.

Официально подобные химеры никогда не выдвигались. В самом кабинете его глава лорд Абердин и канцлер казначейства В. Ю. Гладстон считали их недостижимыми. Последний, внося в палату общин бюджет 1854—1855 гг., заметил: «Расходы на войны — моральное препятствие, которое всевышнему было угодно поставить честолюбию и жажде захватов, обуревающих многие нации»³⁴. В палате лордов Дж. Кларендон выступил по всем канонам «острова фарисеев»: «Нам ничего не нужно для нашей торговли; мы не боимся за наши индийские владения. Это — дело нашей чести и уважения к себе»; единственная цель — «остановить и дать отпор несправедливой агрессии России»; предстоит «битва цивилизации против варварства»³⁵.

История дипломатических переговоров во время Крымской войны изучена превосходно. В работах старых русских историков — А. М. Зайончковского, А. Г. Жомини, С. С. Та-

тищева, Ф. Ф. Мартенса, С. С. Горяинова — собран огромный фактический материал. Ценны они и богатейшей документацией, позволяющей вопреки субъективным взглядам авторов составить достаточно полное и правильное представление о позициях держав. Советская историческая наука представлена в первую очередь Е. В. Тарле. Написанный им раздел в «Истории дипломатии» и фундаментальная монография «Крымская война» созданы в годы, когда талант маститого ученого блистал всеми красками. В дальнейшем советская библиография Крымской войны пополнилась книгами И. В. Бестужева и Л. Горева ³⁶; британская историческая наука выступает с трудами известных исследователей. К появившимся много раз на наших страницах именам Г. Темперлея, Р. В. Ситон-Уотсона, К. Борна, Дж. Максвелла, Д. Джадда, Г. Д. Клейтона, М. Андерсона, Г. Гендерсона следует добавить А. Дж. П. Тейлора ³⁷.

Для ответа на поставленный в заголовке главы вопрос нет нужды следовать за всеми демаршами дипломатии. Заслуживает быть отмеченной одна константа — британская сторона всегда и вполне последовательно занимала самую экстремистскую позицию в отношении условий мира. И если «программа Пальмерстона» представляется авантюрно-фантастической в зеркале истории, то многие его современники и коллеги восприняли ее как своего рода идеальный максимум.

Но приходилось считаться со многими обстоятельствами. Великобритания традиционно воевала руками союзников. Реальной была бонапартовская Франция (с Турцией считаться перестали). Париж без всякого восторга предвидел установление в Европе британской гегемонии в случае осуществления далеко идущего плана Пальмерстона и отдавал предпочтение гегемонии французской. Потенциальными союзниками в начале войны являлись Австрия, Сардиния и Швеция, их позицию следовало учитывать.

Некоторые британские авторы, даже маститые, склонны представлять кабинет кроткой жертвой цеобузданного русофобства «толпы»: «Британский кабинет послушно плелся за джингоистской оппозицией...» (Р. В. Ситон-Уотсон) ³⁸. Отсюда-де и правительственный экстремизм.

Думается, здесь наблюдается попытка представить подлинную историю в кривом зеркале. Действительно, общественность десятилетиями воспитывали в русофобском духе, смешивая два понятия — Россия и царизм, да и нередко приписывая последнему замыслы и устремления, у того отсутствовавшие. Говоря грубо, среднего британца науски-

вали на Россию. Крика и шума на митингах и собраниях было много. Но провал вербовочной кампании в армию свидетельствовал, что русофобство проявлялось главным образом в пассивной форме; охотников лечь костью на поле брани находилось немного; толкала их на вступление в армию не идея, а нужда. Преувеличивать степень влияния оголтелых шовинистов на правительство не следует, а изображать кабинет их покорным орудием совсем неуместно. Истоки экстремизма крылись не в «давлении толпы», а в давно вынашиваемых планах подрвать влияние России на Ближнем Востоке, на Балканах, а по возможности и во всей Европе. Кабинет, питавший в начале войны радужные надежды на триумфальную прогулку по Крыму, полагал, что условия мира не следует выставлять заранее и встретил кисло-плод совместного творчества австро-французской дипломатии — так называемого 4 пункта. В первоначальной редакции они звучали так: замена русского протектората над Дунайскими княжествами европейской гарантией; свобода судоходства по Дунаю; отказ России от покровительства христианским подданным Османской империи; пересмотр конвенции 1841 г. о Проливах «в интересах равновесия сил в Европе». Печать австрийского авторства виднелась на проекте вполне отчетливо — Вена, готовившаяся занять княжества своими войсками («пункты» были выработаны в начале июня 1854 г.), явно метила в наследники царизма на Юго-Востоке Европы.

Первой реакцией Лондона было отвергнуть пункты, не отвечавшие его амбициям: «Мы не должны вовлекаться в переговоры», — писал министр иностранных дел Кларендон. 19 июля после пятичасового заседания кабинет высказался против «рассмотрения точных условий возможного мира».

Однако потребность в союзниках и опасение, что Франция и Австрия смогут договориться на условиях, отвечающих прежде всего их интересам, заставили кабинет отказаться от чисто негативной тактики и перейти к иной — а именно, участвуя в переговорах, направлять их в желательное русло.

Уход русских войск из Молдавии и Валахии изменил ситуацию. С точки зрения военной — к чрезвычайной невыгоде для Петербурга: австрийские войска, собранные в больших массах, угрожали с фланга и тыла³⁹. Россия пассивно ждала нападения. Но в плане политическом эвакуация поставила союзников в чрезвычайно неловкое положение. Война становилась для России чисто оборонительной. За что же, собственно, воюют «морские державы»? «Они были поставлены перед задачей: как помешать агрессивной дер-

жаве, если она не совершает агрессии?» «Россия, покинув княжества, лишила союзников повода напасть на нее, — пишет А. Дж. П. Тэйлор. — На первый и второй пункты (предъявленных ей требований. — В. В.) Россия дала молчаливое согласие»⁴⁰, отведя войска на собственную территорию. Что касается третьего — покровительства балканским христианам, то Петербург пошел далеко навстречу притязаниям западных держав еще в ходе переговоров в 1853 г. Остался последний — насчет конвенции о Проливах, заключенной в 1841 г., в которой Петербург успел разочароваться. По словам посла в Вене А. М. Горчакова, трактат этот «не есть предмет большой нашей нежности»⁴¹.

Чего же ради еще больше года лилась кровь?

Суть дела заключалась в том, что скрывалось за «4 пунктами», как их собирались трактовать и осуществлять западные союзники. И здесь постепенно обрисовались британские замыслы — одним ударом покончить с русским влиянием (и соперничеством) на Балканах и Ближнем Востоке, установить здесь свою гегемонию, а запертую в Черном море соперницу вдобавок и разоружить. Скромный и неопределенно сформулированный пункт о режиме Проливов перерос в вопрос о морских силах в этом бассейне, затрагивавший суверенные государственные интересы России.

Вторжение в Крым, осада черноморской твердыни Севастополя показывали, в каком направлении англо-французская коалиция искала урегулирования. Повторять плачевный опыт Карла XII и Наполеона с походом в глубь России не собирался даже Пальмерстон. Расчет был на то, чтобы выманить силы противника в Крым. «...Россия, смею надеяться, судя по всему, не пойдет на позор разоружения Севастополя и сдачу флота», — полагал самый «миролюбивый» из членов британского кабинета В. Ю. Гладстон⁴². А там взятие крепости и уничтожение эскадры должно было подорвать русское могущество на Черном море, что и следовало закрепить в виде «жесткой» интерпретации «четвертого пункта». В декабре 1854 г. английский и французский кабинеты договорились, что разрушение Севастополя должно быть неперменным условием окончания войны⁴³.

Чтобы не рассориться с Францией и приманить Австрию, Уайт-холл решил принять «четыре пункта», оговорив возможность «уточнений». Военное положение не способствовало полету захватнической фантазии: «Под Инкерманом (5 ноября) союзники едва не были сброшены в море. В обстановке мрачной и мучительной кабинет принял решение», — пишет Гэвин Гендерсон⁴⁴. Партнеры договорились: если

к апрелю 1855 г. мир не будет заключен, «высокие договаривающиеся стороны согласились вновь приступить к сошествиям относительно наиболее эффективных средств достижения целей их союза»⁴⁵.

Корона поддержала его: «Нам, — писал принц Альберт в одном из своих бесчисленных меморандумов, — нет надобности запрашивать сейчас что-либо, помимо 4 пунктов; следует определить полнее точное значение, придаваемое их эластичным условиям». Австрийцы не смогут тогда отказаться от своего детища. 22 ноября 1854 г. королева выражала свою «радость по поводу принятия договора, никак нас не связывающего и оставляющего открытыми для нас любые могущие быть произведенные в будущем изменения»⁴⁶.

28 ноября в Вене стало известно о принципиальном согласии царского правительства на «4 пункта» — это произошло после сражения под Инкерманом и под давлением Пруссии. Тем не менее, 2 декабря Австро-Венгрия вступила в союзные отношения с воевавшей против России коалицией.

От лица России в австрийской столице выступал вновь назначенный туда послом опытный и высокоталантливый дипломат Александр Михайлович Горчаков. Он полагал, что отказ русской стороны от переговоров бросил бы австрийцев в объятия «морских держав», однако вел их в форме, не связывавшей Петербургский кабинет⁴⁷. Будучи искусным полемистом, он парировал требования отменить покровительство России православным подданным султана утверждением: «Ни одна из прежних наших договоренностей с Портой не содержит упоминания о «русском протекторате». Нельзя отказываться от того, что не было зафиксировано. Предусматривалось лишь наблюдение за исполнением договоров и претворением в жизнь хатти-шерифов⁴⁸.

Но подлинным камнем преткновения являлся оскорбительный и затрагивавший государственные интересы и суверенные права России пункт четвертый.

Русская дипломатия попыталась нащупать щёлку противоречий в неприятельском союзе. «Положение вещей сложилось так, что обеспечивало Франции явное преобладание на главном театре войны; и в то же время эта держава, в вопиющем противоречии с воспоминаниями, с традициями своей истории, в действительности поставила свои силы на службу интересам политики Англии, которая одна может извлечь выгоду от уничтожения нашего флота на Черном море»⁴⁹. Горчаков, как за год до этого А. Ф. Орлов, советовал искать путей сближения с Третьей империей⁵⁰. В отчете МИД за 1855 г. выражалась надежда на возможность «при-

дать ее дальнейшей политике более благоприятное направление»⁵¹.

Однако пока что русская дипломатия оказалась в тупике. Наполеон III не мог пойти на мир, пролив безрезультатно потоки крови на далекой периферии России, уложив под стенами Севастополя сто тысяч солдат. Не такого реванша за 1812 г. он добивался. Фундаментом его трона и в перспективе династии должен был стать весомый внешний успех. Луи Наполеон был прикован к Севастополю политической целью, а она, случается, бывает и прочнее стальной. Поэтому, как это ни звучит парадоксально, мирные переговоры не имели шансов на успех, пока героические защитники четвертого бастиона и Малахова кургана отбивали все атаки осаждавших — разве что им удалось бы перемолоть до последнего полка всю французскую армию.

Но Севастополь являлся стержнем всей черноморской военной системы России. К середине февраля 1855 г. в его бухте — чтобы предотвратить вторжение вражеского флота — было затоплено 9 линейных кораблей и 4 фрегата. Русская эскадра фактически прекратила существование. Севастополь связал воедино Францию и Англию; было напрасно ждать и падеяться на разрыв их союзнических отношений в этом пункте.

В феврале в Лондон пришла новость, которую британские историки именуют не иначе, как дикой или сумасбродной; Бонапарт вознамерился самолично отправиться в Крым и добиться перелома в военных действиях. Его сторонники в Париже приуныли, опасаясь, что оппозиция воспользуется отъездом императора; французские генералы не на шутку всполошились, ибо справедливо сомневались в стратегических талантах коронованного выскочки и считали его глубоко штатским человеком. Глава Форин оффис Дж. Кларендон отправился в Париж — отговаривать императора от столь опасного предприятия. Королева поспешила пригласить Луи Наполеона в Великобританию. Его чествовали и славили, Виктория возложила на него орден Подвязки. Затем последовал ответный визит четы английских монархов во Францию. Здесь королеве рукоплескали, а некоторые, по словам сопровождавшего ее Кларендона, «зашли столь далеко, что нашли ее прехорошенькой»⁵².

Страшная зима под Севастополем поостудила горячие головы в Лондоне; «воздушные замки» Пальмерстона рухнули под тяжестью осады — не с одиннадцатью тысячами еще державшихся на ногах солдат было перекраивать карту Европы. Став премьер-министром, Пальмерстон признавал в

письме к Наполеону III от 8 февраля 1855 г. плохое состояние армии (и за ненужную откровенность получил выговор от королевы) ⁵³.

В Вене продолжалось обсуждение вопроса, как наилучшим способом поправить права России на Черном море? Добиться ли его нейтрализации, или ограничения русского флота определенным уровнем? Посланный в австрийскую столицу Джон Рассел полагал, что на это можно пойти при условии, что «султан сохранит за собой право пропускать суда держав, не имеющих баз на Черном море, через проливы по своей воле и в любое время» ⁵⁴. «Оборонявшийся» от «хищной агрессивной России» британский кабинет хотел бы, чтобы его флот мог врываться в Черное море и угрожать его берегам, практически незащищенным, ибо предполагалось лимитировать русскую эскадру немногими судами.

А. М. Горчаков отказался обсуждать вопрос об установлении какого-либо предела для флота. Это произошло в апреле. Переговоры были прерваны.

Между тем война близилась к концу. Смерть Николая I, угрожающая позиция Австрии, вступление в боевые действия Сардинии, заключение франко-шведского союза, прозападная позиция Пруссии, истощение страны и армии, пессимистические и упадочнические доклады сперва А. С. Меншикова, а затем сменившего его на посту командующего в Крыму М. Д. Горчакова, которые Нессельроде «по-дружески» сообщал пруссакам, а те «рассекречивали» информацию по всему свету — все это в совокупности заставило российских сановников и самого Александра II искать мирного решения.

Измотаны в последней степени были и союзники. После занятия ими руин Севастополя в боевых операциях наступил перерыв. Военный совет 13 сентября счел необходимым приостановить операции ⁵⁵. Третий по счету французский командующий, генерал Пелисье, потребовал формального приказа о наступлении из Парижа — иначе говоря, он слагал с себя всякую ответственность за продолжение военных действий. Потери французов погибшими достигали сто тысяч, англичан — 22,7 тыс., турок — 30 тыс. ⁵⁶

Но из столицы не поступало никаких распоряжений. По словам английского историка, французская армия завоевала лавры, достаточные для того, чтобы обеспечить безопасность императорской династии ⁵⁷. Ближайшая цель была достигнута. К британскому желанию продолжать войну до последнего французского, турецкого или сардинского солдата в Париже оставались глухи.

25 августа 1855 г. Пальмерстон писал брату, занимавшему пост посланника в Неаполе: после падения Севастополя «начнется подлинная опасность для нас, опасность мира, а не войны». Королева понукала упиравшихся генералов, требовала «выгнать русских из Крыма».

Британские министры выходили из себя, видя растущее миролюбие французских союзников. Частная переписка Пальмерстона пестрит отнюдь не дипломатическими выражениями по адресу «друзей». Французского министра иностранных дел А. Валуевского он именовал «хитрым мошенником», посла в Константинополе Тувенеля — «законченным последователем Лойолы, пылающим ненавистью и ревностью к Англии», австрийского посла в Турции Прокеш-Остена — «низким гулякой-игроком, деревенским стряпчим, превращенным в дипломата»⁵⁸. Мало чем уступал ему Кларендон, который в создавшейся обстановке не в силах был осуществить программу британских «ультра». Министр сделал суровый выговор редактору газ. «Таймс» за откровенность, подрывавшую военные усилия кабинета: «Наши лучшие солдаты в течение года были выведены из строя, а «Таймс» слишком хорошо преуспела в том, чтобы убедить иностранцев не поступать к нам на службу; мы вынуждены отправлять (на войну.— В. В.) рекрутов, и вот, вместо того чтобы ободрять их и закрыть глаза на наши недостатки, нас на весь мир разоблачают как нацию трусов»^{58а}. Глубокой осенью 1855 г. Кларендон отправился на континент — отвращать французов от мира. 23 октября он писал домой жене: «Придется не пожалеть трудов, чтобы спасти себя от позорного мира» (в кларендоновском понимании). 16 ноября он с нескрываемым раздражением сообщал: «...не надо скрывать от себя — окончание войны абы как будет столь же популярно во Франции, как непопулярно у нас...» 24 ноября министр был уже вне себя. «Эти французы рехнулись на почве страха и жульничества. Боюсь, что император столь же деморализован, как и его правительство. Уверен, если мы отвергнем условия, французы заключат мир по своему усмотрению, и наше положение станет жалким. Французы так громко визжат о мире, что, я опасаюсь, перепугают Австрию, и та захочет взять назад те жесткие условия, которые она предложила навязать России». Через три дня Кларендон подтвердил свое мнение: «Лица, приезжающие из разных концов Франции, единодушно заявляют, что, если мы захотим продолжать войну, то можем делать это в одиночку, а с Франции хватит»⁵⁹.

Пальмерстон пытался оказать нажим на Париж в свой-

ственном ему духе, т. е., действуя напролом и подминая под себя союзников. Он сочинил резкое письмо французскому послу Персиньи (21 ноября) — явно для показа Бонапарту: английский народ, говорилось в нем, «предпочтет заключению мира на неудовлетворительных условиях продолжение войны без других союзников, помимо Турции, и готов взять на себя бремя...»⁶⁰. Мнения Порты по уже укоренившейся привычке он не спрашивал, зато поспешил заверить чиновников Форин оффис: «Французское правительство не оставит нас в беде».

Ожидаемого эффекта письмо не произвело. Император Наполеон, по свидетельству Кларендона, и весной следующего года не мог проглотить нанесенную ему обиду. В самом британском кабинете коллеги Пальмерстона, включая министра иностранных дел, не разделяли его петушиного задора, да и в Европе вряд ли кто верил, что Великобритания, с трудом наскребя 90 тыс. солдат — дома, в Турции и по кабакам и притонам континента, — ринется с ними в неизведанные дали России⁶¹.

Перепуганные нависшей опасностью мира без достаточных для себя выгод австрийские правители добавили к четырем известным пунктам пятый — отторжение от России Южной Бессарабии; под угрозой войны с пятью неприятелями царизм сдался.

На мирные переговоры в Париж отправился человек, никогда не служивший по внешнеполитическому ведомству, и тем не менее — один из способнейших дипломатов XIX в., граф Алексей Федорович Орлов, прославившийся заключением двух договоров — Адрианопольского и Ункяр-Искелесийского. Крупная роль, сыгранная им в Париже, известна. Злобное замечание французского дипломата Буркне — «сколько ни гляди, не видно, кто здесь победитель и кто побежденный» — говорит о создавшейся там обстановке. В помощь Орлову отрядили Ф. И. Бруннова, и на этот раз, лишенный самостоятельности и ответственности, он смог показать свои лучшие качества диспутанта и редактора.

Положение британских делегатов на конгрессе, лордов Кларендона и Каули, было достаточно сложным⁶². Они очутились между двух огней. «Из дома» сыпались королевские письма и наставления Пальмерстона — добиться, насколько возможно, жестких условий. Бонапарт и его министр иностранных дел, сын «большого» Наполеона и графини Марии Валуевской, Александр Колонна Валуевский держались миролюбиво.

С нелегким сердцем отправился Кларендон в путь. «Джон

Буль,— писал он,—будет беспощаден к условиям мира, так что переговоры должны стать могилой для репутации лица, которое их вело...»⁶³. Как он держался — видно из отчета русского МИД за 1855 г., где упоминалось о «препятствиях, чинившихся на каждом шагу злою волею представителей Англии, и о корыстных расчетах» австрийцев⁶⁴. Сам Кларендон, хотя и выражался иначе, но подтверждал данную его действиям характеристику: «... В одном кабинет может быть уверен — а именно в том, что я никогда, ни по какому случаю, ни по одному вопросу не сделал уступки... Разумеется, это стало известно, как и тон, принятый мною на совещаниях; вина за яростное сопротивление русским овечкам, за задержку заключения мира возлагается исключительно на меня»⁶⁵. Однако,— признавал Кларендон,— «мир представляется неизбежным», проваливать конференцию было опасно; а, как выражался глава Форин оффис, «лягать без того, чтобы кусаться», он не считал нужным⁶⁶; «... Франция решилась на мир; и что бы Пальмерстон в своем самодовольстве ни говорил, мы не могли бы воевать в одиночку, ибо вся Европа сразу же обратилась бы против нас, и скоро в ее хвосте последовали бы и Соединенные Штаты...»⁶⁷.

18(30) марта 1856 г. мир был подписан⁶⁸. Мир, тяжелый для России. Орлов без спора согласился на отмену протектората России над Молдавией, Валахией и Сербией и на отказ от особых прав в отношении христианских подданных султана. Три княжества и христианская вера были поставлены под коллективную гарантию держав. Легкость, с которой было достигнуто согласие по этому кардинально важному вопросу, можно связать с далеко зашедшими уступками Меншикова в 1853 г. во время переговоров в Константинополе, что свидетельствует о полной голословности предъявленного царизму обвинения в стремлении господствовать над турецкими христианами, которое явилось поводом для войны.

Скромный первоначально и не вызывавший возражений русской стороны «второй пункт» (обеспечение свободы судоходства в низовьях Дуная) интерпретировался так, как мог придумать казуистический ум дипломата: от России была отторгнута Южная Бессарабия; великая страна была лишена естественного выхода к реке — с очевидной целью установить над судоходством контроль неприбрежных держав⁶⁹.

Претерпел метаморфозу и вызвавший столько споров четвертый пункт. От требования открытия Проливов для вторжения в Черное море британцам пришлось отказаться; парижский мир подтвердил конвенцию 1841 г. о закрытии

Босфора и Дарданелл. Однако в соответствии с договором Россия и Турция не имели права содержать на море свои эскадры (за исключением ограниченного числа вспомогательных кораблей). Этот параграф всей своей тяжестью обрушился на Россию, лишившуюся своих суверенных прав морской державы, — турки просто-напросто перевели свои военные суда в Средиземное море и могли в любой день и час вернуть их через Дарданеллы и Босфор. Россия же, в случае повторения «Крымской ситуации», не имела даже возможности защищать свои берега.

А. Ф. Орлову, не без скрытой поддержки французов, удалось отбить экстремистские притязания Кларендона и Каули, требовавших, чтобы наподобие Черного моря было «нейтрализовано» и Азовское, чтобы были разрушены укрепления Николаева, чтобы было создано «государство Черкесия» в качестве формального вассала Турции, а фактического — Великобритании, когда же это не удалось, — чтобы были разоружены форты по кавказскому побережью. Похоронил он и османские домогательства на пересмотр границ в Закавказье ^{69а}.

В охваченном шовинизмом Альбионе Парижский мир был встречен кисло. Во время дебатов в обеих палатах парламента, общин и лордов в вилле кабинета поставили многочисленные «упущения». Граф Малмсбери обвинил правительство в том, что оно не добилось «отторжения территорий, которого мы могли бы достичь». Лидер оппозиции граф Дерби назвал мир «достойным» в отличие от «триумфального» окончания войны с Наполеоном I; ему представлялся слишком незначительным потерянный Россией кусок Бессарабии; он полагал, что на Черном море не должно остаться ни одной русской канонерки, настаивал на получении гарантий, что на николаевских верфях не будет сооружаться военных судов. Воспаленному воображению лорда Джона Маннерса представлялось, будто мир «установил политическое и военное преобладание России во всей Азии» ^{69б}. Но всякому здравому уму была очевидна разница между триумфальным вступлением союзников в Париж в 1815 г. и залечивавшей раны в Крыму англо-франко-турецкой коалицией в году 1856. Английский кабинет смирился: «Решающим фактором явилось понимание того, что больше у России можно было вырвать лишь в ходе долгой и кровавой войны, на что Франция не была согласна» ⁷⁰. Раздавались сетования по поводу «4-го пункта»: у России-де вырвали бумажное обязательство не возрождать черноморскую эскадру. Как было бы хорошо дополнить это возможностью врываться на рейды

Одессы, Севастополя, Новороссийска и пушечным огнем утверждать свою гегемонию в бассейне Черного моря! Но опять-таки военные успехи не оправдывали подобного замаху. И видный русский публицист П. А. Чихачев писал в самый год заключения мира о разоружении на Черном море: «Подобная уступка России оскорбительна для нее. Невозможно поэтому, чтобы она когда-нибудь согласилась признать это положение иначе, как временное урегулирование»⁷¹.

«Условия мира были далекими от снисходительности. Они более чем соответствовали военному успеху союзников...», — пишет К. Борн (без уточнения того, что британская армия не добилась хотя бы тени победы)⁷². Двадцать лет на Востоке царил мир. «Наиболее серьезной критике подвергается то обстоятельство, что эта длительная передышка была растрачена. Неспособность турок привести в порядок свой собственный дом являлась их ошибкой; у держав не было оснований ожидать иного результата. Обезопасив Турцию от нападения извне, они косвенным образом способствовали росту внутреннего невежества и распространению загнивания. Война и мир... отнюдь не способствовали решению ближневосточного вопроса, а просто отсрочили кризис»⁷³.

Над Ситон-Уотсоном тоже довлела кощеница о непрерывном будто бы натиске царизма на Стамбул: «Чистым итогом договора явилась остановка России в ее продвижении к Константинополю и предоставлении Турции 20 лет отсрочки для возобновления внутренних реформ»⁷⁴. Но, добавляет автор, дальше бумаги турки не пошли.

Пессимистично оценивают итоги войны авторы известной «Кембриджской истории внешней политики Великобритании»: «Турки получили еще один день милосердия; они им не воспользовались...» Им па мысль приходит следующее (книга издана в 1923 г.): «... Карта Европы показывает, что предложения о мирном разделе, сделанные царем правительству Абердина в 1853 г., в основном совпадают с теми, что были произведены после 70 лет агонии»^{74а}. Николай I выступает здесь как провидец, предлагавший Великобритании как раз то, что она получила в итоге мировой войны. Стоило ли тогда, в 50-х годах XIX века, братья за оружие!

Что касается Турции, то в приведенных выше высказываниях содержится косвенное признание важного положения, а именно: не на пользу этой стране шло насильственное удержание в составе Османской империи инациональных районов, к чему сводилась политика статус-кво. Автор данной книги вместе со своими коллегами имел возможность вы-

сказать ту мысль, что непрекращавшаяся борьба с освободительным движением приводила к отвлечению материальных и духовных ресурсов турецкого народа, к стагнации внутреннего развития, к распространению в его среде великоосманских идей и способствовала превращению Турции в добычу западноевропейского капитала ⁷⁵. Крымская война представляет наглядный пример: «победитель», Турция, вышла из нее финансово ослабленной; именно тогда был заключен первый внешний заем. Западные державы чуть не в открытую третировали своего союзника, о чем К. Маркс писал еще в 1854 г. ⁷⁶. Омера-пашу «позабыли» пригласить на военный совет в Варне, решивший вопрос о высадке в Крыму; в последний момент его информировали о принятом плане. Под Севастополем османские солдаты использовались в качестве кули. Приведенное выше высказывание: они «умирали как мухи» — достаточно ясно говорит о создавшемся положении, как и цифра турецких потерь.

Не лучше обстояло дело и на дипломатическом фронте: в венских переговорах турки не участвовали; опять-таки было «упущено из виду» предложить им высказать свои соображения при выработке условий мирного урегулирования. Не лучше обстояло дело в самом Стамбуле — здесь воцарился британский посол Ч. Стрэтфорд-Редклифф. Его резкость, нетерпимый нрав и диктаторские замашки вызывали горькие нарекания со стороны османских сановников, и однажды они, робко и частным путем, рискнули попросить об отзыве английского проконсула. Приведем своего рода уникальный отрывок из письма Кларендона от 9 марта 1855 г.: «Мусурус * сугубо доверительно передал мне жалобы Порты на ужасную тиранию Стрэтфорда и искреннюю просьбу султана и правительства — освободить их от угнетателя, который мешает им поступать так, как они считают правильным, ибо хочет приписать себе все заслуги и тем самым умаляет их в глазах народа. Конечно, я не стал все это слушать, но я верю этому и сочувствую страдальцам» ⁷⁷. От себя Кларендон, лично находившийся со Стрэтфордом в неприязненных отношениях, добавлял: «Что за чума этот человек!»

Но слова словами, а дело делом. И Стрэтфорд, как и в 1853 г., остался на своем посту, ибо олицетворял и осуществлял британскую гегемонию в Османской империи.

Некоторые современные западные авторы, солидаризуясь с Робертом Солсбери, приходят к выводу о бесполезности

* К. Мусурус — турецкий посол в Лондоне.

и бессмысленности войны. На такой позиции стоит Ф. Уорнер⁷⁸. А. Баркер заканчивает свою книгу пессимистическим абзацем: «Политические итоги войны были почти столь же неощутимы и противоречивы, как причины и цели ее породившие. Британия ничего не добилась и потеряла влияние в Европе. Россия потеряла и влияние, и престиж, и сравнение России с колоссом на глиняных ногах превратилось в банальность... Возможно, наиболее важным результатом явилось восстановление, через сорок лет, дипломатического преобладания Франции в Европе»⁷⁹. Д. Джахдд задает вопрос: «Стоило ли все это затевать? Спустя четырнадцать лет Россия денонсировала договор и отказалась от его важнейшей статьи — нейтрализации Черного моря». Дружно отмечается, что заседавшие в Париже миротворцы начисто забыли о «святых местах», демонстрируя прощаль между подлинными причинами войны и поводом, использованным для ее развязывания. Это — единственное бесспорное заключение британской историографии. Все остальные требуют критического подхода.

Да, Наполеон III не только укрепил свой трон на крови и костях ста тысяч погибших французов, но и вышел на первую позицию в Европе. Такова была оборотная сторона игры в «равновесие сил»: потеснив царизм, Сент-Джеймский кабинет способствовал выдвижению парижского выскочки.

В общем же итоге Великобритания достигла многого: не выиграв ни одной битвы, она заставила царизм отказаться от преимуществ в Османской империи, достигнутых в четырех войнах (1768—1774, 1787—1791, 1806—1812, 1828—1829 гг.) и зафиксированных в четырех договорах: Кючук-Кайнарджийском, Ясском, Бухарестском и Адрианопольском. В предыдущем очерке мы писали, что положения этих русско-турецких актов являлись единственным легальным путем, следуя которым российская дипломатия могла и собственные позиции укреплять и поддерживать национальные устремления балканских народов. Теперь этот путь был перерезан.

В Черном море Россия была лишена возможности законной самообороны. Если конвенция о Проливах заперла русский флот, то по Парижскому договору он был уничтожен — и это в условиях, когда в военное время Турция могла пропускать эскадры своих союзников через Босфор и Дарданеллы.

Всего этого оказалось британскому кабинету недостаточно. И он добился подписания особой англо-франко-австрий-

ской конвенции (15 апреля 1856 г.) . Она гласила: «Высокие договаривающиеся стороны гарантируют, совместно и порознь, независимость и целостность Османской империи, зафиксированные в Парижском договоре». «Любое нарушение положений указанного договора державы... будут считать казусом белли»⁸¹. Это был бессрочный антирусский союз трех ведущих европейских государств ради увековечения «Крымской системы», в наибольшей степени отвечавшей интересам Лондона. Не одержав ни единого успеха на поле брани, Великобритания хотела стать вечным победителем.

Российское правительство вынуждено было отказаться от правила, которого оно придерживалось более века, а именно, что русско-турецкие дела должны решаться в Петербурге и в Стамбуле, путем прямых переговоров между ними. Отныне над этими вопросами учреждался надзор европейского ареопага («гарантов»), в котором верховодила Великобритания. От России была отторгнута часть ее территории, Южная Бессарабия; страна была лишена естественного и необходимого для ее экономики выхода к Дунаю.

Ламентации английских историков объясняются не условиями Парижского мира, как такового, тягостными для проигравшей стороны, а быстрым крахом «Крымской системы», который объяснялся ее нежизнеспособностью в исторической перспективе и глубокой реакционностью. «Система» явилась высшим достижением британской политики статус-кво в Юго-Восточной Европе, неизбежно связанной с противодействием национальным движениям населявших регион народов. В ходе Крымской войны были попораны как русские, так и балканские интересы. Русско-турецкие военные действия, как всегда, послужили сигналом возбуждения на Балканах. На этот раз усилились волнения среди греков, как втиснутых в прокрустово ложе королевства, так и живших за его пределами. Мы уже упоминали, что еще по ходу «миссии Меншикова» два ее участника, адмирал Корнилов и генерал Непокойчицкий, посетили Афины⁸². Иностранные дипломаты не преминули отметить, что многие дома в столице были украшены русскими флагами. В Греции клокотало недовольство британским владычеством над Ионическими островами. Вступление русских войск в Молдавию и Валахию было воспринято как начало борьбы за воссоединение. Одна афинская газета напечатала весть об этом золотыми буквами. В Эпире и Фессалии, не вошедших по урегулированию 1830 г. в состав королевства, вспыхнуло

восстание. В Афинском университете состоялись торжественные проводы волонтеров, двинувшихся на север помогать повстанцам. Командование принял генерал Цавелас. Посланники Англии и Франции протестовали против передвижения войск, против записи добровольцев (в том числе и в русскую армию), против прорусской пропаганды⁸³. Не брезговали они услугами продажных перьев. В Англии позаботились опубликовать по-гречески особо фальсифицированную версию переговоров Николая I с Гамильтоном Сеймуром. В уста царя вложили следующее заявление: «Я скорее позволю убить последнего русского и истрочу последний рубль, чем допущу расширение Греции на Востоке». Издание снабдили введением, в котором утверждалось, что главный враг Греции — не Османская империя и уж, конечно, не Англия, а Россия. Позабыв о том, что Греция совсем недавно в высоких устах именовалась рассадником бандитизма, теперь ее именовали светочем средиземноморской цивилизации, которая не может сосуществовать с «русским варварством»⁸⁴. Брошюра не произвела желаемого впечатления — с каждой ее страницы торчали британские уши.

Исчерпав все виды демаршей и протестов, «морские державы» прибегли к силе: в мае 1854 г. в Пирее высадились французская дивизия генерала Форэ; в июле к ней на подкрепление прибыл 47-й британский пехотный полк⁸⁵; было назначено новое правительство из заведомых ставленников Лондона и Парижа. «Оккупация... внушала отвращение, — пишут отнюдь не прорусски настроенные Э. Дрио и М. Эритье. — Греки почти открыто аплодировали сопротивлению русских и молились за их победу. Что в этом удивительного? Не могли же они молиться за турок!»⁸⁶. Лишь в феврале 1857 г. грекам удалось добиться удаления незваных гостей. Да и то после них осталась «финансовая комиссия», обладавшая правом вмешательства в экономические дела страны.

На первом этапе восточного кризиса царизм и в мыслях не держал «подстрекать» балканские народы на восстание. В отсутствие каких-либо перспектив на успех в войне подобные призывы отдавали бы авантюризмом и обрекали бы тех, кто им внял, на бессмысленные жертвы. Обращения сербов, желавших поступить добровольцами в русскую армию, отклонялись консульством. Князь Александр Карагеоргиевич занял нейтральную позицию⁸⁷.

В Черногорию был послан полковник Е. Ковалевский. Он помог привести укрепления в оборонительное состояние, способствовал обучению артиллеристов. Ему же было поручено

чено отговорить черногорцев от преждевременного выступления, ссылаясь на опасность вторжения со стороны Турции и особенно Австрии. Князь Данила ограничился обращением к народу — по первому его зову двинуться на турок⁸⁸.

Не в ногу с общими настроениями на Балканах шли валахские унионисты — борцы за объединение Дунайских княжеств и образование нового государства — Румынии. Горькие воспоминания о подавлении в 1848 г. революции в Валахии, стремление освободиться от царского протектората, давние связи, культурные, идеологические и политические, с Францией — все это толкало их к западным державам.

Группа унионистов во главе с Ионом Брэтиану, будущим румынским премьер-министром, выдвинула план создания румынского легиона, заверяла Париж, что 5 млн. румын «преисполнены преданности к Франции» и ждут — не дождутся часа, чтобы сразиться с «москалями»⁸⁹. На поверку все это оказалось пустейшей фанфаронадой. Представители унионистов отправились в Османскую империю. Балканское население встретило их плохо. К. Росетти писал из Болгарии: «Купцы объаты страхом, все страдают, все жалуются на турок, на правительство и войско»⁹⁰. Не лучший прием встретили они в Сербии: «Сербы обонцлись с нами довольно плохо; могу сказать, что никто не хочет нам помочь и даже оказать гостеприимство». Не встретили их обращения отклика и в самой Валахии — там не понимали, как можно бороться за свободу в обозе злейших угнетателей — османов.

В отчете российского МИД сохранилась идиллическая картина пребывания царской армии в Молдавии и Валахии в 1853—1854 гг.: «Жители с сожалением провожали русских воинов, которые, прожив с ними долго в братском единодушии, не только не стесняли их в мирных занятиях, но, служа им верным оплотом против турок, охраняли неприкосновенность их верований, собственность и гражданские права»⁹¹. Можно и даже должно заподозрить чиновников, составлявших отчет, в пристрастии. Однако румынские, французские и английские источники, отнюдь не благосклонные к России, подтверждают факт вполне сносных и даже дружеских отношений между солдатами русской армии и местным населением. Князь Д. Гика отмечал «великолепную дисциплину (русской. — В. В.) армии и старание руководителей в возможно большей степени облегчить тяжесть оккупации для жителей»⁹². Француз Э. Реньо, выпустивший свою «Политическую и социальную историю Дунайских княжеств» в разгар войны, уверял, что румыны жалели об уходе рус-

ских, особенно после оккупации Молдавии и Валахии австрийскими и турецкими войсками, которые своими жестокостями и поборами вызвали дружную неприязнь к себе населения⁹³. Ту же точку зрения высказывал британский дипломат Г. Стенли. «Ненависть к австрийцам так велика, — доносил он Пальмерстону в октябре 1855 г., — что на русских смотрели бы как на освободителей»⁹⁴.

Неудивительно, что в подобной обстановке планы валашских унионистов были обречены на провал, и они вернулись во Францию несолоно хлебавши. Памятником провалившейся экспедиции остался документ под названием «Обращение националистов из Парижа к националистам Бухареста». «Что сделали румыны с начала войны, чтобы доказать державам, что являются врагами москалей?» — вопрошали его авторы и сами давали ответ: «Ничего». Они встретили русскую армию с крестом в руке, когда же последней пришлось отступать, «румыны не пошевельнулись, не подали ни малейшего признака жизни»⁹⁵.

На Парижском конгрессе из множества вопросов, волновавших Балканы, был поставлен лишь один — насчет объединения Дунайских княжеств и создания единой Румынии. Британская дипломатия сопротивлялась его решению упорно, но безуспешно. Демарши румынских посланцев в Лондоне — Д. Брэтиану, К. Росетти — отклика в официальных кругах не встретили. Кларенден полагал, что «султан может по своей воле установить доброе правление» в Дунайских княжествах. Единственно, что удалось румынским унионистам — так это созвать несколько митингов, способствовать появлению статей в газетах, привлечь тем самым внимание английской общественности к положению у себя на родине и обеспечить поддержку некоторых политических деятелей, включая В. Ю. Гладстона⁹⁶. Ситуация во всех прочих уголках полуострова осталась без изменения. Для населявших его народов Крымская война явилась попыткой увековечить их подчинение Османской империи. Она не имела поэтому шансов на длительное существование. Первым ударом явилось образование в 1859—1862 гг. Румынии. 60-е годы ознаменовались борьбой болгарского народа за свою национальную церковь и резким повышением этнической активности, восстанием на острове Крит, в Боснии и Герцеговине, первой попыткой балканских стран объединить свои силы в рамках союза. В этих условиях русская дипломатия обнаружила, что иными средствами, исключая военное давление, путем осторожной и взвешенной поддержки освободитель-

ных устремлений на Юго-Востоке Европы она может оказывать воздействие на развитие событий... К России продолжали устремляться взоры народов Балкан: желание положить конец «Крымской системе» побуждало правящий Петербург вернуться к традиционной политике ослабления Османской империи, помощи освободительному движению и противодействию влиянию союзников. Оказалось, что не пункты в покровительстве христианам, записанные в договорах, а реальные интересы, являются главным в формуле Россия и Балканы. Фридрих Энгельс констатировал: «... Христианское население Европейской Турции как греческое, так и славянское более, чем когда-либо, стремится сбросить с себя турецкое иго и более, чем когда-либо, видит в России своего единственного защитника»⁹⁷. В 1870—1871 гг. возглавивший министерство иностранных дел А. М. Горчаков смелой односторонней акцией добился отмены тяжелого и унижительного для нашей страны условия, запрещавшего держать флот на Черном море. В конце 70-х годов «Крымская система» рухнула в результате восстаний балканских народов и русско-турецкой войны, в которой приняли участие румыны, болгары, сербы и черногорцы.

Значит ли все это, что британские правители ничего не выиграли в результате войны 1854—1856 гг., что она явилась для них глупостью?

Ни в коем случае!

Великобритания выиграла колоссально много. Она обеспечила себе на десятилетия преобладающее политическое и экономическое влияние в Османской империи. Она подорвала позиции царизма на Балканах, сузила для него возможности маневра, заставила уничтожить Черноморский флот; она отрезала Россию от великого дунайского речного пути; она учредила верховный надзор «Европы» под собственным верховенством за всеми дальнейшими русско-турецкими трансакциями. А что означало последнее — показал Берлинский конгресс 1878 г., умаливший результаты освободительного движения на Балканах, урезавший итоги русских побед.

¹ Cecil G. Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1921, v. II, p. 123.

² Seton-Watson R. W. Britain in Europe. Cambridge, 1937, p. 359.

³ Clayton G. D. Britain and the Eastern Question. L., 1971, p. 121.

⁴ Barker A. J. The Vainglorious War 1854—1856. L., 1970, p. 24.

⁵ Ibid., p. 25.

⁶ Judd D. The Crimean War. L., 1975, p. 29, 120.

⁷ Ibid., p. 34.

- ⁸ См. гл. I, т. 2 монографии Тарле Е. В. Крымская война (Соч., М., 1959, т. 9).
- ⁹ *Judd D.* The Crimean War, p. 43.
- ¹⁰ Тарле Е. В. Крымская война, т. 1, гл. XI (Соч. М., 1959, т. 8).
- ¹¹ *Barker A. J.* The Vainglorious..., p. 89; *Judd D.* The Crimean War, p. 59.
- ¹² *Barker A. J.* The Vainglorious..., p. 173.
- ¹³ *Ibid.*, p. 193—194.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 125.
- ¹⁵ *Judd D.* The Crimean War..., p. 117.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 121.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 129.
- ¹⁸ *Barker A. J.* The Vainglorious..., p. 207—208.
- ¹⁹ *Henderson G. B.* Crimean War Diplomacy and other Historical Essays. Glasgow, 1947, p. 34—35.
- ²⁰ *Anderson O.* A Liberal State at War. N. Y., 1967, p. 191. По другим данным — даже 76 млн. фунтов: *Seton-Watson R. W.* Britain..., p. 359.
- ²¹ *Anderson O.* A Liberal..., p. 218.
- ²² *Barker A. J.* The Vainglorious..., p. 284.
- ²³ *Anderson O.* A Liberal..., p. 220.
- ²⁴ *Judd D.* The Crimean War, p. 159.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 9.
- ²⁶ *Churchill W. S.* A History of the English Speaking Peoples. L., 1958, v. 4, p. 56.
- ²⁷ *Clayton G. D.* Britain..., p. 112.
- ²⁸ *Anderson O.* A Liberal..., p. 279, 277.
- ²⁹ *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England 1836—1902. Oxford, 1970, p. 78.
- ³⁰ *Ibidem.*
- ³¹ *Seton-Watson R. W.* Britain..., p. 326.
- ³² *Guedalla Ph.* Palmerston. L., 1950, p. 315.
- ³³ *Seton-Watson R. W.* Britain..., p. 332.
- ³⁴ *Anderson O.* A Liberal..., p. 195.
- ³⁵ *Seton-Watson R. W.* Britain..., p. 327.
- ³⁶ *Бестужев И. В.* Крымская война. М., 1956; *Горев Л.* Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.
- ³⁷ *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. М., 1958.
- ³⁸ *Seton-Watson R. W.* Britain..., p. 344.
- ³⁹ АВПР, ф. Отчеты, 1854, л. 34.
- ⁴⁰ *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство..., с. 107, 106.
- ⁴¹ Тарле Е. В. Крымская война, т. 2 (Соч., т. 9, с. 277).
- ⁴² В. Гладстон — Д. Пальмерстону 22.VI 1852.— Gladstone and Palmerston Being the Correspondence of Lord Palmerston with Mr. Gladstone 1851—1856. N. Y. and L., 1928, p. 98.
- ⁴³ *Henderson G. B.* Crimean..., p. 37.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 183.
- ⁴⁵ *Ibid.*, p. 178.
- ⁴⁶ *Ibid.*, p. 78—79.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Отчеты, 1855, л. 35.
- ⁴⁸ Там же, л. 53.
- ⁴⁹ Из отчета МИД за 1855 г., л. 18.
- ⁵⁰ См. с. 276.
- ⁵¹ АВПР, ф. Отчеты, 1855, л. 20.
- ⁵² *Maxwell H.* The Life and Letters of George William Frederick Fourth Earl of Clarendon. L., 1913, v. II, p. 91.
- ⁵³ *Henderson G. B.* Crimean..., p. 82.

- 54 Maxwell H. The Life..., v. 2, p. 81.
- 55 Ibid., p. 96.
- 56 Seton-Watson R. W. Britain..., p. 359.
- 57 Maxwell H. The Life..., v. 2, p. 97.
- 58 Guedalla Ph. Palmerston, p. 337.
- 58a Maxwell H. The Life..., v. 2, p. 100—101.
- 59 Ibid., p. 102—104.
- 60 Henderson G. B. Crimean..., p. 89.
- 61 Еще 18 тысяч было подготовлено весной 1856 г. на Британских островах для посылки в Россию. См.: Barker A. J. The Vainglorious..., p. 284.
- 62 Maxwell H. The Life..., v. 2, p. 120.
- 63 Ibid., p. 115.
- 64 АВПР, ф. Отчеты, 1855, л. 14.
- 65 Maxwell H. The Life..., v. 2, p. 117. Дж. Кларендон — Дж. Пальмерстону 3.III 1856.
- 66 Ibid., p. 118.
- 67 Ibid., p. 119.
- 68 Текст Парижского трактата 1856 г. см.: Козьменко И. В. Договоры России с другими государствами 1856—1917. М., 1952; СТК, 1909, т. XV, № 523; некоторые дополнительные русские материалы см. в публикации: К истории Парижского мира 1856 г. — Красный архив, М., 1936; т. 2(75); подробный анализ — в гл. 20 второго тома «Крымской войны» (Тарле Е. В. Соч., т. 9).
- 69 Это свидетельствует Р. В. Ситон-Уотсон: Seton-Watson R. W. Britain..., p. 349.
- 69a См. гл. 20 монографии Е. В. Тарле «Крымская война».
- 69b PD, 3-rd. Ser., v. 141, col. 1973, 1987, 2007—2009, 2065.
- 70 Seton-Watson R. W. Britain..., p. 353.
- 71 Чухачев П. А. Великие державы и Восточный кризис. М., 1970, с. 70.
- 72 Bourne K. The Foreign..., p. 80.
- 73 Ibidem.
- 74 Seton-Watson R. W. Britain..., p. 352.
- 74a The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1923, v. 2, p. 357—358.
- 75 Арш Г. Л., Виноградов В. Н., Достян И. С., Наумов Е. П. Балканы в международных отношениях. — Вопр. истории, 1981, № 4, с. 40.
- 76 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 10, с. 63.
- 77 Maxwell H. The Life..., v. 2, p. 69.
- 78 Warner Ph. The Crimean War. A Reappraisal. L., 1970; Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975, с. 208.
- 79 Barker A. The Vainglorious..., p. 286.
- 80 Judd D. The Crimean War..., p. 182.
- 81 Holland T. F. The European Concert in the Eastern Question. Oxford, 1885, N 1, p. 259—260.
- 82 См. с. 247.
- 83 Driault E., l'Héritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. Paris, 1925, t. 2, p. 389.
- 84 Ibid., p. 384—385.
- 85 Ibid., p. 394.
- 86 Ibid., p. 398.
- 87 В ходе самой войны появились мысли о желательности поддержки военных усилий России со стороны сербов. — Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970. АВПР, ф. Отчеты 1855, л. 212.

- ⁸⁸ Там же, л. 218—221.
- ⁸⁹ Acte și documente relative la istoria renașterii României, v. 2, București, p. 869.
- ⁹⁰ *Netea V. C. A. Rosetti*. București, 1970, p. 217.
- ⁹¹ АВПР, ф. Отчеты 1855.
- ⁹² Acte și documente..., v. 4, p. 1026.
- ⁹³ *Regnault E.* Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes. Paris, 1855, p. 521—522.
- ⁹⁴ Revue historiques du Sud-Est européen, 1937, N 7—9, p. 233.
- ⁹⁵ *Fotino G.* Din vremea renașterii naționale. Boerii Golești. București, 1939, v. 4, p. 129.
- ⁹⁶ *Marinescu B.* Romanian-British political Relations, București, 1983, p. 64, 62, 63.
- ⁹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 637.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Британская политика на Балканах в XIX в. развивалась под знаком охраны здесь султанской власти. Доктрина статус-кво Османской империи зарождалась в необычных условиях, а именно, состояния войны между Англией и Турцией. Джордж Каннинг обосновал в начале века заинтересованность Великобритании в незыблемости владычества султана в Юго-Восточной Европе в то время, когда британская эскадра пыталась прорваться через Дарденеллы к Стамбулу и едва не погибла из-за безветрия, когда неповоротливые парусники чуть не стали жертвой турецких береговых батарей. Обстоятельства рождения доктрины приводят к мысли, что не забота о сохранении мусульманской империи сама по себе являлась ее источником. Исследователи разных направлений сходятся в мысли, что своим возникновением и развитием она обязана соперничеству с Россией. Высказывания такого рода М. Тодоровой, Дж. Клейтона и Р. Миллмена мы приводили в книге¹.

Правда, декларации о статус-кво в Юго-Восточной Европе неизменно сопровождались «словом о реформе», о превращении закосневшей в средневековой отсталости восточной монархии в европеизированное современное государство, благо как раз в первую половину XIX столетия развертывалась деятельность султанов-реформаторов Селима III и Махмуда II, а в 30-е годы появилось поколение турецких государственных деятелей во главе с Мустафой Решидом-пашой. В заботах об обновлении Турции явственно прослеживалась утилитарно-милитаристская направленность, стремление повысить боеспособность османских вооруженных сил, а заодно и прибрать их к рукам. Британские офицеры проникли в армию и на флот. Что же касается социальной структуры, экономики, образования, то, по свидетельству тщательно исследовавшего вопрос Ф. Бейли, «материальная ценность британской помощи султану-реформатору была невелика». Лондон заботился об ином — укреплении турецкой армии, определенном упорядочении финансов, необходимых для ее

содержания, что в свою очередь требовало наведения какого-то порядка в администрации. Форин оффис настаивал: «Турция нуждается не в конституционной реформе, а в немедленном упорядочении гражданской службы, армии и флота, и прежде всего финансовой администрации»². В остальном дальше благих пожеланий дело не шло.

Оборотной стороной «дружбы» с могущественной «владычией морей» и «мастерской мира» явилось проникновение в османскую экономику ее капитала. Не искушенные в широких возможностях экономического влияния отсталого феодального государства, которыми располагало развитое капиталистическое общество, турецкие реформаторы во главе с самым выдающимся из них, Решид-пашой, ставя свою подпись под англо-турецкой торговой конвенцией 1838 г., не подозревали, что вступают на скользкую дорожку, ведущую к удушению национальной промышленности, государственному долгу, установлению в стране финансовой диктатуры оттоманского по названию и англо-французского по капиталу банка, и в конечном счете — к экономической пропасти и политической кабале.

Из наполеоновских войн султанская империя вышла, состоя в ранге великой державы. В Крымскую войну она вступила как подручный своих западных опекунов, не советовавшихся с ней ни по поводу важнейших стратегических операций (таких, как высадка в Крыму), ни в связи с подготовкой мирного договора (о чем свидетельствовало отсутствие турок на переговорах в Вене). Олицетворением британского влияния в Стамбуле стал посол Чарльз Стрэтфорд-Каннинг, получивший в последние годы жизни титул виконта Рэдклиффа. Понятны злость и досада Николая I, вызванные «адской диктатурой» Стрэтфорда, «сделавшегося, кажется, всемогущим»³. Но ведь этого не оспаривали, разумеется, во внутренней, служебной и частной переписке сами англичане. Недаром министр иностранных дел лорд Дж. Кларендон считал его «подлинным султаном».

Таковы были некоторые итоги для Турции и ее народа погони за великоосманским идеалом, стремления удержать в составе государства многочисленные инациональные области, прежде всего балканские. Идеология и политика османизма иссушали страну экономически и нравственно и делали ее добычей «друзей» в лице высокоразвитых капиталистических государств.

Прогрессивные взгляды турецких реформаторов по проблемам экономики и политики не распространялись на национальный вопрос. Здесь Решид-паша и сменившие его

«новые османы» выступали с несколько обновленной программой великодержавия. В теории предполагалось, что народы будут жить под сенью полумесяца в преобразованной империи. Гюльханейский акт 1839 г. декларировал (но не обеспечил) гражданское равноправие христиан; что касается национального — то об этом речи не шло. Как «османы» христиане должны были нести ответственность за сохранение имперского единства. Освободительные движения исключались из этой схемы, а раз они происходили, правители нового, реформаторского поколения расправлялись с ними старорецковским способом, пулей и ятаганом.

Но народы хотели жить своей полнокровной национальной и социальной жизнью, а не питаться крохами со стола турецких реформаторов. Да и обещания обеспечить жизнь, честь и имущество подданных остались для балканцев мертвой буквой, хотя и выписанной красивой арабской вязью на пергамене Гюльханейского хатти-шерифа.

Неудивительно, что турецкие реформаторы не находили точек соприкосновения со своими балканскими коллегами. Вопрос стоял так: или-или. Или сохранение империи, или торжество национальных движений и возрождение государственности угнетенных народов, большинство которых находилось на значительно более высоком формационном уровне развития, чем господствовавшая турецкая народность. Несомненна антибалканская сущность политики статус-кво, продлевавшей жизнь султанской империи и связанного с этим угнетения народов Юго-Восточной Европы. Отсюда — гневная, презрительная и уничтожающая характеристика, данная ей в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса⁴.

По принятому в британской историографии мнению, английская политика первой половины XIX столетия стояла на двух китах, «безопасности и торговле»⁵. При воплощении ее в жизнь залогом безопасности считалось сохранение баланса сил в Европе и во всем мире. Противодействие сильнейшей державе континента (а таковой после победы над Наполеоном стала Россия) сопровождалось окружением ее своего рода санитарным кордоном, в чем британская дипломатия проявляла завидную и неутомимую предприимчивость. Принцип статус-кво на Балканах являлся важным проявлением попыток удержать Юго-Восточную Европу «в равновесии». Забота о торговле выражалась в погоне за колониями и открытии все новых рынков (в 20-е годы — латиноамериканских).

Встает вопрос: а не противоречило ли торговым интересам Великобритании сохранение в неприкосновенности дре-

муче отсталой Османской империи с ее натуральным по преимуществу хозяйством? Не приходил ли тут политический принцип баланса сил в столкновение с нуждами коммерции? На наш взгляд, пет. Рынок владений Порты даже в его тогдашнем состоянии был достаточно емким для поглощения растущего количества товаров «мастерской мира».

Знакомство с балканским вариантом упомянутого принципа показывает, что применялся он с известной гибкостью. «Подверстывается» ли Джордж Каннинг в общий ряд покровителей Порты? Не изменил ли сей муж, автор доктрины статус-кво, самим ее основам, оказав содействие возрождению Греции?

Нам представляется, что пет. Каннинг долго стремился найти приемлемое для Порты решение турецко-греческого конфликта, и лишь упорство греков и «русский фактор», неминуемая угроза войны с Турцией заставили его пойти на заключение Петербургского протокола от 23 марта (4 апреля) 1826 г., основного документа, определившего расстановку международных сил на заключительном этапе Восточного кризиса и способствовавшего воссозданию государственности греческого народа.

Это был зигзаг, но не отход от принципа. Сила британской дипломатии заключалась в том, что она в нужный момент отступала перед неизбежным и даже, опираясь на экономическую и морскую мощь страны, извлекала из этого выгоду. Греческий пример в этом смысле характерен. Джон Пальмерстон свидетельствовал с обезоруживающей откровенностью: «У нас не было выбора... Мы должны были или оказать содействие освобождению Греции вместе с Россией и Францией, или позволить России сделать это единолично... Если бы она без чьей-либо помощи освободила Грецию от господства Турции, разве не завоевала бы она права на вечную благодарность греков?»⁶ Иное положение сложилось в результате вмешательства Великобритании. Голоса ее политиков и коммерсантов сразу же зазвучали твердо и властно в новом королевстве; неповиновение пресекалось круто; пример тому — ничтожное само по себе «дело донна Пачифико», раздутое Пальмерстоном до размеров крупного международного конфликта, в итоге которого греческое правительство было поставлено на колени.

История Балкан знает и другие случаи, когда британские политики, больше словом, чем делом, выражали сочувствие освободительному движению — валашским революционерам в 1848 г., черногорцам и иногда болгарам после Крымской войны. Однако это были попытки нашить бла-

гопристойную заплату на разлезавшийся по всем швам османский мундир: проведение мер, поддерживаемых Лондоном, мыслилось в условиях сохранения и укрепления власти Порты на Юго-Востоке Европы.

Не раз на протяжении десятилетий, протекших между Венским конгрессом и Крымской войной, в парламенте и в печати раздавались призывы сменить клиента на Ближнем Востоке и Балканах и опираться не на прогнившую и доставлявшую столько хлопот Порту, а на молодые, энергичные, жизнеспособные государства. В разное время подобным размышлениям предавались консерватор лорд Гровенор, теоретик свободной торговли Ричард Кобден, радикал Рёбек, авторитетнейший из либералов Вильям Юарт Гладстон. В самом деле — почему бы не обеспечить прочные экономические и политические позиции в неизбежно слабых на первых порах новорожденных странах, обратив себе на пользу тягу молодой буржуазии к парламентскому режиму, не перекинуть к ним мостик?

Но ни Греция, ни какое-либо другое государственное образование не могло заменить Турцию в качестве антирусского «барьера», и не только из-за малой своей величины, но и по причине широко распространенных на Балканах симпатий к России, чувству признательности за ту большую роль, которую наша страна сыграла в деле освобождения угнетенных народов. Так, первая попытка вытеснить Россию из умов политиков и сердец сербского народа, предпринятая в тридцатые годы, закончилась провалом.

Пугал непредсказуемый по своим последствиям вопрос: а не воспользуется ли напряженной обстановкой, вызванной распадом Османской империи, Россия для того, чтобы стать твердой ногой и в новых государствах, и в Проливах, и на морских путях?

Дальше разговоров отдельных, хотя и авторитетных лиц, да и то, когда они находились не у дел, — о желательности проявить симпатию к требованиям угнетенных балканцев, не шло. В правительственных сферах мыслили устоявшимися категориями, разрушение Османской империи представлялось чреватым многими опасностями. Быстрое укрепление экономических позиций, преобладающее политическое влияние в Стамбуле вызывали в Лондоне чувство удовлетворенности; господство в громадном регионе, на который распространялись владения Порты, вполне устраивало и политиков, и многочисленных связанных с ближневосточным рынком коммерсантов и банкиров ?.

В жертву корыстным расчетам приносились народы Бал-

кан — ведь Лондон придерживался доктрины статус-кво три четверти века, а это было время могучего возрождения населявших Юго-Восточную Европу народов, время двух сербских восстаний, валашского восстания 1821 г. и революции 1848 г., греческой национально-освободительной революции 1821—1829 гг., объединения Дунайских княжеств и образования Румынии (1859—1862 гг.), многочисленных потрясений в Болгарии, Боснии и Герцеговине, увенчавшихся восстаниями 70-х годов, трех русско-турецких войн (1828—1829; 1853—1856; 1877—1878 гг.).

Доктрина базировалась на двух глубоко ошибочных постулатах: гипертрофизации мощи и агрессивности царизма; недооценке сил и возможностей освободительного движения.

Россия тех времен не была катком реакции, способным смести все на своем пути. Советская историография во всеоружии источников и классового анализа преодолела имевшуюся у М. Н. Покровского тенденцию к превращению критики русской внешней политики в «примитивное обличительство»⁸, что сказалось и в трудах, посвященных Восточному вопросу и приводило к безоговорочному оправданию западных держав: «Буржуазное общество не могло терпеть занесенного над ними кулака феодальной России»⁹. «Отрицание национально-освободительных аспектов в войнах России XVII—XIX вв. вело к неверным представлениям о международной роли России»,¹⁰ — пишет акад. А. Л. Нарочницкий.

Русско-турецкие войны второй половины XVIII—XIX в. совпали с эпохой национального пробуждения Балкан. Героический и трагический опыт восставших народов свидетельствовал, что один на один, без могучей поддержки извне справиться с османской державой они еще не могли. Потрясения, испытываемые Портой в противоборстве с Россией, расшатывали ее мощь, подрывали основы ее господства в Юго-Восточной Европе, способствовали постепенному осуществлению чаяний угнетенных. Россия играла прогрессивную роль на Балканах не по воле царизма, а вопреки ей, в результате противоречий в рамках вечно ссорившегося европейского «концерта». Каждый удар по османскому могуществу оборачивался выигрышем для населения Юго-Восточной Европы. Договоры Кючук-Кайнарджийский (1774 г.), Бухарестский (1812 г.) и особенно Адрианопольский (1829 г.) — вехи не только отечественной истории; они крупными буквами вписаны в летопись жизни сербского, румынского, греческого народов.

Все это вопреки тому, что в идеале российский двор хотел бы распространить на Балканы мрачные принципы Священного союза. Планы его формировались под воздействием многих факторов, внутренних и внешних. Истощение страны после войн с Наполеоном, неготовность армии, беспокойство за российский тыл, проявление кризиса феодально-крепостнического строя, нежелание рупить солидарность реакционных монархов, — вот что диктовало сугубую осторожность в балканской политике царизма¹¹. Итог «тихого поведения» известен — оказались подорванными не только его собственные позиции, но и затронуты некоторые важные интересы развития юга России. В конце концов в столкновении между принципами и интересами последние взяли верх.

Государственные мужи Запада в своих расчетах исходили из необоснованной и опровергнутой жизнью предпосылки, что военные и дипломатические успехи царизма в Юго-Восточной Европе автоматически и прямолинейно приводят к росту его политического влияния, игнорируя воздействия сложнейших национальных, экономических и социально-политических процессов, ареной которых стал юго-восток континента, постепенное утверждение здесь капиталистических отношений. В сложившихся условиях свержение и даже ослабление османской власти в той или иной части региона, достигавшееся с помощью русских войск и дипломатии, давало толчок историческому развитию, выводило на арену общественной жизни новые силы во главе с молодой национальной буржуазией. Прогрессивные круги Балкан, дружески относившиеся к передовой России, естественно, стояли в оппозиции к царизму; поглощенная предпринимательской деятельностью буржуазия обращала свои взоры к высокоразвитому Западу. Победы России в перспективе вели не к усилению, а к ослаблению здесь позиций царизма. Об этом прозорливо писал Ф. Энгельс¹².

Британские правящие круги этой тенденции не уловили, да и не проявляли стремления глубже разобраться в происходившем, ибо под флагом «обороны» от русского экспансионизма шло подчинение Османской империи Лондону.

В Петербурге тревожились по поводу того, что вновь возникающие на Балканах государства «не замедлили бы соперничать с нами в могуществе, цивилизации, промышленности в богатстве»¹³; официальной России было с ними не по пути. Сразу после победоносной для русского оружия войны 1828—1829 гг. секретный комитет, состоявший из влиятельнейших сановников, пришел к выводу, что «выгоды от сохранения

Оттоманской империи в Европе превышают ее невыгоды, что вследствие этого благоразумие требует предупредить ее падение»¹⁴.

Апогей курса на сотрудничество России и Турции приходится на 1833 г., когда был заключен договор в Ункяр-Искелеси. Его выгоды оказались кратковременными. Вершители русской внешней политики, и прежде всего сам царь, допустили кардинальный просчет, воображая, что отныне будут иметь дело со слабым, агонизирующим государством, тогда как пришлось вступить в схватку с сильными и напористыми соперниками во главе с Великобританией. Противоборство закончилось для них печально. В конце 30-х — 40-е годы российская дипломатия утратила в Константинополе прежде влиятельные, а порой и господствующие позиции. Порта от системы лавирования¹⁵ перешла к односторонней ориентации на Великобританию. Вступили в действие объективные факторы, противиться которым самодержавие было не в состоянии. Британский конкурент обладал финансовой, торговой и военно-морской мощью, позволявшей обеспечивать недоступное для царизма положение в экономике Османской империи; общественная и политическая система Англии создавала ей уникальное место в тогдашнем мире и являлась в глазах турецких реформаторов своего рода эталоном достижений Европы.

Бросается в глаза то обстоятельство, что одни и те же люди стояли у руководства внешней политикой России и в годы подъема влияния в Османской империи (1829—1833 гг.) и при его размывании в дальнейшем. Никаких открытых поражений ее дипломатия не понесла, но оказалась не в состоянии противодействовать новым факторам, воздействовавшим на ход международных отношений. Для многих русских современников Крымская война явилась откровением, свидетельствующим о дремучей отсталости страны, чей крепостнический строй не позволил ни вооружить, ни снарядить армию. Но еще раньше самодержавие потерпело поражение на внешнеполитической арене. «Пока Россия оставалась феодально-крепостническим государством в условиях развития капитализма в Западной Европе, она была беспомощна в разрешении важнейших проблем внешней политики»,¹⁶ — констатируют советские историки. Первопричиной являлся глубочайший кризис всего общественно-политического строя, а производным — отсутствие четкого курса, метания, непонятные на первый взгляд отступления (вроде подписания конвенции о проливах 1841 г.). Все это усугублялось существовавшей при дворе атмосферой подобо-

страстия и лести перед повелителем, когда достаточно опытные сановники, даже если думали, как политики, то действовали как царедворцы. Характерно, что человек, пользовавшийся наибольшим доверием Николая I, фельдмаршал И. Ф. Паскевич, лишь перед смертью высказал свое мнение о безнадежности и бесперспективности войны, вошедшей в историю под названием Крымской.

Политическая обстановка открывала широкий простор для маневров британской дипломатии на Востоке. Ставя свою подпись под Ункяр-Искелесийским договором, турецкие вельможи рассчитывали использовать русскую помощь для осуществления своих авантюристических планов сокрушения египетского паши и восстановления власти султана на Ближнем Востоке. Подкреплять ту самую державу, для подрыва которой было приложено столько усилий в течение столетия, превращаться в турецкого подручного Петербург не пожелал. Заверениям Николая I насчет его дружеских чувств к Порте ни в серале, ни в диване не верили; вышедшее на политическую арену поколение реформаторов относилось к самодержавию враждебно.

И действительно, «новый курс» Николая I, представляется нам, нельзя считать одним из вариантов политики статус-кво. Не успели высохнуть чернила на подписях под Ункяр-Искелесийским договором (июль 1833 г.), в котором царизм свидетельствовал свое «искреннейшее желание обеспечить существование, сохранность и полную независимость Блистательной Порты», как по Мюнхенгрецкому протоколу (сентябрь 1833 г.) Россия и Австрия предусмотрели взаимные консультации с целью достижения договоренности, если «нынешний порядок в Турции был бы все же ниспровергнут»¹⁷. И здесь же, в небольшом чешском городке Мнихово Градиште произошел знаменательный обмен репликами между царем и австрийским канцлером Меттернихом, из которого выяснилось, что первый метит в наследники «больного человека», а второй хочет быть его врачом.

Российская дипломатия тщательно остерегалась брать на себя гарантию незыблемости османской власти в Юго-Восточной Европе.хлопоты Николая I об устройстве турецкого «наследства» (визит в Англию летом 1844 г., памятные разговоры с Гамильтоном Сеймуром в январе-феврале 1852 г.) показывают, что записывать царизм в опекуны Османской империи в том смысле, в каком ими были Великобритания и Австрия, прилагавшие усилия для сохранения ее владений, нельзя. Питая преувеличенное представление о степени разложения государственного, экономического и политического

строю «слабого соседа», скептически относясь к активности турецких реформаторов, самодержавие хотело, чтобы развал султанских владений проходил под его наблюдением и привел бы к усилению его влияния на Балканах, не стремясь к прямым захватам. Об этом свидетельствовали апрельский англо-русский протокол 1826 г., июльское 1827 г. соглашение трех держав, так называемый протокол о бескорыстии, итоги войны 1828—1829 гг.

Иногда встречались рецидивы прежних завоевательных настроений (но не действий). Так, в начале 1853 г., размышляя на бумаге, царь счел «наименее плохой из всех плохих комбинаций» присоединение к России земель до Констанцы; установление независимости Болгарии и Сербии; отход побережья Адриатики и Эгейского моря к Австрии; Египта, островов Кипр и Родос — к Англии; Крита — Франции; островов Архипелага — Греции; провозглашение Стамбула вольным городом; посылку русского гарнизона в Босфор, взамен чего австрийцам предлагалось сторожить Дарданеллы¹⁸.

Николай I и сам осознал полную неосуществимость подобной утопии, и после начала войны с Турцией писал Францу-Иосифу в Вену: «...Я не желаю завоеваний, и я это торжественно объявил в моем манифесте России...»¹⁹.

О конкретных планах двора можно судить по помете царя на донесении канцлера К. В. Нессельроде от 8(20) мая 1854 г. Против слов, «если Оттоманская империя рухнет», Николай написал: «Это — единственно возможная развязка в том состоянии упадка, в который Оттоманская империя приведена англо-французским всесилием. Речь идет не только о Дунайских княжествах; все христианские области Турции по необходимости должны стать независимыми, вновь стать тем, чем они были, княжествами, христианскими государствами и, как таковые, вновь вступить в семью христианских стран Европы при гарантии свободы религии, организации, их отношений между собой и с соседями»²⁰. Царизм, конечно, метил в покровители этих новых государственных образований, деля эту функцию по необходимости с Австрией, о чем свидетельствует упомянутое письмо Францу-Иосифу: «для их существования нужен будет только наш общий протекторат»²¹.

Несмотря на явное своекорыстие подобной программы, она способствовала продвижению балканских народов к подлинной (а не в царской интерпретации) независимости, и тем самым в корне отличалась от обязательства поддерживать сохранение Османской империи «в ее настоящих

границах», зафиксированного в заключенном в том же 1854 г. англо-франко-турецком союзе.

Глубочайшим заблуждением самодержавия являлась надежда на то, что Великобританию удастся превратить в сонаследники султанского имущества. Крымская война была проиграна до того, как раздался первый выстрел: Россия оказалась в полнейшей изоляции перед лицом могущественной коалиции держав. Откровенности, в которые пустился Николай I в разговорах с Гамильтоном Сеймуром, неуклюжие маневры А. С. Меншикова в Стамбуле, занятие войсками Дунайских княжеств — все это способствовало распространению на Западе версии об агрессивных действиях царизма как единственной причине войны и создало благоприятный психологический климат для осуществления экспансионистских англо-французских планов. О быстром отказе Петербурга от своих чрезмерных претензий предпочитали молчать. На самом деле напуганный перспективой столкновения с союзом Англии, Франции и Турции царизм забил отбой уже в мае 1853 г. Потребовались большие усилия мастеров по дезинтерпретации документов, чтобы усмотреть «угрозу» независимости Порты и чуть ли не существованию Турецкого государства во фразе: султан «соизволил оценить и серьезно принять во внимание переданные через российского посла откровенные и искренние представления в пользу восточной православной церкви»²². Только это, да обещание не посягать на права христианской религии надлежало засвидетельствовать Порте в ноте на имя Меншикова.

Согласие царизма с так называемой Венской нотой знаменовало его прямое отступление от прежде занимавшихся в Османской империи позиций, ибо за соблюдением прав христиан должны были следить все великие державы; это дело из рук России передавалось судейской коллегии государств (недаром лорд Кларендон именовал их рефери), настороженно враждебно следивших за каждым шагом петербургской дипломатии на Балканах²³.

После этой уступки, казалось, забрезжила возможность предотвращения общеевропейского конфликта. Такой мирный исход не соответствовал, однако, планам «маленького Бонапарта», мечтавшего укрепить трон с помощью реванша за 1812 г., и лондонских правителей, не желавших упускать уникальный случай для вытеснения России с Балкан и Ближнего Востока, утверждения в громадном регионе своего преобладания и серьезного ущемления государственных интересов России в Черном море.

В англо-русском противоборстве на Балканах в первой

половине XIX в. выпукло и четко выступает различие между замыслами царизма, с одной стороны, и объективными итогами русской политики, с другой. Кто ныне вспоминает о льстивых речах дипломатов-царедворцев, обращенных к Николаю I²⁴. Они канули в реку забвения. А реальные деяния России — существенная помощь в освобождении греческого, сербского, румынского народов, в становлении их государственности — живут в веках. Что касается Великобритании, то никакого различия между планами и результатами нет; курс на сохранение османских владений означал попытку воспрепятствовать балканским народам выйти на широкую дорогу исторического прогресса, стремление удержать их в колее зависимости от отсталого и прогнившего военно-феодалного режима.

Ахиллесовой пятой этой политики являлась ее полная историческая бесперспективность. «Крымская система», главным архитектором которой была Великобритания, стала разваливаться с первых дней своего существования, подтачиваемая освободительным движением балканских народов и действиями российской дипломатии. В 1859 г. возникло объединенное Румынское государство; в 1867 г. туркам пришлось согласиться с уничтожением их крепостей в Сербии; в 1870 г. А. М. Горчаков решительной акцией добился отмены тяжелого для России условия — запрещения держать флот на Черном море. В 1875—1878 гг. вся «система» рухнула в огне восстаний в Боснии, Герцеговине и Болгарии и русско-турецкой войны.

¹ См. с. 14—15.

² *Bailey F. E.* British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge (USA), 1942, p. 167, 139.

³ *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1913, т. II, ч. 1, с. 547.

⁴ См. с. 120—280.

⁵ *Chamberlain M. E.* British Foreign Policy in the Age of Palmerston, 1980, p. 1, 2, 8.

⁶ *Opinions and Policy of... H.J. Palmerston as Minister. Diplomatist and Statesman.* L., 1852, p. 219—220.

⁷ См. очерк шестой.

⁸ Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981, с. 4.

⁹ *Покровский М. Н.* Крымская война (отд. от.), с. 121.

¹⁰ Итоги и задачи..., с. 4.

¹¹ Международные отношения на Балканах 1815—1830. М., 1983, гл. 3, 4. Заключение.

¹² См. с. 120.

¹³ *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 205, 219

¹⁴ См. с. 118.

¹⁵ См. очерк пятый.

- ¹⁶ Основные проблемы балканистики в СССР — В кн.: Балканские исследования. М, 1979, вып. 5, с. 56.
¹⁷ См. с. 160.
¹⁸ Зайончковский А. М. Восточная война... СПб., 1909, т. I, с. 380.
¹⁹ Там же, т. II, ч. I. СПб., 1913, с. 547.
²⁰ ЦГАДА, ф. 1292, оп. 1, д. 6, л. 68.
²¹ Зайончковский А. М. Восточная война..., т. II, ч. 2, с. 548.
²² См. с. 259.
²³ См. с. 265.
²⁴ См. с. 120.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России
ВИ — Вопросы истории
ВПР — Внешняя политика России XIX — начала XX в.
НИИ — Новая и новейшая история
Сб. РИО — Сборник русского исторического общества
СТК — Собрание трактатов и конвенций, заключенных
Россиею с иностранными державами
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
PD — Parliamentary Debates (House of Commons — HC, House of
Lords — HL)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул-Меджид 178, 191, 257
 Абердин Дж. Г. 41, 92—94, 99, 100—104, 112—117, 121, 221, 234—236, 241, 242, 245, 247, 249, 250, 252, 254, 261, 264, 265, 267, 269, 272, 275, 293, 296, 307
 Авджиоглу Д. 187
 Агриколо К. М. 253
 Акиф-эфенди 161
 Александр I 7, 17, 20, 21, 25, 30, 35—39, 42, 53, 54, 56, 61, 64
 Александр II, великий князь Александр Николаевич 146, 196, 302
 Александр Карагеоргиевич 311
 Александри В. 215
 Алексей Михайлович, царь 282
 Али-паша Янинский (Тепселена) 178, 219
 Алисон 259
 Альберт, супруг королевы Виктории 222, 268, 300
 Андерсон О. 295
 Аракчеев А. А. 38
 Аргайл 180
 Аркрайт Р. 138
 Арш Г. Л. 37
 Аттвуд Т. 159
 Аффиф-бей 238
- Байрон Дж. Г. 12, 17, 39, 41
 Баркер А. 309
 Беджот 36, 37
 Бедфорд 41
 Бейли Ф. Е. 162, 180, 181, 318
 Бенедетти 248
 Бенкендорф А. X. 129
 Бентам И. 12, 41
 Бестужев И. В. 297
 Бирн Л. 243, 254
 Блэкайр Е. 73
 Бонапарты 236, 237, 239, 296, 301, 304, 328
 Борн К. 197, 297, 307
 Брайт Дж. 263
 Бруннов Ф. И. 146, 196, 197, 200—205, 209, 211—213, 215, 217, 233, 235, 236, 239—241, 246, 252—255, 264, 274—276, 304
 Брэттиану Д. 216, 313
 Брэттиану И. 312
 Буллер Г. Л. 185, 192, 202, 211
 Буоль Ф. 262, 271
 Бурбоны 22, 98, 126
 Буркнез 202, 304
 Бутенев А. П. 148, 151, 157, 163, 168, 170, 185, 187, 193, 230
- Вайз 219, 221
 Вакалопулос А. 112
 Валевская М. 304
 Валевский А. 274, 303, 304
 Вебстер Ч. 7, 11, 18, 19, 29, 33, 34, 38, 43, 44, 52, 125, 140, 152, 155, 165, 197, 199, 208, 211
 Веллингтон А. 22, 51, 55, 66—72, 75, 76, 86, 88, 91—95, 97, 99, 100, 103, 104, 112—115, 121, 139, 141, 144, 289
 Виктория 140, 222, 241, 268, 271, 295, 301
 Вилдель Ж. Б. 77
 Вильгельм I 150
 Вильгельм (Вильям) IV 129, 149
 Винчелси 98
 Владимиреску Т. 15, 32, 42, 141, 119
 Вогоридес Ст. 165
 Воронцов М. С. 164
 Воронцов С. Р. 9
- Габсбурги 14, 121, 153, 247, 262
 Гамелен 275
 Гамильтон А. 40
 Гамильтон 41
 Гейден 79
 Гендерсон Г. 263, 297, 299
 Гевтц Ф. 14
 Георг II 20
 Георг IV (до 1820 г.—принц-регент Великобритании) 20, 35, 51, 78, 79, 88, 89, 97
 Георгиев В. А. 196—198, 200
 Герберт С. 270
 Геррей А. 217
 Гизо Ф. 208, 211
 Гика Д. 312
 Гика И. 215
 Гильомино А. Ш. 80, 94, 99, 100, 102, 109, 115, 116
 Гладстон В. Ю. 49, 223, 296, 299, 313, 322
 Глоссер 41
 Годерич Ф.-Д. 79
 Голицын А. Н. 117
 Головкин Ю. А. 38
 Гордон Р. 99, 100, 102—104, 109, 115, 116, 213
 Горев Л. 297
 Горчаков А. М. 298, 299, 302, 314, 329
 Горчаков М. Д. 260, 270, 302
 Горянов С. С. 133, 297
 Грант Э. 215
 Грей Ч. 131, 144, 147, 148, 150, 158
 Грей 279, 281
 Гриффит Д. 290

- Гровенор 40, 41, 322
Грэхем Дж. 249, 267
- Дадли 78, 79, 88, 89
Дандес 248, 249, 269, 274
Данила Петрович 311
Дарем Дж. 138, 163
Дашков Д. В. 117, 118
Дебидур А. 69
Дерби Э. (отец) 237
Дерби Э. (сын) см. Стенли Э.
Десаж 202
Джадд Д. 297, 309
Дибич И. И. 99, 100, 102, 103, 108,
109, 112, 116, 121
Дизразли Б. 49, 216
Долгорукий В. А. 168
Достян И. С. 27, 37
Дранов Б. А. 196
Дринкуотер Ч. 164
Дрио Э. 219, 311
Друэн де Льюис 249, 265, 274
Дулина Н. А. 165, 186
- Екатерина II 242
Елавич Б. 77
- Жомини А. Г. 127, 296
- Зайончковский А. М. 240, 275, 296
Зографос 224
- Ибрагим-паша 61, 63, 73, 90, 136,
148—153, 158, 191, 202, 210
Инджикян О. Т. 186
Ипсиланти А. 31, 32, 42
- Кавур К. Б. 294
Каннинг Дж. 8—10, 22, 24, 25, 44,
45, 49—66, 69, 72—79, 131, 201, 321
Каннинг (Стрэтфорд-Каннинг) Ч. см.
Стрэтфорд-Каннинг Ч.
Канробер Ф. 292
Каподистрия А. 142, 143
Каподистрия И. А. 13, 27, 32, 37, 39,
42, 62, 63, 74, 76, 91, 93, 114, 119,
141—143
Караджа И. 14
Кардиган 221, 290, 292
Карл X 121, 129
Карл XII 298
Каслри (Лондондерри) Р. 10, 12, 17—
24, 26, 33—38, 40, 41, 43—45, 49,
51, 54, 56
Каудор Э. 205
Каули 248, 249, 292, 304, 306
Кембридж 290, 292
Кемпбелл 150
Киняпина Н. С. 53, 196
Киселев Н. М. 195, 237, 253, 276
Киселев П. Д. 123, 152
Кларендон (Вильерс) Дж. 134, 206,
207, 209, 231, 247, 249—252, 259—
261, 263—265, 267—274, 277, 279,
281, 292, 296, 298, 301, 303—306,
308, 313
Клейтон Дж. 9, 12, 15, 133, 135, 197,
211, 289, 295, 297, 318
Кларикард 197, 213, 277
Кобден Р. 137, 138, 180, 216, 263, 264
Ковалевский Е. П. 311
Кодрингтон Э. 79
Коймен О. 185
Колетис И. 43, 219
- Колкхун Р. 215, 216
Колокотронис Т. 73, 143, 144, 146
Константин Павлович, великий князь
139
Корнилов В. А. 247, 310
Корф М. А. 214
Кохрейн 73
Кочубей В. П. 117
Кроуфорд Г. 164
Кымпиняну И. 214
- Лавалетт 238
Лазарев М. П. 151, 218
Лайонс Э. 163, 218, 219
Лакур де 253, 257, 267, 269
Ландос 220
Лейнинген 296
Лейрд Г. 263
Лем Ф. 166, 168, 206
Ленч С. 134
Леопольд Саксен-Кобургский 166, 168,
206
Ли Дж. 72
Ливен Д. X. 51, 64, 208
Ливен X. А. 11, 34, 36, 42, 57, 59,
60, 61, 64—66, 70, 76, 78, 88, 91—94,
97—103, 113—117, 120, 129, 130,
141, 143, 145, 147, 149, 153, 159,
208
Ливерпуль (Дженкинсон) Р. Б. 11,
26, 40, 50, 78
Лойола И. 303
Лондондерри 263
Луиза, испанская инфанта 236
Луи-Наполеон (Наполеон III) Бона-
парт 236, 237, 246, 252, 274, 276,
281, 296, 301, 302, 304, 309
Луи-Филипп Орлеанский 77, 126, 130,
132, 202, 211, 236
Лукас 293
Лурютис А. 41, 56, 61, 62
Людвиг I 145
Людвиг XVIII 25
Льюис Д. 268
- Маврогени И. 148, 149
Маврокордатос 63
Магеру Г. 215
Магомет 179
Макиавелли Н. 30
Макдональд Дж. 99
Макинтош А. 163
Макинтош Дж. 99
Максвелл Дж. 297
Малмсбери 306
Маннерс Дж. 306
Маркс К. 15, 123, 131, 184, 314, 320
Марriot Дж. 10
Мартенс Ф. Ф. 118, 126, 221, 241, 297
Магшевич А. А. 88, 93, 99—103, 113,
130, 145
Махмуд II 28, 60, 68, 109, 152, 157,
164, 178, 181, 185, 191, 193, 318
Мезон 90, 91, 142, 143
Мейендорф 246
Мелбурн В. 139, 193, 203, 206, 209
Меншиков А. С. 243—251, 253—261,
265, 271, 273, 277, 279, 292, 302,
305, 310, 328
Меттерних К. 14, 17, 21, 31, 33, 35,
36, 38, 42, 43, 51, 54, 60, 64, 68, 76,
77, 98, 116, 121, 127, 128, 161, 189,
193, 201, 211, 219

Мехмед-Али-паша 60, 131, 136, 148—
151, 153, 156, 157, 164, 165, 177, 178,
185—189
Миллмен Р. 14, 318
Милош Обренович 167—171
Минто 205
Минчаки М. Я. 67
Мияшле 277
Молден Э. 128, 129
Мольтке Г. 191, 199
Монпансье 236
Мортемар 94
Муравьев Н. Н. 150—152
Мустафа-паша Бушати 178
Мусурс К. 308
Мэйтланд Т. 33

Намык-паша 148, 149, 165
Наполеон I Бонапарт 7, 10, 19, 20,
55, 208, 237, 298, 304, 324
Наполсон III Бонапарт см. Луи-На-
полеон
Нарочницкий А. Я. 323
Нейман 153, 197, 205
Нельсон Х. 79, 223, 295
Немурский, герцог 61, 66
Непокойчицкий 247, 310
Нессельроде К. В. 32, 57—60, 67—70,
75, 78, 93—96, 104, 117—119, 121,
126—128, 141—145, 149, 153—158,
162, 169, 193—195, 197, 198, 200,
208, 212, 213, 217, 221, 232—237,
239—241, 243—244, 246, 249, 250,
255, 256, 259—262, 264, 268, 269,
275—278, 302
Николай I 66, 67, 69, 74, 80, 109, 113,
116—118, 120, 121, 126—131, 147,
150, 160, 168, 189, 193, 194, 196,
197, 200, 205, 208, 210, 213, 214,
217, 224, 230, 231, 233, 234, 236,
241—243, 247, 262, 263, 270, 271,
276, 279, 281, 291, 302, 307, 311,
319, 326—328
Новичев А. Д. 196
Новосильцев Н. Н. 7
Нури-паша 188, 210
Нэпир Ч. 211

Обренович 170
Озеров 254
Омер-паша 246, 247, 270, 308
Опик 232
Орландос И. 56, 61, 62
Орлов А. Г. 5
Орлов А. Ф. 152, 154—157, 196, 243,
276, 304—306
Осборн Б. 222
Осман-паша 273
Османы 136, 158, 189
Оттон I 145, 146, 218

Павел I 134
Павлович Ст. 167, 170
Пальмерстон Дж. 49, 99, 121, 122,
131—135, 137, 139, 140, 144, 145,
148—150, 152—154, 157—159, 161—
164, 167—170, 180, 187, 189, 192—
195, 199, 201—203, 205—219, 221—
224, 249, 252, 261, 264, 268, 272,
293, 295—298, 301, 303—305, 321
Паркер У. 217, 218, 220, 221
Паскевич И. Ф. 99, 102, 210, 214, 243,
275, 326

Патридж 223
Пачифико Д. 219—221, 223, 321
Пейджет Дж. 290
Пелисье 302
Пенсон Я. 22
Персины 304
Пертев-паша 108
Петри Ч. 56
Пизани Ст. 253
Пий IX 232
Пиль Р. 135, 139, 213, 233, 234
Питт В. (младший) 6, 7, 49
Планта Дж. 31, 33
Покровский М. Н. 323
Полиньяк Ж. 78, 79, 89, 91, 94, 104,
121
Понсонби Дж. 126, 138—140, 152,
159, 163—166, 168, 169, 181, 187,
204, 207
Потемкин Г. А. 138
Поццо ди Борго К. О. 64, 98, 130, 139,
195, 196
Прокш-Остен 194, 303
Пути-Малькольм 91
Пушкин А. С. 21, 32, 228
Пюриер В. 12, 132, 162

Раглан Ф. Дж. 290, 293, 295
Радецкий И. 116
Рассел В. Р. 293
Рассел Дж. 242, 243, 248—250, 268,
273, 302
Ребек 222, 322
Редклифф Ч. см. Стрэтфорд-Каннинг Ч.
Реньо Э. 312
Решид-паша 99
Решид-паша Кутахья 61, 73
Решид-паша Мустафа 29, 165, 168,
177, 178, 180, 185, 187, 189, 217,
244, 258, 259
Рибоьер А. И. 59, 80, 94
Риго Р. 25
Рикардо Д. 12, 41
Рикман 143
Рикорд П. 90, 142
Риньи 79, 92
Рифаат-паша 247, 248, 253
Романовы 153, 196
Ронси 143
Росетти К. 215, 312, 313
Рот 102, 104
Ротшильд Ж. 98
Ротшильд Н. 98
Роуз В. 164
Роуз 247, 249, 250
Роунби 290
Румянцев П. А. 13
Руссен 140, 151, 152, 159

Сеймур Г. 241, 242, 246, 256, 262,
265, 277, 311, 326, 328
Селим III 28, 68, 318
Сент-Арно А. 292
Сенявин Д. Н. 6, 9
Ситон-Уотсон Р. 12, 121, 125, 212, 289,
296, 297, 307
Слейд А. 108, 163, 273
Соловьев С. М. 33
Солсбери Р. 289, 308
София-Мария Гессенская, великая кня-
гиня Мария Александровна 196
Спенсер Э. 164
Спиридов Г. А. 6
Стенли Г. 312

- Стенли (Дерби-младший) Э. 219, 221
 Стопфорд 187, 203, 218
 Строганов Г. А. 27, 29, 30, 32, 33, 37
 Стрэнфорд П. К. 33, 34, 42, 55—57,
 59, 62, 67
 Стрэтфорд-Каннинг (Редклифф) Ч. 49,
 53, 60, 62, 63, 68, 70, 71, 79, 80, 94,
 99, 143, 147, 153, 181, 215, 217, 231,
 235, 245, 250—259, 261, 267, 269,
 274, 281, 308, 319
 Суворов А. В. 13, 138
 Сулыт Н. 194
 Талейран-Перигор Ш. 131, 153
 Тарле Е. В. 9, 50, 51, 196, 199, 281,
 297
 Татищев Д. П. 42, 43, 57, 60, 98
 Татищев С. С. 126, 146, 160, 230, 296
 Тейлор А. Дж. П. 297, 298
 Темперлей Г. 6, 22, 71, 72, 125, 132,
 135, 140, 157, 162, 163, 180, 235,
 270, 274, 297
 Теннисон А. 292
 Тодорова М. 14, 180, 318
 Толстой П. А. 117
 Трайков В. 5
 Трикупис С. 63, 146
 Тувенель Э. 303
 Тьер А. 208, 211
 Уатт Дж. 138
 Уилборс 40
 Уокер 191
 Уорнер Ф. 308
 Уркарт Д. 138—140, 163, 166, 180, 181
 Ушаков. Ф. Ф. 6
 Фавье К. 73
 Фадеев А. В. 37, 53
 Февзи Ахмед-паша 191
 Фердинанд Бурбон 21
 Фикельмон К. 126, 127, 129
 Фокс Ч. 8
 Фонтон 201
 Форе 311
 Франц I 130, 160
 Франц-Иосиф 247, 270, 276
 Фридрих-Вильгельм III 130
 Фридрих-Вильгельм IV 250, 270
 Фридрих, принц Нидерландов 145
 Фуад-эфенди 247
 Халики-паша 281
 Хатчинсон 39
 Хафиз-паша 191
 Ходжес Дж. 166—170
 Холланд 148, 209
 Хусрев-паша 192
 Цавелас 310
 Чарторыйский А. 7
 Чернышев А. И. 117
 Черч Р. 73, 218
 Черчилль 166
 Черчилль У. 17, 199, 295
 Чихачев П. А. 307
 Шатобриан Ф. Р. 38
 Шелли П. Б. 39
 Шермет В. И. 184
 Шефтсбери 206
 Шильдер Н. К. 43
 Шнаро О. Б. 53, 54
 Штакельберг Г. О. 56
 Энгельс Ф. 15, 112, 120, 314, 320
 Эристе М. 219, 311
 Эрскин 41
 Эстерхази П. А. 41, 203, 205
 Яков I Стюарт 20, 49

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.
РОЖДЕНИЕ ДОКТРИНЫ СТАТУС-КВО
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

3

Очерк первый
МАНЕВРЫ ЛОРДА КАСЛРИ НА БАЛКАНАХ

17

Очерк второй
ДЖОРДЖ КАННИНГ, РОССИЯ
И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРЕЦИИ

49

Очерк третий
ЭТОТ СТРАННЫЙ АНГЛО-РУССКИЙ СОЮЗ

87

Очерк четвертый
АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИР 1829 г. :
РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ
И СУД ИСТОРИИ

108

Очерк пятый
ДЖОН ПАЛЬМЕРСТОН ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

125

Очерк шестой
ДЕЛА ТОРГОВЫЕ

177

Очерк седьмой
РОССИЯ ЗАПЕРТА В ЧЕРНОМ МОРЕ.
ГРЕЦИЯ УСМИРЕНА

191

335

Очерк восьмой
**«СВЯТЫЕ МЕСТА» И ЗЕМНЫЕ ДЕЛА,
ИЛИ АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ПЕРЕД И В НАЧАЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

228

Очерк девятый
**ЯВЛЯЛАСЬ ЛИ КРЫМСКАЯ ВОЙНА
ДЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
«ЗАСЛУЖИВАЮЩЕЙ СОЖАЛЕНИЯ ГЛУПОСТЬЮ»?**

289

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

318

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

330

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

331

Владилей Николаевич Виноградов
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И БАЛКАНЫ:
ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*. Художник *К. П. Яриков*
Художественный редактор *Н. А. Фильчагина*. Технический редактор
Т. А. Калинина. Корректоры *В. А. Алешкина, Ф. А. Дебабов*

ИБ № 29443

Сдано в набор 27.09.84. Подписано к печати 09.01.85. Т-05001. Формат 84×108^{1/2}
Бумага книжно-журнальная. Импортная
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 17,64 Усл. кр. отт. 17,64 Уч.-изд. л. 21,3 Тираж 3300 экз.
Тип. зак. 3691. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Набрано в МПО «Первая Образцовая типография» Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 113054, Москва, Л-54, Валовая, 28

Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99,
Шубинский пер., 6. Зак. 1426

В. Н. Виноградов • ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И БАЛКАНЫ